

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84

2

Москва
2024

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84 № 2

Апрель—Май—Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсон* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Экстер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *[Л.С. Баюн]* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 84 Issue 2

April–May–June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2024

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint-Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter),
Prof. *Alain Bresson* (Chicago), Prof. *François de Callataÿ* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton),
Prof. *Dominique Charpin* (Paris), Prof. *Peter Funke* (Münster),
Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),
Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint-Petersburg), Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk),
Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow), Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin),
Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona), Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia),
Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm), Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London),
Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepanov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

ПОСВЯЩЕНИЕ Г.М. БОНГАРД-ЛЕВИНУ

В конце 2023 г. Российская ассоциация антиковедов и Институт всеобщей истории РАН провели конференцию, посвященную 90-летию выдающегося российско-го специалиста по древности, академика РАН, Академии надписей и изящной словесности (Институт Франции) и Королевской шведской академии словесности, истории и древностей Григория Максимовича Бонгард-Левина. Доклады, прочитанные во время этой конференции, легли в основу статей, опубликованных в этом номере, который мы посвящаем его памяти. Здесь же публикуется отчет о конференции.

Тематика докладов, представленных на конференции, отражает широту научных интересов Григория Максимовича. Конечно, он был в первую очередь специалистом по истории и культуре древней Индии: обе его диссертации и многочисленные публикации были посвяще-

ны Индии эпохи Маурьев. Немало занимался он и историей и культурой Центральной Азии, прежде всего центральноазиатским буддизмом. Античность тоже входила в круг интересов Г.М. Бонгард-Левина — сначала это был интерес к контактам между индийской и античной цивилизациями, включая их отражение в античной традиции, затем этот интерес расширился на проблему контактов между античной и восточными цивилизациями в целом. Недаром Григорий Максимович на протяжении десяти лет возглавлял Российскую ассоциацию антиковедов. Он также сыграл немалую роль в развитии археологических исследований — в частности, стоял у истоков организации Фанагорийской экспедиции в ее современном виде. Наконец, последние два десятилетия своей научной работы Григорий Максимович в значительной мере посвятил изучению русской науки и культуры первой половины XX в., в особенности тех ее деятелей, которые были вынуждены отправиться в эмиграцию в 1917 г. и чьи имена были под запретом в советское время. Так, в значительной мере его усилиями в Россию вернулись труды М.И. Ростовцева.

История нашего журнала тесно связана с именем Г.М. Бонгард-Левина: последние двадцать лет своей жизни он был главным редактором «Вестника древней истории», при нем журнал стал одновременно и междисциплинарным, и международным. Посвящая этот номер Григорию Максимовичу, мы отдаем дань благодарной памяти этому крупному ученому и обаятельному и жизнелюбивому человеку.

DOI: 10.31857/S0321039124020011

НАДПИСИ НА КОЛОННЕ ГЕЛИОДОРА

А. А. Вигасин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

ORCID: 0009-0005-2166-795X

Статья посвящена разбору пракритских надписей на колонне Гаруды в Беснагаре (древней Видише). Речь идет об идентификации царя Бхагабхадры, правителя династии Шунга, к которому был послан из Таксилы посол от царя Антиалкида. На основании сведений пуран можно установить хронологию правлений Бхагабхадры и Антиалкида. Исходя из внешнеполитической обстановки этого времени, в статье делаются предположения о возможных целях визита Гелиодора в Видишу. Надписи на колонне Гаруды — одно из первых свидетельств культа Кришны-Васудевы как Господа (Бхагавана). По мнению автора статьи, стихотворная надпись, помещенная на колонне, проливает свет на раннюю историю таких дидактических фрагментов «Махабхараты», как «Бхагавадгита» и «Санатсуджатапарва».

Ключевые слова: Шунги, Антиалкид, греко-индийские связи, бхагаватизм, «Махабхарата»

INSCRIPTIONS ON THE PILLAR OF HELIODOROS

Alexey A. Vigasin

Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the Prakrit inscriptions on the Garuda pillar in Besnagar (ancient Vidisha). The author attempts to identify king Bhagabhadra from Shunga dynasty, to whom the Greek Heliodoros was sent as an ambassador by Antialkidas, the ruler of Taxila. The information contained in the Puranas enables us to establish the chronology of the reign of Bhagabhadra and Antialkidas. It is also possible to make assumptions on the political purposes of this diplomatic mission. The inscriptions on the Garuda pillar are one of the first pieces of evidence for the cult of Krishna-Vasudeva as the Supreme Lord (Bhagavan).

The verse on the pillar sheds light on the early history of such didactic portions of the Mahabharata, as the Bhagavad-gita and the Sanatsujata-parvan.

Keywords: Shunga dynasty, Antialkidas, Graeco-Indian diplomatic contacts, Bhagavatism, Mahabharata

В 1874–1875 гг. археолог Александр Каннингэм обнаружил каменную колонну в Беснагаре, у места слияния рек Бетва и Халали (около 60 км от г. Бхопала, Мадхья Прадеш, 11 км от Санчи). Надписи на колонне, прочитанные в начале XX в., привлекают внимание специалистов по политической и религиозной истории Индии. Это один из важнейших эпиграфических источников по истории греко-индийских отношений в эллинистический период.

Надпись на колонне в Беснагаре гласит:

[de]vadevasa v[ā][sude]vasa garuḍadhvajе ayam kārīt[e] i[a] heliodoreṇa bhāgavatena diyasa putreṇa ta[khkha]silākena yonadūtena āgatenā mahārājasa aṃtalikitasa upa[m]tā sakāsaṃ raño kāsīput[r]asa bhāgabhadrasa trātārasa vasena ca[tu]dasena rājena vadhamānasa.

Эту колонну Гаруды бога богов Васудевы воздвиг здесь таксилец Гелиодор, сын Диона, бхагават, греческий посол, прибывший от махараджи Антиалкида к царю Бхагабхадре, сыну Каси, Спасителю, на четырнадцатом году его славного правления.

Там, где стоит современная деревня Беснагар, в древности находился город Видиша. В палийских текстах (Дипавамса VI. 15; Махавамса XIII. 9; Самантапасадика 70) содержится легенда о том, что сын Биндусары Ашока (будущий знаменитый царь, а тогда наместник западного края) по пути в свою резиденцию в Уджаини остановился в городе Ведисса (*Vedissānagara*). Он взял в жены дочь местного купца, и от этого брака родился Махинда, которому было суждено принести Учение Будды на Ланку. Возле города протекала одноименная река (Ведиса, совр. Бетва, прежде носившая название Бес) и возвышалась гора Ведиса (*Vedisagiri*).

Топоним Беснагар, видимо, сохраняет свое древнее наименование, хотя сейчас Видишей называют находящуюся неподалеку Бхилсу. Санскритское *Vidiśā*, пра-критское *Vedisa*, палийское *Vedissā-nagara* превратилось в *Bes-nagar* (*nagar* — «город»). Правда, зубной согласный, как правило, не выпадает в интервокальном положении, однако такие случаи встречаются. Р. Пишель¹ приводит в качестве примера *duggāvī* = *durgādevī* со ссылкой на Хемачандру (I. 270: *durgādevī* — *duggā-evī* — *duggā-vī*). Судя по тому, что уже во времена Буддхагхоши и «Махавамсы» (V в.) речь шла о Вессагири (на Ланке), эта фонетическая трансформация произошла очень рано.

Основанный царем Ланки Деванампийатиссой и освященный Махиндой монастырь Вессагири (Махавамса XX. 15) был назван, конечно, в честь того монастыря, который находился на родине матери Махинды. Однако палийские хроники (Махавамса XX. 15) трактуют *vessa* как *vaiśya* и объясняют название тем, что

¹ Pischel 1981, § 149.

первые монахи были из варны вайшьев. Основываясь на этой этимологии, иногда утверждают², будто Видиша в древности имела второе название — Вайшьянагара. Ассоциация Видиши с вайшьями-торговцами не случайна: город стоял на важных торговых путях. Процветало и городское ремесло: в одной из надписей³ говорится о резчиках по слоновой кости (*daṃtakāra*) из Видиши. Местные мастера активно участвовали в создании и украшении знаменитой ступы в Санчи (Санчи, древняя *Kākanāda*, расположена в нескольких километрах от Видиши-Беснагара).

Сохранилось немало надписей о буддистах из Видиши, совершавших религиозные дарения. Вероятно, Шунги покровительствовали буддизму — иначе трудно было бы объяснить создание грандиозного комплекса ступы в Санчи в непосредственной близости от резиденции правителя. Правда, составитель «Ашокаваданы»⁴ называет Пушьямитру гонителем буддийских монахов, но верить ему нельзя. Он настолько плохо ориентируется в событиях прошлого, что рассматривает Пушьямитру как одного из поздних Маурьев, сочиняя соответствующую родословную.

Согласно драме Калидасы «Малявика и Агнимитра»⁵, Видиша являлась резиденцией Агнимитры, сына верховного правителя Пушпамитры⁶. Лица эти — исторические. Полководец (*senānī*, *senāpati*) Пушьямитра сверг с престола последнего из Маурьев и стал основателем династии Шунга⁷. Так как коронация Чандрагупты состоялась в 313 г. до н.э., а пураны единодушно говорят, что государство Маурьев просуществовало 137 лет, произошло это в 176 г. до н.э. В пуранах говорится, что правили Шунги в течение 112 лет, то есть примерно до 64 г. до н.э. (хотя сумма указанных здесь же сроков правления отдельных царей на несколько лет больше). Агнимитра, старший сын и наследник Пушьямитры, при жизни отца управлял южными областями державы (как при Биндусаре Ашока Маурья был наместником Уджаини). Если верить Калидасе, в это время произошли военные конфликты с соседней Видарбхой, а также с яванами (греко-бактрийцами). Так как на битву с яванами в качестве военачальника был отправлен сын Агнимитры Васумитра, речь может идти о событиях последних лет правления Пушьямитры.

Трудно полностью доверять такому источнику, как санскритская драма, однако в этом повествовании нет ничего неправдоподобного. По сообщению пуран, Пушьямитра правил очень долго — 36 лет. И мы из античных источников знаем о походах в Индию греко-бактрийских царей в середине II в. до н.э. Во времена, о которых рассказывает Калидаса, столицей государства Шунгов была Паталипутра (так же, как у Маурьев). Возможно, в результате разрушительных войн середины II в. до н.э. Шунги потеряли области в бассейне Ганга, и царской

² Law 1979, 35.

³ Lüders 1984, no. 345.

⁴ Mukhopadhyaya 1963, 133.

⁵ Devadhar 1999, 157.

⁶ Правильной формой имени является Пушьямитра — как в надписи Дханадевы из Айодхьи (Sirkar 1991, no. 9).

⁷ Pargiter 1975, 31. Пушьямитра сохранил звание «полководец» в качестве почетного титула и после коронации.

резиденцией стала Видиша. Только так можно объяснить появление там греческого посла⁸.

В династийных списках пуран не встречается имя царя Бхагабхадры, о котором сказано в надписи. В историографии⁹ его часто отождествляют с пятым правителем Шунгов. Основанием для этого является чтение его имени *Bhadraka* в некоторых рукописях «Бхагавата-пураны». Однако в других рукописях пуран мы видим в этом стихе огромное разнообразие чтений: *Andhraka*¹⁰, *Madraka*, *Odruka*, *Antaka* и др. Еще более важно то, что, по утверждению пуран, этот царь правил всего два года (согласно некоторым рукописям «Матсья-пураны», семь лет). Таким образом, Гелиодор никак не мог прибыть с посольством на четырнадцатом году правления этого царя. Гораздо более вероятно отождествление Бхагабхадры с предпоследним царем династии, правившим тридцать два года. Надо сказать, что и выбор у нас невелик: из десяти представителей династии Шунга больше 14 лет правили только первый и предпоследний.

Рукописная традиция пуран весьма неустойчива и ненадежна. В «Матсья-пуране»¹¹, вопреки изданиям, следует читать *dvātrimśat tu samā bhāgaḥ* («тридцать два года будет править Бхага») — ср. аналогичные формулировки относительно других царей. Но переписчики ошибочно соединили два последних слова в имя *Samābhāga*. В другой ветви рукописей пуран («Ваю-пурана», «Брахманда-пурана» и «Вишну-пурана») текст был переосмыслен следующим образом: *dvātrimśad bhavitā cāpi samā bhāgavato nṛpaḥ*. Здесь слово *samā* сохранило свое обычное значение («годы»), но царь назван Бхагавата¹² (возможно, это подчеркивает его преданность вишнуизму). Имя царя *bhāga* является не чем иным, как сокращенным вариантом от Бхагабхадра. Подобные имена нередки в санскритской литературе и эпиграфике: Вишнубхадра, Гангабхадра, Харибхадра, Бодхибхадра и др. А сокращение имени посредством выпадения второго элемента — обычная вещь в индийской антропонимике¹³: Удая вместо Удая-бхадра, Харша вместо Харша-вардхана, Чандра вместо Чандра-гупта и т.д. Таким образом, именно предпоследний царь из династии Шунга принимал в Видише греческого посла Гелиодора.

Бхагабхадра в надписи назван *Kāsīputra*, то есть сын Каси. Часто встречающееся прочтение *Kosīputra*¹⁴ ошибочно, а истолкование его в качестве аналога санскритскому *kautsī* (женщина из готры Кутса) противоречит пракритской

⁸ Исходя из результатов раскопок в Сонкхе (Матхура), Г. Гертель (Härtel 1993, 86) утверждает, что в последней трети II в. до н.э. начался распад государства Шунгов. Но вряд ли это дает основания для предположений, будто Бхагабхадра был не одним из Шунгов, а каким-то местным правителем.

⁹ Sircar 1969, 67; Salomon 1998, 267.

¹⁰ Ф. Парджитер (Pargiter 1975, 31) рассматривает именно это чтение как основное, что вполне правдоподобно. Следующим царем был Пулиндака. Оба имени явственно указывают на связь с юго-восточным Деканом, где жили племена андрхов и пулиндов.

¹¹ Pargiter 1975, 32.

¹² Царское имя Бхагавата встречается в эпиграфике (Lüders 1984, no. 905, сын Tevañi; Sircar 1991, Ch. II, no. 2). В Бхилсе обнаружен фрагмент колонны, возведенной в честь Вишну на двенадцатом году правления царя Бхагаваты (Nilakanta Sastri 1957, 102).

¹³ Hilka 1910, 59–60.

¹⁴ Например, см. Falk 2006, 148.

фонетике¹⁵. Санскритское *ts* дало бы *cch*, а не *s* (есть даже надпись, составленная *Kocchiputa* = *Kautsīputra*¹⁶). Однако вызывает сомнение и то решение, которое было предложено Флитом, а именно отождествление *Kāsī* с санскритским *Kāśī* и интерпретация его как «женщина из города Каши»¹⁷ (Варанаси). Женские имена в санскритском эпосе нередко произведены от племенных названий: Мадри, Гандхари, Малави, Вайдехи и т.п. Но найти имена цариц, производные от названия города, затруднительно.

В эпиграфике неоднократно встречаются указания на происхождение персонажа по женской линии: Гаутамипутра, Васиштхипутра, Парашарипутра, Варахипутра, Бхаргавипутра, Каушикипутра, Гаргипутра, Матхарипутра и т.п. Это имена, указывающие на готру, из которой происходила мать. В перечне готр в шраутасутре Баудхаяны указана Каси, или *Kāśivājāḥ*¹⁸. Происхождение этой готры связывают с прославленным ведийским риши Гаутамой. И царь Бхагабhadра Касипутра мог гордиться тем, что по материнской линии он происходит от брахманов.

Исходя из той хронологической схемы, которая предложена пуранами, визит Гелиодора должен относиться к девяностым годам до н.э. Хронология правлений индо-греческих царей устанавливается с трудом. Но надпись Гелиодора позволяет с уверенностью говорить о том, что Антиалкид правил на рубеже II—I вв. до н.э., а не в середине II в. до н.э., как полагают некоторые исследователи¹⁹. М. Митчинер²⁰ предлагает даты правления Антиалкида 145–135 гг. до н.э. Р. Сениор²¹ говорит о датах 130–120 гг. до н.э. Значительно убедительнее датировка О. БоPEARACHCHI²²: 115–195 гг. до н.э. По палеографическим признакам А.Х. Дани²³ склонен датировать надпись Гелиодора концом II в. до н.э.

Кришну-Васудеву Гелиодор называет богом богов (*devadeva*). Этот термин нередко встречается в «Махабхарате», прежде всего в «Бхагавадгите», в которой Кришну величают «богом богов, владыкой мира» (VI. 32. 15: *devadeva jagatpate*). Стоит отметить, что понятие «бог богов» в религиозных текстах Индии появляется тогда же, когда и титул «царь царей» в надписях. Последний, видимо, был заимствован с Ближнего Востока²⁴. Он встречается на монетах Эвкратиды (II в. до н.э.), а широкое распространение получил у индо-скифских правителей. Когда в «Атхарваведе» (XIX. 46. 4) Индру называли «верховным владыкой богов» (*devānām adhirāja*), это всего лишь означало, что он *primus inter pares* (санскритское *vasiṣṭhaḥ samānānām* — Тайттирия-самхита 3. 4. 8. 1). Но *devadeva* требует не просто почитания, а безусловной преданности (*bhakti*). Таким именно образом рисуется образ Вишну и его отношения с адептами в «Бхагавадгите» и в других частях «Махабхараты» (XII. 59. 27).

¹⁵ На это давно уже было указано Флитом (Fleet 1910, 141).

¹⁶ Lüders 1984, no. 1058.

¹⁷ Rapson 1922, 522.

¹⁸ Brough 1953, 103.

¹⁹ У В.С. Семенцова вовсе невероятная дата — 200 г. до н.э. (Sementsov 1999, 115).

²⁰ Mitchiner 1975.

²¹ Senior 2006, XXXIV. Предлагаемая им хронология (р. XXXVI) делает Бхагабhadру современником Мауэса.

²² Bopparachchi 1991, 95.

²³ Dani 1986, 62.

²⁴ Vigasin 2021, 145.

Надпись Гелиодора является важным свидетельством греко-индийского диалога культур. Грек Антиалкид назван махараджей — и это соответствует наименованию βασιλεὺς μέγας на монетах индо-греческих правителей. А представитель династии Шунгов получает титул «Спаситель» (*trātāra*, калька с греческого σωτήρ). Слово, привычное для многих эллинистических царей, но малознакомое и малопонятное индийцам. Посланец Антиалкида называет себя бхагаватом, то есть почитателем Господа — преданным вишнуитом²⁵. Удивительным образом надпись грека, сына Диона, является едва ли не первым упоминанием такого течения в индуизме, как бхагаватизм. Гелиодор приказал в честь Кришны-Васудевы воздвигнуть каменную колонну с капителью в виде Гаруды, священной птицы этого божества. Колонна, как и во времена Ашоки, должна была служить объектом культа, она предназначена для совершения прадакшины — ритуального обхода слева направо.

Не следует, впрочем, преувеличивать степень влияния индийских религий на греков — жителей Таксилы. В середине II в. до н.э., правда, Агафокл выпустил некоторое количество монет с изображением Кришны-Васудевы и его старшего брата Балабхадры (Баларамы, Баладевы). Однако на монетах Антиалкида нет следа этих культов. Изображения на этих монетах чисто греческие (в основном это Зевс, держащий в руке Нику: несомненная ассоциация с эпитетом самого царя — Никефор). То, что грек из Таксилы заявляет о своей преданности вишнуизму и во время дипломатического визита приказывает воздвигнуть культовый объект на территории другого государства, может иметь политический смысл²⁶.

В конце своего правления Антиалкид оказался в сложной ситуации и, вероятно, был крайне заинтересован в союзе с Шунгами. Известно, что вскоре его царство лишилось значительной части своих владений, и господствующую роль в этом регионе стали играть среднеазиатские скифы — шаки. Правление первого из них, Мауэса (Мога), О. Бопеараччи датирует 90–80 гг. до н.э. Возможно, со скифской угрозой и связан визит Гелиодора в Видишу? Но каковы бы ни были результаты дипломатических переговоров, судьбы царства Антиалкида изменить не удалось — вскоре оно перестало существовать. После эфемерных преемников Антиалкида Таксила перешла под власть шаков и стала столицей державы Мауэса²⁷.

На другой стороне колонны находится надпись в две строчки²⁸:

trini amutapād[ā]ni | [i][me?]/[su] anuṭhitāni |
neyaṃti sva[gaṃ] | dam[e]²⁹ cāga apramāda ||

²⁵ В литературе нет единого мнения о том, когда Кришна-Васудева стал отождествляться с Вишну (впрочем, такое отождествление содержится уже в «Бхагавадгите» VI. 32. 21). Г. Гертель (Härtel 2018, 292–297) полагает, что во времена, когда была воздвигнута колонна в Беснагаре, он считался лишь одним из пяти героев племени Вришни (*pañcavira*). Возможно, следует говорить, скорее, о некоем «пред-вишнуизме», имея в виду, что учение об аватарах еще не сложилось.

²⁶ На это совершенно справедливо обращал внимание Т. Блох (Bloch 1909, 588).

²⁷ Boppearachchi 1991, 110–111; Dani 1991, 18: «В начале I в. до н.э. правление Антиалкида, принадлежавшего к потомкам Эвкратиды, завершилось, очевидно, вследствие вторжения скифского вождя Мауэса, оккупировавшего Гандхару».

²⁸ Salomon 1998, 266.

²⁹ Текст воспроизвожу по Р. Саломону, но не вижу оснований для его реконструкции окончания [e].

Трудно сказать, была ли эта надпись высечена также по приказу Гелиодора, но, судя по почерку, относится она к тому же времени. Эта фраза содержит некий символ веры вишнуита. Поэтому ее присутствие на колонне столь же органично, как капитель с изображением Гаруды.

Сразу же после открытия надписи в Беснагаре в начале прошлого века были найдены близкие по содержанию и форме афоризмы³⁰. Так, в «Махабхарате» (V. 43. 14, Санатсуджатапарва) сказано: *damas tyāgo 'pramādaśca eteṣvamarītam āhitam* («Самообладание, отрешенность, несуетность — в них заключено бессмертие»). В критическом издании опущена близкая шлока (V. 2. 22 в приложениях): *damas tyāgo 'thāpramāda ityeṣvamarītam sthitam*. То же в «Махабхарате» (XI. 7. 19–20): «Самообладание, отрешенность, несуетность — это три коня Брахмана (*damas tyāgo 'pramādaśca te trayo brahmaṇo hayāḥ*). Кто управляет колесницей души посредством поводов благородной натуры, тот, отринув страх смерти, попадает в мир Брахмана». Подробное истолкование понятий содержится в «Санатсуджатапарве», в 43 главе «Удьогпарвы».

То, что переведено словом «самообладание» (*dama*), обычно толкуется как полный контроль над органами чувств. Понятие «отрешенности» (*tyāga*) раскрывается в «Бхагавадгите» (Махабхарата VI. 40). Мне не кажется удачным перевод слова *apramāda* (Дхаммапада II. 21: *appamādo amatapadam pamādo taccuno padam*) как «серьезность»³¹. Средневековый комментатор «Махабхараты» Нилакантха толкует *apramāda* как *tattvānusaṃdhānam* (сосредоточенность на главном, приверженность Истине). Речь идет о концентрации душевных сил для достижения освобождения. Смысл вполне понятен: те, кто преданы мирской суете, идут дорогой смерти, а победившие суетность (монахи, отшельники) освобождаются от страха смерти.

Вслед за Р. Саломоном я читаю плохо сохранившиеся знаки в первой строчке как *ime*. Однако, в отличие от него и от других исследователей, я полагаю, что слог *su* не относится к следующему далее пассивному причастию³², а должен интерпретироваться как окончание слова *imesu* («по этим»)³³. Последнее относится к *trini amutapādāni* («трем дорогам»). Слово *anuṣṭhitāni* («тех, кто следуют») является прямым дополнением к глаголу, с которого начинается текст на второй строчке. Нас не должно смущать то, что слово это стоит во множественном числе *среднего рода*. Оно является определением, скорее всего, к *bhūtāni* («живые существа») — слову, бесконечно повторяемому в «Бхагавадгите» (чаще всего в конце третьей пады).

Это, несомненно, метрический текст³⁴. Так же, как и в надписи Гелиодора на другой стороне колонны, мы имеем дело с пракритом, в котором присутствуют некоторые черты санскрита. Правильная санскритская форма глагола была бы *ṇayanti*, а пракритская, очевидно, *ṇenti*³⁵ — в надписи же мы видим *ṇeyanti*. *Tyā*

³⁰ Venis 1910, 813–815.

³¹ «Earnestness» в переводе М. Мюллера (Müller 1881, 9). Toporov 1960, 62: «Серьезность — это путь к бессмертию... Серьезные не умирают». Не знаю, как это звучит по-английски, но по-русски странновато (к сожалению, умирают не только веселые).

³² Д. Сиркар (Sirkar 1991, 89) предлагает вариант на санскрите: *iha svanuṣṭhitāni*.

³³ *Imesu* — форма местного падежа множественного числа мужского и среднего рода в махараштри, в шаурасени близкая форма *imesuṃ* (Pischel 1981, § 430).

³⁴ Barnett 1909, 1093.

³⁵ Vaidya 1958, IV. 237.

в слове *tyāga* в пракрите закономерно превращается в *cā*. Однако сочетание двух согласных *sy* и *pr* сохраняется — как в санскрите. Так как это пракритский текст, вовсе не соблюдаются внешние сандхи (фонетические изменения на стыке двух гласных).

Каждая строка эпической шлоки делится цезурой пополам на пады. Поэзии на среднеиндийских языках свойственна довольно свободная последовательность долгих и кратких гласных³⁶. Однако мы можем заметить, что в данном случае первая, вторая и четвертая пады оканчиваются на краткий слог, которому предшествует долгий. В третьей паде явно недостает слова из трех слогов (и, очевидно, с таким же метрическим завершением). Конечно, мы могли бы предполагать, что здесь находилось, например, слово *bhūtāni*, но было бы сложно объяснить причину, по которой оно было опущено. Гораздо более вероятным представляется то, что в конце третьей пады стояло имя того, кому было адресовано наставление. Имя персонажа сохранять было бы неуместно. Так как речь идет о вишнуитском памятнике, созданном по заказу того, кто называет себя бхагаватом, естественно обратиться к «Бхагавадгите». В шлоках главного текста бхагаватизма в конце третьей пады очень часто присутствует имя того, кому адресованы слова Васудевы-Кришны, — *kaunteya*, то есть Арджуна. Тогда шлоку можно читать так:

trini amutaṭpādāni | imesu anuṭhitāni |
neyaṃti svagaṃ [koṃteya?] | dama cāga apramāda ||

Три дороги бессмертия ведут на небо тех, кто по ним следует: самообладание, отрешенность, несуетность.

Вряд ли стоит возвращаться к старинной идее О. Барта о том, что «Махабахарата» первоначально была создана на пракрите³⁷. Но и простой калькой санскритской шлоки пракритское двустипение не является. Восстановление внешних сандхи полностью поменяло бы его метрическую форму. Мы можем только утверждать, что во II в. до н.э. бытовали пракритские тексты в стихах, близкие дидактическим фрагментам эпоса, «Бхагавадгите» и «Санатсуджате», по содержанию и форме. Человек, заказавший надпись на колонне Гаруды, цитировал вишнуитский текст в форме поэтического диалога — возможно, как в «Бхагавадгите», между Кришной-Васудевой и Арджуной-Каунтеей.

Литература / References

- Barnett, L.D. 1909: The Besnagar Inscription B. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* Oct., 1092–1093.
 Bloch, T. 1909: Eine neugefundene Inschrift aus Zentral-Indien. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 63/3, 587–590.
 Bopearachchi, O. 1991: *Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Catalogue raisonné*. Paris.
 Brough, J. (ed.) 1953: *The Early Brahmanical System of Gotra and Pravara. A Translation of the Gotra-pravara-mañjarī of Puruṣottama-paṇḍita*. Cambridge.
 Dani, A.H. 1986: *Indian Palaeography*. 2nd ed. New Delhi.

³⁶ «Метрические законы шлоки на пракрите и на пали намного свободнее (чем на санскрите), здесь гораздо больше произвола» (Jacobi 1970, 294).

³⁷ Jacobi 1970.

- Dani, A.H. 1991: *Bactrian and Indus Greeks. A Romantic Story from Their Coins (255 B.C. — 50 B.C.)*. Lahore.
- Devadhar, C.R. (ed.) 1999: *Works of Kālidāsa*. Vol. I. *Dramas*. Delhi.
- Falk, H. 2006: The Tidal Waves of Indian History: Between the Empires and Beyond. In: P. Olivelle (ed.), *Between the Empires: Society in India 300 BCE to 400 CE*. Oxford, 145–166.
- Fleet, J.F. 1910: The Besnagar Inscription A. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* Jan., 141–142.
- Härtel, H. 1993: *Excavations at Sonkh: 2500 Years of a Town in Mathura District*. Berlin.
- Härtel, H. 2018: Archaeological Evidence on the Early Vāsudeva Worship. In: H. Härtel, *Kleine Schriften*. Wiesbaden, 290–314.
- Hilka, A. 1910: *Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung. Die altindischen Personennamen*. Breslau.
- Jacobi, H. 1970: War das Epos und die profane Litteratur Indiens ursprünglich in Prakrit abgefasst? In: H. Jacobi, *Kleine Schriften*. Bd. I. Wiesbaden, 293–303.
- Law, B.Ch. 1979: *Geography of Early Buddhism*. Delhi.
- Lüders, H. 1984: *A List of Brahmī Inscriptions from the Earliest Times to About A.D. 400 with the Exception of Those of Asoka*. Reprint. Delhi.
- Mitchiner, M. 1975: *Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage*. Vol. II. *The Apogee of the Indo-Greeks c. 160–120 BC*. London.
- Mukhopadhyaya, S. (ed.) 1963: *The Aśokāvadāna. Sanskrit Text Compared with Chinese Versions*. Delhi.
- Müller, F.M. (ed.) 1881: *The Dhammapada. A Collection of Verses Being One of the Canonical Books of the Buddhists*. (Sacred Books of the East, 10/1). Oxford.
- Nilakanta Sastri, K.A. (ed.) 1957: *A Comprehensive History of India*. Vol. II. *The Mauryas and Satavahanas. 325 B.C. — A.D. 300*. Bombay–Calcutta–Madras.
- Pargiter, F.E. (ed.) 1975: *The Purāna Text of the Dynasties of the Kali Age (with Introduction and Notes)*. New Delhi.
- Pischel, R. 1981: *A Grammar of the Prākṛit Languages*. 2nd ed. Delhi.
- Rapson, E.J. 1922: Indian Natives States After the Period of the Maurya Empire. In: E.J. Rapson (ed.), *Cambridge History of India*. Vol. I. *Ancient India*. New York, 514–539.
- Salomon, R. 1998: *Indian Epigraphy. A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and the Other Indo-Aryan Languages*. Delhi.
- Sementsov, V.S. 1999: [To the Problem of Bhagavadgita's Age]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Bhagavadgita. Perevod s sanskrita, issledovanie i primechaniya V.S. Sementsova [Bhagavadgita. Commented Translation and Study by V.S. Sementsov]*. 2nd ed. Moscow, 243–255.
- Семенцов, В.С. К постановке вопроса о возрасте Бхагавадгиты. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (отв. ред.), *Бхагавадгита. Перевод с санскрита, исследование и примечания В.С.Семенцова*. 2-е изд. М., 243–255.
- Senior, R.C. 2006: *Indo-Scythian Coins and History*. Vol. IV. *Supplement. Additional Coins and Hoards, the Sequences of Indo-Greek and Indo-Scythian Kings*. Lancaster–Pennsylvania–London.
- Sirkar, D.Ch. 1991: *Select Inscriptions Bearing on Indian History and Civilization*. Vol. I. *From the Sixth Century B.C. to the Sixth Century A.D.* Delhi.
- Sircar, D.Ch. 1969: *Ancient Malwa and the Vikramāditya Tradition*. Delhi.
- Топоров, В.Н. (ed.) 1960: *Dhammapada [Dhammapada]*. Moscow.
- Топоров, В.Н. *Дхаммапада*. М.
- Vaidya, P.L. (ed.) 1958: *Prakrit Grammar: The Eighth adhyaya of Siddha-Hema-Sabdanusasana (Hemacandra's Prakrit Grammar). With his Own Commentary, Prakasika*. Bombay.
- Venis, A. 1910: A Note on the Two Besnagar Inscriptions. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* Jul., 813–815.
- Vigasin, A.A. 2021: [King of Kings, Son of the God, the Savior]. In: A.A. Vigasin, *etudy [Indian Studies]*. Moscow, 145–154.
- Вигасин, А.А. Царь царей, Сын божий, Спаситель. В кн.: А.А. Вигасин, *Индийские этюды*. М., 145–154.

DOI: 10.31857/S0321039124020027

КИПРСКИЕ ФИГУРНЫЕ СОСУДЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ВЗГЛЯД ВНУТРЬ

Д. В. Журавлев¹, П. В. Гурьева², Е. С. Коваленко³,
Е. Ю. Терещенко⁴, Е. Б. Яцишина⁵

¹Государственный исторический музей, Москва, Россия;

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

^{2, 3, 4, 5}Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

¹E-mail: denzhuravlev@mail.ru

²E-mail: Gureva_PV@nrcki.ru

³E-mail: Kovalenko_ES@nrcki.ru

⁴E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

⁵E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru

¹ORCID: 0000-0003-1139-6621

²ORCID: 0000-0002-8239-778X

³ORCID: 0000-0002-0496-8129

⁴ORCID: 0000-0001-5035-6978

⁵ORCID: 0000-0001-7652-7253

Статья посвящена изучению внутренней конструкции фигурных сосудов с острова Кипр, происходящих из бывшего собрания А.С. Уварова и хранящихся ныне в Государственном историческом музее. Исследования с помощью рентгеновской томографии позволили детально реконструировать технологию изготовления кипрских фигурных сосудов эпохи средней и поздней бронзы. Большинство изученных сосудов лепные, часть из них изготовлена из одного куска глиняной массы, некоторые являются составными. Дополнительные детали изготавливались отдельно и приклеплялись к тулову сосуда. Объем этих сосудов был чрезвычайно мал — от 20 до 220 мл, что позволяет предполагать их использование для хранения ароматических веществ.

Данные об авторах. Денис Валерьевич Журавлев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея, ведущий специалист лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; Полина Викторовна Гурьева — кандидат физ.-мат. наук, инженер-исследователь НИЦ «Курчатовский институт»; Екатерина Сергеевна Коваленко — научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт»; Елена Юрьевна Терещенко — кандидат физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник, начальник лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; Екатерина Борисовна Яцишина — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе НИЦ «Курчатовский институт».

Исследования выполнены при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта в форме субсидии № 075-15-2023-010 от 21.02.2023 (15.СИН.21.0024).

У композитного сосуда Б 602/70 две емкости непосредственно закреплены одна на другой. Их объемы изолированы, и у каждой емкости существует отдельный носик, дающий возможность ее независимого использования. Тулово композитного аска Б 602/6 образовано тремя емкостями по форме близкими к сферам, соединенными между собой при помощи трубочек. Для изготовления тулова ритонов в виде быка Б 605/126 и козла/лани Б 605/127 использовался гончарный круг, затем оно было сомкнуто с торцов и заглажено с внешней стороны.

Ключевые слова: Кипр, фигурные сосуды, эпоха бронзы, рентгеновская томография, технология изготовления

FIGURED VESSELS FROM BRONZE-AGE CYPRUS IN THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM: A LOOK INSIDE

Denis V. Zhuravlev¹, Polina V. Guryeva², Ekaterina S. Kovalenko³,
Elena Yu. Tereschenko⁴, Ekaterina B. Yatsishina⁵

¹*State Historical Museum, Moscow, Russia;*

National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow, Russia

^{2, 3, 4, 5}*National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow, Russia*

¹*E-mail:* denzhuravlev@mail.ru

²*E-mail:* Gureva_PV@nrcki.ru

³*E-mail:* Kovalenko_ES@nrcki.ru

⁴*E-mail:* elenatereschenko@yandex.ru

⁵*E-mail:* Yatsishina_EB@nrcki.ru

Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2023-010

The article presents the results of a natural-science study of several figured vessels from Cyprus, originating from the former collection of A.S. Uvarov and now stored in the State Historical Museum. X-ray tomography made it possible to reliably reconstruct the manufacturing technology of Cypriot figured vessels of the Middle and Late Bronze Age.

Most of the vessels are handmade, some of them are made from one piece of clay mass, and some are composite. Additional parts (legs, spout, handle and some decorative elements) were made separately and later attached to the vessel's body. The volume of these vessels was extremely small — from 20 to 220 ml, which suggests their use for storing aromatic substances.

The composite vessel Б 602/70 has two containers, directly fixed to one another (the upper one is inserted into the lower one), while their insides are isolated, and each container has a separate spout, allowing it to be used independently. The body of the composite askos Б 602/6 is formed by three containers in shape close to spheres, connected to each other with the tubes. To make the body of the rhytons in the form of a bull Б 605/126 and a goat/doe Б 605/127 a potter's wheel was used, and then body's ends were closed and smoothed on the outside.

Keywords: Cyprus, figured vessels, Bronze Age, X-ray tomography, manufacturing technology

*К 200-летию со дня рождения Алексея Сергеевича Уварова
(1824–1885)*

В Государственном историческом музее хранится небольшая (чуть более 200 предметов), но очень интересная коллекция памятников с острова Кипр, некогда принадлежавшая одному из основателей музея, графу А.С. Уварову. В состав коллекции входят разнообразные глиняные сосуды, терракотовые статуэтки, известняковая скульптура, которые недавно были опубликованы¹.

27 апреля 1877 г. граф Уваров на заседании Московского археологического общества рассказал о своей недавно приобретенной коллекции кипрских древностей. Коллекционер и исследователь выделил три периода в развитии кипрского искусства. «Древнейший из них, который можно было бы назвать первобытным, отличается грубостью и наивностью форм <...> Затем второй стиль, который можно назвать финикийским, сохраняет большое сходство с стилем памятников ассирийских и египетских. Наконец, третий стиль представляет собой образцы полного процветания греческого искусства. <...> можно предположить, что древнейшие между кипрскими вещами принадлежат к той эпохе, когда открытие железа еще не было сделано»². А.С. Уваров лаконично указывает, что приобрел ее у российско-го посланника Юзефовича, не сообщая больше никаких подробностей о личности продавца. Скорее всего, это был статский советник Трофим Павлович Юзефович (1840–1883), русский консул в Тулче в 1871 г., консул в Иерусалиме в 1864 и 1874–1875 гг.,³ генеральный консул в Салониках в 1876–1877 гг.,⁴ написавший книгу «Договоры России с Востоком политические и торговые»⁵. Уже после выхода полной публикации кипрской коллекции Исторического музея⁶ появились новые данные о Т.П. Юзефовиче и его возможных связях с известным коллекционером и американским дипломатом Луиджи Пальма ди Чеснолой⁷.

После скоропостижной смерти А.С. Уварова коллекция хранилась в его «порецком музее» в имении Поречье. Несмотря на старания вдовы Алексея Сергеевича, П.С. Уваровой, кипрскую коллекцию по не совсем выясненным причинам так и не опубликовали⁸. После Октябрьской революции собрание графа было национализировано и чудом не погибло в хаосе послереволюционных лет. В 1924 г. оно было официально внесено в Главную инвентарную книгу Исторического музея, а в 1927 г. часть античной коллекции, включая кипрские древности, была передана в ГМИИ им. А.С. Пушкина⁹.

¹ Zhuravlev 2023.

² Minutes of Meetings of the MAO 1880, 4–5.

³ Mironenko-Marenkova, Vakh 2018, 207.

⁴ URL: https://web.archive.org/web/20160408005958/http://www.saloniki.mid.ru/gk_history.html#gk_history; дата обращения: 28.05.2024.

⁵ Yuzefovich 1869.

⁶ Zhuravlev 2023.

⁷ Мы признательны П.А. Евдокимову за эту информацию и надеемся, что дальнейшая разработка этой темы приоткроет завесу над одной интересной страницей истории коллекционирования древностей в России и источников их поступления.

⁸ Zhuravlev 2023, 14–15.

⁹ В ГМИИ попала численно бóльшая часть кипрской коллекции — около 320 памятников (Akimova *et al.* 2014, 41).

Среди кипрских глиняных сосудов эпохи средней и поздней бронзы из коллекции А.С. Уварова в Историческом музее представлена целая серия фигурных сосудов весьма причудливых форм. В рамках проекта исследования античных памятников из собрания ГИМ в НИЦ «Курчатовский институт» методом рентгеновской томографии нам удалось изучить восемь сосудов и получить уникальные данные об их конструкции и технологии их изготовления. Насколько нам известно, подобные исследования для данной группы предметов проводятся впервые. Наряду с кипрскими сосудами мы исследовали еще несколько сосудов позднеэллинистического¹⁰ и римского¹¹ времени, но они были изготовлены по другой технологии — как оттиск в нескольких формах.

Почти все исследуемые сосуды, за исключением ритонов, изготовлены без использования гончарного круга, при помощи техники выбивания на формоснове, ряд деталей изготавливался отдельно и затем прикреплялся при помощи жидкой глины. После высыхания их поверхность покрывалась ангобом и расписывалась. Несмотря на то, что все сосуды из нашей выборки уже публиковались¹², их изучение еще далеко от завершения. Считаем необходимым представить в статье подробные каталожные описания всех объектов исследования, которые являются прекрасной иллюстрацией возможностей метода рентгеновской томографии. Подчеркнем, что мы имеем дело с музейной коллекцией целых сосудов, а не их обломков, поэтому изучение деталей технологического процесса обычными методами сильно ограничено.

ПРИБОРЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее эффективным способом выявления элементов конструкции изделий и их технологических особенностей является визуализация внутреннего строения с применением одного из видов ионизирующего излучения — методами рентгеновской, синхротронной или нейтронной томографии¹³. Высокая проникающая способность рентгеновского излучения и нейтронов позволяет изучать элементы конструкции, внутренние дефекты (поры и включения) и особенности декорирования, состояние сохранности металлических¹⁴, керамических¹⁵, стеклянных¹⁶ и сложносоставных предметов¹⁷, а также изучать специфику строения неоднородных материалов, например, строительных растворов¹⁸. При исследовании целых, а не фрагментированных керамических сосудов из музейных коллекций наибольшую эффективность показала рентгеновская томография (РТ) с точки зрения оптимального контраста различных включений и получения наилучшего

¹⁰ Guryeva *et al.* 2023, 180–188.

¹¹ Zhuravlev *et al.* 2024.

¹² Karageorghis *et al.* 2005; Zhuravlev 2023.

¹³ Podurets *et al.* 2021, Koval'chuk *et al.* 2016.

¹⁴ Kainov *et al.* 2021; Murasheva *et al.* 2021; Bakirov *et al.* 2023; Makarov *et al.* 2023; Saprykina *et al.* 2023.

¹⁵ Koval'chuk *et al.* 2020, Zhomartova *et al.* 2022; 2023.

¹⁶ Tereschenko *et al.* 2022.

¹⁷ Gaidukov *et al.* 2022.

¹⁸ Loboda *et al.* 2023.

пространственного разрешения¹⁹. Приведенные ниже результаты являются иллюстрацией возможности применения этого метода при работе с музейными памятниками.

Рентгеновская томография фигурных сосудов проводилась в НИЦ «Курчатовский институт» на промышленном рентгеновском томографе X5000 (NSI). Теневые проекции регистрировались позиционно-чувствительным детектором рентгеновского излучения Perkin Elmer с размером матрицы 2048×2048 пикселей, размером пикселя 200×200 мкм, динамическим диапазоном 16 бит и сцинтиллятором на основе CsI: Tl. Томография проводилась с помощью рентгеновской трубки открытого типа, параметры измерения сосудов приведены в табл. 1. При томографии практически всех сосудов применялся медный фильтр толщиной 0,2 мм, кроме зооморфного аска Б 602/78, для которого толщина фильтра составила 1 мм, а для исследования композитного аска Б 602/6 фильтр не применялся. Время экспозиции одной теневой проекции для всех сосудов составило 0,5 с. Для визуализации трехмерной информации о строении объектов использовался программный пакет VGStudio.

Таблица 1

Параметры рентгеновской томографии фигурных сосудов

Объект	Напряжение, кВ	Ток, мкА	Диаметр фокального пятна, мкм	Шаг поворота, град.	Размер вокселя, мкм
Б-602/6 Композитный аск	150	250	37,5	0,23	52×52×52
Б 602/70 Композитный двойной сосуд	200	160	32	0,18	62×62×62
Б 602/79 Зооморфный сосуд	200	150	30	0,18	37×37×37
Б 602/8 Сосуд в форме птицы	190	150	28,5	0,18	32×32×32
Б 602/84 Сосуд в форме рогатого животного	190	180	34,2	0,14	33×33×33
Б-602/78 Сосуд в форме рогатого животного	180	220	39,6	0,16	44×44×44
Б 605/126 Ритон в форме быка	190	150	28,5	0,24	46×46 46
Б 605/127 Ритон в форме козла/лани	200	160	32	0,18	62×62×62

¹⁹ Guryeva *et al.* 2023, 180–188; Zhuravlev *et al.* 2023, 701–725.

ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ

White Painted III–V Ware / String-hole Style

Период Middle Cypriote II–III (1800–1600 гг. до н.э.)

1. Сосуд композитный белофонный (рис. 1)²⁰

ГИМ 54791/128. Оп. Б-602/70.

Композитный сосуд на трех низких ножках состоит из двух частей — биконической и сферической формы, с высоким цилиндрическим горлом, немного сужающимся кверху, наклонным боковым трубчатым сливом в нижней части и утраченной вертикальной ручкой. Горло завершается устьем эллипсовидной формы с отогнутым венчиком и скошенным трубчатым сливом со срезанным краем. К стенкам прикреплены петельчатые выступы-ушки — по четыре по сторонам каждой из частей тулова, один — в месте перехода шейки сосуда в тулово, два — по сторонам горла, на уровне основания устья. Все петельки-ушки вертикальны, но развернуты в разных плоскостях.

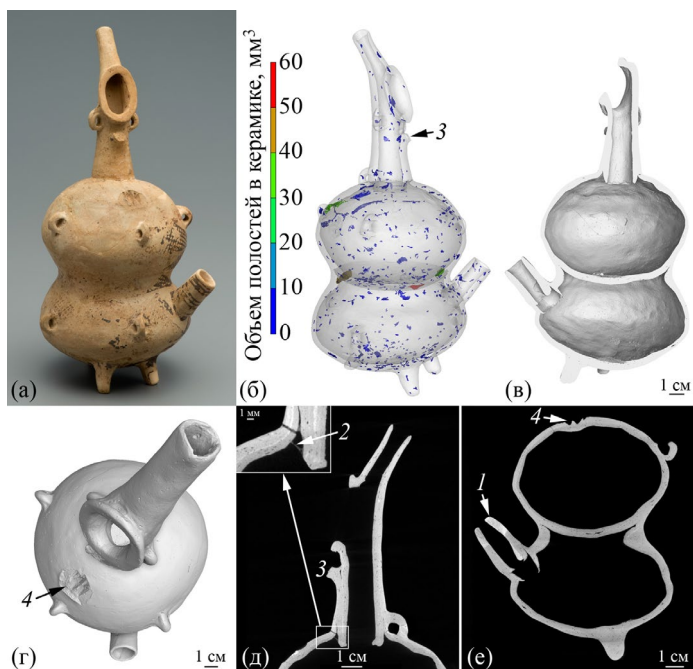

Рис. 1. Сосуд композитный белофонный ГИМ Б-602/70. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–е): б — распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в — продольное сечение объемной модели сосуда с конструкцией емкостей и горловин; г — объемная модель сосуда с относительным расположением горловин у верхней и нижней емкостей; д — продольное томографическое сечение верхней горловины, е — продольное томографическое сечение нижней горловины. 1 — область реставрации нижней горловины, 2 — вещество, скрепляющее горловину и верхнюю емкость, 3 — сохранившийся фрагмент ручки, 4 — область крепления ручки к верхней емкости © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

²⁰ Karageorghis *et al.* 2005, 11, no. SHM 6; Zhuravlev 2023, 28–29, Кат. № 10.

Горло орнаментировано горизонтальными линейными и волнообразными поясками. На тулове — многоярусный орнамент из треугольников, заштрихованных сеткой, в придонной части — горизонтальная зигзагообразная линия, образующая розетку вокруг дна, в которую вписан круг, обрамляющий ножки, пересеченный двумя диагональными линиями различной толщины; вокруг ножек — линии различной толщины, которые предположительно представляют фрагмент орнамента в виде двух пересекающихся диагоналей, вписанных в условный круг, проведенный по краю дна; на боковом сливе — горизонтальные линейные пояски. Глина коричнево-бежевая (2.5YR 7/4)²¹, без заметных включений. Размеры: высота — 22,4 см; диаметр тулова в нижней части — 9,7 см (с ушками-выступами — 10,9 см), в верхней части — 9,0 см (с ушками-выступами — 10,2 см); ширина нижней части со сливом — 10,5 см. Ангоб более светлого, чем глина, тона, поверхность матовая, орнамент от темно-коричневого (5YR 3/3) до черного, местами красного (10R 4/3).

Несколько сосудов, выполненных в этом стиле, хранятся в Музее искусства и истории в Женеве²², Новой глиптотеке Карлсберга в Копенгагене²³, других собраниях²⁴, но все они имеют ряд конструктивных отличий, что делает кувшин из Исторического музея уникальным. Подобные носики-сливы известны и у кипрских сосудов иных форм²⁵.

2. Аск композитный белфонный с высоко поднятой ручкой (рис. 2)²⁶

ГИМ 54791/64. Оп. Б-602/6.

Сосуд состоит из трех частей: двух сферических в основании и одной вытянутой овальной формы в верхней части, соединенных между собой, на четырех ножках-выступах, с трубчатым сливом с неровным клювовидным краем. Над сосудом возвышается высокая овальная в сечении ручка, закрепленная на плечиках верхнего сосуда. По внешним сторонам в верхней части нижних сосудов сделано по одному выступу конической формы со сквозными отверстиями. На верхнем изгибе ручки, под ее прилепами и под основанием слива — по вертикальному петлевидному ушку-выступу. На верхушке верхнего сосуда — выступ (его окончание, возможно, отколото). Размеры: высота — 15,4 см; диаметры нижних сосудов — 4,8 см и 4,6 см, верхнего — 4,7 см; ширина тулова — 9,4 см. Глина без заметных включений бежево-коричневая (2.5Y 7/3–2.5Y 7/4). Ангоб более светлого, чем глина, тона, поверхность матовая, заглажена грубо, декор почти полностью утрачен (сохранились следы буро-черного орнамента).

Самым близким публикуемому аску является сосуд из Британского музея в Лондоне²⁷, также напоминают его экземпляры из Античного собрания Государствен-

²¹ Все цвета глины и покрытия указаны по таблицам Munsell Soil Colour Charts. Princeton, 1992.

²² Karageorghis *et al.* 2004, 32, no 36.

²³ Karageorghis *et al.* 2001a, 19, no 31.

²⁴ Morris 1985, 90, fig. 37–40; 91, fig. 41–43.

²⁵ Dikaïos, Stewart 1962, fig. XCVII, XCVIII.

²⁶ Karageorghis *et al.* 2005, 22, 23, no. SHM 32; Zhuravlev 2023, 40–41, № 11. В свое время этот аск был предположительно отнесен к стилю Black Slip II ware (Karageorghis *et al.* 2005, 22), хотя такие ручки не типичны для этого стиля, а судить о первоначальном характере покрытия сложно.

²⁷ Smith 1925, 7, pl. 6, no 13.

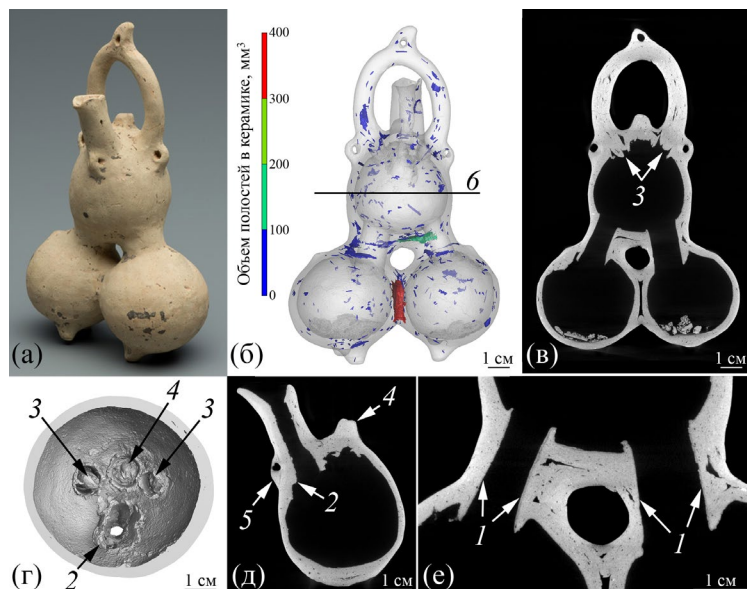

Рис. 2. Аск композитный белофонный с высоко поднятой ручкой ГИМ Б-602/6. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–е): б – распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в – продольное томографическое сечение, проходящее через центр сосуда; г – объемная модель внутренней поверхности верхнего шара с расположением отверстий для горловины и ручки, положение секущей плоскости указано на (б); д – продольное томографическое сечение горловины; е – область соединения трех объемов с помощью трубочек. 1 – соединительные трубочки, 2 – ступенька материала вокруг горловины, 3 – концы ручки, 4 – небольшой фрагмент керамики, закрывающий отверстие, расположенное между концами ручки, 5 – ушко, 6 – положение секущей плоскости для (г) © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

ных музеев Берлина²⁸, Новой глиптотеки Карлсберга в Копенгагене²⁹, Музея истории и искусства в Триесте³⁰ и других коллекций³¹.

3. Сосуд белофонный зооморфный (рис. 3)³²

ГИМ 54791/137. Оп. Б-602/79.

Тулово сосуда образовано полрой трубкой, завернутой в кольцо; в основании четыре ножки. Низкое слабо отогнутое горло сосуда, прикрепленное наискось, завершается эллипсовидным устьем, обрамленным низким валиком, и отогнутым трубчатым сливом с обломанным окончанием. По краям устья – два горизонтальных ушка-петельки, третье находится с противоположной части горла. Широкая уплощенная ручка с шиповидным наклонным выступом сверху, расположена

²⁸ Brehme *et al.* 2001, 39, 40, Nr. 12.

²⁹ Karageorghis *et al.* 2001a, 19, no. 30.

³⁰ Zupancich 1997, 151, 166, 167, no. 57.

³¹ Morris 1985, 91, fig. 45, 50; 92, fig. 51–58; 93, fig. 59–61; 99, fig. 159; 156, fig. 246, 247.

³² Karageorghis *et al.* 2005, 13, no. SHM 11; Zhuravlev 2023, 52–53, Кат. № 18.

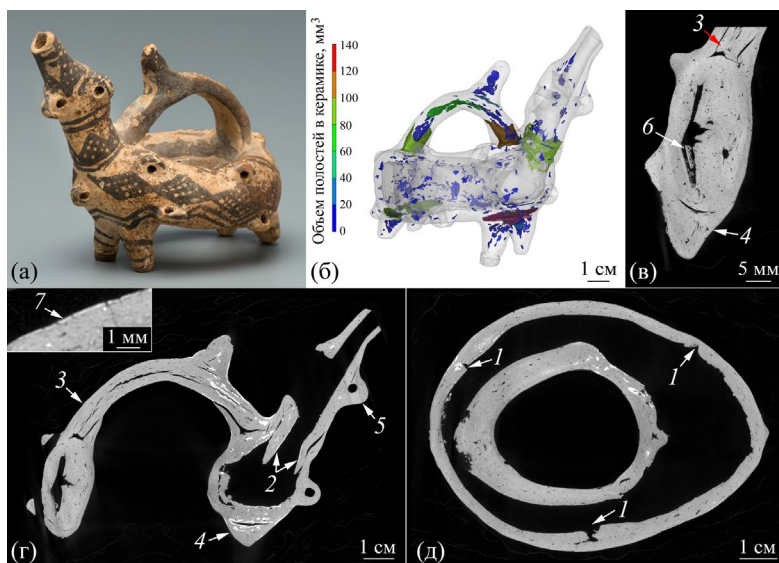

Рис. 3. Сосуд белофонный зооморфный ГИМ Б-602/79. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–д): б – распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в – продольное томографическое сечение тулова сосуда с фрагментом содержимого; г – продольное томографическое сечение сосуда, проходящее близко к его центру; д – поперечное томографическое сечение тулова. 1 – участки соединения частей тулова, 2 – вставная горловина, 3 – ручка, 4 – ножки, 5 – ушко, 6 – фрагмент содержимого, 7 – контрастный слой на поверхности © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

сверху над сосудом, как у корзины. В нижней и верхней частях сосуда прикреплены в два яруса шесть пар горизонтальных выступов-петелек, причем расположены они несимметрично. Еще один выступ сделан под горлом, в центральной части тулова. В целом сосуд носит зооморфный облик.

Горло сосуда орнаментировано чередующимися горизонтальными поясками и поясками из сетчатых треугольников. Тулово декорировано пояском из сетчатых ромбов, а по верхней его части пущен двойной поясok из зигзагообразных линий. Аналогичный поясok присутствует и в нижней части сосуда. Ножки сосуда украшены горизонтальными линиями. Ручка по бокам закрашена черной краской, а в верхней части имеет зигзаговидный узор. Сохранившаяся высота – 9,2 см (по сливу); длина – 9,5 см (максимальная – 12,9 см); ширина – 6,6 см. Глина без заметных включений, светло-бежевая (2.5Y 7/4). Ангоб светло-бежевый, поверхность матовая, орнамент от красно-коричневого (2.5YR 4/4) до темно-коричневого (2.5YR 3/2).

Аналогичные сосуды известны с эпохи раннего бронзового века³³, но наибольшее распространение они получили позже³⁴. Сосуд из собрания ГИМ можно от-

³³ Morris 1985, 82, fig. 3.

³⁴ См. подробнее Laffineur 1997, 145–157.

нести к типу XIVA3d по классификации П. Острём³⁵. Параллели прослеживаются с сосудами из Лувра³⁶, музея Эшмола в Оксфорде³⁷, музея Фицуильяма в Кембридже³⁸, музея Николсона в Сиднее³⁹.

White Painted IV Ware

Период Middle Cypriote II–III (1800–1600 гг. до н.э.)

4. Аск белофонный в виде фигурки птицы (рис. 4)⁴⁰

ГИМ 54791/66 Оп. Б-602/8.

Сосуд с туловом ладьевидной формы, на конусовидной закрашенной ножке с плоским круглым основанием, с низким горлом (вероятно, часть его была утрачена в древности, а антиквары уже в Новое время его выровняли) и маленькой

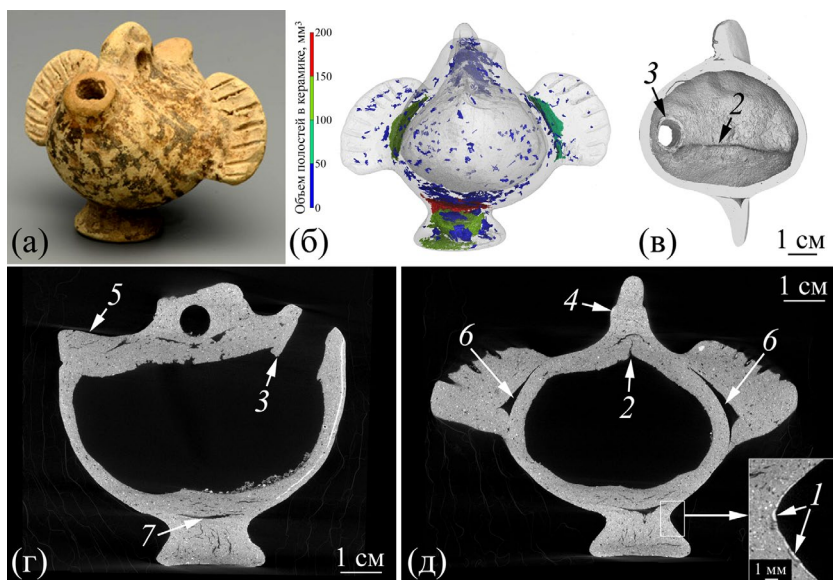

Рис. 4. Аск белофонный в виде фигурки птицы ГИМ Б-602/8. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–д): б – распределение полостей и трещин в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает 0,15 мм³; в – объемное представление верхней части внутренней поверхности сосуда; г – продольное томографическое сечение сосуда, проходящее близко к его центру; д – поперечное томографическое сечение, проходящее вблизи центра сосуда. 1 – контрастный слой на поверхности, 2 – шов тулова на внутренней поверхности, 3 – валик в области формирования горловины, 4 – ручка, 5 – хвост, 6 – полости в местах крепления крыльев к тулову, 7 – полость в зоне крепления ножки к тулову © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

³⁵ Åström 1972, 46.

³⁶ Caubet *et al.* 1992, 40, no. 21.

³⁷ Frankel 1983, 151, pl. 16, no. 204; Morris 1985, 82, fig. 4.

³⁸ Karageorghis *et al.* 1999, 18, 19, no. 32.

³⁹ Webb 2001, 48, no. 86; Barker *et al.* 2012, 24.

⁴⁰ Karageorghis *et al.* 2005, 22, no. SHM 31; Zhuravlev 2023, 96, Кат. 50.

горизонтальной уплощенной петлевидной ручкой в верхней части тулова. На уплощенных вертикальных выступах по сторонам тулова в виде расправленных крыльев — косые параллельные насечки, изображающие оперение, на их оборотной стороне — линии двойной волны. Противоположная от горла часть оформлена выступом, изображающим хвост, с горизонтальной врезной бороздкой в основании. Высота — 7,2 см; длина — 7,0 см; ширина — 9,3 см. Глина без заметных включений, красно-бежевая (10YR 7/6). Ангоб близок тону глины, поверхность грубо заглажена, матовая, декор почти полностью утрачен, но видно, что он был черный. Отсутствие головы препятствует точной атрибуции сосуда, нельзя полностью исключить, что он представляет изображение круглой рыбы, а не птицы.

White Painted V Ware

Период Middle Cypriote III (1725–1600 гг. до н.э.)

5. Аск белофонный в виде фигурки животного с рогами (рис. 5)⁴¹

ГИМ 54791/142. Оп. Б-602/84.

Тулово сосуда имеет ладьевидную форму, на четырех ножках-выступах, с высоким, немного сужающимся в средней части цилиндрическим горлом и горизонтальной уплощенной четырехугольной в сечении ручкой, прикрепленной в верхней части тулова. Горло, расположенное в хвостовой части, с диагонально подрезанным вытянутым сливом миндалевидной формы с частично отогнутым разомкнутым фигурным венчиком. Противоположная часть представлена выступом в виде стилизованного изображения головы рогатого животного с вытянутым носом; глаза и рот намечены отверстиями. На горле и сливе — орнамент из вертикальных линий, ниже — чередующиеся горизонтальные ленты с прямыми и зигзагообразными линиями. Тулово декорировано чередующимися вертикальными широкими заштрихованными сеткой лентами, волнообразными линиями и лентами из ромбов, заштрихованных сеткой. Ручка, дно, ножки-выступы и морда с рогами закрашены коричневой краской, частично утраченной. Максимальная высота — 10,1 см; длина — 8,0 см; ширина — 5,2 см. Глина без заметных включений, бежево-коричневая (2.5Y 7/6). Ангоб близок цвету глины, поверхность матовая, орнамент красный (2.5YR 5/6) и от коричневого (2.5YR 3/3) до черного.

Близкий сосуд был опубликован Д. Моррисом, который определил в нем быка⁴². Похожие сосуды с небольшими отличиями хранятся в Никосии⁴³, Будапеште⁴⁴, Париже⁴⁵, Афинах⁴⁶, Вене⁴⁷, Кембридже⁴⁸.

⁴¹ Karageorghis *et al.* 2005, 21, no. SHM 29; Zhuravlev 2023, 98–99, Кат. № 52.

⁴² Morris 1985, 197, 199, pl. 227. Интересно, что у этого экземпляра присутствуют не только рога, но и уши. О фигурных асках см. подробнее Caubet, Merrillees 1997, 10–24.

⁴³ Buchholz, Karageorghis 1971, Abb. 1553 (иная трактовка головы животного).

⁴⁴ Csornay-Caprez 2000, 31, 32, pl. A, no. 34 (иная форма слива).

⁴⁵ Caubet *et al.* 1992, 38, no. 18 (ножки сосуда выше, чем у экземпляра из ГИМ).

⁴⁶ Karageorghis 2003, 42, 43, no. 63–64.

⁴⁷ Bernhard-Walcher *et al.* 1999, 80, 82, Nr. 19 (слив располагается под мордой).

⁴⁸ Karageorghis *et al.* 1999, 21, 22, no. 38 (слив расположен в центральной части спины животного).

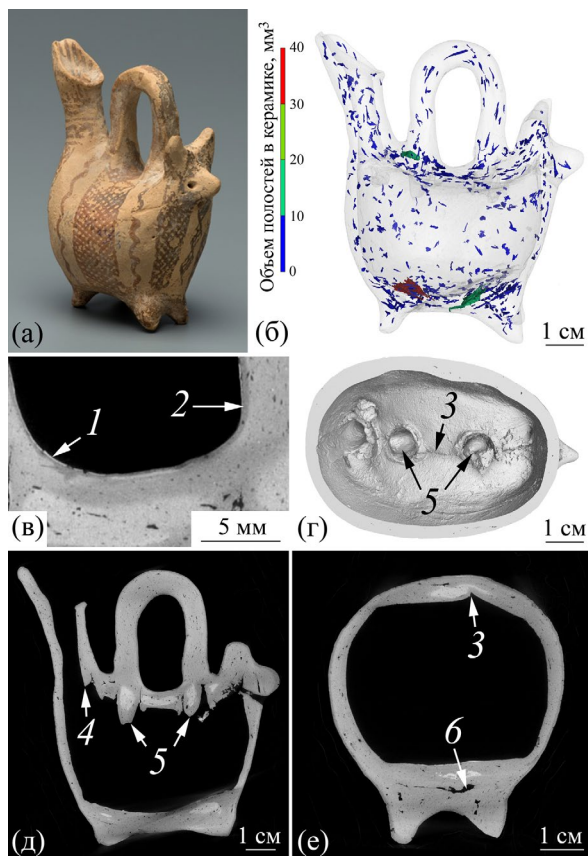

Рис. 5. Аск белофонный в виде фигурки животного с рогами ГИМ Б-602/84. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–е): б – распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в – приповерхностные контрастные слои в области ручки; г – объемное представление верхней части внутренней поверхности сосуда; д – продольное томографическое сечение сосуда, проходящее близко к его центру; е – поперечное томографическое сечение, проходящее через задние ноги фигурки. 1 – контрастный слой на поверхности сосуда, 2 – контрастный приповерхностный слой керамики, 3 – шов тулова на внутренней поверхности, 4 – валик в месте крепления горловины к тулову, 5 – ручка, 6 – полость в месте крепления ног к тулову © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

6. Аск белофонный в виде фигурки животного с рогами и ушами (рис. 6)⁴⁹

ГИМ 54791/136 Оп. Б-602/78.

Тулово сосуда имеет четырехугольную форму, уплощено, бока немного выпуклы; грудь и хвостовая часть животного гладкие; на четырех ножках. Невысокое горло сосуда а с двумя боковыми выступами по сторонам завершается вытянутым клювовидным сливом стилизовано под хвост животного. Лицевая сторона оформлена в виде протома животного (стилизованное изображение барана?) с короткими

⁴⁹ Karageorghis *et al.* 2005, 22, no. SHM 30; Zhuravlev 2023, 100–101, Кат. № 53.

асимметричными рогами и большими ушами в виде боковых вертикальных выступов со сквозными отверстиями (одно проколото не полностью), расположенными на разном уровне; глаза намечены сквозными отверстиями, пасть — вдавлением. На спине в центре прикреплена маленькая вертикальная петельчатая ручка.

Горло и слив сосуда декорированы горизонтальными линиями, также орнаментирована и морда животного, глаза обведены, полоса краски по верхней поверхности носа, с двух сторон — пятна краски, возможно, маркирующие ноздри животного. Тулово сосуда разделено при помощи вертикального пояса волнистого орнамента, обрамленного двумя парами вертикальных и горизонтальных линий, на четыре зоны с каждой стороны, орнаментированные косыми линиями. Грудь и хвостовая часть животного украшены горизонтальными линиями, верхняя поверхность — без орнамента, дно обведено по длинным сторонам парами параллельных горизонтальных линий. Ручка украшена полосами краски по верху и по краям отверстия с обеих сторон. Сохранившаяся высота — 10,7 см; длина — 14,4 см; ширина — 4,3 см. Глина желто-коричневая (10YR 7/6), без заметных включений. Ангоб близок цвету глины, поверхность матовая, орнамент от оранжево-красного (10R 5/6) до коричневого (10R 3/2) с одной стороны и от коричневого (5YR 4/6) до почти черного с другой.

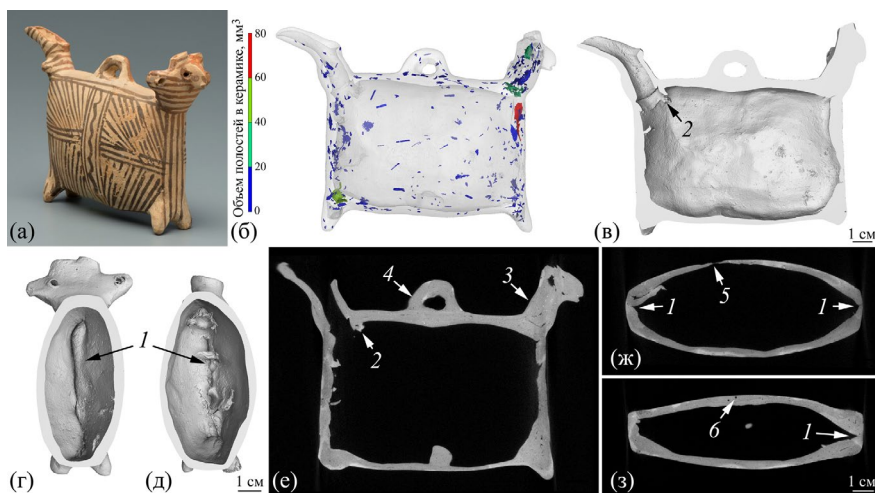

Рис. 6. Аск белофонный в виде фигурки животного с рогами и ушами ГИМ Б-602/78. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–з): б — распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает 0,15 мм³; в — продольное сечение объемной модели сосуда, проходящее близко к его центру; г — объемное представление передней части внутренней поверхности; д — объемное представление задней части внутренней поверхности; е — продольное томографическое сечение сосуда, проходящее близко к его центру; ж — поперечное томографическое сечение сосуда, проходящее близко к его центру; з — поперечное томографическое сечение сосуда с областью реставрации стенки. 1 — складка материала в зоне вертикальных швов тулова, 2 — валик в месте крепления горловины к тулову, 3 — голова, 4 — ручка, 5 — дефект стенки, 6 — область реставрации стенки
© Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

При первой публикации предполагалось, что рога у фигурки были отбиты⁵⁰, но после внимательного изучения было установлено, что верхняя поверхность рогов сохранила следы краски, что говорит об их полной сохранности.

Аналогичный сосуд представлен в собрании Британского музея в Лондоне⁵¹. Похожее оформление морды животного можно увидеть у экземпляров из Лувра⁵² и музея Эшмола в Оксфорде⁵³.

Сосуды в стиле Base-ring II Ware

1400–1250 гг. до н.э.

7. Ритон в виде фигурки быка (рис. 7)⁵⁴

ГИМ 54791 Оп. Б-605/126.

Сосуд с сужающимся в центре цилиндрическим туловом на четырех ножках, с оформленным в морде узким трубчатым сливом, округлым устьем с невысоким венчиком на заливке и вертикальной плоской ленточной ручкой на верхнем изгибе тулова. Под рогами — выступающие уши (почти полностью утрачены); глаза оформлены в виде валикообразных округлых налепов с кольцеобразным отпечатком внутри. Подгрудок и хвост животного обозначены рельефными валиками. Боковые стороны сосуда расписаны вертикальными узкими белыми полосами, опоясывающими все тулово сосуда (некоторые слегка наклонны). С фаса и задней части сосуда линии наклонны, на голове — две продольные линии, идущие по лбу и переносице, пересекаются третьей. Высота — 12,7 см; длина — 15,9 см; ширина — 5,4 см. Глина красная (2.5YR 6/6), с мелкими белыми включениями. Ангоб переходит от красно-оранжевого (5YR 6/6) к коричневому (5YR 4/2), поверхность матовая, орнамент белый.

Ритоны были типичны для эпохи поздней бронзы⁵⁵, хотя сосуды в виде фигурок быков встречаются еще в раннем бронзовом веке⁵⁶. Подобные фигурные сосуды достаточно многочисленны⁵⁷. Широкое использование этого образа в кипрском

⁵⁰ Karageorghis *et al.* 2005, 22.

⁵¹ Smith 1925, 6, no. 15, pl. 6, no. 15.

⁵² Caubet *et al.* 1992, 38, no. 18.

⁵³ Frankel 1983, 170, pl. 35, no. 1274.

⁵⁴ Karageorghis *et al.* 2005, 32, no. SHM 53; Zhuravlev 2023, 132–134, Кат. № 76.

⁵⁵ См., например, Yon 1997, 49–60, pl. IX, X. О ритонах как формах сосудов см. подробнее Ebbighaus, Molacek 2018, 245–303.

⁵⁶ См. сосуды, выполненные в стиле Red Polished ware: Buchholz, Karageorghis 1971, Abb. 1524–1527. Об отличиях кипрских фигурок быков, выполненных в стиле Base-ring ware, от ритонов аналогичной формы см. Catling 1976, 66–74, pl. XII; Karageorghis 1993, 19–21, 25, fig. 4, 5, pl. XVI; Karageorghis 1995, pl. XV, XVI.

⁵⁷ Такие сосуды хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина (Akimova *et al.*, 2014, 189, № 139), Британском музее (Smith 1925, 9, pl. 9, no. 4, 9, 10, 12, 14–18), Лувре (Caubet *et al.* 1992, 55, no. 45, 46), Античном собрании Государственных музеев Берлина (Brehme *et al.* 2001, 49, 50, Nr. 27, 28), Национальном археологическом музее в Афинах (Karageorghis 2003, 54, 55, no. 94, 95), музее Эрец-Исраэль в Тель-Авиве (Karageorghis, Olenik 1997, 92, 93, no. 44), Музее Фицуильяма в Кембридже (Karageorghis *et al.* 1999, 25, 26, no. 50), музее искусства и археологии в Лане (Tsiporoulou 1998, 17, no. 15), музее истории искусств в Вене (Bernhard-Walcher 1984, Taf. 46, 47; Bernhard-Walcher *et al.* 1999, 88, 91, Nr. 26), Одесском археологическом музее (Cat. Odessa 1983, 128, № 240; Karageorghis *et al.* 2001b, 82, 83, no. 149, 150), музее Николсона

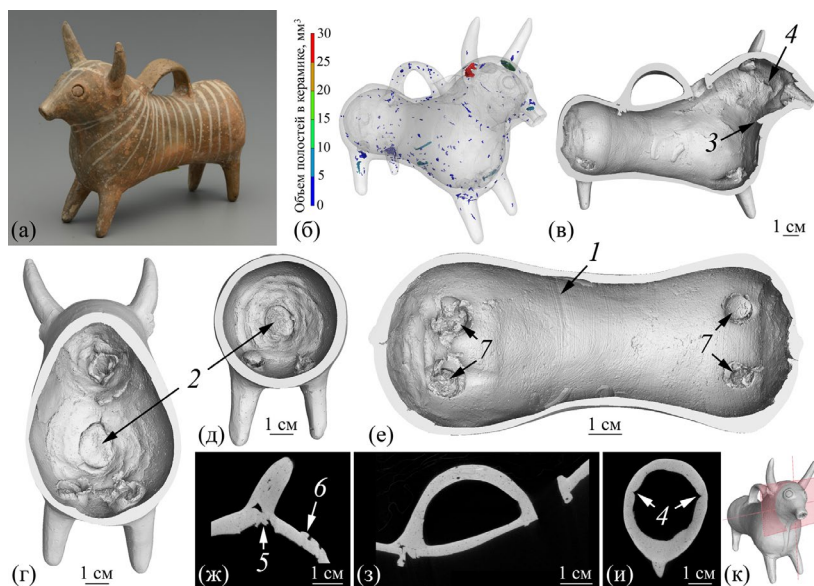

Рис. 7. Ритон в виде фигурки быка ГИМ Б-605/126. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–к): б – распределение дефектов (полостей и трещин) в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны дефекты, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в – продольное сечение объемной модели сосуда, проходящее близко к его центру; г – объемное представление передней части внутренней поверхности; д – объемное представление задней части внутренней поверхности; е – объемное представление нижней части внутренней поверхности с креплением ног; ж – томографическое сечение с областью присоединения рога и глаза к голове; з – томографическое сечение, проходящее через ручку; и – томографическое сечение передней части головы, положение секущей плоскости указано на (к). 1 – неровности внутренней поверхности, характерные для изготовления с помощью гончарного круга, 2 – закрытые торцы цилиндрического тулова, 3 – валик в месте крепления шеи к тулову, 4 – складка материала в зоне стыка верхней части головы и шеи, 5 – рог, 6 – глаз, 7 – вставные ноги, выходящие во внутреннюю полость сосуда © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

искусстве не случайно – у многих древних народов бык являлся символом плодородия⁵⁸. На Кипре его череп или отдельные рога в качестве «охранной жертвы» часто «венчали» крыши жилищ⁵⁹, а также размещались на алтарях.

8. Ритон в виде фигурки козла или лани (рис. 8)⁶⁰

ГИМ 54791. Оп. Б-605/127.

Сосуд с цилиндрическим туловом на четырех ножках, длинным наклонным цилиндрическим горлом, с узким трубчатым сливом в морде, округлым устьем с низким венчиком на заливке и горизонтальной уплощенной ручкой в верхней части

в Сиднее (Webb 2001, 62, 63, no. 133) и других собраниях (Buchholz, Karageorghis 1971, 472, Abb. 1724; Karageorghis *et al.* 1985, 126, 127, no. 105–107; Morris 1985, 200–202, pl. 231, 232; Robertson 1986, 48, no. 25; Karageorghis *et al.* 1999, 25, 26, no. 50; Lubsen-Admiraal 2004, 131, no. 268; Bergoffen 2005, pl. 30, 31).

⁵⁸ Morris 1985, 193–203.

⁵⁹ Morris 1985, 195, pl. 223; там же см. о букраниях в древнем кипрском искусстве р. 193–203.

⁶⁰ Karageorghis *et al.* 2005, 32, 33, no. SHM 54; Zhuravlev 2023, 134–135, Кат. № 77.

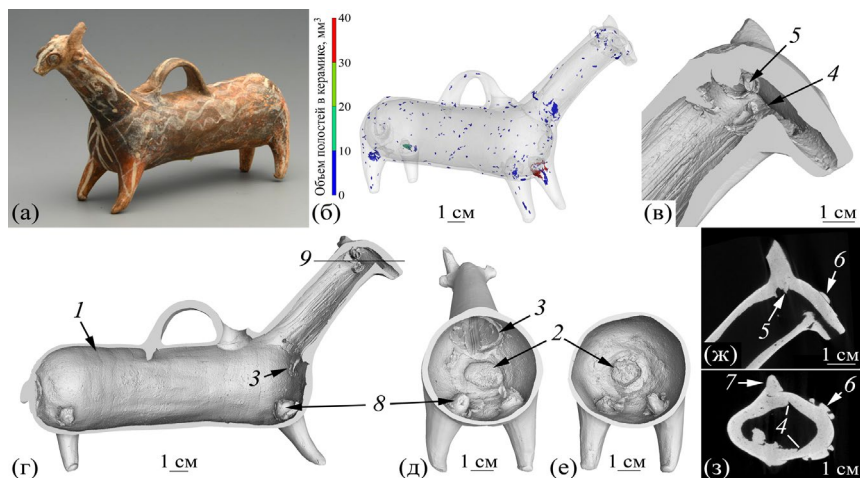

Рис. 8. Ритон в виде фигурки козла или лани ГИМ Б-605/127. Фотография (а) и результаты рентгеновской томографии (б–з): б – распределение полостей в стенках сосуда и между основными деталями конструкции, показаны полости, объем которых превышает $0,15 \text{ мм}^3$; в – продольное сечение объемной модели головы сосуда; г – продольное сечение объемной модели сосуда, проходящее близко к его центру; д – объемное представление передней части внутренней поверхности; е – объемное представление задней части внутренней поверхности; ж – томографическое сечение с областью присоединения рога и глаза к голове; з – томографическое сечение головы, положение секущей плоскости указано на (г). 1 – неровности внутренней поверхности, характерные для изготовления с помощью гончарного круга, 2 – закрытые торцы цилиндрического тулова, 3 – валик в месте крепления шеи к тулову, 4 – складка материала в зоне стыка верхней части головы и шеи, 5 – рог, 6 – глаз, 7 – ухо, 8 – вставные ноги, выходящие во внутреннюю полость сосуда, 9 – положение секущей плоскости для (з) © Д.В. Журавлев, П.В. Гурьева, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишина

тулова. Голову венчают рога (обломаны), под которыми расположены вертикальные уши; глаза оформлены дисковидными наклепками, обрамленными валиками; хвост обозначен рельефным валиком с косыми насечками по краям у основания. Тулово декорировано горизонтальным орнаментом в виде волны, нанесенным белой краской. Аналогичные вертикальные линии украшают шею животного. Морда украшена косыми пересекающимися линиями. На груди животного – «елочный» орнамент, вокруг хвоста – вертикальные линии. Ручка сверху украшена орнаментом в виде волны. Высота – 13,9 см; длина – 19,2 см; ширина – 5,1 см. Глина без заметных включений, красная (2.5YR 6/6). Ангоб переходит от красного (10R 4/8) к коричневому (5YR 4/2), поверхность матовая, орнамент белый.

Практически все ритоны подобной формы выполнены в виде быка⁶¹. Из других животных встречаются сосуды в виде фигурки лошади⁶² и свиньи⁶³. Кроме

⁶¹ О зооморфных мотивах в кипрском искусстве в целом см. Morris 1985, 184–233; Karageorghis 1991, pl. LVII. О находках терракотовых статуэток в виде фигурки козла см. Karageorghis 1996, 35–37, pl. XX, no. K1–K3 и p. 38, pl. XXI, no. K4–K16.

⁶² Karageorghis 1993, 16–24.

⁶³ Lubsen-Admiraal 2004, 132, no. 70. Впрочем, другие исследователи видят здесь быка (Karageorghis *et al.* 2005, 33). Укажем и сосуд в стиле White Painted V ware из некрополя Агия

того, известны сосуды в стиле White Painted ware в виде фигурки барана⁶⁴, а также предметы в стиле Black Polished ware и Red-on-Black ware периодов ранней и средней бронзы, представляющие верблюда⁶⁵. Но все перечисленные выше зооморфные сосуды ритонами не являются, что делает сосуд из собрания Исторического музея по-настоящему уникальным. Оба публикуемых ритона могли использоваться в каких-то ритуалах — жидкость из них медленно выливалась через узкое отверстие в морде⁶⁶, хотя прямые указания на подобные действия в источниках отсутствуют.

СОХРАННОСТЬ СОСУДОВ И СЛЕДЫ РЕСТАВРАЦИИ

Сохранность сосудов в целом удовлетворительная. Композитный сосуд Б 602/70 был собран из нескольких фрагментов, небольшие утраченные участки восполнены реставрационным материалом: часть ушка для привешивания около верхней горловины, часть одной ножки, большая часть нижней горловины (рис. 1, 1), а также 8 фрагментов верхней емкости размерами до 8×13 мм. У этого сосуда в области соединения верхней емкости и горловины наблюдается слабо поглощающее рентгеновское излучение вещество, вероятно, клей, с помощью которого детали крепились друг к другу на первом этапе реставрации (рис. 1, 2). Ручка композитного сосуда утрачена, от нее сохранился небольшой фрагмент около 6 мм высотой, закрепленный на верхней горловине (рис. 1, 3). В месте вероятного крепления ручки к верхней емкости наблюдаются скол и канавки глубиной до 2,5 мм (рис. 1, 4).

У композитного аска Б 602/6 наблюдаются (рис. 2в) трещины шириной до 150 мкм, проходящие через всю толщину ручки. Других повреждений или областей реставрации для этого сосуда не выявлено.

У зооморфного аска Б 602/78 на левой нижней стороне тулова наблюдается зона реставрации стенки размерами около 34×20×3 мм (рис. 6з, б). Также небольшое (около 0,5 мм по высоте) добавление реставрационного материала проводилось для задней правой ноги. Других повреждений или трещин у этого сосуда не выявлено.

У сосуда в форме рогатого животного Б 602/84 (рис. 5) дефекты внутреннего строения, связанные с сохранностью (трещины, отслоения материала и другие), а также области реставрации не выявлены с помощью рентгеновской томографии.

У зооморфного сосуда Б 602/79 (рис. 3) и сосуда в виде птицы Б 602/8 (рис. 4) наблюдаются множественные трещины в керамическом тесте, вероятно, связанные с составом сырья и особенностями производства. Кроме того, у зооморфного сосуда Б 602/79 выявлена единичная трещина шириной около 100 мкм, проходящая через всю толщину ручки. На передней правой ноге этого сосуда наблюдается добавление реставрационного материала около 2 мм по высоте. Области реставрации для сосуда в виде птицы Б 602/8 не обнаружены.

Ирини-Палеокастро, представляющий фигурку с рогами, но с туловищем свиньи (Pescorella 1977, 20, fig. 28a–b; 47, fig. 14).

⁶⁴ Morris 1985, 216, 217, fig. 353, pl. 245.

⁶⁵ Morris 1985, 214, 215, fig. 347, 348, pl. 244.

⁶⁶ Lubsen-Admiraal 2004, 131.

У ритона в форме быка Б 605/126 (рис. 7) наблюдаются несколько областей (левая задняя нога, ручка), восстановленных с помощью реставрационного материала. Через левый рог и правую переднюю ногу проходят сквозные трещины шириной около 130 мкм. Правое ухо практически полностью утрачено. Вероятно, левый рог и правая передняя нога были полностью отломаны и присоединены при реставрации.

У ритона в форме козла или лани Б 605/127 (рис. 8) практически полностью утрачен правый рог и частично левый, иные дефекты внутреннего строения, связанные с сохранностью сосуда (трещины, отслоения материала и другие), при помощи рентгеновской томографии не выявлены.

ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКОГО ТЕСТА

Керамическое тесто всех сосудов неоднородно, оно содержит большое количество сильно поглощающих рентгеновское излучение включений. На поверхности сосудов Б 602/84 (рис. 5, 1), Б 602/8 (рис. 4, 1) и Б 602/79 (рис. 3, 7) различается контрастный слой небольшой толщины, неравномерно покрывающий поверхность предметов и совпадающий с визуальным различимым орнаментом. Этот слой сильнее поглощает рентгеновское излучение, чем керамическое тесто каждого сосуда. Параметры контрастного поверхностного слоя и его локализация для каждого из сосудов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры контрастного слоя на поверхности фигурных сосудов

Объект	Толщина слоя, мкм	Локализация слоя	Увеличение поглощения рентгеновского излучения поверхностным слоем относительно керамического теста, %
Б 602/79 Зооморфный сосуд	~200	ручка, горловина, тулово	~15
Б 602/8 Сосуд в форме птицы	100–130	нижняя часть тулова, ножка	~20
Б 602/84 Сосуд в форме рогатого животного	~140	голова, ручка, тулово	~5

В стенках композитного сосуда Б 602/70 дифференцируются два слоя переменной толщины, по-разному ослабляющие рентгеновское излучение: внутренний и внешний (рис. 1д, врезка). Внутренний слой имеет толщину 1–2,5 мм и поглощает рентгеновское излучение слабее на 15–20%, чем внешний слой сосуда. На некоторых участках также выявляется третий средний слой толщиной до 200 мкм, расположенный между внешним и внутренним слоями (рис. 1д, врезка). Средний слой обладает наибольшим ослаблением рентгеновского излучения

(в зависимости от участка на 3–12% сильнее, чем внешний слой). Толщина стенок верхней и нижней емкостей этого сосуда примерно одинакова и составляет 2–4 мм. Вероятно, такое распределение неоднородностей состава керамики в стенках сосуда связано с условиями его эксплуатации.

Для сосуда в форме рогатого животного Б 602/84 регистрируется приповерхностный слой толщиной около 700 мкм, поглощающий рентгеновское излучение на ~15% слабее, чем внутренняя часть керамического тулова сосуда (рис. 5в, 2). Вероятно, наличие такого слоя связано с особенностями сохранности сосуда.

КОНСТРУКЦИЯ СОСУДОВ И ТЕХНИКА ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

На основе результатов рентгеновской томографии восемь исследованных сосудов можно разделить на несколько групп по внутренней конструкции. В первую очередь выделяются два композитных сосуда, тулова которых образованы геометрическими фигурами, по форме близкими к сферам или эллипсоидам (рис. 1; 2). У сосуда Б 602/70 две емкости, по форме близкие к эллипсоидам, внешними размерами около 99×54 мм верхняя и 93×70 мм нижняя непосредственно закреплены одна на другой (верхняя вставлена в нижнюю, рис. 1б, в, е). Их объемы изолированы и составляют около 200 мл для нижней емкости и около 220 мл – для верхней. К каждой емкости присоединена горловина в виде трубки способом вставки с последующим выглаживанием внешней формы (рис. 1в, д, е). Горловина верхней емкости имеет два отверстия (рис. 1г, д), одно из которых применялось, вероятно, для залива жидкости, а через второе жидкость удобно было выливать. Горловины верхней и нижней емкостей расположены под углом около 128° (рис. 1г), что позволяло максимально использовать полезный объем двух частей сосуда независимо друг от друга.

Тулово композитного аска Б 602/6 образовано тремя емкостями по форме близкими к сферам, внешним диаметром 45–47 мм (рис. 2). Толщина стенок трех емкостей примерно одинакова и составляет 2–3 мм. В отличие от сосуда Б 602/70, две нижние емкости аска Б 602/6 соединены с верхней при помощи полых трубок (внутренний диаметр 10–12 мм, толщина стенок 1,5–2,0 мм) и образуют единый объем (рис. 2в, е, 1). Нижние емкости не соединены между собой. Горловина сосуда вставлена в верхнюю емкость (рис. 2г, д, 2). Ручка аска Б 602/6 также присоединялась методом вставки в пробитое снаружи отверстие (рис. 2в, г, 3), в то время как в двухчастном сосуде Б 602/70 она крепилась наклепом поверх горловины и тулова (рис. 1д, 3). Между отверстиями для крепления ручки трехчастного аска Б 602/6 выявляется еще одно сквозное отверстие, закрытое при помощи небольшого куса глиняного теста (рис. 2в–д, 4). Ножки и петли для привешивания присоединялись к обоим сосудам наклепом дополнительной керамической массы поверх тулова (рис. 1д, е; 2д).

Вторую группу составляют сосуды в форме рогатого животного Б 602/84 (рис. 5), птицы Б 602/8 (рис. 4) и неопределенного животного Б 602/79 (рис. 3). Тулово сосудов Б 602/84 и Б 602/8 выполнено из единого куса керамического теста с соединительным швом, проходящим вдоль верхней части тулова (рис. 5г, е, 3; 4в, д, 2). Тулово сосуда Б 602/79 наиболее сложное и состоит, вероятно, из нескольких

фрагментов (рис. 3, 1), точное количество которых трудно оценить из-за большого количества крупных трещин, являющихся следствием особенностей изготовления и свойств сырья. Горловины сосудов в форме животных Б 602/79 и Б 602/84 выполнены методом вставки в тулово (рис. 3г, 2; 5д, 4), а у сосуда в форме птицы Б 602/8 горловина представляет собой сформованное из стенок тулова и доработанное снаружи отверстие без добавления дополнительного материала (рис. 4в, г, 3). Вероятно, часть головы была утрачена и выровнена в Новое время для придания сосуду товарного вида на антикварном рынке. Горловина зооморфного сосуда Б 602/79, аналогично композитному сосуду Б 602/70, имеет два отверстия, одно из которых, вероятно, использовалось для залива жидкости, а через второе жидкость выливали (рис. 3г). Другие элементы конструкции сосудов Б 602/79 и Б 602/8 (ручка, ножки, хвост, крылья, ушки для привешивания) выполнены налепом поверх тулова (рис. 3в, г; 4г, д). Вдоль ручки сосуда Б 602/79 наблюдаются вытянутые полости (рис. 3г), что может говорить об изготовлении этой детали в технике жгута. Ручка сосуда в форме рогатого животного Б 602/84 вставлена в пробитые снаружи отверстия (рис. 5г, д, 5), а ножки и передняя часть головы выполнены налепом поверх тулова (рис. 5д, е, 6). В узкой части тулова зооморфного сосуда Б 602/79 регистрируются фрагменты содержимого (рис. 3в, 6).

Третью группу сосудов составляют зооморфный сосуд Б 602/78 (рис. 6), ритоны в виде быка Б 605/126 (рис. 7) и козла/лани Б 605/127 (рис. 8), тулова которых изготовлены из единого куска керамической массы по форме близкого к цилиндру. На внутренней поверхности тулова обоих ритонов наблюдаются неровности поверхности (канавки), характерные для способа изготовления с помощью гончарного круга (рис. 7, 1; 8, 1). Для сосуда в форме быка канавки имеют глубину до 100 мкм и расположены с шагом 300–600 мкм. Для сосуда в форме козла/лани оценки не проводились из-за большего размера вокселя. Подобные неровности могут образовываться в процессе выглаживания внутренней поверхности керамического изделия при помощи пальцев или ткани. В этом случае при вращении предмета на гончарном круге мелкие плотные частицы керамического теста, налипшие на пальцы или ткань, оставляют ряды параллельных канавок. Таким образом, мы можем скорректировать высказанное ранее предположение об изготовлении тулова этих сосудов в двух формах — томографических признаков этого процесса (бокового шва или швов) не выявлено. При изготовлении зооморфного сосуда Б 602/78 цилиндрическое тулово было уплощено и сомкнуто с торцов. На передней и задней частях внутренней поверхности тулова наблюдаются характерные складки материала (рис. 6, г, д, ж, з, 1). Его горловина выполнена методом вставки в пробитое снаружи отверстие (рис. 6в, е, 2), а ручка, ноги и голова выполнены налепом поверх тулова (рис. 6в, е).

У ритонов цилиндрическое тулово было сомкнуто с торцов и заглажено с внешней стороны. На внутренней поверхности тулова наблюдаются следы замыкания формы (рис. 7г, д, 2; 8д, е, 2). Головы ритонов состоят из нескольких деталей, соединенных одинаковыми способами и различающихся только размерами: трубки, образующей короткую шею у быка или длинную у козла/лани и вставленной в отверстие в тулове (рис. 7в, 3; 8г, д, 3); верхней и нижней частей головы, присоединенных налепом поверх шеи (рис. 7в, и, 4; 8в, з, 4), из которых было также

сформовано отверстие для слива жидкости. Рога животных на этих сосудах закреплены на верхней поверхности головы методом вставки (рис. 7ж, 5; 8в, ж, 5), а глаза и уши присоединены налепом (рис. 7ж, 6; 8ж, з, 6, 7). Ручка у обоих сосудов закреплена на верхней части тулова комбинированным способом: рядом с отверстием для залива жидкости она фиксировалась налепом поверх тулова, а второй ее конец был вставлен в пробитое снаружи отверстие (рис. 7в, з; 8г). Ноги сосудов вставлены в прибитые в тулове отверстия (рис. 7г–е, 7; 8г–е, 8). Хвост закреплен налепом поверх тулова.

ОБЪЕМ СОСУДОВ

Объемы жидкости, которую могут вместить фигурные сосуды, представлены в табл. 3. Эти данные также получены при помощи томографического исследования и обладают высокой точностью, в отличие от традиционных измерений при помощи воды или сыпучих продуктов, особенно если сосуды частично фрагментированы. Обращает на себя внимание крайне малая вместимость этих сосудов — от 20 до 220 мл. По всей видимости, в большинстве из них могли размещаться лишь парфюмерные масла. Особенно интересен в этой связи зооморфный сосуд Б 602/79, визуально не самый маленький даже в нашей скромной выборке — внутреннее расстояние между стенками столь невелико, а общий объем составляет лишь 20 мл, что позволяет ставить вопрос об отсутствии его практического применения.

Таблица 3

Объемы внутренних полостей фигурных сосудов
по результатам рентгеновской томографии

Объект	Объем, мл
Б-602/6 Композитный аск	90
Б 602/70 Композитный двойной сосуд	220 для верхней емкости, 200 для нижней емкости
Б 602/79 Зооморфный сосуд	20
Б 602/8 Сосуд в форме птицы	40
Б 602/84 Сосуд в форме рогатого животного	60
Б-602/78 Сосуд в форме рогатого животного	130
Б 605/126 Ритон в форме быка бык	160
Б 605/127 Ритон в форме козла/лани	130

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное томографическое исследование позволило детально реконструировать технологию изготовления кипрских фигурных сосудов эпохи средней и поздней бронзы.

Несмотря на то, что до проведения наших исследований мы знали, что большинство из них лепные, часть из них изготовлена из одного куска глиняной массы, некоторые являются составными, а детали изготавливались отдельно и прикреплялись к тулову сосуда, исследование методом рентгеновской томографии в НИЦ «Курчатовский институт» позволило изучить ряд технологических приемов, выявить которые визуальным способом представлялось невозможным.

У композитного сосуда Б 602/70 две емкости непосредственно закреплены одна на другой (верхняя вставлена в нижнюю, рис. 1б, в, е). Их объемы изолированы и у каждого сосуда существует отдельный носик, дающий возможность его независимого использования. Тулово композитного аска Б 602/6 образовано тремя емкостями по форме близкими к сферам, соединенными между собой при помощи полых трубочек (рис. 2). Для изготовления тулова ритонов в виде быка Б 605/126 (рис. 7) и козла/лани Б 605/127 (рис. 8) использовался гончарный круг, хотя ранее предполагалось, что они также были лепными. Затем тулово было сомкнуто с торцов и заглажено с внешней стороны. Для всех зооморфных сосудов были выявлены и описаны приемы соединения отдельных частей (налеп, вставка), в частности, голов, рогов и ног, а также реконструирована последовательность выполнения операций, что важно для изучения керамической технологии.

Современные методы неинвазивной визуализации внутреннего строения — различные методы томографии, занимают все более значимое место в изучении объектов культурного наследия. Работа с сохранившимися полностью музейными предметами зачастую затруднена, как бы парадоксально это ни звучало, именно их хорошей сохранностью и невозможностью изучить технологические следы. Проведенное исследование показало перспективы использования подобных методов не только для реконструкции технологии изготовления древних сосудов, но и для научной реставрации уникальных экспонатов, и будет продолжено на других памятниках из собрания Государственного исторического музея.

Литература / References

- Akimova, L.I., Kalinichev, D.A., Samar, O.Yu., Smolenkova, V.V. 2014: *Iskusstvo Drevnego Kipra v sobranii GMI im. A.S. Pushkina* [The Art of Ancient Cyprus in the Pushkin Museum of Fine Arts]. Vol. I. Moscow.
- Акимова, Л.И., Калинин, Д.А., Самар, О.Ю., Смоленкова, В.В. *Искусство Древнего Кипра в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина*. Т. 1. М.
- Åström, P. 1972: *The Middle Cypriote Bronze Age*. (Swedish Cyprus Expedition, 4/1B). Lund.
- Bakirov, B., Smirnova, V., Kichanov, S., Shaykhtudinova, E., Murashev, M., Kozlenko, D., Sitdikov, A. 2023: Structural Features of the Fragments from Cast Iron Cauldrons of the Medieval Golden Horde: Neutron Tomography Data. *Journal of Imaging* 9/5, 97.
- Barker, C., Merrillees, R., Webb, J., Powell, J., Mrva-Montoya, A., Wood Conroy, D., Kerhberg, I., Green, J.R. 2012: *Aphrodite's Island: Australian Archaeologists in Cyprus. The Cypriote Collection of the Nicholson Museum*. Sydney.
- Bergoffen, C. 2005: *The Cypriot Bronze Age Pottery from Sir Leonard Wooley's Excavations at Alatakh (Tell Atchana)*. Wien.

- Bernhard-Walcher, A. 1984: *Bronzezeitliche Keramik aus Zypern*. (Corpus Vasorum Antiquorum, 4). Wien.
- Bernhard-Walcher, A., Dembski, G., Gschwantler, K., Karageorghis, V., Seipel, W. (eds.) 1999: *Die Sammlung zyprischer Antiken im Kunsthistorischen Museum*. Wien.
- Brehme, S., Brönnner, M., Karageorghis, V., Platz-Horster, G., Weisser, B. 2001: *Ancient Cypriote Art in Berlin: Antikensammlung, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Münzkabinett*. Nicosia.
- Buchholz, H.-G., Karageorghis, V. 1971: *Altägäis und Altkypros*. Tübingen.
- Cat. Odessa. 1983: G.A. Dzis-Rayko (ed.), *Odesskiy arheologicheskii muzey AN USSR [Odessa Archaeological Museum of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR]*. Kiev.
- Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.), *Одесский археологический музей АН УССР*. Киев.
- Catling, H.W. 1976: Prolegomena for a Study of a Class of Late Cypriote Terracotta Figures. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus*, 66–74.
- Caubet, A., Hermay, A., Karageorghis, V. 1992: *Art Antique de Chypre au Musée du Louvre: Du Chalcolithique à l'Époque Romaine*. Paris.
- Caubet, A., Merrillees, S. 1997: Les Askoi Anthropomorphes et Zoomorphes aux Périodes CA et CM. In: V. Karageorghis, R. Laffineur, F. Vandenabeele (eds.), *Four Thousand Years of Images on Cypriote Pottery: Proceedings of the Third International Conference of Cypriote Studies, Nicosia (May 3–4, 1996)*. Brussels–Liège–Nicosia, 15–24.
- Csornay-Caprez, B. 2000: *Cypriote Antiquities*. (Monumenta antiquitatis extra fines Hungariae reperta, 6). Rome.
- Dikaïos, P., Stewart, J.R. 1962: *The Stone Age and the Early Bronze Age in Cyprus*. (Swedish Cyprus Expedition, 4/1A). Lund.
- Ebbighaus, S., Molacek, E. 2018: Drinking Horns History. In: S. Ebbinghaus (ed.), *Animal-Shaped Vessels from the Ancient World. Feasting with Gods, Heroes, and Kings*. Cambridge, 245–303.
- Frankel, D. 1983: *Corpus of Cypriot Antiquities 7. Early and Middle Bronze Age Material in the Ashmolean Museum, Oxford*. (Studies in Mediterranean Archaeology, 20/7). Gothenburg.
- Gaidukov, P.G., Oleynikov, O.M., Zaytseva, I.E., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Podurets, K.M., Mandrykina, A.V., Vaschenkova, E.S., Kulikov, A.G., Retivov, V.M., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2022: [Gold Pendant with Enamel from Novgorod: Comprehensive Analytical Research]. *Rossiyskaya arheologiya [Russian Archaeology]* 3, 90–106.
- Гайдуков, П.Г., Олейников, О.М., Зайцева, И.Е., Коваленко, Е.С., Мурашев, М.М., Подурец, К.М., Мандрыкина, А.В., Ващенко, Е.С., Куликов, А.Г., Ретивов, В.М., Терешенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Золотая подвеска с эмалью из Новгорода: комплексное аналитическое исследование. *Российская археология* 3, 90–106.
- Guryeva, P.V., Zhuravlev, D.V., Kovalenko, E.S., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2023: [Figure Vessel in the Form of a Panther from Pantikapaion – View Inside]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]* 41, 180–188.
- Гурьева, П.В., Журавлев, Д.В., Коваленко, Е.С., Терешенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Фигурный сосуд в виде пантеры из Пантикапея – взгляд вовнутрь. *Археологические вести* 41, 180–188.
- Kainov, S.Yu., Kovalenko, E.S., Podurets, K.M., Glazkov, V.P., Murashev, M.M., Presnyakova, N.N., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2021: [An Arrowhead from the Chernaya Mogila Mound: New Results of Research]. *Rossiyskaya arheologiya [Russian Archaeology]* 2, 108–122.
- Каинов, С.Ю., Коваленко, Е.С., Подурец, К.М., Глазков, В.П., Мурашев, М.М., Преснякова, Н.Н., Терешенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Наконечник стрелы из кургана Черная могила: новые результаты исследований. *Российская археология* 2, 108–122.
- Karageorghis, V. 1991: *The Coroplastic Art of Ancient Cyprus*. Vol. I. *Chalcolithic – Late Cypriote I*. Nicosia.
- Karageorghis, V. 1993: *The Coroplastic Art of Ancient Cyprus*. Vol. II. *Late Cypriote II–Cypro-Geometric III*. Nicosia.
- Karageorghis, V. 1995: *The Coroplastic Art of Ancient Cyprus*. Vol. IV. *The Cypro-Archaic Period: Small Male Figurines*. Nicosia.
- Karageorghis, V. 2003: *Ancient Cypriote Art in the National Archaeological Museum of Athens*. Athens.
- Karageorghis, V., Bukina, A., Collon, D., Diukov, Yu., Isaenko, N., Kunina, N., Neverov, O., Savelyev, Yu., Tugusheva, O., Zhuravlev, D. 2005: *Ancient Cypriote Art in Russian Museums: The State Historical Museum, Moscow, the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, the State Hermitage Museum, St. Petersburg*. Nicosia.
- Karageorghis, V., Chamay, J., Chrzanowski, L., Decorouez, D., Zimmermann, J.-L. 2004: *Ancient Cypriote Art in the Musée d'Art et d'Histoire, Geneva*. Athens.

- Karageorghis, V., Olenik, Y. 1997: *The Potter's Art of Ancient Cyprus in the Collection of the Eretz Israel Museum*. Tel Aviv.
- Karageorghis, V., Rasmussen, B.B., Sørensen, L.W., Lund, J., Horsnæs, H., Nielsen, A.M. 2001a: *Ancient Cypriote Art in Copenhagen. The Collections of the National Museum of Denmark and the Ny Carlsberg Glyptotek*. Nicosia.
- Karageorghis, V., Risopoulou-Egoumenidou, F., Bakirtzi, D., Elliott, C. 1985: *Ancient Cypriote Art in the Pierides Foundation Museum*. Larnaca.
- Karageorghis, V., Vanchugov, V.P., Okhotnikov, V.P., Sekerskaia, N.M., Redina, E.F., Bulatovich, S.A., Bruiako, I.V. 2001b: *Greek and Cypriot Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa*. Nicosia.
- Karageorghis, V., Vassilika, E., Wilson, P. 1999: *The Art of Ancient Cyprus in the Fitzwilliam Museum, Cambridge*. Nicosia.
- Koval'chuk, M.V., Yatsishina, E.B., Blagov, A.E., Tereshchenko, E.Y., Prosekov, P.A., Dyakova, Y.A. 2016: X-ray and Synchrotron Methods in Studies of Cultural Heritage Sites. *Crystallography Reports* 61/5, 703–717.
- Koval'chuk, M.V., Yatsishina, E.B., Greshnikov, E.A., Antsiferova, A.A., Kashkarov, P.K., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Podurets, K.M., Timerkaev, V.B., Makarov, N.A., Olkhovskii, S.V., Gunchina, O.L. 2020: Tomographic Studies of the Terracotta Head from Kerch Bay. *Crystallography Reports* 65/5, 805–811.
- Laffineur, R. 1997: The Cypriote Ring-vases Reconsidered. In: V. Karageorghis, R. Laffineur, F. Vandenaebbe (eds.), *Four Thousand Years of Images on Cypriote Pottery: Proceedings of the Third International Conference of Cypriote Studies, Nicosia (May 3–4, 1996)*. Brussels–Liège–Nicosia, 145–157.
- Loboda, A.Yu., Kalinin, P.I., Antipin, A.M., Mandrykina, A.V., Kuzmina, E.A., Guryeva, P.V., Kovalenko, E.S., Naumenko, V.E., Hayredinova, E.A., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2023: [Lime Mortars from the Early Temples Masonry from Mangup and Eski-Kermen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria] 28, 323–336.
- Лобода, А.Ю., Калинин, П.И., Антипин, А.М., Мандрыкина, А.В., Кузьмина, Е.А., Гурьева, П.В., Коваленко, Е.С., Науменко, В.Е., Хайрединова, Э.А., Терешенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Известковые строительные растворы из кладок ранних храмов Мангупа и Эски-Кермена. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 28, 323–336.
- Lubsen-Admiraal, S.M. 2004: *Ancient Cypriot Art. The Thanos N. Zintilis Collection*. Athens.
- Makarov, N.A., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Podurets, K.M., Kainov, S.Yu., Kondratiev, O.A., Guryeva, P.V., Zaytseva, I.E., Fedorina, A.N., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2023: [The Pommel Base of a Sword from Suzdal Opolye: Decor Reconstruction]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 52–63.
- Макаров, Н.А., Коваленко, Е.С., Мурашев, М.М., Подурец, К.М., Каинов, С.Ю., Кондратьев, О.А., Гурьева, П.В., Зайцева, И.Е., Федорина, А.Н., Терешенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Основание навершия меча из Суздальского ополья: реконструкция декора. *Российская археология* 2, 52–63.
- Minutes of Meetings of the MAO, 1880: [Minutes of Meetings of the Moscow Archaeological Society]. In: V.E. Rumyantsev (ed.), *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Works of the Moscow Archaeological Society]. Vol. VIII. Moscow, 1–74.
- Протоколы заседаний Московского археологического общества. *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. 8. М., 1–74.
- Mironenko-Marenkova, I., Vakh, K. 2018: An Institution, Its People and Its Documents: The Russian Consulate in Jerusalem Through the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, 1858–1914. In: A. Dalachanis, V. Lemire (eds.), *Ordinary Jerusalem, 1840–1940. Opening New Archives, Revisiting a Global City*. Vol. 1. Leiden–Boston, 200–222.
- Morris, D. 1985: *The Art of Ancient Cyprus. With a Check-List of the Author's Collection*. Oxford.
- Murashev, V.V., Kainov, S.Yu., Kovalenko, E.S., Podurets, K.M., Glazkov, V.P., Murashev, M.M., Chichaev, I.A., Presniakova, N.N., Tereshchenko, E.Yu., Retivov, V.M., Yatsishina, E.B. 2021: 'Barbarian Scepters' of the Viking Age from the Chernaya Mogila Burial Mound at Chernigov (Present-day Ukraine). *Journal of Archaeological Science: Reports* 37. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2352409X21001589>; date of access: 28.05.2024.
- Pecorella, P.E. 1977: *Le Tombe dell'Età del Bronzo Tardo della Necropoli a Mare di Agia Irini "Paleokastro"*. (Biblioteca di Antichità Cipriote, 4). Roma.

- Podurets, K.M., Glazkov, V.P., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Yatsishina, E.B., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Lukin, E.V. 2021: Modern Methods of Neutron Radiography and Tomography in Studies of the Internal Structure of Objects. *Crystallography Reports* 66/2, 254–266.
- Robertson, L.F. 1986: *Corpus of Cypriote Antiquities: The Brock University Collection of Cypriot Antiquities*. (Studies in Mediterranean Archaeology, 20/11). Gothenburg.
- Saprykina, I.A., Bakirov, B.A., Gritsenko (Solovieva), L.N., Mimokhod, R.A., Shvedchikova, T.Yu., Sudarev, N.I., Kichanov, S.E., Uspensky, P.S. 2023: [Studies of the Late Sixth to Late Fifth Century BC Bronze Mirrors from the Cemetery of Volna I in the Asiatic Bosphoros]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria]* 28, 44–69.
- Сапрыкина, И.А., Бакиров, Б.А., Гриценко (Соловьева), Л.Н., Мимоход, Р.А., Шведчикова, Т.Ю., Сударев, Н.И., Кичанов, С.Е., Успенский, П.С. Исследования бронзовых зеркал конца VI – конца V в. до н.э. из грунтового могильника Волна I на Азиатском Боспоре. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 28, 44–69.
- Smith, A.H. 1925: *Corpus Vasorum Antiquorum: Great Britain, British Museum*. Fasc. 1. London.
- Tereschenko, E.Yu., Kuzina, I.N., Mandrykina, A.V., Kondratev, O.A., Kulikova, E.S., Svetogorov, R.D., Gureva, P.V., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Vaschenkova, E.S., Ismagulov, A.M., Retivov, V.M., Yatsishina, E.B. 2022: On the Mystery of Bead. *Nanobiotechnology Reports* 17/5, 594–609.
- Tsipopoulou, M. 1988: *Corpus of Cypriote Antiquities: Vases Chypriotes et Mycéniens du Musée de Laon, France*. (Studies in Mediterranean Archaeology, 20/15). Jonsered.
- Webb, J.M. 2001: *Corpus of Cypriote Antiquities: Cypriote Antiquities in the Nicholson Museum at the University of Sydney*. (Studies in Mediterranean Archaeology, 20/20). Jonsered.
- Yon, M. 1997: Rhytons Zoomorphes et Vases Figuratifs au Bronze Récent. In: V. Karageorghis, R. Laffineur, F. Vandenabeele (eds.), *Four Thousand Years of Images on Cypriote Pottery: Proceedings of the Third International Conference of Cypriote Studies, Nicosia (May 3–4, 1996)*. Brussels–Liège–Nicosia, 49–60.
- Yuzefovich, T.P. 1869: *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye [Political and Commercial Treaties Between Russia and the East]*. Saint-Petersburg.
- Юзефович, Т.П. *Договоры России с Востоком политические и торговые*. СПб.
- Zhomartova, A.Zh., Bakirov, B.A., Kichanov, S.E., Zhumatayev, R.S., Toleubayev, A.T., Shakenov, S., Kozlenko, D.P. 2023: Non-destructive Structural Studies of Ceramic Fragments of Ancient Tribes of Kazakhstan. *Eurasian Journal of Physics and Functional Materials* 7/2, 79–90.
- Zhomartova, A.Zh., Shaykhutdinova, E.F., Bakirov, B.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Sitdikov, A.G. 2022: Structural Studies of the Brass Ingots from the Shcherbet Historical Complex of the Lower Kama Region: Neutron Diffraction and Tomography Studies. *Eurasian Journal of Physics and Functional Materials* 6/3, 180–189.
- Zhuravlev, D.V. 2023: *Sokrovishcha drevnego Kipra. Kolleksiya Aleksey Uvarova [Treasures of Ancient Cyprus. Collection of Alexey Uvarov]*. Moscow.
- Журавлев, Д.В. *Сокровища древнего Кипра. Коллекция Алексея Уварова*. М.
- Zhuravlev, D.V., Guryeva, P.V., Kovalenko, E.S., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2024: [Two Cnidian Figural Vessels of the 2nd Century AD from the Collection of the State Historical Museum: Technological Research]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 2, 36–50.
- Журавлев, Д.В., Гурьева, П.В., Коваленко, Е.С., Терешченко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. Два книдских фигурных сосуда II в.н.э. из собрания Государственного исторического музея: технологические исследования. *Российская археология* 2, 36–50.
- Zhuravlev, D.V., Mandrykina, A.V., Smokotina, A.V., Gurieva, P.V., Kovalenko, E.S., Ismagulov, A.M., Malozovskaya, M.S., Tereschenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2023: Bosporan and Pontic Sigillata from Panticapaum: experience of comparative analysis. *Nanobiotechnology Reports* 18/5, 701–725.
- Zupancich, S. 1997: *I Vasi Ciprioti dell'Età del Bronzo dei Civici Musei di Storia ed Arte di Trieste*. Trieste.

DOI: 10.31857/S0321039124020036

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МЕТОДЕ ГЕРОДОТА: ГЕРОДОТ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

А. И. Иванчик

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт исследования древности и средневековья «Авзоний», ИЦНИ, Бордо, Франция*

E-mail: ivantchika@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0861-7761

Статья посвящена вопросу об источниках исторических и этнографических сведений Геродота и о методах его обращения с ними. В качестве основного примера выбран текст IV. 5–7, в котором Геродот излагает четыре версии происхождения скифов, заимствованные из разных источников. Анализ этого текста и его сопоставление с другими пассажами Геродота позволяет сделать ряд выводов, относящихся ко всему его сочинению. Для Геродота несущественно различие между устным и письменным прозаическим источником (λόγος, ἀκοή). При этом он крайне редко и по особым причинам называет по имени авторов своих источников, по большей части ограничиваясь указанием на группу, к которой они принадлежали или к которой, по его мнению, в конечном итоге восходит информация («эллины», «скифы», «афиняне» и т.д.). Очевидно, он рассматривает эти рассказы как представляющие общую точку зрения этих групп, а не персональные взгляды. Поэтические тексты Геродот считает более персональными и гораздо чаще упоминает их авторов. При этом к Гомеру и другим авторам раннего эпоса он относится пренебрежительно и с недоверием, а сообщения более поздних поэтов, вплоть до Эсхила и включая Аристея, ценит выше. Геродот охотно комбинирует разные логосы, когда возможно, и находит в такой возможности подтверждение их достоверности. Возможность найти их подтверждение в том, что можно увидеть (ὄψις), для него еще более важное свидетельство достоверности. Если же разные версии одного события несовместимы, Геродот просто излагает их одну за другой, часто указывая на ту, которую предпочитает. Для него характерен высокий уровень рефлексии: он формулирует в нескольких пассажах свой метод и следует ему. Геродот передает сообщения своих источников – и устных, и письменных – точно и практически без искажений. Насколько они отражают историческую реальность – другой вопрос, и ответ на него зависит в большой мере от характера самих источников.

Данные об авторе. Аскольд Игоревич Иванчик – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН и Института Франции (Академия надписей и изящной словесности), руководитель Центра античной и восточной археологии ИКВИА НИУ ВШЭ.

Исследование проведено при поддержке программы IdEx “Investissements d’avenir” Университета Бордо/GPR “Human Past”.

Ключевые слова: Геродот, скифы, устная история, ионийская проза, античная этнография

ON THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC METHOD OF HERODOTUS: HERODOTUS AND HIS SOURCES

Askold I. Ivantchik

HSE University, Moscow, Russia;

Institute "Ausonius", CNRS, Bordeaux, France

E-mail: ivantchika@gmail.com

Acknowledgements: Program IdEx "Investissements d'avenir"
of the Bordeaux University/GPR "Human Past"

This article discusses the problem of Herodotus' sources of historical and ethnographic information and his methods of their treatment. The text of IV. 5–7, in which Herodotus relates four versions of the origin of the Scythians, borrowed from different sources, is chosen for a detailed case study. The analysis of this text and its comparison with other passages from Herodotus allow us to draw a number of conclusions relating to his entire work. The distinction between oral and written prose sources (λόγος, ἀκοή) is irrelevant for Herodotus. He very rarely and only for special reasons mentions the name of the author of his source, for the most part confining himself to indicating the group to which he belonged or to which he believes the information ultimately goes back ('Hellenes', 'Scythians', 'Athenians', etc.). Obviously, he sees these accounts as representing the common viewpoint of these groups rather than personal views. Herodotus considers poetic texts to be more personal, and he mentions their authors much more often. In doing so, he treats Homer and other authors of early epics with disdain and distrust, while he values the reports of later poets, up to Aeschylus and including Aristaeas, more highly. Herodotus willingly combines different *logoi* whenever possible, and finds in such a possibility confirmation of their reliability. The possibility of their confirmation by what can be seen (ὄψις) is an even more important evidence of credibility for him. If different versions of the same event are irreconcilable, Herodotus simply relates them one after another, often pointing to the one he prefers. His work is characterized by a high level of self-reflection: Herodotus follows a clearly formulated method. He transmits the evidences of his sources, both oral and written, accurately and almost with no distortion. To what extent they reflect the historical reality is another question, and the answer mostly depends on the nature of the sources themselves.

Keywords: Herodotus, Scythians, oral history, Ionian prose, ancient ethnography

Уже не раз отмечалось, что Геродот может считаться не только отцом истории, но и отцом этнографии — описания негреческих народов занимают в его сочинении очень большое место. Неудивительно поэтому, что такие описания привлекали пристальное внимание исследователей Геродота и были одним из главных источников их размышлений о его творческом методе, в том числе о том, какими источниками он пользовался и как с ними обращался. Пожалуй, одним из самых длинных и важных этнографических описаний Геродота является его «Скифский логос», занимающий большую часть 4-й книги. Он же и один из наиболее изученных текстов Геродота: только египетский рассказ во 2-й книге привлекал, пожалуй, больше внимания.

Оценки этого рассказа предлагаются самые разные. Исследователи истории и культуры скифов используют его как надежнейший и достоверный источник, на котором строится значительная часть наших представлений о скифах — наряду с археологическими данными, конечно. В то же время целый ряд исследователей, которых У. Притчетт в свое время объединил под названием *Liar School of Herodotus*¹, оценивают достоверность рассказа Геродота как крайне невысокую, а его ссылки на источники считают фиктивными. В действительности, конечно, они не составляют единой школы и исходят из очень разных представлений, но их объединяет понимание сведений Геродота не как отражения исторической реальности, а как изложения умственных конструкций его самого или его современников.

В начале скифского логоса содержится довольно длинный текст, который, на мой взгляд, позволяет сделать существенные выводы об историческом методе Геродота, о том, какие источники он использовал, говоря об истории и культуре варваров, и как с ними обращался. Главы с 5 по 13 посвящены вопросу о происхождении скифов. При этом Геродот излагает здесь четыре версии, сильно различающиеся между собой и противоречащие друг другу, каждая из которых содержит ссылку на источник сведений. Это не единственный случай — Геродот и в других местах своего труда излагает противоречащие друг другу версии². Однажды он замечает (VII. 152, ср. II. 123. 1), что должен передавать то, что рассказывают (ὁφεῖλω λέγειν τὰ λεγόμενα), но не должен всему верить (πεῖθεσθαι γὰρ μὲν οὐ παντάλασιν ὁφεῖλω), и уточняет, что это относится ко всему его произведению (καὶ μοι τοῦτο τὸ ἔπος ἔχτω ἐς πάντα τὸν λόγον).

Итак, первый рассказ (IV. 5–7) прямо приписан самим скифам: Геродот об этом говорит трижды: Σκύθαι λέγουσι (IV. 5. 1), ὃδε λέγουσι οἱ Σκύθαι (IV. 7. 1), Σκύθαι μὲν ὃδε ὑπὲρ σφέων τε αὐτῶν καὶ τῆς χώρας τῆς κατὰπερθε λέγουσι (IV. 8. 1). Он содержит легенду о происхождении скифов, скифских царей и скифской социальной структуры. Универсальный метод проверки любого свидетельства — его сравнение с независимыми данными. В этом случае для верификации можно использовать свидетельства письменных традиций других иранских народов, а также лингвистические данные. Специальные исследования, проводившиеся ранее, в том числе и мной самим, показывают, что во многих иранских традициях зафиксирована легенда о происхождении людей и их общества, имеющая, очевидно, общее происхождение³. Согласно этой легенде, прародителями трех основных сословий общества, а именно жрецов, воинов и производителей, были три сына первого человека, младший из которых стал родоначальником царей и воинов. Только ему удалось завладеть небесными дарами, которые не дались в руки старшим братьям, что и обеспечивало его господство над ними.

Рассказ Геродота в деталях совпадает с этими легендами и, таким образом, может рассматриваться как один из вариантов этой общеиранской легенды. Более того, все персонажи легенды носят имена, имеющие иранские этимологии; смысл этих имен, ясный для носителей восточноиранских диалектов, конечно,

¹ Pritchett 1993.

² Согласно Дональду Латинеру, Геродот более 125 раз приводит альтернативные версии одного события: Lateiner 1989, 78, список см. *ibid.*, 84–90.

³ См. Ivantchik 1999; 2001b, со ссылками на более ранние исследования.

Геродоту понятен не был, но мы можем его распознать⁴. Это может иметь только одно объяснение — источником Геродота был некто очень хорошо знающий и скифский язык, и скифскую мифологию, и скифские обычаи, т.е. скорее всего скиф. Конечно, Геродот общался с ним на греческом, а значит, он был эллинизирован. Одного такого персонажа Геродот прямо называет как источник своих сведений о скифской царской династии — он носит греческое имя карийского происхождения Тимн (IV. 76).

Для определения его статуса следует решить текстологическую проблему, которая, как правило, игнорируется. Тимна обычно считают доверенным лицом (наместником, представителем и т.п.) скифского царя Ариапифа, отца Скила и Октамасада; соответственно предполагается, что он должен был быть в довольно преклонном возрасте (и во всяком случае давно в отставке, поскольку после Ариапифа царем был Скил, а затем Октамасад), когда встречался с Геродотом. Такое понимание текста основывается на следующем чтении ключевой фразы Геродота: Ὡς δ' ἐγὼ ἤκουσα Τύμνω τοῦ Ἀριαπίθεος ἐπιτρόπου, εἶναι αὐτὸν Ἰδανθύρσου τοῦ Σκυθέων βασιλέος πατρὼν, παῖδα δὲ εἶναι Γνούρου τοῦ Λύχου τοῦ Σπαργαλίθεος. Однако эта фраза содержит существенные разночтения в рукописях. Прежде всего, Ἀριαπίθεος дают рукописи флорентийской ветви (ABC), а рукописи римской ветви (DRUSVX) — Σπαργαλίθεος, что, вероятно, следует объяснить ошибкой под влиянием этого имени, упомянутого в той же фразе. В тексте, очевидно, следует оставить Ἀριαπίθεος, как и делают все издатели. Но гораздо важнее, что ἐπιτρόπου дают лишь codici descripti (CTMP), тогда как основные рукописи обеих ветвей традиции (AB и DRSUVX) согласно дают ἐπιτρόπος, чтение, которое и следовало бы принимать в текст⁵. С точки зрения истории текста Геродота такое решение безальтернативно. Именно так делает в своем издании Х. Розен, расставляя соответственно и пунктуацию: Ὡς δ' ἐγὼ ἤκουσα Τύμνω τοῦ Ἀριαπίθεος, ἐπιτρόπον εἶναι αὐτὸν Ἰδανθύρσου, τοῦ Σκυθέων βασιλέος πατρὼν, παῖδα δὲ εἶναι Γνούρου τοῦ Λύχου τοῦ Σπαργαλίθεος⁶. В таком случае следует переводить: «Как я слышал от Тимна, сына Ариапифа, он (т.е. Анахарсис) был воспитателем⁷ Иданфирса, дядей по отцу царя скифов и сыном Гнура, сына Лика, сына Спаргапифа». Под «царем скифов» здесь, конечно, подразумевается Иданфирс; совершенно непонятно предположение Х. Розена в примечании к этому месту, что Геродот имеет в виду Савлия: ведь в следующей фразе говорится, что Савлий был не племянником, а братом Анахарсиса.

⁴ Ivantchik 1999, ср. Schmitt 2003.

⁵ См. о рукописях и рукописной традиции Геродота в последних изданиях Н. Rosén и N.G. Wilson, а также Hemmerdinger 1981, здесь же сиглы рукописей, общие для всех изданий.

⁶ Н. Уилсон в своем издании принимает в текст традиционное чтение ἐπιτρόπου, хотя из его аппарата следует, что речь идет о конъектуре в поздних рукописях; в точности так же обстоит дело и в издании С. Hude. Мне трудно объяснить это очевидное противоречие чем-нибудь, кроме некритичного следования традиции, разве что простой невнимательностью. В книге Wilson 2015 эта текстологическая проблема не упоминается.

⁷ Это значение слова ἐπίτροπος лучше подходит по контексту, чем «доверенное лицо, управляющий» и т.п., учитывая разницу в возрасте Иданфирса и Анахарсиса и репутацию последнего.

Из этого текста следует, что Тимн, несмотря на свое греческое (карийского происхождения) имя, был не «управителем», а одним из младших сыновей царя Ариапифа, скорее всего от греческой жены (как и его сводный брат Скил⁸). Он, очевидно, жил (по меньшей мере часть года) в Ольвии, как прежде его брат Скил, и именно там с ним встретился Геродот. Его осведомленность о скифах, в особенности «царских скифах», их мифологии, обычаях, правящей династии и отношениях внутри нее, таким образом, совершенно естественна, как и знакомство с греческим языком и культурой. Сообщение о том, что Анахарсис был воспитателем царя Иданфирса, вполне соответствует достаточно рано появляющейся греческой традиции идеализации этого скифского царя, которого позже Хрисипп упоминал среди правителей, при дворе которых следует жить настоящему (стоическому) философу (SVF II. fr. 691, 692). При этом сам Геродот здесь же говорит, что скифы уверяют, что никогда не слышали об Анахарсисе. Он, очевидно, имеет в виду своеобразную *damnatio memoriae*: скифы не хотят вспоминать Анахарсиса, как предателя. Скорее всего, эта подробность, как и вся теория о нежелании скифов перенимать греческие обычаи (что прямо противоречит ряду деталей рассказа Геродота), принадлежит самому Геродоту. Большое значение, которое Геродот придавал информации, полученной от Тимна, подчеркивается тем, что он, вопреки своему обыкновению, называет его по имени.

Итак, Тимн был для Геродота источником сведений о скифах, и прежде всего о скифской царской династии, к которой, скорее всего, и сам принадлежал. Наиболее вероятно, что он был источником Геродота и в его изложении скифской легенды о происхождении скифских царей и самих скифов. Нельзя исключать, конечно, что информантов у Геродота было несколько, и одним из них был другой эллинизированный скиф, похожий на Тимна, но такая гипотеза противоречила бы принципу экономии, известному также как бритва Оккама. Важно в любом случае отметить, что указание на источник у Геродота верное, хотя и обобщенное («скифы» заменяют скифа Тимна, см. ниже об аналогичных ссылках у Геродота), а информацию этого источника он передает очень точно, вплоть до формы иранских имен.

Второй рассказ, следующий за первым (IV. 8–10), вводится словами Ἑλλήνων δὲ οἱ τὸν Πόντον οἰκέοντες ὧδε, т.е. в качестве источника указываются понтийские греки. Несмотря на то, что второй рассказ отличается в деталях от первого, он вне всякого сомнения является еще одной версией той же иранской легенды

⁸ У Ариапифа, очевидно, было несколько сыновей от разных жен. Геродот упоминает только тех из них, кто представляет интерес для его повествования, и не списком, а в тех пассажах, где они нужны для этого повествования. Кроме Скила, протагониста его рассказа об отношении скифов к чужеземным обычаям (IV. 76–80), это Орик (IV. 78), который упомянут потому, что был сыном Опии, жены Ариапифа, которую Скил унаследовал от отца вместе с престолом. Это, очевидно, свидетельствует о ее особом статусе среди царских жен: женитьба на ней была необходима для дополнительной легитимации власти Скила; Геродот ее определяет как ἄσπῃ (в греческом контексте — горожанка/гражданка, здесь, видимо, следует понимать как «полноправная»). Четвертый известный нам сын Ариапифа, на этот раз от фракийской царевны, Октамасад, появляется в другом пассаже, связанном не с началом, а с концом царствования Скила (IV. 80): именно он сверг Скила с престола и убил его.

о происхождении людей и человеческого общества⁹. Однако все ее персонажи носят греческие имена, первый человек заменен на Геракла, а названия социальных групп — на греческие названия местных народов — скифов и агафирсов — или главного скифского городского центра Гелона. Перед нами вполне очевидная греческая адаптация местной легенды, *interpretatio Graeca*, в результате которой меняется ее смысл, а сама она вписывается в общегреческие циклы мифов, в данном случае в цикл легенд о Геракле. При этом упоминание в качестве места действия топонима Гилея позволяет локализовать легенду точнее — речь идет не просто о понтийских греках, а о жителях Ольвии, в окрестностях которой она находилась. Здесь у нас тоже есть возможность сопоставить рассказ Геродота с независимыми данными. В данном случае это эпиграфический текст: в одном частном письме второй половины VI в. до н.э., найденном в Ольвии, упоминаются алтари Геракла, женского божества, названного Матерью богов, и Борисфена, расположенные в Гилее¹⁰. Речь идет, таким образом, о культе персонажей рассказанной Геродотом легенды, отправлявшемся в месте действия этой легенды. При этом Гилея не была под прямым контролем Ольвии, и этот культ, вероятно, был общим для греков и скифов. Местная змееногая богиня, по-видимому, отождествлялась в Ольвии с Матерью богов, а в некоторых версиях легенды она считалась дочерью Борисфена. Археологические данные также свидетельствуют о том, что змееногая богиня, главный персонаж этой легенды, была популярна в скифском искусстве¹¹. Таким образом, и здесь независимые данные позволяют заключить, что Геродот верно указывает источник информации и передает полученные от него данные точно: сведения об эллинизированном варианте скифской легенды в этой форме он мог получить только от грека, жившего в Ольвии, а в тех случаях, когда имеется возможность верификации его рассказа, независимые данные его подтверждают.

Пересказав эти две легенды, Геродот переходит к ἄλλος λόγος, который выглядит совершенно иначе и определяется как ξυνὸς Ἑλλήνων τε καὶ Βαρβάρων λεγόμενος λόγος (IV. 12). Он состоит из двух частей, вполне отчетливо различающихся и по стилю, и по содержанию. Основная часть — это изложение не легендарной на этот раз, а вполне рационалистической или даже научной версии появления скифов в Скифии. Согласно этой версии, они первоначально жили где-то в Азии, затем их оттуда вытеснили массагеты, под их давлением скифы

⁹ Ivantchik 2001b, со ссылками на более ранние публикации. Недавно эту интерпретацию поставил под сомнение А.В. Подосинов (Podossinov 2020). Его аргументация в пользу обоих предлагаемых им альтернативных решений (легенда о Геракле-родоначальнике имеет кельтские корни, или является чисто греческой по происхождению) не кажется мне убедительной, но заслуживает специального рассмотрения, для которого здесь не место. Впрочем, в заключении к статье он признает вероятность вторичности «кельтской» легенды и ее зависимости от Геродота: на мой взгляд, именно это решение является верным. Здесь же он признает наличие скифской основы в рассматриваемой легенде, отводя, однако, основную роль греческой традиции.

¹⁰ SEG XLII 710 = Dana 2021, 142–150, п. 28. Эта дата, предложенная Ю.Г. Виноградовым и С.Р. Тохтасьевым, кажется мне предпочтительной по сравнению с более поздними датами М. Дана (500–450 гг. до н.э.) и Л. Дюбуа (ок. 400 г. до н.э.), ссылки см. Dana 2021, 143–144.

¹¹ Анализ этого текста см. Ivantchik 2001b, 208; 2016, 310–314.

пришли на свою нынешнюю территорию, выгнав оттуда в свою очередь киммерийцев, которые ее занимали. Киммерийцы, убегая от них, вторглись в Малую Азию и заняли полуостров, на котором сейчас находится Синопа. Скифы стали их преследовать, но ошиблись дорогой и оказались гораздо восточнее, в Мидии. Эта история у Геродота является частью его общих представлений об истории Азии, а не только локального скифского логоса, как предыдущие. Она излагается более подробно в другой части его труда — в первой книге, в рассказе об истории Верхней Азии до персов, в частности о Мидийской державе (I. 103–106). Там говорится о том, что, вытеснив киммерийцев из Европы, скифы под предводительством Мадия, сына Протогия, вторглись в Мидию, нанесли поражение мидийцам, а затем подчинили себе не только Мидию, но и всю Азию, причем доходили до Египта. Их господство в Азии продолжалось 28 лет. Та же версия кратко повторена в первой главе 4-й книги.

Историчность некоторых эпизодов, включенных в это повествование, подтверждается независимыми данными, однако связь между этими событиями была иной. К тому же они относятся к концу VIII и VII вв. до н.э., когда подобные исторические нарративы ни у греков, ни у их соседей еще не существовали. Перед нами, очевидно, поздняя реконструкция (Kimmerierhypothese, «киммерийская гипотеза», по выражению К. Мюлленхоффа¹²), созданная на основе некоторых разрозненных фактов, которые были известны грекам V в. до н.э. Эти факты довольно легко выделить; их историчность подтверждается независимыми источниками.

1. *Пребывание киммерийцев в Малой Азии* подтверждается многочисленными аккадскими текстами, а также целой группой археологических данных¹³. Разрушение ими городов Ионии и Лидии в 40-е годы VII в. до н.э. засвидетельствовано в поэтических текстах современников событий, например Каллина, и память о нем долго сохранялась в локальных ионийских традициях, что засвидетельствовано эпиграфическими памятниками эллинистической эпохи¹⁴.

2. *Связь киммерийцев с местом, на котором позже была основана Синопа*, подтверждается местной синопской традицией о разрушении ими первой милетской колонии на ее месте и убийстве ее основателей (Ps.-Scymn. 992–997 Diller = F 27 Marcotte)¹⁵. Несмотря на слабую археологическую изученность Синопы, здесь обнаружено и материальное свидетельство присутствия киммерийцев: при раскопках 1950-х годов была найдена бронзовая обкладка ручки боевой секиры характерной для евразийских кочевников формы¹⁶. Аналогичная секира обнаружена в погребении киммерийского всадника, открытом в деревне Имирлер (провинция Амасья), примерно в 125 км к югу от Синопы¹⁷.

3. *Название Керченского пролива «Боспор Киммерийский» и ряд «киммерийских» топонимов на его берегах* засвидетельствованы многочисленными источниками начиная с Гекатея (FGrHist. 1. F208) и Эсхила (Prom. 729–734). Происхождение

¹² Müllenhoff 1892, 20–23.

¹³ Аккадские тексты см. Ivantchik 1993a; 1996; археологические данные: Ivantchik 2001a.

¹⁴ Ivantchik 2005, 113–126, эпиграфические данные: *ibid.*, 120–126.

¹⁵ Об этой местной традиции см. Ivantchik 2005, 143–147.

¹⁶ Dönmez 2007, 62, fig. 7.

¹⁷ Ivantchik 2001a, 42–49.

этих названий дискуссионно; наиболее вероятно, на мой взгляд, что они не имеют никакого отношения к историческим киммерийцам, а появились в результате локализации на берегах Боспора входа в царство мертвых, которое существовало в местной легендарной традиции¹⁸.

4. *Отсутствие на берегах Понта, и особенно Керченского пролива, киммерийцев и присутствие скифов уже в момент первого появления греков в Северном Причерноморье.* Скифская археологическая культура появилась в степях Восточной Европы не позже середины VIII в. до н.э., задолго до начала греческой колонизации Причерноморья (третья четверть VII в. до н.э.). Исторические киммерийцы, как и исторические скифы, принадлежали к раннескифской археологической культуре, так что археологические данные не позволяют установить ни какие регионы Северного Причерноморья занимали киммерийцы, ни когда они оттуда исчезли. Киммерийские вторжения в Переднюю Азию начались в 10-е годы VIII в. до н.э. (первое датированное событие относится к 714 г. до н.э.) и продолжались до 30-х годов VII в. до н.э. Письменные источники не упоминают присутствия киммерийцев ни в Передней Азии, ни в Причерноморье позже этого времени. Совокупность имеющихся данных позволяет полагать, что греки не застали киммерийцев в Северном Причерноморье во время его колонизации и имели дело только со скифами.

5. *Сведения о походах скифов в Мидию, Сирию и Палестину до границ Египта под предводительством царя Мадия, сына Протолия,* также подтверждаются независимыми данными. Присутствие скифов на восточных границах Ассирии, в Мидии и Манне, надежно засвидетельствовано клинописными текстами начиная с 70-х годов VII в. до н.э.; они также упоминают скифского царя Партатуа, отождествляемого с Протолием Геродота¹⁹. Скифские вторжения в Сирию и Палестину, видимо, датируются между 626 и 616 гг. до н.э.; их историчность подтверждается независимой от Геродота античной традицией²⁰.

Эти разрозненные факты были сведены в единый нарратив; поскольку представления о хронологии этих событий у Геродота и его современников были очень смутными, события, которые в реальности длились в течение одного столетия, оказались сконцентрированы и приписаны короткому промежутку времени. Логика построения этого нарратива привела к появлению причинно-следственных связей, которых не было в реальности. При этом недостаток информации дополнялся «общими местами», топосами²¹, характерными для такого рода повествований, в частности, о древнем народе, населявшем некогда некую территорию и вытесненном оттуда современными жителями этой территории, или о цепи народов, последовательно вытеснявших друг друга²².

Таким образом, мы имеем дело с ученым построением, *ἱστορίη*, характерной и для самого Геродота, и для других, плохо известных нам, ионийских прозаиков, его предшественников и современников. Рассказ этот был связан в первую

¹⁸ Об этой традиции и происхождении названия пролива см. Ivantchik 2017, 18–23.

¹⁹ Ivantchik 1993a, 85–94, 199–252; 1996, 90–99, 206–259.

²⁰ Ivantchik 2005, 221–244.

²¹ Об этнографических топосах у Геродота и в ионийской прозе в целом см. Trüdinger 1918, 15–34; Schröder 1921.

²² Некоторые примеры приведены в книге Fehling 1971, 37–38.

очередь с историей Мидии и вообще Верхней Азии, а скифы и особенно киммерийцы были в него включены не сами по себе, а как деталь этой истории.

Созданный на основании отрывочных и изолированных фактов нарратив требовал объяснения некоторых возникающих в результате его конструирования неувязок. Например, в его рамках непонятно, почему киммерийцы и преследующие их скифы, вторгшись в Азию, оказались в разных местах. В ответе на этот вопрос особенно отчетливо проступает ионийская *ιστορίη*: скифы якобы сбились с пути и пошли не той дорогой. Именно здесь и появляется географический комментарий, который должен обосновывать такую возможность: киммерийцы прошли вдоль берега Черного моря, а скифы — по другой дороге, оставляя Кавказ справа, а затем, вместо того чтобы повернуть вслед за киммерийцами на запад, по ошибке направились в Мидию и захватили ее. Умозрительность и сконструированный характер этого построения очевидны. Более того, конструируя свой нарратив, его автор не заботился о реалистичности нарисованной им картины, в частности, о возможности для больших масс людей пройти по побережью Понта от Боспора до Синопы. В действительности это невозможно²³, о чем уже в древности было известно всем, кто был знаком с восточным побережьем Черного моря. Так, Страбон пишет, что Митридат, отступавший из Малой Азии на Боспор с небольшой армией, не смог провести ее по побережью и был вынужден пересаживаться на корабли (Strabo XI. 2. 13). Побережье оставалось труднопроходимым вплоть до конца 60-х годов XIX в. В 1835 и 1836 гг. русский офицер Ф.Ф. Торнау совершил две специальных разведывательных миссии на Черноморском побережье (оно формально принадлежало Российской империи, но фактически контролировалось только частично) с целью выяснить, насколько побережье проходимо для войск, и оставил довольно подробные и красочные описания своих поездок²⁴. Из них ясно, что даже в целом проходима дорога по Абхазии южнее Гагр, зажатая между берегом моря и густым лесом, была очень сложна для использования. Севернее же Гагр дорога и вовсе отсутствовала, и по побережью даже одинокому всаднику или пешеходу было не везде возможно пройти. Более того, русские крепости Черноморской береговой линии, построенные в 1830-е годы между Анапой и Сухум-кале и просуществовавшие до 1854 г., никогда не были соединены дорогами и могли снабжаться только с моря. Разумеется, киммерийцы никак не могли здесь пройти, и включение в рассказ этой детали свидетельствует об отсутствии информации, заменявшейся умозрительными построениями. То же касается и «преследования» киммерийцев скифами: благодаря ассирийским источникам мы знаем, что появление тех и других разделял значительный промежуток времени, и сконструированная здесь причинная связь между ними в реальности невозможна.

По-видимому, эта *ιστορίη* не принадлежит самому Геродоту, а была им заимствована у одного из ионийских прозаиков, бывших его предшественниками. Этим источником, скорее всего, был Гекатей, труды которого Геродот широко использует в разных частях своего сочинения и который был единственным ионийским прозаиком, названным им по имени. Сохранившиеся фрагменты других

²³ На этот факт уже указывалось: Lehmann-Haupt 1921, 398–399; Diakonoff 1956, 230 с примечаниями.

²⁴ Торнау 2000, впервые опубликовано в 1864.

ионийских авторов, бывших предшественниками или современниками Геродота (прежде всего, это Дионисий Милетский, Харон Лампсакский, Ксанф Лидийский и Гелланик Митиленский), не дают оснований полагать, что Геродот заимствовал у них информацию (или наоборот)²⁵, в то время как заимствования из Гекатея хорошо засвидетельствованы. Кроме того, насколько мы можем судить по доступным нам отрывочным сведениям о сочинениях ионийских прозаиков, никто из предшественников Геродота, кроме Гекатея, не владел всем объемом исходной информации, которая необходима для конструирования нарратива об изгнании киммерийцев скифами и об их вторжениях в Переднюю Азию.

Как упомянуто выше, этот рассказ определяется как «общий греков и варваров». Еще Карл Мюлленхофф справедливо заметил, что под ними не подразумеваются ни понтийские греки, ни скифы²⁶. Скорее всего здесь мы имеем дело с «фиктивной ссылкой» — конечно, вопреки мнению Детлева Фелинга, а до него Хуго Панофски²⁷, далеко не все ссылки Геродота фиктивны, но вряд ли можно отрицать, что некоторые из них таковы²⁸. Видимо, Геродот имел в виду, что разные части, из которых составлено повествование, восходят к грекам, которые сообщали о киммерийских набегах в Малой Азии, и мидийцам, от которых происходят сведения о скифских вторжениях в Мидию и Верхнюю Азию.

В 4-й книге к этому рассказу, являющемуся ученой конструкцией, добавлен вставной эпизод, резко отличающийся от остального рассказа и по содержанию, и по стилю. В 1-й книге, в изложении того же повествования, он отсутствует. Речь идет о легенде, согласно которой с приближением скифов среди киммерийцев возникли разногласия: цари хотели оборонять свою землю, а народ — оставить ее без боя и бежать. Народ настоял на своем, а цари предпочли покончить с собой своеобразным способом — они разделились на две группы и стали сражаться между собой, пока все не погибли. Тогда народ похоронил их под курганом, который находится у реки Тирас, а сам покинул страну. По-видимому, речь идет об одной из местных легенд, услышанных Геродотом там же, где он услышал и остальные — в Ольвии или Тире. Подобные легенды, связывающие местную достопримечательность, в данном случае большой курган, с исчезнувшим народом прошлого, хорошо известны в разных традициях²⁹. Сами греки тоже приписывали древние постройки циклопам или пеласгам³⁰.

²⁵ См. об этом Ivantchik 1998, 173–181.

²⁶ Müllenhoff 1892, 23–27.

²⁷ Panofsky 1885; Fehling 1971 (английский перевод: Fehling 1989).

²⁸ О геродотовских «ссылках» такого рода см. прекрасный анализ в Luraghi 2001, с которым я расхожусь только в деталях.

²⁹ Так, местные жители приписывали подмосковные курганы I тыс. н.э. французам (воспоминания о нашествии Наполеона 1812 г.) или литовцам (воспоминания о смуте начала XVII в.). В южной России и северном Казахстане курганы бронзового и железного веков приписывались калмыкам: Grakov 1971, 29; Kondrat'ev 2021, 81, 107, 146, 181. Ср. Tokhtas'ev 1996, 25–28 с другими примерами и важными замечаниями о «киммерийском кургане» в окрестностях Тире.

³⁰ Циклопы как строители стен Микен и Тиринфа: Hellanic. *FGrHist.* 4. F88; Pind. F169a Maehler; Eur. *Iph. Aul.* 1499; Paus. II. 16. 4; пеласги как строители стен Афин: Hecata. *FGrHist.* 1. F127 = Hdt. VI. 137.

Курган, расположенный рядом с Тирой, однако, не просто приписан киммерийцам, но с ним связана и довольно специфическая легенда. Подобные легенды, рассказывающие об исчезновении древнего народа, часто имеющего сказочные черты (великаны или, наоборот, карлики, герои), встречаются во многих фольклорных традициях. Например, у современных греков распространены сказания о древних великанах эллинах, которым приписывается сооружение древних построек, в том числе гробниц³¹. Среди них есть и сказание о гибели эллинов — они почувствовали себя настолько могучими, что бросили вызов Богу, и тот их за это уничтожил. Перед неминуемой гибелью каждый из них вырыл себе могилу и лег туда вместе со своим имуществом.

Однако изложенная Геродотом легенда имеет некоторые особенности, которые не так часто встречаются в такого рода сказаниях. Для киммерийских «басилеев» это очевидная форма самоубийства: они вступают в сражение, не имея никакой вражды друг к другу, и истребляют друг друга до конца. Причиной самоубийства является предпочтение благородной смерти бесчестию, то есть славы — бесславной жизни. При этом в рассказе Геродота мотивация самоубийства басилеев выглядит достаточно искусственной и весьма напоминает обычную для Геродота и его предшественников рационализацию легендарного повествования. Поединки киммерийских басилеев приводит к их полному исчезновению с земли, ныне занимаемой скифами.

Если исходить из предположения, что в основе этого рассказа лежит скифская легенда, адаптированная в среде греков Тиры или Ольвии и ставшая известной Геродоту от них, то естественно попытаться найти аналогии в осетинском нартовском эпосе, в значительной степени восходящем к скифской или, вернее, к близкородственной сарматской традиции. Такой подход широко распространен в исследованиях скифской культуры, и его плодотворность показывают многочисленные публикации Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева, Э.А. Грантовского и других. Сходный сюжет, действительно, находится: в составе эпоса есть сказание о гибели нартов, сохранившееся в нескольких версиях³². В этом сказании в результате конфликта с небожителями нарты оказываются перед той же дилеммой, что и киммерийцы: остаться жить в бесчестии или исчезнуть с лица земли, оставив по себе славу. В другом варианте выбор несколько иной: погибнуть всем, не оставив потомства, или иметь плохое потомство. Эта альтернатива вызывает спор, но в результате и нарты, и киммерийские басилеи предпочитают честь и посмертную славу бесславной жизни. После гибели киммерийских басилеев скифы заселяют пустую страну, но сохраняют память о живших до них на этой земле героях и показывают их могилу. Совершенно аналогично осетины и другие народы, знающие легенды о нартах, помнят о живших до них на этой земле богатырях-нартах и показывают их могилы, нартовские ныхасы (место собраний) и т.д. Геродотовскому «народу» киммерийцев, который предпочел бесславную жизнь, соответствует

³¹ Kakridis 1959. Тексты см. Kakridis 1967.

³² Abaev *et al.* 1957, 364–366; Khamitsaeva, Byazyrov 1989, 484–487; 1991, 117–118; Khamitsaeva 2010, 585–605, ср. Byazyrov 1980; Takazov 2014. Аналогичное сказание сохранилось и в составе другого, хуже известного, осетинского эпоса: сказаний о героях Царциата: Takazov 2007, 274–277.

«худшая часть нартов», которые избегли славной смерти. Следует отметить, что и осетины, и другие кавказские народы, знающие нартовский эпос, нередко считают себя потомками нартов, что подразумевает неполное их исчезновение.

Сходство было бы полным, если бы нартовский эпос сохранил нам рассказ о взаимном убийстве его героев, однако в известных мне вариантах этой детали не содержится. В большинстве опубликованных вариантов подчеркивается, что нарты именно покончили с собой, однако способ самоубийства не уточняется (часто говорится, что «каждый вырыл себе могилу и бросился в нее»). Возможно, что в этой легенде первоначально содержался рассказ о взаимном убийстве нартов, впоследствии вытесненный из эпоса, тем более что ритуализованные поединки были частью скифского обихода³³. Мотив самоубийства с помощью поединка, в котором должны погибнуть оба участника, однако, известен осетинскому эпосу. В сказании о гибели близнецов Ахсара (Хсарта) и Ахсартага (Хсартага) версия о поединке, закончившемся гибелью обоих, соседствует с версией их последовательного самоубийства. При этом один из этих близнецов является прародителем нартовской фамилии Ахсартагата, само имя которых (от иран. *xšaθra-, инд. *kṣaθra-) указывает на их функциональную роль воинов, т.е. эквивалент басилеев геродотовской легенды.

Впрочем, даже если не предполагать наличия версии о взаимном уничтожении нартов, все равно между легендами о гибели киммерийцев и нартов много общего, и в первую очередь наличие представления о мифическом могучем народе, населявшем некогда нынешние территории обитания местных жителей и покончившем с собой, предпочитая посмертную славу бесславной жизни.

Таким образом, Геродот комбинирует заимствованную из письменного источника ученую реконструкцию прошлого с устной легендой, заимствованной из фольклора и связанной с местной достопримечательностью, которую он видел или мог видеть во время своего путешествия в Ольвию. При этом его не смущает противоречие, возникающее при таком объединении двух повествований: река Тирас, Днестр, расположена на самой западной окраине киммерийской, а потом скифской, земли, а киммерийцы якобы бежали от скифов через Кавказ, т.е. с восточной окраины. Таким образом, получается, что, убегая от скифов, наступающих с востока, киммерийцы движутся им навстречу.

Наконец, Геродот приводит и еще одну версию происхождения скифов, тоже заимствованную из письменного источника, причем на этот раз его называет: речь идет о поэме Аристея Проконнесского (IV. 13). Эта версия очень похожа на изложенную выше, здесь тоже речь идет о цепи народов, вытесняющих друг друга, только массагетов заменяют исседоны: аримаспы изгнали исседонов, исседоны скифов, а скифы киммерийцев. Поэма Аристея, судя по всему, написана в конце VI — первой половине V в. до н.э. и широко использовала ионийскую историко-географическую прозу, в частности, Гекатея³⁴. По-видимому, соответствующий пассаж Аристея, отличающийся от третьего рассказа Геродота лишь одной деталью, имеет общий с этим рассказом источник. Можно предполагать, что Геродот

³³ Grantovsky 1981, 65–71.

³⁴ Ivantchik 1989; 1993b.

и Аристей заимствовали этот рассказ у Гекатея или другого ионийского прозаика и видоизменили его каждый на собственный лад.

На основании сказанного мы можем сделать некоторые выводы об историко-этнографическом методе Геродота. Он широко использовал устные источники: они обозначаются терминами ὁκοή, λόγος и соответствующими глаголами и многократно упоминаются в разных частях его сочинения как основной источник информации (например, I. 171; II. 43. 1; 52. 1; 104. 1; 123; 148 и др.). Геродот также пользовался прозаическими сочинениями своих предшественников. При этом противопоставление между устными и письменными источниками, которое так важно для современных исследователей Геродота, для него, похоже, было нерелевантным — он не делал различия между тем, что услышал, и тем, что прочитал, и обозначает и то, и другое одинаковыми терминами³⁵. Неслучайно в тех пассажах, где он говорит о своем методе, в первую очередь в знаменитом тексте II. 99. 1, он разделяет то, что видел сам (ὄψις), то, о чем слышал (λόγους ἐρέων κατὰ τὰ ἤκουον), свое суждение (γνώμη) и исследование (ἱστορίη), но то, что он прочитал, никак не выделяет. И услышанное, и прочитанное он определяет одним и тем же термином λόγος и не видит между ними разницы, если текст написан в прозе. Например, сравнивая сообщение Гекатея о пеласагах, заимствованное из его сочинения (Ἐκαταῖος μὲν ὁ Ἡγησάνδρου ἔφησε ἐν τοῖσι λόγοισι), с устной традицией афинян³⁶ (Ἀθηναῖοι λέγουσι), он использует одинаковые слова и в целом считает письменный и устные источники равнозначными: Ἐκεῖνα μὲν δὴ Ἐκαταῖος ἔλεξε, ταῦτα δὲ Ἀθηναῖοι λέγουσι (VI. 137). При этом он определяет Гекатея как λογοποιός, «создателя логосов», а его сочинение как λόγοι (II. 143; V. 36; 125) — так же, как и собственное сочинение (I. 75; 106 и т.д.).

Собственно, Гекатей — единственный из прозаических авторов, кого Геродот упоминает по имени: он делает это в четырех пассажах. При этом в двух из них Геродот пишет о нем не как об авторе прозы (хотя каждый раз называет его λογοποιός), а как о мудром государственном деятеле (V. 36. 2; 125–126). Упомянутый выше пассаж о пеласагах — единственное место, где напрямую цитируется сочинение Гекатея. Второй пассаж (II. 143) — рассказ о том, как египетские жрецы показали Гекатею 345 статуй верховных жрецов, принадлежавших к одному роду, и никто из них не видел богов на земле, в противовес его утверждению о том, что в его роду в шестнадцатом поколении был бог. Обычно считается, что в этом рассказе содержится резкая ироническая полемика против Гекатея; например Д. Латинер резюмирует этот пассаж так: «*logopoios* Hekataios was vain and ignorant»³⁷. На мой взгляд, эта интерпретация не имеет оснований.

Прежде всего, вполне очевидно, что рассказ о беседах между Гекатеем и египетскими жрецами Геродот мог заимствовать только из самого сочинения Гекатея.

³⁵ Ср. Luraghi 2001, 153–154, который справедливо замечает, что Геродот еще не осознал важность письменности для сохранения исторической памяти и для него «письменное слово еще не достигло независимости от устного и превосходства над устным»; здесь же ссылки на предыдущую литературу.

³⁶ Нельзя исключать, что в действительности и здесь Геродот использовал письменный источник, одну из ранних «Аттид», но он говорит о своем источнике как об устном.

³⁷ Lateiner 1989, 104.

В таком случае, если говорить о самой ситуации — демонстрации египетскими жрецами гораздо более длинной генеалогии, не включающей божественных предков, что должно опровергнуть традицию о божественном предке Гекатея, — и видеть в ней иронию, то это должна быть самоирония. Пожалуй, некоторую иронию можно заметить лишь в замечании Геродота о том, что египетские жрецы показали ему те же статуи, что и Гекатею, хотя он свою генеалогию не излагал. Но, вообще говоря, у Геродота этот пассаж — это часть обсуждения проблемы, к которой он относился вполне серьезно, а именно проблемы радикального расхождения между греческой хронологией, согласно которой возраст богов и героев исчисляется несколькими сотнями лет (и соответственно определяется время, когда у них рождались дети от смертных), и гораздо более длинной египетской, согласно которой возраст богов определяется не столетиями, а тысячелетиями (II. 43; 142–146). Ни Геродот, ни его египетские информаторы при этом не отвергают самого факта присутствия богов на земле и их общения с людьми — проблема лишь в том, как давно это было. Нет сомнения, что эта проблема радикального расхождения греческой и египетской хронологии занимала не только Геродота, но и его предшественника Гекатея, что неудивительно при его внимании к генеалогиям (неслучайно его главное произведение называли не только *Ἱστορίαι*, но и *Γενεαλογίαι*).

Интерпретация этого пассажа как насмешки над Гекатеем не соответствует не только его содержанию и контексту, но и остальным упоминаниям логографа, которые в высшей мере уважительны. В рассказе об изгнании пеласгов из Аттики версия Гекатея излагается как альтернативная версии афинян, и Геродот отказывается выбрать одну из них, несмотря на свою в целом проафинскую позицию: для него авторитет афинян и Гекатея одинаков. И это при том, что афиняне в обычной логике Геродота — участники событий, а Гекатей — внешний наблюдатель, и соответственно версия первых должна быть приоритетной³⁸.

Напротив, Геродот довольно часто критикует Гекатея, не называя его по имени: он скрывается под обобщенными «эллинами» или «ионийцами», а иногда и «египтянами». Таков пассаж о якобы плавучем острове Хеммис с храмом Аполлона (II. 156): выражая свое удивление услышанным (τέθηλα δὲ ἀκούων) рассказом о том, что этот остров передвигается, и недоверие к нему, Геродот дважды ссылается на египтян как на свой источник информации (λέγεται δὲ ὑπ' Αἰγυπτίων; Λόγον δὲ τόνδε ἐπιλέγοντες οἱ Αἰγύπτιοι). Подлинный источник его информации удастся установить только благодаря тому, что у Стефана Византийского (s.v. Χέμμις) сохранилась соответствующая цитата из Гекатея (*FGrHist.* 1. F305). Очевидно, Гекатей цитировал египтян как свой источник информации (как делал и Геродот в подобных случаях), и Геродот заимствовал эту ссылку вместе с самим рассказом. В свете сказанного выше неудивительно, что о прочитанном у Гекатея Геродот говорит как об ἀκούων. Гекатей, вместе с Анаксимандром, видимо, имеется в виду и в полемических пассажах, связанных с Океаном; впрочем, представления о форме земли и об Океане, которые Геродот критикует, были общепринятыми.

По всей видимости, в тех случаях, когда Геродот критикует свои источники информации — как устные, так и письменные, — он предпочитает их не называть,

³⁸ См. об этом геродотовском принципе Luraghi 2001, 144–145.

совершенно так же, как делал до него Гекатей. Если он упоминает имя, то делает это, наоборот, для того, чтобы подкрепить свой рассказ, указав на авторитетность источника. Гекатей упоминается именно для этого: чтобы придать больше веса пересказу его сведений, полученных от фиванских жрецов в одном случае и альтернативной, антиафинской, версии истории изгнания пеласгов — во втором. Аналогичным образом он упоминает и Тимна, связанного со скифской царской семьей, для придания веса своему рассказу об Анахарсисе. То, что в одном случае речь идет о письменном, а во втором — об устном источнике, для Геродота, как я уже отмечал, не существенно.

Если к прозаическим источникам — письменным и устным — Геродот относит-ся одинаково и не различает их, то поэзию он, наоборот, четко отделяет от прозы. Цитируя поэтов, он нередко называет их по имени (Архилох: I. 12. 2; Сафо: II. 135. 6; Эсхил: II. 156. 6; Пиндар: III. 38. 4; Олен: IV. 35. 3; Алкей: V. 95. 1–2; Симонид: V. 102. 3; VII. 228. 4; Солон: V. 113. 2; Фриних: VI. 21. 2; Ономакрит: VII. 6. 3). В отличие от названных случаев, где произведения поэтов прямо упоминаются, в пассаже, где фигурирует Анакреонт (III. 121. 1), о его произведениях речи нет, он упомянут лишь как свидетель встречи между Поликратом Самосским и посланцем сатрапа Сард Орета. Скорее всего, однако, именно его текст был для Геродота источником этого рассказа: иначе смысл упоминания Анакреонта, не играющего никакой роли в развитии сюжета, непонятен.

Однако чаще всего Геродот, конечно, упоминает Гомера, иногда вместе с Гесиодом, а также киклическими поэмами (II. 23; 53. 2; 116–120; IV. 29; 32; V. 67. 1; VII. 161. 3). При этом в его отношении к эпическим и к более поздним поэтам заметна существенная разница. К первым он относится с большим недоверием и даже пренебрежением, и никакого преклонения перед Гомером, характерного для эллинистических ученых, у него нет. Во всех случаях он обвиняет эпических поэтов в том, что они придумывают небылицы и доверять им нельзя, за единственным исключением: он соглашается с гомеровским упоминанием баранов, рождающихся в Ливии рогаатыми (IV. 29), одобрительно замечая ὀρθὸς εἰρημένον. Когда он говорит о том, что считает выдумкой, например об Океане (II. 23) или реке Эридан (III. 115. 2), он вскользь замечает, что их скорее всего придумал какой-нибудь поэт, и уточняет — или Гомер, или какой-нибудь другой ранний поэт. Более того, Геродот не только не доверяет Гомеру как источнику информации, но и, излагая противоречащую Гомеру версию о пребывании Елены в Египте (II. 113–120), обвиняет его чуть ли не в сознательной фальсификации: по его мнению, Гомер знал об этой версии, но поскольку она меньше подходила к его эпическому сочинению, он о ней умолчал, предпочтя другую. В подтверждение он проводит настоящий филологический анализ пассажей, которые, по его мнению, указывают на это (II. 116)³⁹, что, очевидно, нужно ему для того, чтобы показать, что обе версии одинаково древние, и у гомеровской нет преимущества. Дальнейшее обсуждение этого сюжета приводит Геродота к выводу, что и здесь гомеровская версия недостоверна и должна быть отвергнута. Недоверие

³⁹ Об этом см. Grintser 2018, 161–164, здесь же см. о геродотовской «протофилологии» в целом.

Геродота к раннему эпосу как источнику информации, конечно, не исключает (и даже предполагает) его глубокого знания эпических текстов, которое проявляется и в гомеровском влиянии на язык Геродота, и в сознательном использовании им гомеровских аллюзий в качестве художественного средства⁴⁰.

В отличие от эпических поэтов, которых он не упускает случая покритиковать, более поздних, от Архилоха до Эсхила, он упоминает без полемики, в подтверждение своих рассказов, видимо, заимствованных из других источников, или общих сентенций, например, о том, что каждый народ считает свой обычай лучшим, хотя другим он может показаться чудовищным (III. 38. 4). На этом фоне Аристей Проконнесский, сведения из эпической поэмы которого пересказывает Геродот, сближается скорее со второй группой поэтов, чем с древними эпиками. Это и понятно — Аристей, очевидно, гораздо более поздний автор, скорее всего уже испытавший на себе влияние ионийской географической прозы, прежде всего Гекатея, хотя и предпочитавший традиционную форму эпической поэмы, а не совсем еще молодой прозы. Как и в случаях с поздними поэтами, Геродот цитирует Аристей, называя его по имени, чтобы подтвердить свою точку зрения, и завершает свой рассказ заключением: *Οὕτω οὐδὲ οὗτος συμφέρεται περὶ τῆς χώρας ταύτης Σκύθῃα*, «Таким образом, и он не соглашается со скифами относительно этой страны». Что не мешает ему в другом пассаже (III. 116) заметить, что невозможно поверить в существование одноглазых от природы аримаспов или сторожащих золото грифов, очевидно имея в виду Аристей, но не называя его по имени: поэт здесь объект критики, и Геродот не видит смысла называть его по имени.

Итак, Геродот не делает различия между устным и письменным рассказом в прозе (*λόγος, ἄφοι*), причем крайне редко при этом называет по имени свой источник, по большей части ограничиваясь указанием на группы («эллины», «скифы», «египтяне», «афиняне» и т.д.). Очевидно, он рассматривает эти рассказы как представляющие общую точку зрения этих групп, а не персональные взгляды, даже если получает эти сведения от вполне конкретных людей или из конкретных книг. Поэтому, например, пересказывая сведения, полученные, скорее всего, от Тимна (см. выше), он по большей части приписывает их «скифам» вообще, т.е. той группе, к которой принадлежал Тимн. Он называет его по имени только один раз (хотя не исключено, что очень значительная часть этнографических сведений 4-й книги восходит именно к нему), да и то делает это в той части рассказа, где речь идет о царской династии скифов и, вероятно, потому, что он сам к этой династии принадлежал.

Поэтические тексты Геродот, очевидно, считает более персональными, а не отражающими групповые мнения и представления, и потому гораздо охотнее упоминает их авторов. При этом к Гомеру, Гесиоду и другим авторам раннего эпоса он относится пренебрежительно, а к сообщениям более поздних поэтов, вплоть до Эсхила и включая Аристей, примерно так же, как к *λόγοι*, которые он услышал или прочитал.

⁴⁰ Литература о гомеровском влиянии на Геродота и его язык весьма обширна, см. Marincola 2006, 14, 24–25, со ссылками.

В том случае, если Геродоту удастся совместить два известных ему логоса в один, он это с удовольствием делает, находя, вероятно, в таком случае подтверждение их достоверности. Если удастся найти его подтверждение в том, что можно увидеть (ὄψις), — это для него еще более важное подтверждение достоверности. В нашем случае это третья версия легенды о происхождении скифов: Геродот встраивает в заимствованный у своего предшественника рассказ устный логос о киммерийских вождях, и добавляет, что курган, под которым они похоронены, можно видеть и сейчас. При этом неясно, видел ли он его сам, — ὄψις для Геродота, вполне возможно, могла означать не только тот материальный памятник или объект, который он видел сам, но и тот, о котором ему говорили, что его можно увидеть.

Если же разные версии одного события были непримиримы, Геродот просто излагал их одну за другой. Сам он дважды в разных местах пишет о том, что его долг изложить то, что он слышал, но он не обязан во все верить. И действительно, он эксплицитно говорит о том, к какой из четырех версий происхождения скифов он склоняется сам — и это наиболее рационалистическая версия.

Рассмотренный нами пример соответствует тому, что пишет в других пассажах о своем методе сам Геродот, — это свидетельствует о том, что для него характерен высокий уровень рефлексии: он формулирует свой метод и следует ему. Что касается оценки достоверности его сообщений с точки зрения современной науки, то мы видим, что Геродот передает сообщения своих источников — и устных, и письменных — точно и практически без искажений. Насколько они отражают историческую реальность — другой вопрос, и ответ на него зависит в большой мере от характера самих источников. Если это прямые свидетельства, то сообщения Геродота часто подтверждаются независимыми данными и обладают высокой степенью достоверности⁴¹. Если же это ученые конструкции, то их достоверность зависит от объема и достоверности той информации, на которой они строятся. При этом метод построения этих конструкций не так уж сильно отличается от метода современных историков — пожалуй, только тем, что Геродот не разграничивает достаточно четко факты и их интерпретации или гипотезы. Впрочем, и современные историки делают это не всегда.

Литература / References

- Abaev, V.I., Dzhusoev, N.G., Ivnev, R.A., Kaloev, B.A. (eds.) 1957: *Narty. Epos osetinskogo naroda* [*Narts. Epic of the Ossetian People*]. Moscow.
- Абаев, В.И., Джусоев, Н.Г., Ивнев, Р.А., Калоев, Б.А. (ред.). *Нарты. Эпос осетинского народа*. М.
- Byazyrov, A.Kh. 1980: [Mythical Legends and Beliefs about the Origin of Ossetians]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta Akademii nauk Gruzinskoy SSR* [*Proceedings of the South Ossetian Research Institute of Georgian SSR Academy of Sciences*] 25, 161–169.
- Бязыров, А.Х. Мифические предания и поверья о происхождении осетин. *Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР* 25, 161–169.

⁴¹ К аналогичному выводу меня привел анализ другого пассажа Геродота, содержащего описание похорон скифского царя (IV. 71–72), проведенный с помощью других методов и на основе принципиально отличающихся материалов, а именно на основании сопоставления с археологическими данными. Данные археологии показывают высокую достоверность рассказа Геродота: Ivantchik 2010; 2011.

- Dana, M. 2021: *La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson. Corpus épigraphique et commentaire historique*. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte, 73). München.
- Diakonoff, I.M. 1956: *Istoriya Midii [History of Media]*. Moscow–Leningrad.
- Дьяконов, И.М. *История Мидии*. М.–Л.
- Dönmez, Ş. 2007: Sinop Province During the Iron Age in the Light of New Research. *Anatolia antiqua. Eski Anadolu* 15, 59–65.
- Fehling, D. 1971: *Die Quellenangaben bei Herodot. Studien zur Erzählkunst Herodots*. Berlin–New York.
- Fehling, D. 1989: *Herodotus and His 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art*. Transl. by J.G. Howie. Leeds.
- Grakov, B.N. 1971: *Skify. Nauchno-populyarnyy ocherk [Scythians. A Popular Science Essay]*. Moscow.
- Граков, Б.Н. *Скифы. Научно-популярный очерк*. М.
- Grantovsky, E.A. 1981: [On Some Materials on the Social Order of the Scythians: «Relatives» and «Friends»]. In: B.A. Litvinskiy (ed.), *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'ye (istoriya i kul'tura) [The Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and Culture)]*. Moscow, 59–79.
- Грантовский, Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов: «родственники» и «друзья». В кн: Б.А. Литвинский (ред.), *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М., 59–79.
- Grintser, N.P. 2018: Herodotus as a Literary Critic. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. (Trends in Classics, Supplementary Volumes, 59). Berlin–Boston, 157–174.
- Hemmerdinger, B. 1981: *Les manuscrits d'Hérodote et la critique verbale*. Genova.
- Ivantchik, A.I. 1989: [On the Dating of the Poem «Arimaspeia» of Aristaeus of Prokonnesos]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 29–49.
- Иванчик, А.И. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского. *ВДИ* 2, 29–49.
- Ivantchik, A.I. 1993a: *Les Cimmériens au Proche-Orient*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 127). Freiburg, Schweiz–Göttingen.
- Ivantchik, A.I. 1993b: La datation du poème l'« Arimaspée » d'Aristéas de Proconnèse. *L'Antiquité classique* 67, 35–67.
- Ivantchik, A.I. 1996: *Kimmeriysy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII–VII vv. do n.e. [Cimmerians. Ancient Eastern Civilizations and Steppe Nomads in the 8th–7th Centuries BC]*. Moscow.
- Иванчик, А.И. *Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э.* М.
- Ivantchik, A.I. 1998: [Scythian Folklore and Ancient Literature (on the Sources of Herod. I, 103–104; IV, 11–12)]. In: *Studia iranica et alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of his 95th Birthday*. (Serie Orientale Roma, 82). Rome, 169–195.
- Иванчик, А.И. Скифский фольклор и античная литература (к источникам Herod. I, 103–104; IV, 11–12). In: *Studia iranica et alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of his 95th Birthday*. (Serie Orientale Roma, 82). Rome, 169–195.
- Ivantchik, A.I. 1999: Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythicos logos* d'Hérodote. *Revue des études grecques* 112, 141–192.
- Ivantchik, A.I. 2001a: *Kimmerier und Skythen. Kulturhistorische und chronologische Probleme der Archäologie der osteuropäischen Steppen und Kaukasiens in vor- und frühskythischer Zeit*. (Steppenvölker Eurasiens, 2). Moskau–Berlin.
- Иванчик, А.И. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. (Степные народы Евразии, 2). Москва–Берлин.
- Ivantchik, A.I. 2001b: La légende « grecque » sur l'origine des Scythes (Hérodote 4.8–10). In: V. Fromentin, S. Gotteland (eds.), *Origines Gentium*. Bordeaux, 207–220.
- Ivantchik, A.I. 2005: Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya [Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8. – 7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte]. (Pontus Septentrionalis, 3). Berlin–Moskau.
- Иванчик, А.И. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. (Pontus Septentrionalis, 3). Берлин–М.
- Ivantchik, A.I. 2010: [The Funerals of Scythian Kings: Herodotus and Archaeology]. In: M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova (eds.), *Arkheologiya i paleoantropologiya*

- evrazijskikh stepey i privileyushchikh territoriy. Sbornik statey v chest' 60-letiya L.T. Yablonskogo* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of L.T. Yablonskiy]. Moscow, 129–150.
- Иванчик, А.И. Похороны скифских царей: Геродот и археология. В сб.: М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.), *Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий. Сборник статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского*. М., 129–150.
- Ivantchik, A.I. 2011: The Funeral of Scythian Kings: The Historical Reality and the Description of Herodotus (4.71–72). In: L. Bonfante (ed.), *European Barbarians*. Cambridge, 71–106.
- Ivantchik, A.I. 2016: IV. L'idéologie royale des Scythes et son expression dans la littérature et l'iconographie grecques: l'apport de la numismatique. *Dialogues d'histoire ancienne* 42/1, 305–329.
- Ivantchik, A.I. 2017: The Greeks and the Black Sea: The Earliest Ideas about the Region and the Beginning of Colonization. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Classical Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interaction*. Cambridge, 7–26, 284–287.
- Kakridis, J.Th. 1959: Neugriechische Sagen über die alten Griechen. *Živa Antika/Antiquité Vivante* 9, 3–14.
- Kakridis, J.Th. 1967: *Die alten Hellenen im neugriechischen Volksglauben*. München.
- Khamitsaeva, T.A. (ed.) 2010: [Nart Sagas. Epic of the Ossetian People]. Book 5. Vladikavkaz.
- Хамицаева, Т.А. (ред.). *Нарты кадджытæ: ирон адæмы эпос* [Нартовские сказания: эпос осетинского народа]. Кн. 5. Владикавказ.
- Khamitsaeva, T.A., Byazyrov, A.Kh. (eds.) 1989: *Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos* [Narts. Ossetic Heroic Epic]. Book 2. Moscow.
- Хамицаева, Т.А., Бязыров, А.Х. (сост.). *Нарты. Осетинский героический эпос*. Кн. 2. М.
- Khamitsaeva, T.A., Byazyrov, A.Kh. (eds.) 1991: *Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos* [Narts. Ossetic Heroic Epic]. Book 3. Moscow.
- Хамицаева, Т.А., Бязыров, А.Х. (сост.). *Нарты. Осетинский героический эпос*. Кн. 3. М.
- Kondrat'ev, I.I. 2021: *Moskva arkheologicheskaya. Atlas. Chast' 2. Karta Badera* [Archaeological Moscow. Atlas. Pt. 2. Bader's Map]. Moscow.
- Кондратьев, И.И. *Москва археологическая. Атлас. Часть 2. Карта Бадера*. М.
- Lateiner, D. 1989: *The Historical Method of Herodotus*. Toronto.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Kimmerier. In: *RE. Hlbd.* 21, 397–434.
- Luraghi, N. 2001: Local Knowledge in Herodotus' Histories. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 138–160.
- Marincola, J. 2006: Herodotus and the Poetry of the Past. In: C. Dewald, J. Marincola (eds.), *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 13–28.
- Müllenhoff, K. 1892: *Deutsche Altertumskunde*. Bd. III. Berlin.
- Panofsky, H. 1885: *Quaestionum de Historiae Herodoteae fontibus pars prima*. Diss. Berlin.
- Podossinov, A.V. 2020: [Heracles the Scythian and Heracles the Celtic: Towards the History of a Genealogical Legend]. In: *Trudy kafedry drevnikh yazykov isfaka MGU* [Proceedings of the Department of Ancient Languages, Faculty of History, Moscow State University]. Issue 6. Moscow, 65–108.
- Подосинов, А.В. Геракл Скифский и Геракл Кельтский: к истории одной генеалогической легенды. В сб.: *Труды кафедры древних языков исфака МГУ*. Вып. 6. М., 65–108.
- Pritchett, W.K. 1993: *The Liar School of Herodotus*. Amsterdam.
- Schmitt, R. 2003: Die skythischen Personennamen bei Herodot. *AION. Annali dell'Università degli Studi di Napoli « L'Orientale »* 63, 1–31.
- Schröder, A. 1921: *De ethnographiae antiquae locis quibusdam communibus observationes*. Diss. Halle.
- Takazov, F.M. 2007: [Tsartsats Legends: Epic of the Ossetian People]. Vladikavkaz.
- Таказов, Ф.М. *Царцатæ таурæгътæ: ирон адæмы эпос* [Легенды о Царцатах: эпос осетинского народа]. Владикавказ.
- Takazov, F.M. 2014: [Eschatological motifs in Ossetian Mythology]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Researches] 11/3, 675–679.
- Таказов, Ф.М. Эсхатологические мотивы в мифологии осетин. *Фундаментальные исследования* 11/3, 675–679.
- Tokhtas'ev, S. 1996: Die Kimmerier in der antiken Überlieferung. *Hyperboreus* 2/1, 1–46.
- Tornau, F.F. 2000: *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian Officer]. Ed. by S.E. Makarova. Moscow.
- Торнау, Ф.Ф. *Воспоминания кавказского офицера*. Под ред. С.Е. Макаровой. М.
- Trüdinger, K. 1918: *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Basel.
- Wilson, N.G. (ed.) 2015: *Herodotea. Studies on the Text of Herodotus*. Oxford.

DOI: 10.31857/S0321039124020043

«НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО» БАКТРИИ: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

П. Б. Лурье

Отдел Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: pavlsvlria@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9931-1498

После открытия летом 2022 г. в ущелье Алмоси в Таджикистане надписи царя царей Вимы Такту с текстом на бактрийском и «неизвестном письме» Бактрии, последнее было частично дешифровано. В настоящей статье автор, после краткого введения, (1) дает обзор последних исследований, продвинувших интерпретацию; (2) публикует ранее неизвестные образцы этого письма; (3) уточняет значение диакритических знаков и размышляет о вокализме отраженного письменностью языка, где, по его мнению, совпали рефлексy древнеиранских гласных *I* и *U* рядов; (4) приводит доказательства чтения знака для начальной гласной и пересматривает чтение знаков *W* и *H*, и для того разбирает этимологию бактрийского *šaonapošao* «царь царей»; (5) разбирает надписи на предметах из серебра и определяет слово «серебро» в надписях, *a'zat*; (6) уточняет хронологию надписей (III–II вв. до н.э. – IV в. н.э.) и определяет чашу с надписью из кургана Иссык под Алматы как бактрийский импорт; (7) выделяет место неизвестного письма в Центральной Азии: оно восходило к имперско-арамейскому, претерпело реформы, сходные с индийским письмом кхарошthи и опосредованно стало одним из источников древнетюркского рунического письма; (8) предлагает свои соображения по поводу языка, который кодировался «неизвестным письмом»: это был близкий бактрийскому диалект, возможно, распространенный у горцев Гиндукуша – Паропамиса, включая серебряные рудники Панджшера.

Ключевые слова: неизвестное письмо Бактрии, иранское языкознание, дешифровка, арамейское письмо, кхарошthи, древнетюркская руника, древние языки Гиндукуша

“UNKNOWN SCRIPT” OF BACTRIA: UNPUBLISHED MATERIALS AND NEW INTERPRETATIONS

Pavel B. Lurje

State Hermitage Museum, Oriental Department, Saint Petersburg, Russia

E-mail: pavlvslvria@gmail.com

The “Unknown script” of Bactria was partially deciphered as a result of a discovery of an inscription of the king of kings Wima Taktoo with Bactrian and “Unknown script” versions in the Almosi gorge in Tajikistan in Summer 2022. In the present paper the author, after a brief introduction, (1) provides a review of recent studies that fostered the interpretation; (2) publishes previously unknown specimens of this script; (3) specifies the reading of diacritic signs and considers the vocalism of the tongue mirrored in these inscriptions, where, as he proposes, the reflexes of Old Iranian *I* and *U*-type vowels merged; (4) puts forward the proofs for reading of the sign for the initial vowel and revisits the reading of signs *W* and *H*; in order to do that he analyses the etymology of Bactrian *šaonanošao* “king of kings”; (5) analyses the inscriptions on silver items and defines the word for “silver” in the inscriptions, *əʔzat*; (6) specifies the chronology of the inscriptions (third/second century BC to fourth century CE) and defines the inscribed bowl from the Issyk burial near Almaty as a Bactrian import; (7) locates the position of the “unknown script” in Central Asia: having originated in Imperial Aramaic it had undergone reforms similar to those of the Indic script *kharoshthi* and became one of indirect sources of the Old Turkic runic script; (8) puts forward his considerations on the nature of the language coded by the ‘unknown script’: it was a dialect close to Bactrian which was perhaps common among the mountaineers of Hindukush or Paropamisades, including the silver mines of Panjsher.

Keywords: unknown script of Bactria, Iranian linguistics, decipherment, Aramaic script, kharoshthi, Old Turkic runic script, old languages of Hindukush

ВВЕДЕНИЕ

«Неизвестное письмо» Бактрии — письменность «рунического облика» и очень ограниченного корпуса надписей на твердом материале, найденных археологами на территории Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана в течение последних 50 лет и датирующихся последними веками до новой эры и первыми веками новой эры¹.

¹ Автор благодарен многим коллегам за ознакомление с неопубликованными надписями, соображениями по поводу дешифровки и иную поддержку. Мне особенно помогли материалы, присланные Я.В. Васильковым (Санкт-Петербург), А.Н. Гориным (Ташкент), Лорен Моррис (Прага), А.Н. Подушкиным (Чимкент), Кендзо Кавасаки (Токио), Клодом Рапэном (Париж), А.П. Выдриным (Санкт-Петербург). Статистические подсчеты в разделах 3 и 4 выполнил К.А. Маслинский (Санкт-Петербург). Также благодарю Я.В. Василькова, О.В. Лундышеву (Санкт-Петербург), Петера Циме (Берлин) и Чин Чао-чжун (Киото), Джо Крибба (Лондон/Шицзячжуан), Николаса Симс-Уильямса (Кембридж), И.С. Якубовича (Марбург)

Первой, по-видимому, опубликованной находкой была *inscription peinte* из раскопок Д. Шлюмберже в кушанском династийном храме в Сурх-котале в северо-восточном Афганистане (1954). Надпись из трех строк, начертанных неизвестной письменностью и перемежающихся греческими альфами и бетами (видимо, в функции цифр), была опубликована Андрэ Мариком в виде фотографии с кратким описанием². Вторым — и по сию пору самым обширным — памятником этого письма является надпись-трилингва (на бактрийском, гандхари и «неизвестном письмом») из Дашти Навура в центральном Афганистане (104 г. н.э.), найденная Французской археологической делегацией в Афганистане в 1967 г. и опубликованная Жераром Фюссманом в 1974 г.³ В дальнейшем краткие надписи на керамике этим письмом появлялись среди находок в южном Узбекистане и Таджикистане, особенно часто в буддийских пещерных монастырях Кара-тепе и Фаяз-тепе в Старом Термезе⁴. При раскопках «золотого» позднесакского кургана Иссык в Алма-Атинской области Казахстана (1969–1970 гг.) К.А. Акишевым была открыта небольшая серебряная чаша с двустрочной надписью⁵. В сокровищнице греко-бактрийского города Ай-Ханум в северо-восточном Афганистане в последний год раскопок П. Бернара был найден фрагментированный серебряный слиток с однострочной надписью⁶. В 2019 г. крупный обработанный (?) камень с двумя строками слабо прочерченных знаков был обнаружен А.Н. Подушкиным в насыпи кургана в долине реки Угам (Казахстан, горы к северо-востоку от Ташкента)⁷.

В интерпретации письменности, определении ее языка (или языков) и тем более чтении надписей единства мнений не было. Фюссман полагал, что письмо это родственно кхароштки. Анализируя диакритические знаки, он определил, что письменность представляет собой альфасиллабарий, или абугида — письмо, в котором согласные выписаны знаками, а гласные — диакритическими знаками (или их отсутствием). Направление письма, как и в кхароштки, — справа налево. По первоначальному суждению Фюссмана, письменность кодировала язык — предок

и Л. Моррис за их соображения по поводу дешифровки и А.В. Омельченко, А.И. Торгова, Н.Н. Николаева, С.В. Панкову, П.А. Азбелева (Петербург), А.В. Седова, Т.В. Удыму, С.Б. Болелова (Москва) за археологические консультации. А.В. Омельченко, Н.Н. Николаев и Н.А. Васильева предоставили мне доступ к эпиграфике, хранящейся в Государственном Эрмитаже, а И.К. Малкиель выполнил фотографии надписи в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах. Н.Г. Птицына любезно разрешила опубликовать материалы из архива В.А. Лившица. В.И. Близнюкова помогла с составлением списка литературы. В процессе работы автор переписывался с Якобом Халфманном, Свеней Бонманн и Натали Коробцов. Представленная ниже критика никак не умаляет их замечательного труда. Без открытости археологов М.Г. и Б.С. Бобомулловых и Ш.Р. Ходжаева (Душанбе) автор не имел бы возможности начать представленную ниже работу, ответственность за выводы которой лежит исключительно на последнем.

² Maricq 1958, 417.

³ Fussman 1974, 2–50.

⁴ Vertogradova 1995; Fussman 2011.

⁵ Akishev 1978, 53–60.

⁶ Bernard 1980.

⁷ Podushkin 2020.

ормури (от последнего предположения он впоследствии отказался и считал возможным, что этим письмом могли быть записаны разные языки)⁸. Многие исследователи, в первую очередь из Казахстана, считали письмо и язык надписи на иссыкской чаше родственными руническим текстам древних тюрков⁹. Эта точка зрения была подвергнута критике В.А. Лившицем, который предполагал для письменности арамейский прототип¹⁰; Лившиц и Бернар, как будто независимо друг от друга, ввели надпись на чаше из Иссыка в круг бактрийской эпиграфики, сделанной «неизвестным письмом»¹¹.

Что до прочтения текстов, то тут можно отметить непрекращающиеся попытки прочитать надпись из кургана Иссык на древнетюркском (а также древнерусском, протовенгерском и др.), которые столь же поэтичны, сколь фантастичны¹². Особняком стоит попытка Я. Харматты прочесть надписи письмом, близким кхароштии, на восточноиранском хотаносакском языке¹³. Его чтения опубликованы с минимальным комментарием и аппаратом, без иллюстраций, и потому также не признаны научным сообществом. Моя попытка установить, какие же знаки соответствуют тем или иным звукам в дешифровке Харматты, закончились неудачей. Орчун Унал недавно предложил читать надписи из Иссыка и Ай-Ханума по-протомонгольски, а их письменность рассматривать как промежуточное звено между арамейским и древнетюркскими рунами¹⁴. Э. Хуршудян толкует часть иссыкской надписи как «скифский» иранский язык в арамейской записи с идеограммами (любопытно, что его определение знака *t* согласуется с нашим теперешним пониманием)¹⁵.

Таким образом, до недавнего времени работа с надписями «неизвестным письмом» ограничивалась сбором источников, составлением таблиц знаков, вопросами генезиса письменности и рассуждениями о функции текстов на основе археологического контекста¹⁶. Качественный переход случился после открытия надписи — билингвы в Таджикистане в 2022 г., и к настоящему моменту можно говорить о частичной дешифровке письменности.

⁸ Fussman 2011, 133.

⁹ Например, Sülejmenov 1970; Amanzholov 1971; Akishev 1978; Garkavec 2018.

¹⁰ Livshits 1978, 84–87.

¹¹ Для полноты картины следует упомянуть работы М. Насим Хана о письменности Кохи (или Пушкарасари) из Свата в Пакистане и соседних долин, которую он сравнивает с нашим «неизвестным письмом» (Nasim Khan 2007; 2020). Следует отметить, что подлинность надписей из Свата давно ставится под сомнение, и в качестве аргумента в пользу их аутентичности Насим Хан приводит эпиграфику «неизвестным письмом» из раскопок в Южном Узбекистане. Вместе с тем сходство можно усмотреть лишь в нескольких знаках, система же диакритической нотации (если она есть в письме Кохи) совершенно иная. Харри Фальк (см. ниже) поддерживает гипотезу Насим Хана, который, собственно, и узнал о надписях из Афганистана и Средней Азии от Фалька.

¹² Недавняя сводка в Garkavec 2018.

¹³ Harmatta 1994.

¹⁴ Ünal 2019.

¹⁵ Khurshudyan 2011.

¹⁶ Например, Vertogradova 2002, Kyzlasov 2020. Более подробно известные материалы (без привлечения Угама, тувинских надписей и гипотезы Насим Хана) и история изучения приведены в Bonmann *et al.* 2023, 295–302.

Дешифровка бактрийского «неизвестного письма» непосредственно связана с вопросами о кочевнических завоеваниях древней Индии, о происхождении письма кхароштки, о языках «скифского мира» — сферами, в которых так много сделал Григорий Максимович Бонгард-Левин.

1. ОТКРЫТИЕ НАДПИСЕЙ ИЗ АЛМОСИ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПРОГРЕСС В ДЕШИФРОВКЕ «НЕИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА»

После открытия в августе 2022 г. надписей в Алмоси (Таджикистан) был совершен своего рода прорыв в исследовании «неизвестного письма». При этом за прошедшие полтора года было проведено значительное число исследований, что резко контрастирует с, казалось бы, неспешным прогрессом в древних филологиях. В данном разделе я бы хотел зафиксировать хронологию открытия, в котором скромное участие принял и сам автор: я отдаю себе отчет в том, что изложение может выглядеть субъективным и часто ведется от первого лица.

13 августа 2022 г., будучи на раскопках в Пенджикенте, я получил от археолога М.Г. Бобомуллоева (Национальный музей Таджикистана) фотографию загадочной наскальной надписи. Она была найдена на севере Гиссарского района, в Фанских горах, в ущелье Алмоси¹⁷. Подумав, что она могла быть начертана письмом кхароштки или древнетюркской руникой, я послал фотографии Чин Чаочжун и Петеру Циме. Оба ответа были отрицательными: надпись не соответствует ни тому, ни другому письму. Через несколько дней Бобомуллоев прислал мне фотографию еще двух надписей, найденных там же, а также обстоятельства находки. Одна из них была начертана тем же письмом, а другая была бесспорно бактрийской (греческим письмом), начиналась с указательного местоимения *εἰδὶ* «этот» или *εἰδιπλο* «этот самый» и содержала титул *βασιλεως* «царя царей» (архаичный косвенный падеж). Исходя из этого, я сопоставил другие надписи с версией III текста из Дашти Навура и убедился, что письмо их одно и то же.

Вернувшись 29 августа из экспедиции, я уже 31 августа отправил записку таджикистанским коллегам, в которой предложил свое чтение бактрийской части надписи (в настоящее время значительно пересмотренное), обоснование определения второй ее версии как «неизвестного письма», привел предварительный список соответствий знаков. Я предположил, что последовательность знаков 3–8 первой строки, которую можно передать как *A-B-C¹-C²-A-(B)*, соответствует ритмике бактрийского *βα-ο-να-vo-βα-ο* (это предположение впоследствии было подтверждено). В заметке было указано, что надписи из Дашти Навура и Алмоси сходны и изготовлением на естественных камнях, и расположением около высокогорных крепостей; они как бы ограничивали территории Кушанского царства на юго-западе и на севере.

Очевидно, я был не единственным филологом, до которого быстро дошла весть о находке. Тогда же, 31 августа, я послал свои соображения Н. Симс-Уильямсу, и он ответил, что за час до того получил e-mail от нумизмата Джо Крибба по поводу этих надписей (и тут же переслал его соображения по поводу бактрийской

¹⁷ В русскоязычной литературе почему-то принята тюркизованная транскрипция Алмоси. *Алмоси* по-таджикски значит «алмазный».

версии). В письме от 16 сентября 2022 г. (или несколькими днями ранее) Симс-Уильямс и Крибб предложили чтение бактрийской версии надписи, которое с тех пор утвердилось: ΕΙΔΙΝΛΟ Υ.(Ο) / ΡΑΟΝΑΝΟΡΑΕ ΟΟΗ/ΜΟ ΤΑΚ/ΤΟΕ «эта самая Υ... царя царей Вимы Такту». Вскоре в республиканских, а затем и мировых новостных агентствах появились первые сообщения о находке¹⁸.

В сборнике, датированном 22 ноября 2022 г., находчики надписи — Б.С. Бобомуллоев, Ш. Ходжаев и М.Г. Бобомуллоев — опубликовали подробные обстоятельства ее обнаружения с чтением бактрийской версии (по Симс-Уильямсу и Криббу)¹⁹. В декабре 2022 г. Голам Джелани Давари опубликовал по-немецки брошюру о находке, в которой предложил свое чтение бактрийской версии²⁰ и обосновал связь другой части билингвы с «бактрийско-иссыкским» (по терминологии автора) письмом²¹.

Автор настоящего сообщения тогда же занялся сбором всех надписей «неизвестным письмом», их перерисовкой и кодированием. Надписи транслитерировались с помощью кода, где цифра обозначала основную «акшару» (в индийской терминологии), а следующая за ним буква — диакритику (при этом *a* обозначала ноль диакритики). Вышло 59 знаков и 17 вариантов диакритики. В дальнейшем я сократил их число, объединяя похожие символы из разных текстов в один, и таким образом получил 41 акшару и 10 диакритических знаков, из них пять акшар и две диакритики были *hara*х *legomenon*, т.е. встречались лишь по одному разу, а еще пять акшар встречались по 2–3 раза, но в пределах одного и того же текста. Тридцать акшар (из них 20 встречаются 5 раз и более) и восемь диакритических знаков могли соответствовать фонетике восточноиранского языка среднего периода. Были составлены таблицы сочетаемости акшар и диакритики, их частотности. Из переписки я узнал, что Джо Крибб и Лорен Моррис независимо увидели сходную последовательность знаков надписей из Алмоси и Дашти Навура, которую можно понимать как имя Вима Такту.

Я обратился к специалисту по математической лингвистике К.А. Маслинскому (Институт русской литературы — Пушкинский Дом), проанализировавшему сочетаемость знаков, наличие повторов последовательностей знаков (которые знаменовали бы повторяющиеся слова) в различных надписях. Последнее было отмечено достаточно редко (схождения отмечались в первую очередь между Дашти Навуром и Алмоси; между Сурх-коталем и Иссыком; среди надписей Кара-тепе и Фаяз-тепе в Термезе) и заставило нас предположить, что этим письмом записаны *разные* языки. Частотность диакритики в разных текстах как будто указывала на то, что она представлялась необязательной для ряда писцов и/или резчиков.

¹⁸ URL: <https://avesta.tj/2022/11/11/tadzhikskie-ucheny-e-rasshifrovyyayut-drevnie-nadpisi-obnaruzhennyye-v-ushhele-almosi/>; дата обращения: 01.06.2024; URL: <https://uclcaal.org/2022/11/16/discovery-of-inscriptions-in-the-almosi-gorge-tajikistan/>; дата обращения: 01.06.2024.

¹⁹ Bobomulloev *et al.* 2022.

²⁰ Давари читает второе слово как НАОΥ(N)Ο и сравнивает с персидским *aywān* «веранда». Последнее, как мы знаем, через среднеперсидское **uwn*, парфянское **pdnky* происходит из древнеперсидского **apadāna*-. Едва ли в начале новой эры оно могло звучать как */ēaun/* или что-то в этом роде.

²¹ Davary 2022.

25 января 2023 г. мы с К.А. Маслинским и М.Г. Бобомулловым выступили с докладом на Луконинских чтениях в Государственном Эрмитаже, где продемонстрировали результаты работы и выделили большой и малый пунктуационные знаки и знак для начальной гласной — *алиф*, а также диакритику для нулевого гласного после согласного (*вирама* в индийской традиции, *шва* в еврейской и *сокун* в арабской). В докладе мы стремились в первую очередь математически аргументировать свои суждения.

1 марта 2023 г. в Национальной академии наук Таджикистана состоялся colloquium о надписях из Алмоси. Таджикистанские археологи представили свою информацию об обстоятельствах находки и ее значимости, Крибб (онлайн) рассказал о роли Вимы Такту по монетным и эпиграфическим данным. Автор представил пересмотренный доклад, в финале которого отступил от математического ригоризма и предложил интерпретацию 11 знаков, из них семь как минимум оказались верными; выделил два указательных местоимения, начинающихся на гласный. Я предположил (вслед за французскими коллегами), что письменность эта связана с передвижением саков в Индию и что язык надписей мог быть связан с тумшукско-сакским (эти соображения представляются мне сейчас совершенно неверными).

Завершил colloquium онлайн-доклад молодых специалистов из университета Кёльна и Вюрцбурга: Свенни Бонманн, Якоба Халфманна и Натали Коробцов. Его первая часть была похожа на мое сообщение — создание корпуса надписей, прорисовка, цифровое кодирование, вычисление количества знаков. Подход к диакритике, впрочем, отличался. Затем авторы показали новую прорисовку и транслитерацию надписи из Дашти Навура, сделанную по оригиналам фотографий²², в которой смогли увидеть последовательность записи «царя царей», прочитать несколько аналогов словам из бактрийской версии и увидеть регулярные знаки словоразделов. В результате было предложено чтение 14 акшар и всех четырех диакритических знаков. В качестве финального доказательства они привели ранее не привлекавшуюся в контексте исследований надпись — триграф из пещеры Хок на Сокотре²³, где помимо записи имени на бактрийском и брахми присутствует версия неизвестным письмом. Чтения четырех знаков совпали.

Таким образом, исследователи из Кёльна оказались на несколько важных шагов впереди автора настоящего сообщения, хотя до окончательной дешифровки надписей еще далеко²⁴.

²² Согласно статье Фюссмана (Fussmann 1974, 3, n. 1), оригиналы фотографий хранились в архиве Délégation archéologique française en Afghanistan (расположенном в École française d'Extrême-Orient). Запрос в архив остался без ответа, и в результате я делал новую прорисовку по фотографиям в статье 1974 года (надо заметить, весьма качественно напечатанным для полиграфии полувековой давности, но все же недостаточным). Коллеги из Кёльна, после столь же безответного обращения в архив École française d'Extrême-Orient, отправили запрос в Collège de France, где хранится личный архив Жерара Фюссмана, и получили оттуда качественные фотографии.

²³ Strauch 2012, 202.

²⁴ Записи докладов Бонманн и соавторов и автора этого сообщения благодаря Нурулло Махмудову (Худжанд) выложены в интернете: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=l3spw04yV8c>; дата обращения: 01.06.2024; https://www.youtube.com/watch?v=k_P-IY1Rms; дата обращения: 01.06.2024.

7 марта 2023 г. автор обсудил по «зуму» с Бонманн, Халфманном и Коробцов результаты и перспективы исследований. Мы договорились разделить силы: рукопись немецких коллег была уже подана в журнал; после ее публикации я должен был выступить с дополнениями и соображениями по поводу надписей. Настоящая статья является исполнением этой договоренности.

Уже 9 марта на сайте *academia.edu* стала доступна статья берлинского индолога Харри Фалька по поводу надписей²⁵. Он прочитал последовательности «царя царей» и Вимы Такту в надписи I, а также предложил понимать НАОУА[О] первой строки бактрийской версии как соответствие индоарийскому (неясной этимологии) *elūka/aīdūka* «место скопления костей, захоронение». Запись того же слова он усматривает в *eleatho* (для *eloatho*, в транскрипции Фалька) надписи I «неизвестным письмом». Фальк полагает, что письменность Дашти Навура и Алмоси была создана Вимой Такту, что она ближе всего к индийскому письму кхароштхи и что более ранние надписи (из Иссыка и Ай-Ханума) надо рассматривать отдельно; надписи из южной Средней Азии он сравнивает с письменностью Кухи (как нам представляется, подделкой, см. выше прим. 11). Если чтение десяти знаков в целом совпадает с работами других исследователей, понимание знаков для гласных существенно отличается.

12 июля 2023 г. в журнале *Transactions of the Philological Society* вышла объемная статья Боннман, Халфманна, Коробцов и Бобомуллоева с их дешифровкой²⁶. Статья также доступна онлайн, и на сайте издательства имеются три приложения, не вошедшие в печатную версию: археологический отчет о находке в Алмоси, свод всех известных надписей (большинство в фотографиях и новых прорисовках) и список знаков (и диакритики) с приложенными чтениями²⁷.

В статье дается убедительное толкование совпадений надписи Алмоси I и Дашти Навура (в новых фотографиях и прорисовках) как имя Вимы Такто и термин «царь царей», а также параллелей к ряду выражений из бактрийской версии Дашти Навура: βαϣο, βαϣο στορυο, ραϣτοϣο, ραοδαϣο и некоторых несамостоятельных слов. Дается чтение и перевод надписи I Алмоси и строк 3–5 Дашти Навур III. В качестве подтверждения верности чтения приводится надпись с Сокотры в трех видах письменности. В целом, авторы определяют 15 знаков письма (из примерно 25–30), две лигатуры и четыре диакритических знака (включая нулевой для *ā*).

Бонманн и соавторы определяют письмо как развитие имперско-арамейского, лишь косвенно связанное с кхароштхи. По их мнению, за ним стоит неопределенный язык среднеиранского периода, родственный, но не идентичный бактрийскому, согдийскому и хотано-сакскому. Они полагают (вслед за Ртвеладзе), что это

²⁵ Falk 2023.

²⁶ Bonmann *et al.* 2023.

²⁷ URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-968X.12269>; дата обращения: 01.06.2024; URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/action/downloadSupplement?doi=10.1111%2F1467-968X.12269&file=trps12269-sup-0001-Appendix+1.pdf>; дата обращения: 01.06.2024; URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/action/downloadSupplement?doi=10.1111%2F1467-968X.12269&file=trps12269-sup-0002-Appendix+2.pdf>; дата обращения: 01.06.2024; URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/action/downloadSupplement?doi=10.1111%2F1467-968X.12269&file=trps12269-sup-0003-Appendix+3.pdf>; дата обращения: 01.06.2024.

первоначальная письменность да-юэчжей до и после их проникновения в Бактрию. В последнем примечании статьи критически разбирается попытка дешифровки Фалька.

Дешифровка письменности коллегами из Кёльна широко освещалась в популярных изданиях²⁸ (о чем они с иронией говорят в другом интервью)²⁹, на эту тему автору также доводилось давать комментарии³⁰.

Буквально через две недели после публикации этой статьи Джеффри Кэвени (Нью-Йорк) выложил препринт статьи с попыткой прочтения надписи из Иссыка на основе дешифровки Бонманн и соавторов³¹. В ней он предложил атрибуцию еще одного знака, для звонкой аффрикаты /j/.

Позднее группа Свенги Бонманн с соавторами, в число которых был включен индолог Симон Фриз, опубликовала пространную статью о бактрийской версии надписи из Дашти Навура. Хотя в ней авторы почти не касались версии, начертанной «неизвестным письмом», однако благодаря ей они прочитали бактрийский термин 𐭠𐭣𐭥𐭥 «царство», ибо похожее слово имеется в версии III неизвестным письмом³². Таким образом, «неизвестное письмо» стало не только рецепиентом сопоставлений с другими языками Центральной Азии, но и донором.

В декабре 2023 г. вышла, кроме того, статья Джо Крибба о личности Вимы Такто³³. Она почти не касается надписи «неизвестным письмом», однако в ней дана последовательность прогресса в понимании надписей — вероятно, столь же субъективная, сколь и настоящий раздел. Археологический контекст надписей был охарактеризован в другой статье М.Г. Бобомуллоевым³⁴.

То, что определение семи-восьми знаков письма было (при разных подходах) сходно в статье Фалька, Бонманн с соавторами и неопубликованных мыслях Джо Крибба, Лорен Моррис и автора этих строк, само по себе говорит о верности предложенной дешифровки. Вместе с тем, группа исследователей из Кёльна намного опередила других специалистов, занявшихся дешифровкой письма.

Между тем к зиме 2023–2024 года бактрийская версия надписи из Алмоши и часть надписи II «неизвестным письмом» были сняты и привезены в Душанбе, о чем мне с сожалением сообщил М.Г. Бобомуллоев. Если бактрийская версия располагалась на отдельном камне, который мог унести любой желающий, навьючив своего ишака (точные GPS-данные места находки неоднократно

²⁸ Например, URL: <https://avesta.tj/2023/03/03/strong-uchenye-blizki-k-polnoj-rasshifrovke-drevnih-nadpisej-obnaruzhennyh-v-almosi-strong/>; <https://www.history.com/news/ancient-kushan-script-decoded>; дата обращения: 01.06.2024.

²⁹ URL: <https://portal.uni-koeln.de/universitaet/aktuell/koelner-universitaetsmagazin/unimag-einzelansicht/schockierend-positiv>; дата обращения: 01.06.2024.

³⁰ URL: <https://tj.sputniknews.ru/20230315/tayny-tajikistan-uchenye-uschele-almosi-1055549757.html>; дата обращения: 01.06.2024; Powell 2024.

³¹ Caveney 2023.

³² Halfmann *et al.* 2023, 20–21, из древнеиранского *xšāna-. Согдийское š'nwx «велико-лепный», имена собственные š'n, š'n'kk (Lurje 2010, 366) могут также относиться сюда, как бактрийское заимствование (персидское šān, с которым его предлагали связывать, заимствовано из арабского ša'n).

³³ Cribb 2023.

³⁴ Bobomulloev 2023.

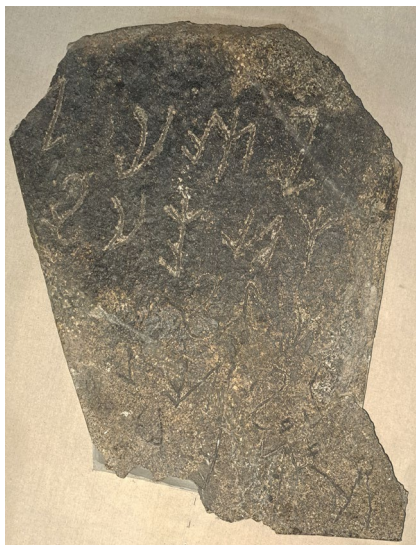

Рис. 1. Надпись II «неизвестным письмом» на экспозиции Национального музея Таджикистана. Фото автора, июль 2024 г.

Рис. 2. Скала с надписью II в неповрежденном виде. Срубленная часть выделена пунктиром. Фото М. Г. Бобомуллоева

опубликованы), то часть надписи II «неизвестным письмом» была сбита со скалы и, более того, расколота на три части. Мне неизвестны публикации ни о процессе, ни о результате снятия, и я не могу судить о формальных основаниях и целесообразности такого решения. Отмечу лишь, что таким образом была непоправимо нарушена целостность уникального памятника. К лету 2024 г. обе надписи нашли свое место в экспозиции Национального музея Таджикистана; надпись II была собрана и аккуратно замастикована (рис. 1–2).

2. ДОПОЛНЕНИЯ К КОРПУСУ НАДПИСЕЙ

Основной корпус надписей (24 бесспорных надписи «неизвестным письмом» и 9 сомнительных) опубликован в фотографиях и прорисовках³⁵. В настоящем разделе я привожу оставшиеся неизвестными составителям корпуса надписи, также в фотографиях, прорисовках и транслитерации, где нумерация следует коду Бонманн и соавторов, а в чтении использованы также наши соображения (табл. 15). Кроме того, для некоторых известных ранее надписей даются более качественные фотографии и точные прорисовки, если у меня был доступ к таковым.

Ad-01. Археологически целая краснолощенная ойнохоя из раскопок Л.И. Альбаума в буддийском монастыре Фаяз-тепе в Старом Термезе (рис. 3–5). Не опубликована, фотографии имеются в архиве В.А. Лившица (Бактрия – 9)³⁶. Сам сосуд

³⁵ Bonmann *et al.* 2023, онлайн-версия, appendix 2, см. прим. 27.

³⁶ Хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Рис. 3, 4, 5. Ad-01. Ойнохоя из Фаяз-тепе целиком и деталь, рисунок надписи (не в масштабе). Фото и прорисовка автора

ныне хранится у наследников Лившица в Петербурге, где я его фотографировал в 2019 г.

Тушевая надпись в одну строку, сохранилось 6 или 7 знаков, рядом прочерченный крупный знак — тамга.

Надпись имеет ряд никак иначе не отмеченных знаков, первый, вероятно, — вариант написания знака 16 (или лигатуры 23—16) с диакритикой ' ($T^a / \check{T}^a$) либо, по мнению Я. Халфмана и С. Бонманн, 13 (Γ), второй в списке Бонманн и др. отсутствует и как будто не имеет аналогов в других текстах, далее четкий *алиф* (24) без диакритики (a), еще один иначе не отмеченный знак в виде двух «домиков» (Я. Халфманн предлагает тут видеть частично стертое R), далее знак 2 без диакритики (H^a по Бонманн, мы предлагаем $И^a$, см. ниже). Следующий знак, если он один, сходен со знаком в предпоследней строке надписи II из Алмоси (26). Иначе можно читать его как знак 22 с диакритикой ' (N^a) и словоразделом, за которыми идут, быть может, две параллельные диагональные черты, характерные для 23 ($\check{S}$).

Ad-02. Плечико сероглиняного кувшина с потеком светло-коричневого ангоба и горизонтальными полосами понизу (рис. 6—7). 9×7,5, толщина 0,8 см. Черно-белые фотографии в архиве В.А. Лившица (Бактрия — 9), оригинал был найден при разборке архива и в настоящее время хранится у автора до передачи в Государственный Эрмитаж. Согласно прилагавшейся к фотографиям записке, был найден при раскопках хозяйственного двора Фаяз-тепе в 1975 или 1976 г.

Надпись тушью из шести или семи знаков. Сохранилось начало; конец, вероятно, утрачен.

Тут можно определить практически все знаки: 24"-20"-словораздел-21-21-20' (или 20"), за ним часть знака, который можно принять за 15 (?). Таким образом, читаем мы его как $^i-D^i \mid M^a-M^a-D^a/i-(K_2)$. Мы вернемся к этой надписи при разговоре о языках письменности.

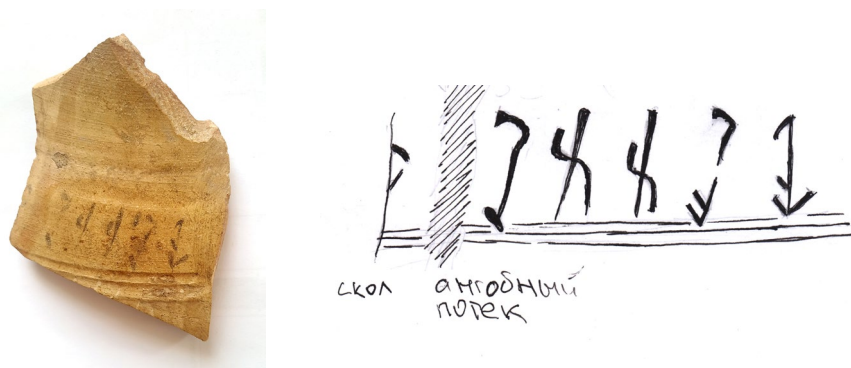

Рис. 6, 7. Ad-02. Надпись на черепке из хозяйственного двора Фаяз-тепе, рисунок надписи (не в масштабе). Фото и прорисовка автора

Рис. 8. Ad-03. Надпись из фруриона Кампир-тепе. Фото А. Н. Горина

Ad-03. Фрагмент донца тарного сосуда светлого обжига (рис. 8). Происходит из фруриона Кампир-тепе (крепость на Аму-дарье эллинистического и кушанского времени), раскопки 2016 г., под кирпичом XXVII яруса с внешней стороны Южных ворот. Любезно прислан автору А. Н. Гориним.

Надпись из трех букв глубоко процарапана.

Первый знак напоминает более всего 21 (хотя отсутствует верхняя левая хваста, M^a), следующий можно признать как знак 22 (N) с нетипичной диакритикой, третий похож на 4 (B^a) или 19. В целом, нет уверенности в принадлежности надписи нашему «неизвестному письму».

Ad-04. Надпись на плечике хума из Саксанохура (около Фархора, Хатлонская область

Таджикистана; рис. 9). Нынешняя локация находки мне неизвестна. Саксанохур знаменит, в первую очередь, дворцом греко-бактрийского времени, однако ремесленный квартал, во втором горизонте которого был найден черепок, относится к кушанскому времени³⁷. Надпись, видимо, глубоко прочерчена.

Первый знак соответствует знаку 12 по Боннман с нехарактерной диакритикой, второй – быть может, вариант 19 (Y^a), 16 (T^a) или 6, далее словораздел.

Ad-05. Надпись на сливе ихтиоморфного стеклянного сосуда из сокровищницы Беграма, раскопки Ж. Акэна в составе DAFA в конце 1930-х годов (рис. 10). Сосуд был сделан в Восточном Средиземноморье в конце I – начале II в. н.э., сокровищница Беграма (пом. 10) была оставлена после 260 г. Сосуд и прорисовка надписи были опубликованы П. Амеленом³⁸ и заново обработаны Л. Моррис,

³⁷ Litvinskiy, Mukhiddinov 1969.

³⁸ Hamelin 1954, 180–181.

которая верно предположила, что надпись относится к «неизвестному письму»³⁹. Моррис любезно сообщила мне об этой находке и поделилась вышеизложенными данными; в настоящее время надписи почти не видно, в точности прорисовки Амелена можно сомневаться; хранится в Национальном музее Азиатского искусства в Париже (бывший Musée Guimet).

В тушевой надписи можно распознать знак 24 (𐎧) в положении 8 часов и часть знака 13 (𐎢 ?) в положении 4 часов. На прорисовке можно увидеть в начале, видимо, несколько искаженный тот же знак 13, затем знак 1 (𐎠 по Боннман, 𐎠 по моему чтению), затем знак 21 с нетипичной первой диакритикой (𐎡), 17 с также нетипично поставленной чертой (𐎣), следующий знак из двух линий крест-накрест надежных аналогий не находит, за ним вероятно 16 (𐎦), словораздел, и еще два неясных знака перед алифом 24 с нетипичной диакритикой.

Ad-06. Надпись на прямоугольном камне $40 \times 24 \times 11$ см, выделявшемся по цвету и размерам в выкладке крупного кургана у городища Ушбастобе в долине Угама (приток Чирчика, реки Ташкента) в Казахстане (рис. 11–12). Автор раскопок, А.Н. Подушкин, полагает, что камень обработан с трех сторон. Он датирует курган очень широко, III в. до н.э. – IV в. н.э., в другом месте первыми веками до и после начала новой эры⁴⁰. Благодаря любезности А.Н. Подушкина я получил фотографии камня в хорошем разрешении, которые позволили сделать новую прорисовку.

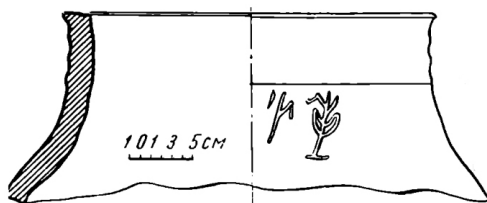
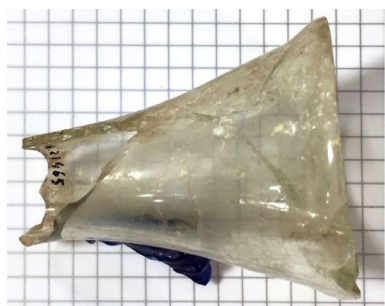

Рис. 9. Ad-04. Надпись из Саксанохура. Воспроизводится по Litvinskiy, Muhitdinov 1969, рис. II

3. Opening of ichthyomorphic glass flask (4.2.1.12), RAB 358 [214] (Morris, courtesy of Pierre Cambon, MG).

4. Opening of ichthyomorphic glass flask (4.2.1.12), RAB 358 [214] (Morris, courtesy of Pierre Cambon, MG).

5. Hamelin's illustration of the inscription on RAB 358 [214] (Hamelin 1954, Pl. XLI c).

Рис. 10. Ad-05. Слив стеклянного сосуда — икhtiоморфа. Воспроизводится по Morris 2021, pl. 50. Опубликовано с любезного разрешения автора. Слева направо: профиль слива; фас с надписью в нынешнем состоянии; прорисовка П. Амелена

³⁹ Morris 2021, 380–381.

⁴⁰ Podushkin 2020, 198, 210.

Надпись из 15–25 знаков неглубоко процарапана, причем строки расположены по белым линиям вкраплений в камне. Она была опубликована Подушкиным в перевернутом виде.

Первая строка начинается со знака 18 без диакритики, далее следует, вероятно, лигатура, в которой можно увидеть знаки 9 (R^a) и 15 (K_2^a), за ними идет либо большой разделитель и знак 4 (B^a), либо лигатура 3+1 (HW по Бонманн и соавторам),

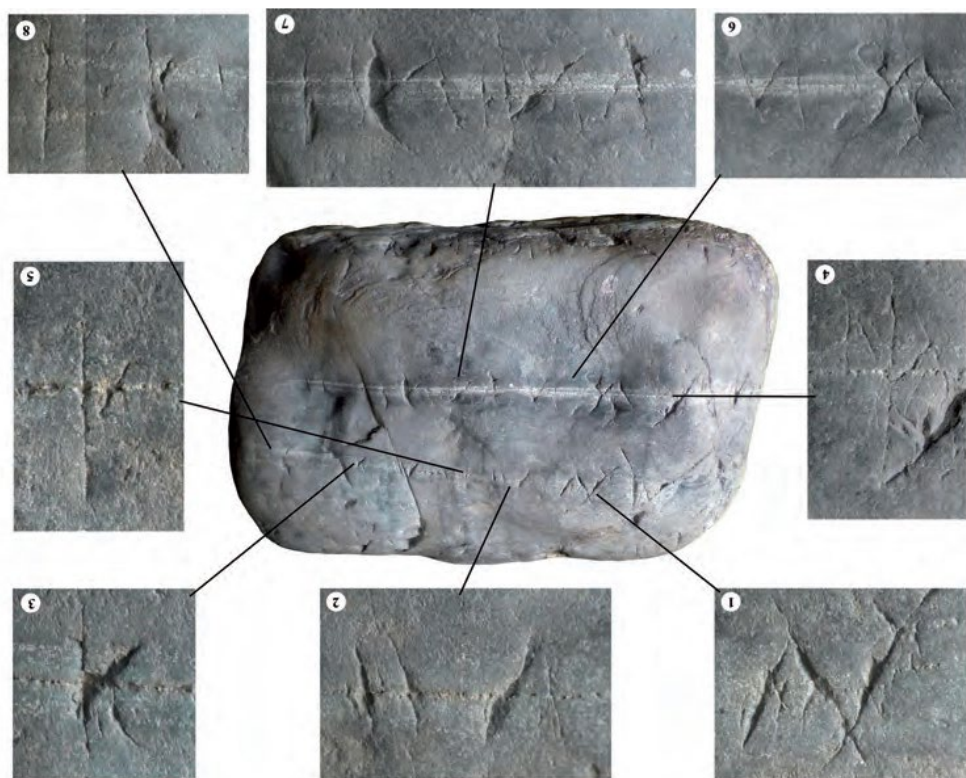

Рис. 11. Ad-06. Угамский камень. Воспроизводится по Podushkin 2020, рис. 5

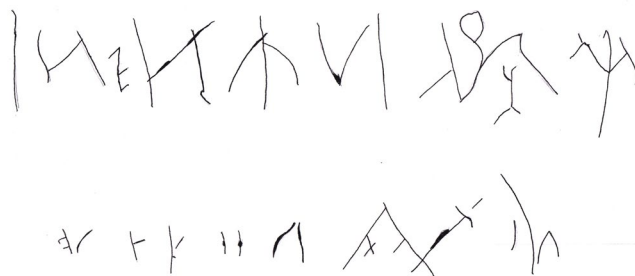

Рис. 12. Ad-06. Угамский камень, рисунок надписи (не в масштабе). Прорисовка автора

либо знак 6. За ними идет знак, напоминающий 14, за ним лигатура 3+1 либо знак 6 или 16 (T^v), за ним, быть может, *алиф* (24) с нетипичной диакритикой, еще один знак 6 и большой словораздел.

Знаки второй строки тем более непонятны, ближе к концу можно увидеть знак 23 ($\check{S}^a$). В целом приходится признать, что принадлежность угамской надписи к нашему «неизвестному письму» остается сомнительной⁴¹. Быть может, аутопия камня позволит сказать больше.

Ad-07. Фотография надписи без подписи, хранящаяся в архиве В.А. Лившица (рис. 13). Процарапана после обжига (?) по донцу (?) недиагностического тарного сосуда. Благодаря любезности А.В. Седова и Т.П. Удымы я узнал, что надпись происходит из раскопок Б.А. Литвинского в Калаи-Кафирниган (или Токкуз-тепе) в Южном Таджикистане в 1976 г. (ср. СА-03 ниже), раскоп VII, помещение 4 — коридор на юге крупного домовладения раннесредневекового периода⁴².

Первая буква уверенно читается как 21' (M^p), второй знак, с той же диакритикой, встречается также в надписях из Сурх-котала, Хатын-рабата, Джига-тепе (№ 4, 5 по Бонманн и соавторам).

Дополнительные изображения

Неопубликованные данные добавляют материал к интерпретации надписей, приведенных в дополнении к статье Бонманн, Халфманна, Коробцов и Бобомуллоева. Нумерация следует этому дополнению⁴³.

КТ-01. Два из трех черепков от одного сосуда из Кара-тепе, хранящегося в Государственном Эрмитаже (А-1894, А-1895)⁴⁴ уверенно соединяются (рис. 14).

Надпись, таким образом, читается как 22"/15"-20"-24 (без нижней черты!)-13"-12, или $N^i/K_1^i-D^i-\check{a}-\check{r}-\check{r}^{45}$.

Рис. 13. Ad-07. Вторая надпись из Калаи Кафирниган. Фото из архива В. А. Лившица (папка Бактрия — 09)

Рис. 14. КТ-01. Совмещенные А-1894, А-1895. Фотография автора

⁴¹ Три раза повторяющийся тут знак в виде русского И (6, лигатура 3+1?) присутствует три или четыре раза в надписи на чаше из Иссыка, см. ниже.

⁴² Litvinskiy 1982, 114–121.

⁴³ Bonmann *et al.* 2023, appendix 2, см. прим. 27.

⁴⁴ Благодарю хранителя А.В. Омельченко за предоставление доступа к материалу и разрешение опубликовать его.

⁴⁵ Ср. начало надписи АGII: $\check{r}-\check{r}$.

Рис. 15. СА-03. Надпись из Токкуз-тепе. Фото из архива В. А. Лившица (папка Бактрия — 03). С любезного разрешения Н. Г. Птицыной; профиль (из архива Южно-Таджикистанской археологической экспедиции, ИВ РАН)

СА-03. Надпись из Токкуз-тепа (рис. 15). Токкуз-тепа (или Токкуз-кала) — старое название памятника Калаи Кафирниган в 80 км к юго-западу от Душанбе. Четкая фотография надписи имеется в архиве В.А. Лившица (Бактрия — 09), и ее мы тут публикуем. По любезному сообщению А.В. Седова, имевшего прямое отношение к находке и ее полевой обработке, черепок был найден в мешаном слое цитадели городища в 1975 г. (а не 1945 г., как думал ранее автор), в процессе работ экспедиции Б.А. Литвинского⁴⁶ (о датировке см. ниже).

Фотография позволяет уточнить прорисовку Натали Коробцов. Знаки суть 24"-21"-16"-6(?) -14(?) -23'-4' [(ⁿ-Mⁱ-Tⁱ-Y^a-?-S^o-B^o)].

Разумеется, этот корпус будет со временем пополняться, причем не только новыми находками, но и архивной информацией о более старых, которые археологи зачастую игнорировали, полагая более надежным тратить бумагу и типографскую краску на другие находки с памятников, чем эти, до недавнего времени, безнадёжные «почеркушки».

3. ДИАКРИТИКА

Бонманн и соавторы выделяют в «неизвестном письме» три диакритических знака: диагональная черта, отходящая от низа левой хвасты (обозначается X') читается ими как ^a, две параллельные диагональные черты (X") — как ^u, а черта — треугольник от центра буквы (X<) — как ^e. Отсутствие диакритического знака вокализуется как ^a после согласного. В приложении к статье они добавляют вероятный диакритический знак — верхнюю черту, которая всегда соседствует с " (X'/)⁴⁷. При этом, согласно исследователям, знак ^a мог передавать как краткое /a/, так и беглое /ə/ и ноль гласного, а знак ^e, возможно, служил и для /i/, знак ^u мог передавать и /o/⁴⁸.

Автор настоящей статьи вначале полагал, что имеется много больше знаков, думая, что имелись и диагональные черты справа от левой хвасты. Наверное,

⁴⁶ Litvinskiy 1980, 121.

⁴⁷ Bonmann *et al.* 2023, appendix 3, 2.

⁴⁸ Bonmann *et al.* 2023, 310, 316, appendix 3, 2.

правильнее от этой гипотезы отказаться, хотя в некоторых надписях (Иссык, Сурх-коталь, Чим-курбан, AD-03 из Кампир-тепе) как будто можно увидеть диакритику с правой стороны, и в двух или трех случаях *алиф* пишется без нижней диагональной черты вправо (см. ниже). Необычно выглядит диакритика в надписи из Беграма (Ad-05), однако, возможно, это неточность рисунка. Имеются, кроме того, и верхние диакритические знаки, которые можно видеть у некоторых букв в надписях из Сурх-Котала, Кара-тепе и, особенно, Ай-ханум (ср. также Саксанохур Ad-04 выше). Учитывая аналогии в индийском письме, можно очень осторожно предполагать, что это знаки для носового после гласных.

Более важными нам представляются наблюдения о частотности диакритики. Дж. Кэвени высказал предположение, что в надписи из Иссыка она была факультативна, а в позднейших надписях — обязательна⁴⁹. Однако общий размер надписи из Иссыка (25 знаков, из них 16 без диакритики) не позволяют сказать определенно. В надписи из Ай-Ханум, содержащей 21 знак, нижняя диакритика встречается два раза, причем только у *алифа*⁵⁰, и тут случайность маловероятна. Нет диакритики (за одним возможным исключением) и в надписи из Угама; отчасти поэтому мы относимся с сомнением к ее атрибуции «неизвестному письму».

Посмотрим теперь на частотность диакритики в больших связанных текстах: Дашти Навур⁵¹ и Алмоси (табл. 1).

Первые три варианта вокализации удивительно равномерны в Дашти Навуре и примерно одинаково встречаемы в надписях из Алмоси. Однако третий знак, <, встречается очень редко: в имени Вимы в обеих надписях и еще в одном случае (у *N* в строке 3 DN). Комбинированная диакритика встречена по одному разу в DN III (последняя строка, со знаком K_2) и Алмоси (AG I, 3, со знаком K_1). Из этого следует, что имелось лишь три вокализации, которые формировали базу вокализма письменности: две (или более?) другие занимали маргинальное положение.

Исходя из реконструкции Бонманн и соавторов, вырисовывается весьма перекошенная, эксцентричная система: в ней практически отсутствуют гласные переднего ряда /i, e/, сложно представить себе такую систему в каком-либо иранском языке. Вместе с тем обратим внимание на бактрийские соответствия некоторым словам с диакритикой ". В ряде случаев, как справедливо полагают дешифровщики, они соответствуют *омикрону* и *омега*: $K_2^u - \check{S}^a - N^a$ — КОРАНО, $B^u - \check{I}^a - (K_1^a)' S^u - T^u - R^a$ — ВОГО ΣΤΟΡΓΟ, $R^a - \check{S} - T^u - K_1^a$ — РАТОГО. В то же время в других случаях она оказывается на месте бактрийского *эпсилон* или *йоты*: $^u - D^u$ — ΕΙΔΙ(НАО), $(K_1^u?) - D^u$ — ΚΙΔΙ. То же — и в косвенном падеже существительных, конечная диакритика для *u* появляется в финале соответствий бактрийского ΡΑΟΝΑΝΟΡΑΕ и ΤΑΚΤΟΕ (о чтении базовых знаков см. ниже).

Мне неизвестны письменности, в которых бы *u*- и *i*-образные гласные записывались одинаково, и потому кажется более верным думать, что эти фонемы слились в языке, для которого предназначалась письменность. Такие аналогии

⁴⁹ Caveney 2023, 7–8.

⁵⁰ У второго и, возможно, пятнадцатого знака надписи есть верхняя диакритика.

⁵¹ Основываюсь на прорисовке Натали Коробцов.

Таблица 1

Частотность диакритики в текстах
Дашти Навур и Алмоси

Тип диакритики	DN III	AG
0 (ā)	44	17
' (a)	44	15
" (u)	43	25
< (e)	2	1
"<	1	1
Неясно, лигатуры	23	2

имеются в составе живых иранских языков: иронский осетинский, в котором рефлексy древнеиранских *i, *ī и *u, *ū совпали в ы (i); то же развитие произошло и в мунджанском (с некоторыми исключениями); последний географически и генетически близок бактрийскому⁵².

Можно возразить, что такие передвижения гласных характерны для современных новоиранских и не могли произойти две тысячи лет назад, когда иранские языки находились лишь в начале своего развития. Однако хотелось бы обратить внимание, что столь продвинутые

системы вокализма сосуществуют ныне с куда более архаичными в этом отношении близкородственными языками и диалектами: в дигорском осетинском, например, *i и *ī отражаются как /i/, а *u и *ū — как /u/. Та же тенденция — рефлексy долгого и краткого персидского u, ū в виде i — характерна для дарвазского говора таджикского⁵³. Он входит в огромный персо-таджикский континуум, значительная часть которого — ряд диалектов Афганистана и созданная на их основе литературная норма языка дари — сохраняет среднеиранское восьмигласие (a, ā, i, ī, u, ū, o, ē).

Среди среднеиранских языков восьмигласие реконструируется для среднеперсидского, парфянского и бактрийского; в согдийском современные исследователи реконструируют совпадение трех кратких гласных в /a/⁵⁴; поздний хотаносакский утратил дифференциацию по долготe, а ā перешло в ū⁵⁵.

Очевидно, что фонетические изменения происходили в разных языках неравномерно, и друг с другом соседствовали более и менее «продвинутые» системы вокализма близкородственных языков и диалектов, причем такое положение дел имеется не только сейчас, но могло существовать и в древности. Язык, для записи которого использовалось «неизвестное письмо», в области фонетики был, как мы предполагаем, на несколько шагов впереди бактрийского⁵⁶.

Таким образом, мы предлагаем следующую маркировку основных диакритических знаков:

⁵² Edel'man 1986, 71–72.

⁵³ Rozenfel'd 1956, 200–201. Будучи в Дарвазе, я скорее слышал среднерядный /i/.

⁵⁴ Yoshida 2009, 284–285.

⁵⁵ Emmerick 2009, 382–383.

⁵⁶ Bonmann *et al.* 2023, 323, п. 6 разбирают высказанную мною в беседе гипотезу, без окончательного вывода. Рад отметить, что в докладе на Fifth Conference of the Hellenistic Central Asia Research Network в Париже 21.03.2024 Бонманн, Халфманн и Коробцов приняли предложенную здесь систему гласной нотации.

0 диакритики — $\bar{a}$;

Диакритика ' — $\bar{a}$;

Диакритика " — $\bar{i}$;

И ею будем пользоваться в дальнейшем разборе.

4. ЧТЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЗНАКОВ

В целом, чтение 15 знаков (акшар в индийской традиции) и двух лигатур было предложено в статье Бонманн и соавторов. Чтение еще одного знака, 11 как *J*, предложено Кэвени⁵⁷.

В данном разделе мы приводим дополнительные аргументы в пользу идентификации *алифа*, предлагаем поменять чтение знаков 1 с *H* на *W* и 3 с *W* на *H* (в следующем разделе предложим знак для *Z*).

Алиф. Когда мы в сотрудничестве с К.А. Маслинским составляли код корпуса надписей и анализировали их частотность и сочетаемость⁵⁸, мы обратили внимание, что знак, который мы кодировали как 1 (24 по Бонманн), ведет себя нетипично. Мы встретили его 38 раз в надписях с различными диакритическими знаками, и он представлен равномерно почти по всем группам текстов. Однако из 30 надписей, в которых мы можем предполагать сохранившееся начало, в 12 именно этот знак (с диакритикой или без) начинает текст⁵⁹. Из остальных 18 текстов по два начинаются со знаков 1 (*H* или *W*) 20 (*D*), 21 (*M*) и 13 (*I*), остальные знаки в начале надписи единичны. Итак, этот знак наиболее характерен для начала текста.

К тому моменту у нас были все основания полагать, что письменность надписей — абугида или альфасиллабарий индийского типа, где гласная после согласной выписывалась с помощью диакритического знака, а начальная гласная — базовым знаком. Таким образом, знак для гласной более всего характерен для начала слова, хотя может изредка появляться и в других позициях⁶⁰. В надписях без словораздела единственная надежная позиция для начала слова — это начало всего текста. Для проверки мы выбрали декреты Ашоки из Шахбазгархи (ок. 250 г. до н.э.)⁶¹ и надписи из Кара-тепе (и те, и другие письмом кхароштки). Из надписей в Шахбазгархи пять начинаются на гласную акшару (*алиф*) и семь — на различные согласные. Всего же в текстах менее 7% гласных. В надписях

⁵⁷ Caveney 2023, 6. Автор основывает это чтение на последних трех знаках первой строки надписи из Иссыка, которые читает как *J(?)a-ma-ka* «чаша» (среднеперсидское *yāmak*) с хотанским переходом /y/ > /dz/; мы это предложение пока оставим в стороне. Чтение еще одного знака предложено Бонманн и соавторами на South Asia Languages Analysis Roundtable, 37, Венеция, 4 октября 2023 г., однако мы воздержимся от его обсуждения до публикации.

⁵⁸ Тогда у нас не было доступа к оригиналам фотографий надписи из Дашти Навура, была сделана новая прорисовка на основе опубликованных изображений (Fussman 1974). Фотографии и прорисовки, опубликованные Бонманн и соавторами, разумеется, существенно меняют картину, однако тут мы в большей степени оперировали малыми надписями.

⁵⁹ Алмоси I и II, Ай-Ханум, Иссык, две надписи из Кара-тепе и одна из Фаяза, Токкуз-тепа, Хатын-рабат, Зар-тепа, Кампир-тепа, Кош-тепа.

⁶⁰ Так, имя Ашоки в надписях кхароштки может писаться как *Priyadraśi* или *Priadraśi*.

⁶¹ Согласно транслитерациям URL: <https://gandhari.org/catalog?itemID=1>; дата обращения: 01.06.2024.

кхароштни из Кара-тепе⁶² 14 надписей начинается с гласной и 18 — с согласной, а неначальная гласная акшара в этих текстах только одна! Статистика выглядит вполне сходной (в том числе учитывая тот факт, что большинство надписей кхароштни начинаются указательным местоимением *aya(m)* — в иранских языках большинство указательных местоимений также начинаются с гласной).

Заметим, что похожую аргументацию, хотя и более кратко, приводят коллеги из Кёльна⁶³, а мы первоначально воспринимали этот знак как арабскую цифру 1, полагая диагональную черту справа снизу как диакритику, а они, (видимо, более обоснованно) полагают ее частью буквы. Иногда встречается и вариант *алифа* без этой нижней черты (КТ-01 выше, третий знак надписи из Ай-Ханума, вероятно Фаяз-тепе СА No. 1 (с нетипичной диакритикой сверху), и Зар-тепе СА No. 6⁶⁴); сложно сказать, является ли это лишь графической особенностью или релевантно фонетически. Бонманн и соавторы сравнивают написание знака с арамейским *алифом*, мы же видим несомненное сходство с гласной акшарой в кхароштни времени Ашоки и некоторых позднейших надписях⁶⁵, а также с древнетюркской руникой (см. ниже).

Параллель бактрийскому *𐎱𐎠𐎼𐎿𐎡𐎹* «царь царей» была усмотрена в повторяющейся последовательности 23-3" — 22-22' — 23-3" в первой строке надписи I из Алмоси независимо Фальком, Бонманн и автором настоящей статьи. Если чтение знака 23 как *ṣ* и 22 как *N* бесспорно, то знак 3 допускает различные толкования. Фальк прямолинейно полагает, что он соответствует *омикрону* в бактрийском. Надо заметить, что эта буква имеет разные чтения: она может выступать и как гласная *U*-ряда, и как полугласный *W*, и как немой показатель конца слова или морфемы, не заканчивающихся на иную гласную.

Бонманн с соавторами принимают общепринятую этимологию *𐎱𐎠𐎼𐎿𐎡𐎹* и проецируют ее на «неизвестное письмо». Согласно этой этимологии, бактрийское *𐎱𐎠* произносилось как */šāw/* и восходило к древнеиранскому **xšāwan-* (Nom. *xšāwā*) «правитель» (как согдийское *'xšūwn'k* «царь» и хотано-сакское *ššau* в формулах датировки), а композит является генетивной конструкцией множественного числа **xšāwanānam xšāwā*). В позднейшем развитии бактрийского языка (кушано-сасанидский период и позднее), согласно этой этимологии, автохтонное */šāw/* контаминировалось со среднеперсидским *šāh* из древнеперсидского **xšāyaθya-*⁶⁶.

Данная этимология имеет сама по себе слабое место: Gen. Pl. от атематической основы **xšāwan-* был бы **xšāwanām* (как авестийское *ašauuṇm* от *ašauuan-*)⁶⁷; для расширенного генитива **xšāwanānām* требуется тематизация основы: **xšāwan-a-*.

⁶² Vertogradova 1995, 49–88, 116–119.

⁶³ «In fact, character 24 is found at the beginning of words (after word dividers or empty spaces) quite frequently (10 times), where we would expect a vowel onset marker to appear most often» (Bonmann *et al.* 2023, 317, речь тут идет лишь о надписи из Дашти Навура). Фальк приписывает этому знаку (лишь с диакритикой ") чтение ? *i*, *ai*, *ei*, исходя из предположения, что «неизвестное письмо» тут транскрибирует бактрийский язык (Falk 2023, 11).

⁶⁴ Низ строки не сохранился, но диакритика пятой буквы показывает, что верх диагонального штриха должен был бы остаться на черепке.

⁶⁵ Glass 2000, 33–35.

⁶⁶ Livshits 1969, 57, n. 48; Davary 1982, 274–276; Sims-Williams 2007, 283.

⁶⁷ Hoffmann, Forssman 2004, 145–146.

Однако мы ее не наблюдаем во второй части: Nom. Sg. *xšāwā закономерно дал бы бактрийское ϣαο(ο), однако потеря N в деривате от *xšāwan-a-(h) необъяснима. Предположение о выравнивании флексии Gen. Pl. по тематической модели⁶⁸ возможно, но также не упрощает картину.

Кроме того, мы не видим надежных указаний на наличие полугласного w в обеих частях основы. Как уже говорилось выше, омикрон маркирует в том числе окончание слова или (транспарентной) морфемной единицы. Он присутствует и при наращении суффикса множественного числа, например εἰσοαο «эти», οἰσλοαο «все»⁶⁹. Таким образом, ϣαο и в первой, и во второй части слова можно читать и как /šā(h)/. Форма ϣαοο, которая бы с большой вероятностью читалась как /šāw/⁷⁰, приводимая у Давари⁷¹, является фантомом, ghost-word: она присутствует только на монетных легендах Хувишки: ΡΑΟΝΑΝΟΡΑΟΟ-ΟΝΡΚΙΚΟΡΑΝΟ. Имя правителя на монетах имеет два *омикрона* в начале (иногда разбиваются *инсилоном*): Ο(Υ)ΟΝΡΚΙ⁷², а разделение строки венцом правителя на две части (обозначенное здесь черточкой) имелось на кушанских монетах и в других, вполне неожиданных местах: ΚΑ-ΝΗΡΚΙ, ΒΑ-Z(Ο)ΔΝΟ, Β-AZΕΡΚΟ.

Как известно, легкий шелевой /h/ отражался в бактрийском письме через *инсилон*, но не всегда: в самых ранних надписях отмечается лишь начальная группа /hi/, записанная как Υ (ΥΝΔΟ /hind-/), и лишь со времен Канишки постепенно утверждается запись /h/ через Υ⁷³, хотя и в более поздних документах υ часто выпадает или заменяется надстрочной чертой; видимо, не все носители бактрийского артикулировали эту фонему (аналогичное выпадение, например, налицо и во многих говорах дари Афганистана).

Тем более важно, что в версии А (строка 11) и В (строка 3) большой надписи из Сурх-котая мы встречаем написание ΡΑΥΟ, которое не может быть прочитано иначе как /šāh/⁷⁴; это же написание примерно в половине случаев встречается в позднейших бактрийских документах⁷⁵. Дата надписи из Сурх-Котая — 31 год эры Канишки (ок. 158 г. н.э. по общепринятой датировке) безусловно исключает любое среднеперсидское заимствование. Наконец, предложенная Н. Симс-Уильямсом этимология имени канаранга ΡΑΦΑΡΟ в Рабатакской надписи, «(possessing) the glory of the king»⁷⁶, намного лучше объясняется при транскрипции /šāh-far(r)/, чем при /šāw-far(r)/. Таким образом, бактрийское ϣα(υ)ο, как и (средне-) персидское šāh, восходит к иному деривату древнеиранского корня *xšā-: *xšāyaθya-.

⁶⁸ Livshits 1969, 57, п. 48. Н. Симс-Уильямс (е-mail от 08.03.2024) приводит важную аналогию: хотано-сакское šve «собака», Gen. Pl. švānānu.

⁶⁹ Davary 1982, 183, 248.

⁷⁰ Но необязательно. Как любезно указал мне Н. Симс-Уильямс (е-mail от 28.02.2024), на монетах Хувишки с божеством луны имеется легенда μαοο — несомненно /Māh/ (в других аттестациях μαο, μαυο), см. Davary 1982, 226.

⁷¹ Davary 1982, 274.

⁷² Sims-Williams 2010, 111.

⁷³ Sims-Williams 2008, 59–60.

⁷⁴ Davary 1982, 53, 57.

⁷⁵ Sims-Williams 2007, 283.

⁷⁶ Sims-Williams 2010, 156–157.

Как же тогда объяснить двойной суффикс *NANO* в термине «царь царей»? Представить себе застывший Gen. Pl., сросшийся со следующей основой и с переходом $m(x)\check{s} > n\check{s}$ ($x\check{s}\bar{a}ya\theta i y\bar{a}n\bar{a}m$ - $x\check{s}\bar{a}ya\theta ya$ -) довольно затруднительно, тем более что переход $m(x)\check{s} > n\check{s}$ (который наличествует, например, в согдийском) отсутствует в бактрийском теониме $\text{I}\alpha\mu\phi o < *Yima$ - $x\check{s}\bar{a}ya$ -.

Важно тут отметить наличие редуцированного суффикса множественного числа *-vavo* в позднейших бактрийских документах. Там он присоединяется — факультативно — только к терминам родства: $\text{lo}(u)\rho a v a v o$ (также $\text{lor}(\alpha) v o$), $\text{lo}\bar{s} a v a v o$ «сыновья», $\text{fro}\zeta i v d i v a v o$, $\text{fro}\zeta i v d a v a v o$ (также $\text{far}\zeta i v d a v o$) «потомки»⁷⁷. Особенно важно тут позднебактрийское множественное число $\text{xo}\rho o v a v o$ от $\text{xo}(\alpha\delta)\eta o$ «господин»⁷⁸. Можно осторожно предполагать, что подобное же «удвоенное множественное» распространялось и на термин «царь царей». Вопрос о его происхождении мы оставляем здесь открытым, полагая, что все приведенные выше формы должны иметь единое объяснение.

Таким образом, мы предлагаем читать знак 3 как H^{79} , а самого шахиншаха транслитерировать как $\check{S}^{\bar{a}}-H^i-N^{\bar{a}}-N^{\bar{o}}-\check{S}^{\bar{a}}-H^i$. Посмотрим, насколько это чтение соотносится с другими аттестациями знака. В первую очередь тут важно имя Вемы Такто. По Бонманн и соавторам, оно записывается как $W^{\bar{a}}-H^e-M^{\bar{a}}-T^{\bar{u}}-K_1^{\bar{a}}-T^{\bar{u}}-H^u$ в надписи из Алмоси, I, 2 и как $W^{\bar{a}}-H^e-M^{\bar{a}}-T^{\bar{u}}-K_1^{\bar{a}}-T^{\bar{u}}-H^u$ в Дашти Навур III, 4, при этом между $W^{\bar{a}}$ и H^e в последнем имеется малый словораздел, который авторы склонны принять за некое продолжение диакритики или неровность камня; на фотографии камня он виден вполне ясно.

Имя Вемы Такто, содержащее как будто чужеродную и для пракритов, и для бактрийского фонетику, записывалось по-разному⁸⁰. Для присутствия придыхания h в начале имени основаниями являются предположение Симс-Уильямса, что имя внука Вимы, Хувишки, записываемое как $O(Y)ON\bar{P}KO$ /*Uhwišk*/, брахми и кхароштки *Huviška*, является уменьшительным к $OONMO$, где, в таком случае, надо восстанавливать h ⁸¹. В письме кхароштки мы имеем запись *vhema* (или *véma*), однако фонетическая реализация первого знака не установлена. Записи второй части имени на брахми и кхароштки могут указывать на придыхание после второй согласной (*takhtu*-), однако нет никаких оснований предполагать придыхание после конечного t .

Нам кажется более предпочтительным транслитерировать знак 1 как W . Тогда имя царя записывается как $W^e-M^{\bar{o}}-T^{\bar{o}}-K_1^{\bar{o}}-T^{\bar{o}}-W^i$ в надписи из Алмоси

⁷⁷ Sims-Willimas 2007, 258, 274–275.

⁷⁸ Sims-Williams 2007, 278. Благодарю Н. Симс-Уильямса за напоминание об этой форме (e-mail от 28.02.2024). Добавим тут же, что факультативное редуцированное множественное число *-ānān* отмечено у ряда слов в иранском языке парачи на афгано-пакистанской границе (Efimov 2009, 39).

⁷⁹ Судя по последней статье (Halfmann *et al.* 2023, 21, n. 18), группа из Кёльна и Вюрцбурга также недалеко от такого понимания. Согласно e-mail от 14.03.2024, Я. Халфманн согласен с изложенным выше предложением (в значительной степени, на своих основаниях), а С. Бонманн предпочитает старое чтение. Н. Симс-Уильямс (e-mail от 28.02.2024) сообщил автору: «I have also been doubting Bonmann *et al.*'s reading of *W* and *H*, for different reasons».

⁸⁰ Falk 2009.

⁸¹ Sims-Williams 2010, 111.

и $W^e-M^o-'-T^p-K_1^o-T^p-W^i$ (с явным словоразделом) в Дашти Навур. В записи из Алмоси мы можем увидеть и передачу косвенного падежа, которую мы отмечаем в бактрийской версии *ООНМО ТАКТОЕ*: */Wem Taktawī/*.

Дополнительный аргумент — графический. Знак 1, который мы транслитерируем как *W*, достаточно близок, с одной стороны, имперско-арамейскому *wāw*, с другой — акшаре *v* в кхароштки и с третьей, наконец, *o/u* орхоно-енисейской руники. Знак 3, который мы читаем как *H*, имеет более отдаленное сходство с *hē* в имперско-арамейском, однако несколько ближе к *hēth*. В большинстве среднеиранских письменностей на арамейской основе *hē* используется для увулярной фонемы */h/*, *hēth* же используется для фарингального */x/*. Однако в манихейском письме (с III в. н.э.) для передачи среднеперсидского и парфянского */h/* на равных правах используются позднеарамейские (почерки Пальмиры и Хатры) знаки *h* и *ḥ* (для записи */x/* применяется *kaph* с диакритической точкой)⁸². В современном персидском арабское *hā huṭṭī (hā-ye Hāfez)* читается так же, как *hā hawwaz (hā-ye docheshmeh)*, хотя в словах иранского происхождения пишется последний.

Таким образом, мы встречаем новую проблему: для чего используется отдельный *H^a* перед именем царя в обеих надписях? Как отмечалось дешифровщиками, одним из существенных отличий языка надписей от бактрийского является отсутствие детерминатора (изафета, указательного местоимения, артикля) *I*⁸³. В раннем бактрийском мне неизвестно использование его перед собственными именами, однако в надписи из Рабатака он часто ставится перед топонимами, например: ... ОДО I ΣΑΓΕΔΟ ОДО I ΚΩΖΑΜΒΟ ОДО I ΠΑΛΑΒΟΤΡΟ ΟΙΔΡΑ ΑΔΑ ΑΒΑ I ΖΙΡΙΤΙ-ΑΜΒΟ «(захватил...) и Сакету, и Каушамби, и Паталипутру, так далеко, как Шри Чампа»⁸⁴. В эпитетах царей изафет может встречаться после титулов: ΡΑΟΝΑΝΟ ΡΑΟ I ΒΑΓΕΠΟΟ-ΡΟ ΚΑΝΗΡΚΕ «царь царей, сын богов Канишка»⁸⁵; ΡΑΟΝΑΝΔΕ ΡΑΟ I ΒΩΓΟ I ΣΤΟΡΓΟ ΟΟΝΜΟ ТАКΤΟΟ ΚΟΡΑΝΟ «правлящий царь, великое спасение Вима Такто Кушан»⁸⁶; перед династическим именем Кушанов изафет появляется в Рабатакской надписи: ΚΑΝΗΡΚΕ I ΚΟΡΑΝΟ.

Изафет — указательное местоимение, используемое для связки между именами, — отмечено в иранских языках впервые в древнеперсидском, где имеет форму *haya* для прямого падежа и *taya* — для косвенного. В дальнейшем, как хорошо известно, он развился в *ī* в среднеперсидском и суффикс *-(y)i* в новоперсидском, в курдском (как и в бактрийском и хорезмийском) он сохраняет различие по роду⁸⁷. Функция его сходна с бактрийским, для которого, впрочем, предлагают этимологию не от **ha-ya-*, а от указательного местоимения **ya-*, fem. **yā*, возможно, в контаминации с **ayam*-⁸⁸. Вместе с тем происхождение от **ha-ya-* (по аналогии со среднеперсидским), как мне представляется, тоже нельзя исключать:

⁸² Durkin-Meisterenst 2014, 29–39.

⁸³ Bonmann *et al.* 2023, 324.

⁸⁴ Sims-Williams 2008, 56, 5–6.

⁸⁵ Sims-Williams 2008, 57, 14–15.

⁸⁶ Halfmann *et al.* 2023, 15, 2–4.

⁸⁷ Perry, Sadeghi 1999.

⁸⁸ Sims-Williams 2007, 214; Gholami 2011, 17–21.

начальное **h* в бактрийском имело тенденцию к выпадению в служебных словах (ало, предлог «с» из **hada*, преевѣрб аѣ- из **ham-*, аѣо, аѣо «также» из **hamam*).

Исходя из этого мы предлагаем понимать *H^o* в надписях «неизвестным письмом» как изафет или артикль, который имеет отличную от бактрийского историю развития (из **há-(ya)-*) и, отчасти, отличную функцию⁸⁹. В надписи III из Дашти Навура, 3, знак *H^o* со словоразделом идет перед *Š^a(?) - Hⁱ - N^a - N^a - Š^a - Hⁱ*, и тут тоже можно заподозрить артикль или изафет. В этом случае более понятен конец строки 3 второй надписи из Алмоси⁹⁰, который мы читаем как *H^o - W^e - M^o - T^o - Kⁱ - T^o - Wⁱ - Bⁱ - H^o - N^a - Mⁱ*. Согласно выводам Бонманн и соавторов, *Bⁱ* соответствует бактрийскому предлогу αβ^o⁹¹, за которым часто следует изафет. Слово после него сложно не сопоставить с иранским **nāman-*, бактрийским аѣо «имя», возможно, это начальная часть композита типа НАМОВАРГО «поименованный» или «знаменитый» в большой надписи из Сурх-Коталя.

Что же до надписи из пещеры Хок на Сокотре, то там в начале для передачи *hu* имени, записанного ОМОІАГО по-бактрийски и *humiyaka(sa)* письмом брахми, Бонманн и соавторы предлагают лигатуру *I-3'*, т.е. в их чтении *H - W^o*⁹². Я тут вижу скорее (по предложенным выше соображениям) (*W?*)*H^o*.

5. НАДПИСИ ИЗ ИССЫКА И АЙ-ХАНУМА

Эти две надписи близки по ряду параметров. Во-первых, обе надписи неплохо сохранились и ясно начертаны. Во-вторых, они являются наиболее ранними образцами письма, хотя дата обеих не вполне установлена (см. ниже). В-третьих, обе надписи нанесены на серебряные изделия: чашу в случае Иссика и слиток в Ай-Хануме, и потому должны нести информацию сходной природы. Практически все известные мне надписи на драгоценных изделиях из доисламской Средней Азии или Ирана непременно указывают вес металла в тех или иных единицах. Большинство из них указывают также принадлежность изделия, факт дарения или посвящения.

Любопытно, что ни в одном из многочисленных чтений Иссикской надписи нет и попытки увидеть запись веса изделия. Более того, его реальный вес, вероятно являющийся «квази-билингвой» к надписи, никогда не был опубликован. Амир Сакуакас из Национального музея Казахстана любезно сообщил мне характеристики чаши: вес 78,7 г, высота 2,2 см, диаметр 7,7 см. Первоначальный вес чаши должен был быть несколько больше: в центральной части есть ряд утрат. Вес слитка из Ай-ханум 2278 грамм, размеры 165×155×10–22 см, однако сохранилась едва ли половина его первоначальных веса и формы (предполагаемый диаметр около 24 см)⁹³; конец надписи также утрачен.

⁸⁹ Мне не встречалось иных случаев, ни в бактрийском, ни в западноиранских, появления артикля между титулом и именем (в отличие от обратной позиции: *Gaumāta haya maguš* «Гаумата, (который) маг», NOKONZOKO I KAPAPPAĞGO «Нукунзук, (который) маркграф»).

⁹⁰ Bonmann *et al.* 2023, 321.

⁹¹ Bonmann *et al.* 2023, 316.

⁹² Bonmann *et al.* 2023, 322–323.

⁹³ Rapin 1992, 318.

Вместе с тем можно усмотреть три серии из похожих двух или трех знаков, которые можно принять за идентичные слова в сходных формулировках надписи. Потому мы будем рассматривать их вместе (рис. 16)⁹⁴. Как было сказано ранее, в этих надписях (особенно из Ай-Ханум) почти отсутствует диакритика, и потому мы позволяем себе большую вольность в вокализации надписей.

Похожее слово под знаками 9-10-11 Иссикской надписи⁹⁵ и 13-14-15 надписи из Ай-ханум. Первая его буква — ^ṛ, третья — ^{Tṛ}, вторая — немного изогнутая вправо или влево палочка. Учитывая, что в надписях такого рода очень часто упоминается серебро, можно предположить, что средний знак соответствует /z/ или /ž/, и само слово читается как /*^ṛžata/. Оно достаточно близко древнему иранскому термину для серебра: **arzata*- или **ržata*-: авестийское *aržata*, древнеперсидское *ardata*, хорезмийское *žd*, осетинское *ærzæt*, хотанское *ālsata*-, от индоевропейского корня, к которому относятся, в том числе, древнеиндийское *rajatá* и латинское *argentum*⁹⁶. В этом случае в нашем языке, как в согдийском⁹⁷, хорезмийском и иногда бактрийском⁹⁸, слоговой *r* терял сонантный элемент. В это время поствокальное /-t/ в языке, видимо, еще не озвончилось в /-d/, что мы видим уже в ^ṛ-*Dṛ* — εἰδο, *K*₁^ṛ-*Dṛ* — χιδί в текстах времени Вимы Такту.

Чтение этого знака проверить на другом материале сложно, минималистическая вторая буква (*Z*?) там не встречается, а если она и имела, то ее очень легко принять за словораздел. Возможно, она «спряталась» в трещине в строке 5 DN III, в слове, которое Бонманн и соавторы читают (в своей транскрипции) как *B^a-Γ(?)-[?]-[?]-N^u-K₁^a*, что соответствует бактрийскому ВАГО I HZNOГО «достойный божества»⁹⁹. Близость этой буквы арамейскому зайну очевидна.

Другие мои попытки прочтения слов из надписей из Иссика и Ай-Ханум тем более гипотетичны и требуют дополнительной работы перед последующей публикацией (ср., впрочем, прим. 111).

6. ХРОНОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ НАХОДОК

Свеня Бонманн и ее соавторы датируют памятники «неизвестного письма» временем с последних веков до н.э. по VII в. н.э.¹⁰⁰ Географически надписи концентрируются в исторической Бактрии — Тохаристане, как к северу, так и к югу от Окса, но выходят и к южным склонам Гиндукуша (Дашти Навур, Беграм). Особняком расположена лишь надпись из кургана Иссик в 50 км к востоку от Алматы в Семиречье. На полдороги между Бактрией и Иссиком расположен курган в ущелье Угама (Ad-06), однако отнесение надписи на камне оттуда к нашему «неизвестному письму» остается сомнительным.

⁹⁴ Так же поступал Ünal 2019, 179–181, ограничиваясь хронологическим схождением надписей.

⁹⁵ Вторая буква отсутствует на опубликованных прорисовках, но ясно видна на хорошем фотомонтаже из архива В.А. Лившица.

⁹⁶ Последняя сводка: Blažek, Schwarz 2016, 123–124.

⁹⁷ Gershevitch 1954, 19–22.

⁹⁸ Ср. αζαγο «worthy, deserving» из **arjana*-, Sims-Williams 2007, 188.

⁹⁹ Bonmann *et al.* 2023, 315, 320.

¹⁰⁰ Bonmann *et al.* 2023, 301.

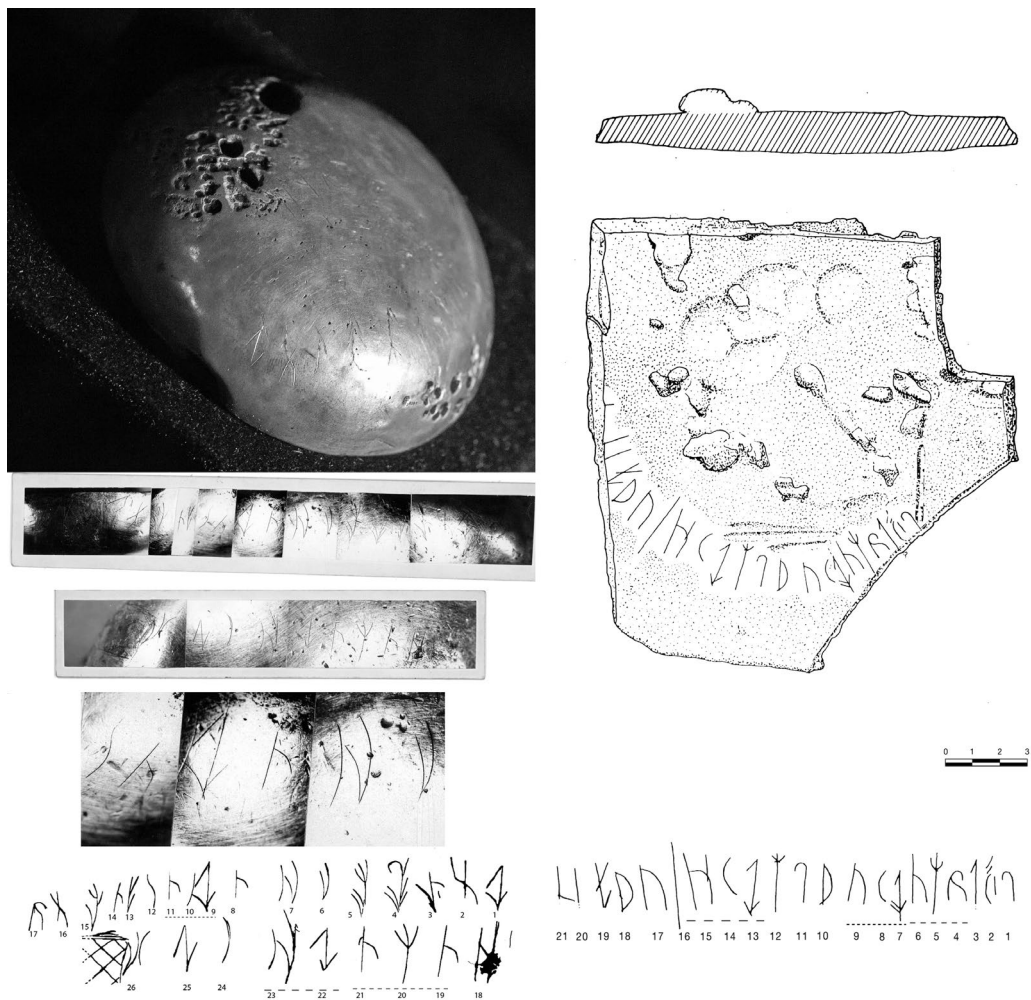

Рис. 16. Надписи из кургана Иссик и из Ай-Ханум. Вверху слева — фотография чаши из Иссика (воспроизводится по URL: https://art16.ru/gallery2/v/kazan_kremlin/manej/shestvie-zolotogo-cheloveka-po-muzeyam-mira/20190315_0151.jpg.html?g2_imageViewsIndex=3; дата обращения: 01.06.2024). Посередине слева — фотомонтаж надписи (архив В. А. Лившица, папка Бактрия — 09) и увеличенный фрагмент со знаками 6—12; внизу слева — прорисовка без масштаба Я. Халфманна (по Bonmann *et al.* 2023, appendix 2, 1) с дополнениями автора. Справа — разрез, вид и прорисовка надписи на слитке из Ай-Ханум (с любезного разрешения К. Рапэна). Подчеркнуты сходные элементы надписей

Самой ранней, по-видимому, является надпись на серебряной чашечке из захоронения «золотого человека» в кургане Иссик. Первоначальная датировка кургана Иссик (VI—V вв. до н.э.)¹⁰¹, видимо, существенно занижена. Археологи предлагают даты IV—III и даже II в. до н.э.¹⁰². Надпись «неизвестным письмом» в период

¹⁰¹ Akishev 1978, 74.

¹⁰² Ünal 2019, 176—177.

ранее III в. до н.э. была бы очень проблематична. Чашечка заметно отличается от основного материала захоронения — прекрасных золотых изделий «звериного стиля»: здесь мы видим и менее престижное серебро, и полное отсутствие декора. В «царских курганах» и саков, и позднейших кочевников часто встречаются импорты с Ближнего Востока. Отмечена позднеахеменидская ложечка и среди материала кургана Иссык¹⁰³.

Исходя из географии иных находок, особенности чашечки в кургане и наличию иных импортов, можно предположить, что она также была привезена с юго-запада вследствие торговли, перекочевок, набегов или комбинации факторов.

Вторая надпись — на серебряном слитке из сокровищницы греко-бактрийского города Ай-Ханум. Дата захвата Ай-Ханум относится ко времени около 145 г. до н.э. Найденный в сокровищнице серебряный слиток с надписью многие исследователи объясняют как след нашествия саков¹⁰⁴. Как мы предположили выше, иссыкская чашечка с надписью была импортом, и потому вещи с «неизвестным письмом» в Бактрии не требуется увязывать с саками. Вместе с тем иных указаний на именно «сакский» захват города мы, как будто, не видим. Лоризн Мартинез-Сев показывает, что город был, вероятно, разрушен местным, бактрийским, населением, восставшим против эллинского правления. Нам кажется правильным датировать слиток первой половиной — серединой II в. до н.э.

Верхняя дата памятников «неизвестного письма» также нуждается в некоторой корректировке. VII век определяется по надписи из Токкуз-тепе, т.е. Калаи Кафирниган (ср. выше СА-03). Последний известен буддийским святилищем раннего средневековья, однако там имеются и нижние слои кушанского времени, например бронзовая монета Сотера Мегаса (Вимы Такту), высокие кубки¹⁰⁵. Надпись Ad-07 происходит из, казалось бы, раннесредневекового домовладения. Шурф на раскопе показал, что этот дом перекрывает постройки кушанского времени, и, как полагает А.В. Седов, данный фрагмент мог выпасть из раннего слоя¹⁰⁶. Надпись СА-03 лежала в перемешанном слое на цитадели. Профиль венчика хума диагностический и, по компетентному мнению А.В. Седова¹⁰⁷, относится, скорее, к кушанскому времени.

Надпись из Зар-тепе (Сурхандарьинская область Узбекистана) происходит из раскопа I, пласт 18¹⁰⁸, то есть из монументального сооружения в центре городища. Исследователь сооружения А.Я. Щетенко относил его к кушанскому времени, однако В.А. Завьялов омолаживает эту дату до кушано-сасанидов, т.е. вторая половина III—IV в. н.э.¹⁰⁹ А.В. Омельченко и С.Б. Болелов сообщали нам, что ойнохоя Ad-01 должна датироваться кушано-сасанидским временем, до которого, как известно, доживает монастырь Фаяз-тепе, где она была найдена; плечико сосуда Ad-02 — кушанское.

¹⁰³ Torgoev 2024.

¹⁰⁴ Rapin 2007, 50; Grenet, 2015, 203–204; Martinez-Sève 2020, 106. Этот аргумент нам представляется спорным.

¹⁰⁵ Например, Litvinskiy 1983; Bobomullov, Toshitaka 2013, 45, 49.

¹⁰⁶ Litvinskiy, 1982, 114–121.

¹⁰⁷ E-mail от 20.03.2024 г.

¹⁰⁸ Vertogradova 1995, 138.

¹⁰⁹ Zav'yalov 2008, 19.

Таким образом, достоверное время бытования «неизвестного письма» надо относить ко времени с III—II вв. до н.э. по IV в. н.э., в течение шести—семи столетий, и его ареал ограничивается всей Бактрией — Тохаристаном и южными склонами Гиндукуша.

7. МЕСТО «НЕИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА» В КРУГУ ПИСЬМЕННОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исследователи предполагали, что «неизвестная письменность» Бактрии может быть родственной арамейскому письму Ахеменидской империи, индийскому письму кхароштки и древнетюркской рунике (см. выше). Все эти гипотезы не противоречат друг другу — и кхароштки, и руника в конечном итоге восходят к арамейскому — и, как мы увидим ниже, в той или иной степени верны.

Я солидаризируюсь с мнением С. Бонманн и ее соавторов, которые, вслед за В.А. Лившицем, считают, что источником письма являлся имперско-арамейский. К семи знакам, которые близки арамейским по приведенной у авторов таблице¹¹⁰ (’, *D*, *M*, *N*, *S*, *R*, *Š*, *T*), можно прибавить еще три: *W*, раннее *Z* (?) и *H*. Если верно высказанное выше предположение, что последняя восходит к арамейскому *hēth*¹¹¹, а не *hā*, то получается, что «неизвестное письмо» развилось из арамейского прототипа независимо от прочих среднеиранских, где для иранского /*h*/ использовался увулярный *hā*. Знаки *K*₁ и *K*₂ имеют, по Бонманн, некое (смутное) сходство с арамейским *qoph* и еще менее похожи на *kaph*; это тоже говорит о самостоятельности развития «неизвестного письма»: в иранских письменностях использовались дериваты *kaph*.

Другое важное, бросающееся в глаза отличие нашего письма от прочих среднеиранских на арамейской основе заключается в полном отсутствии идеограмм. Можно было бы предположить, что какие-то арамеограммы пока не расшифрованы, однако, по словам В.А. Лившица (и по скромному опыту автора) идеограммы первыми бросаются в глаза при анализе надписей.

Связь с индийскими системами письма заключается в первую очередь в передаче гласных через диакритику (альфасиллабическое письмо, или абугида). Диакритика является очевидно обязательной в больших надписях раннекушанского времени, однако в ранних образцах (особенно надписи из Ай-Ханум) выписывалась нерегулярно. Расположение и форма диакритики, впрочем, далеки и от раннего брахми, и от кхароштки¹¹². Значительно отличается и огласовка диакритических знаков. Три распространенные огласовки (включая нулевую) не могут сравниться с 11 диакритиками в брахми и шестью в кхароштки. Быть может, в каких-то текстах обозначается диакритика для назализации слога, но надежных примеров мы не имеем. Вместе с тем, в ранних индийских текстах почти не встречается вирама (знак для нулевой гласной после согласной)¹¹³, для которого

¹¹⁰ Bonmann *et al.* 2023, 318–319.

¹¹¹ На эту букву еще более похож И-образный знак 6, не имеющий чтения. Быть может, последовательность букв в первой строке надписи из Иссыка *B^a-6^a-T^a* стоит восстанавливать как */baxt(a)/* «подаренный» (что ожидаемо в вотивной надписи на серебряной чаше), однако это достаточно шаткая гипотеза (смущает в том числе отсутствие диакритики).

¹¹² Salomon 1998, 18, 43.

¹¹³ Falk 2021.

в нашем письме постоянно используется диакритика *ə*. Различается и количество (большее в индийских системах письма) и порядок лигатур: в брахми и кхароштии они расположены сверху вниз, а в «неизвестном письме» — справа налево. Роднит наше письмо с кхароштии и нулевая диакритика для долгого (как и краткого) /*ā*/.

В начертании ряда букв (*алиф* — гласная акшара, $K_1 - ka$, $T - ta$, $D - dha$, $N - na$, $B - ba$, $R - ra$, $W - va$, $H - ha$, $S - sa$, быть может $Y - ja$) очевидна связь с кхароштии, особенно с ранним дуктом надписей Ашоки (с угловатым знаком для гласной). Согласно *opinio communis*, кхароштии также развился из имперского арамейского письма. Число убедительных сходств интерпретированных знаков между арамейским и «неизвестным письмом» и между кхароштии и «неизвестным письмом» примерно одинаково и составляет 9–11 букв (из них семь имеют и арамейское, и кхароштии соответствие)¹¹⁴.

Наконец, маловероятно, что сама идея диакритической нотации гласных могла возникнуть у безымянных авторов «неизвестного письма» в отрыве от разработок индийских пандитов (которые к тому времени точно изучили и зафиксировали фонетическую систему ведических гимнов)¹¹⁵.

Таким образом, письменность должна была сформироваться на территории бывшей Ахеменидской империи, где в ходу была арамейская канцелярия, и в областях, пограничных с Северо-Западной Индией, где происходило становление письма кхароштии, окончательно оформившегося к середине III в. до н.э., ко времени Ашоки¹¹⁶.

Уже первые исследователи надписи на чаше из Иссика сравнивали ее знаки с орхоно-енисейским письмом (ср. прим. 9 выше). Эта точка зрения была критически разобрана В.А. Лившицем, указавшим на сходство не более чем трех знаков, которое вполне могло быть случайным¹¹⁷. Действительно, сходные несколько знаков в двух случайно взятых письменных системах наверняка найдутся, однако, когда видно сходство системы письма или, по крайней мере, фонетической реализации этих знаков, вероятность совпадения сильно уменьшается.

Теперь, когда мы знаем вероятное чтение 16 знаков «неизвестного письма», можно еще раз проверить сходства с орхоно-енисейской руникой. Некоторые совпадения очевидно случайны: *М* «неизвестного письма» и *z* орхоно-енисейского практически идентичны. Вместе с тем безусловное сходство можно обнаружить между нашим алифом и орхоно-енисейским¹¹⁸ *a/ä*, *W* и *o/u*, *D* и *d¹*, *Г* и енисейским *γ*, *K₂* и редким енисейским вариантом¹¹⁹ *g*, *N* и *n¹*, *T* и *t²*. Едва ли можно говорить о случайности.

Притом, что мы видим сходство ряда знаков и их чтений между «неизвестным письмом» и древнетюркской руникой, мы не видим сходства в системе письма.

¹¹⁴ Сравнимо число надежных сходств (12) между арамейским и кхароштии: Glass 2000, 14 (надо учитывать, что мы знаем чтения всех знаков этих двух письменностей).

¹¹⁵ Katenina, Rudoy 1980, 72, 75.

¹¹⁶ Salomon 1998, 46.

¹¹⁷ Livshits 1978, 84–86.

¹¹⁸ По Vasil'ev 1983, 95–147.

¹¹⁹ Vasil'ev 1983, табл. 10, 23–24.

«Неизвестная письменность» — альфасиллабарий, а орхоно-енисейское — алфавитное (с некоторыми исключениями), очень хорошо приспособленное для древнетюркской фонетики с ее сингармонизмом. Таким образом, можно говорить, что «неизвестное письмо» было одним из источников для древнетюркской руники, но не являлось ее прототипом, поскольку создание орхоно-енисейского письма предполагало радикальную реформу источников. Кроме того, многие соответствия между ранним дуктом согдийского и руникой, отмеченные В.А. Лившицем, остаются валидными¹²⁰. Более того, в двух случаях (γ и g) сходство с «неизвестным письмом» мы видим только у западного, енисейского варианта руники, но не у восточного, орхонского. Из этого следует, что наше письмо использовалось в значительной степени как вторичный, региональный источник новой письменности древних тюрков.

Наконец, надо учитывать географическую оторванность Бактрии II в. до н.э. — IV в. н.э. от Монголии и Южной Сибири VII—VIII вв., когда руника и формируется. Необходимы некие промежуточные звенья передачи. Кажется, их можно вычленить, хотя объем очень ограничен. Знаки, сходные с нашей «неизвестной письменностью», были найдены на четырех туесах из раскопок А.М. Мандельштама на некрополе Аймырлыг в Туве в 1977–1980 гг.¹²¹ и на берестяном коробе из раннеташтыкского могильника Черноозерное II в Минусинской котловине, Хакасия¹²². Захоронение из Аймырлыга с туесом, как сообщил автору Н.Н. Николаев, датируется временем не ранее II в. н.э.; короб из Черноозерного С.В. Панкова датирует в пределах II–IV вв. н.э. (устные консультации). Кроме того, есть серия нечитаемых наскальных надписей, относимых И.Л. Кызласовым к особой «южно-енисейской рунике»¹²³; относятся они к более позднему времени. К той же группе текстов можно осторожно относить и надпись на камне из Угама (Ad-06). Знаки всех этих надписей напоминают наше «неизвестное письмо», однако диакритика практически отсутствует. Объем статьи не позволяет тут подробно остановиться на них, тем более что в исследовании необходимо участие лингвиста-алтаиста.

Носители южносибирских культур могли познакомиться с письмом Бактрии вследствие торговли, перекочевов или набегов (нашествие хионитов?) и позаимствовать его; при этом была утеряна диакритика и, вероятно, письмо было приспособлено под местный алтайский язык. Эта письменность как-то теплилась там до VII–VIII вв., когда развитие Второго древнетюркского каганата потребовало создания новой письменности, в первую очередь для прокламативных целей, и при ее создании были использованы элементы письма, восходящего, в конечном счете, к древней Бактрии.

¹²⁰ Livshits 1978, 94–95.

¹²¹ Опубликовано лишь рисунки мелкого масштаба двух туесов, Mandel'shtam, Stambul'nik 1992, табл. 78, 8; 83, 9. Рисунки двух надписей из раскопок 1977 г. имеются в архиве В.А. Лившица, еще две (из раскопок 1979 и 1980 гг.) мне любезно прислал Я.В. Васильков. Последний туес хранится в Государственном Эрмитаже, и я благодарен Н.Н. Николаеву, который показал мне его. С фрагментом бересты из Черноозерного я познакомился благодаря помощи реставратора Н.А. Васильевой.

¹²² Gotlib 2006. Ср. также Kuznetsov 2006, где похожие (?) знаки на пряслице тагарского времени.

¹²³ Kyzlasov 2020, 14–18.

Таблица 2

Дешифрованные знаки «неизвестного письма»

I	II	III	IV	V	VI	VII
1.		W		 va	 o/u	H по Bonmann
3.		H	 h			W по Bonmann; ср. знак 6
4.		B			 b ⁱ	В древнетюркском – редкий вариант
6.		X?	 h	 sa		Сомнительно, ср. прим. 111
8.		S				В кхароштки – в надписях после Ашоки
9.		R			 r ⁱ	
11.		J?		 ca		Сомнительно, ср. Caveney
13.		Г			 y	
15.		K ₂ = G?	 q		 g	Только в снисейском варианте древнетюркского
16.		T			 t ²	
17.		K ₁	 q		 q	
19.		Y		 ja		Возможно, идентичен знаку 11
20.		D		 da, dha	 d ⁱ	
21.		M				
22.		N	 n		 n ⁱ	
23.		š				
24.		,		 a	 a, ä	О варианте без нижней черты см. с. 338; гандхари – надписи Ашоки
27.		Z?				В ранних текстах, см. с. 343

Пояснения к табл. 2:

I. Номер по Bonmann *et al.* 2023, appendix 3.

II. Основная форма (формы) знака.

III. Чтение (авторское выделено).

IV. Арамейский прототип (надписи Ашоки, документы из Бактрии).

V. Аналог в кхароштки (надписи Ашоки, по Glass 2000).

VI. Древнетюркская руника (по Vasil'ev 1983).

VII. Примечания.

И все же ряд знаков письма остаются орфанными. У нас нет надежных аналогий, например, знаку 19 (Y)¹²⁴, знаку 12, напоминающему фи с гачеком (как в Ad-04) и др. Возможно, истоки этих знаков следует искать в знаках-тамгах Центральной Азии¹²⁵ или в древних малоазийских письменностях¹²⁶. Впрочем, точной аналогии знаку 12 нет ни там, ни там.

В целом, дешифрованная часть письма может быть сведена в таблицу — см. табл. 2.

8. О ЯЗЫКЕ «НЕИЗВЕСТНОГО ПИСЬМА»

Абсолютное большинство слов, прочитанных в надписях «неизвестным письмом», имеют надежные параллели в бактрийском, особенно в бактрийской версии билингв. Это обстоятельство склонило Харри Фалька к тому, чтобы считать эту письменность лишь вариантом записи бактрийского¹²⁷. Бонманн и соавторы, напротив, приводят ряд расхождений между двумя языками¹²⁸. Казалось бы, близкое сходство между языком «неизвестного письма» и бактрийским можно объяснить абберацией видения на первом этапе дешифровки: исследователь находит сходные фонетически слова, имена собственные, и изобилие бактрианизмов можно было бы принять за заимствования из более статусного языка.

Однако сходства с раннебактрийским проявляются и в служебных словах: указательных местоимениях η - D^i — $\epsilon\iota\delta\iota$ (AG I, 1, 8INC, Чингиз-тепе, Ad-02, Фаяз-тепе), η - M^i — $\epsilon\iota\psi\iota$ (CA-03, Токкуз-тепе, ср. выше, вероятно η - M^a в начале надписи из Иссыка и КТ-04: η - M^i) и относительном (K_1) i - D^i — $\chi\iota\delta\iota$ (DN III, 6)¹²⁹. Как мы показали на примере «царя царей» и имени Вимы Такто, одинаковы и прямой и косвенный падеж раннебактрийского и «неизвестного письма». Такие совпадения структуры невозможно признать заимствованиями и трудно принять за интерференцию языков.

В некоторых случаях кажется, что «неизвестное письмо» действительно является особой транскрипцией бактрийского. В этом отношении важен острак Ad-02 из Фаяз-тепе (см. выше). Он читается как η - D^i | M^a - M^a - $D^{a/i}$ -(K_2), а среди бактрийской эпиграфики из Кара-тепе имеется текст $\epsilon\iota\delta\iota$ $\mu\alpha$ - $\mu\alpha\delta\omicron\upsilon\omicron$ $\alpha\beta\omicron$ - i $\mu\alpha\omicron$ $\zeta\omicron\upsilon\mu\iota\alpha$ «этот сосуд для жертвенного возлияния царя»¹³⁰, совпадение начала, как видим, очень близкое.

С другой стороны, предлог отличается в двух языках: $\alpha\beta\omicron$ в бактрийском и B_i в «неизвестном письме», артикль или изафет: i / $\iota\alpha$ в первом и, вероятно, H_a

¹²⁴ Сходство со знаком $\jmath$ в кхароштки возможно, но фонетически труднообъяснимо.

¹²⁵ Yatsenko 2019.

¹²⁶ Так полагал уже Amanzholov 1971, и независимо от него И.С. Якубович предложил мне обратить внимание на этот факт. Любопытно сходство знака 4 (B) с бетой в карийском (Adiego 2018, 155). Связь между малоазийскими алфавитами и Бактрией в целом возможна: вспомним о городе Бранхидов в Бактрии, которых встретил и покарал Александр (Curt. VII. 5. 28–34). Малоазийские союзники наверняка были и среди ветеранов, которых Александр оставлял в основанных им городах.

¹²⁷ Falk 2023, 10–11.

¹²⁸ Bonmann *et al.* 2023, 324–326.

¹²⁹ Bonmann *et al.* 2023, 315.

¹³⁰ Livshits 1996.

в последнем¹³¹; синтаксическая роль последнего в двух языках также различна. В последнем, кажется, сохранился рефлекс древнеиранского **r̥zata* «серебро», в позднем бактрийском он вытеснен *оц-* (в конечном счете из греческого ἄσθμιος, среднеперсидское *asēm*). В этом языке, как и в ряде современных иранских языков и диалектов, по-видимому, слились рефлексы гласных *U* и *I* ряда, прекрасно различающиеся в бактрийском. Почему-то не поддаются прочтению первые две строки надписи III из Дашти Навура, которые должны были содержать дату (обычно легкую для интерпретации часть текста).

Таким образом, язык надписей «неизвестным письмом» — близкий к бактрийскому диалект, но отличный от последнего. Различия языка между ранними и поздними надписями мы на данном этапе наблюдаем слабо (озвончение *-t-* > *-d-*?). Едва ли это язык саков или юэчжей — тохар, который должен был бы дальше отстоять от бактрийского. Эти племена вторглись в Бактрию с севера или северо-востока, и на их прародине не могло сформироваться письмо на арамейской основе, родственное кхароштии.

В какой части Бактрии или соседних с нею стран искать этот язык? Одним из соображений является использование надписей (или, по выражению В.В. Вертоградовой, социоскрипторика). В Бактрии и соседних областях в древности чеканилась монета самыми разными письменностями: по-гречески, арамейским письмом (и по-арамейски, и, вероятно, уже на иранских), на кхароштии, на брахми, по-бактрийски. Однако нам не известно ни одной монетной легенды «неизвестным письмом». Можно приводить разные объяснения этого *argumentum ex silentio*, мне представляется наиболее оправданной гипотеза, что носителям языка денежная экономика была чужда. Эта особенность была характерна — вплоть до этнографического времени — для горных обществ Гиндукуша, Памира и Алая¹³². Из этого можно осторожно предположить, что ареал распространения языка лежал в горах близ Бактрии.

Другое соображение касается двух самых ранних надписей: из Иссыка и из Ай-Ханум. Обе они нанесены на серебряные изделия, причем иссыкская чаша весьма простого изготовления, а слиток из Ай-ханум — по сути дела заготовка, из которой городские бактрийские мастера чеканили монету или даже могли бы сотворить замечательное изделие. Можно предположить, что оба были изготовлены недалеко от серебряных приисков и там же надписаны. Основные серебряные прииски региона располагались в области, именовавшейся в Средние века *Panjhūr*, нынешний Панджшер. Рудники к монгольскому времени истощились, а до того они обеспечивали большую часть серебряных дирхемов Саманидов и других династий. Там расположены древние копи *Nuqri-Khāna* «серебряный дом», и радиоуглеродный анализ шлаков как будто показывает, что начало их разработки относится к раннебронзовому веку¹³³. Серебряные копи имелись и в области Гур в западном Гиндукуше.

¹³¹ Оба случая можно объяснить различием ударения в древнеиранском прототипе: **ābi*, **haya* в бактрийском и **abī*, *hāya* в неизвестном письме.

¹³² Lurje 2012, 26–27; 2022, 260.

¹³³ Thomalsky *et al.* 2013, 219–224.

К востоку от Панджшера, за перевалом, лежит Мунджан, где сохранился близкий бактрийскому диалект, в котором, как и в языке нашего «неизвестного письма», совпали рефлексy древнеиранских *u, *ū, *i, *ī. На север от него, вниз по течению Кокчи, лежит городище Ай-Ханум, откуда происходит ранняя надпись. Вниз по течению Панджшера, у выхода на равнину, расположен Беграм — Каписа, из которого происходит одна из надписей (Ad-05), а далее — Гандхара, область, где и возникло письмо кхарошти. Исходя из этого, можно высказать осторожную гипотезу, что «неизвестное письмо» отражает вернакуляр древних горцев Гиндукуша, где и поныне налицо многообразие индоиранских реликтовых языков, а ранее их было много больше¹³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря открытиям последних двух лет «неизвестное письмо» древней Бактрии перестало быть неизвестным. Мы знаем чтение большинства букв и диакритических знаков, знаем, что оно кодировало восточноиранский язык, вероятно родственньй бактрийскому, знаем дюжину слов и некоторые грамматические формы. Мы знаем, что письмо это восходит к арамейскому прототипу, в своем развитии напоминало гандхари и послужило одним из источников для создания древнетюркской руники.

Как называть это письмо? По предложению Харри Фалька, «неизвестное письмо» (которое он предлагает именовать Wema Taktoo или сокращенно WT)¹³⁵ было использовано для записи бактрийского языка. Вместе с тем мы знаем, что письмо это возникло по крайней мере за три века до его воцарения, и в эпоху ранних Кушан оно было в лучшем случае реформировано (разумнее, в самом деле, было бы именовать письмом Вимы Такто бактрийское, поскольку более ранних надежных его образцов не обнаружено!). С. Бонманн, Я. Халфманн и Н. Коробцов¹³⁶ предлагают или «(Issyk)-Kushan script», или, более гипотетично, «Eteo-Tocharian». Оба названия не кажутся мне удачными: первое (даже если убрать скобку) из-за немигнущей путаницы с кушанским — бактрийским. Второе является английской версией термина *étéo-tokharien* Андре Марика, который после открытия надписи из Сурх-Коталья именовал так бактрийский греческим письмом. Как мы постарались показать выше, этот язык и это письмо едва ли относились к тохарам — юэчжам, покорившим Бактрию.

Предложенные в последнем разделе соображения едва ли достаточны для именования письма «гиндукушским» (или «паропамисским»). Во многих случаях, когда мы не знаем автохтонного наименования языка, используется термин по месту самой значимой находки. Поэтому термин «письменность Дашти Навура» представляется мне сейчас наиболее приемлемым.

¹³⁴ Так называемый старованчский язык вымер в XIX в. (Lashkarbekov 2008); в начале VIII в. паломник Хуэй Чао отмечал наличие особого, не тохаристанского и не тюркского языка в Хуттале (область Куляба, пер. Yang *et al.* 1985, 54–55). В раннеисламское время упоминаются диалекты Гарчистана и Банджхира, т.е. Панджшера (Le Strange 1905, 415, 350).

¹³⁵ Falk 2023, 11.

¹³⁶ Bonmann *et al.* 2023, 325–326.

Литература / References

- Adiego, I.X. 2018: Local Adaptations of the Alphabet Among the Non-Greek Peoples of Anatolia. In: S. Ferrara, M. Valério (eds.), *Paths into Script Formation in the Ancient Mediterranean*. Rome, 145–162.
- Akishev, K.A. 1978: *Kurgan Issyk. Iskustvo sakov Kazakhstana* [Issyk Kurgan. Art of the Sakas of Kazakhstan]. Moscow.
- Акишев, К.А. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва.
- Amanzholov, A.S. 1971: [A Rune-like Inscription from a Saka Burial near Almaty]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR] 12 (320), 64–66.
- Аманжолов, А.С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 12 (320), 64–66.
- Bernard, P. 1980: Campagne de fouilles 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan). *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 124, 435–459.
- Blažek, V., Schwarz, M. 2016: *The Early Indo-Europeans in Central Asia and China. Cultural Relations as Reflected in Language*. (Innbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft). Innsbruck.
- Bobomullov, B.S., Khodzhaev, Sh., Bobomullov, M.G. 2022: [Rock Inscriptions of the Almosi Gorge (Preliminary Research Results)]. *Esikskie chteniya* [Issyk Conference] III, 59–65.
- Бобомуллоев, Б.С., Ходжаев, Ш., Бобомуллоев, М.Г. Наскальные надписи ущелья Алмоси (предварительные результаты исследований). *Есикские чтения* III, 59–65.
- Bobomullov, B.S., Toshitaka, Kh. 2013: *Kalai Kofarnigan. Katalog nakhodok 2007–2013* [Kalai Kofarnigan. A Catalogue of Finds 2007–2013]. Dushanbe.
- Бобомуллоев, Б.С., Тошитака, Х. *Калаи Кофарниган. Каталог находок 2007–2013*. Душанбе.
- Bobomullov, M.G. 2023: [Almosi Monument]. *Merosi Sharq* [Oriental Heritage] 1 (3), 30–35.
- Бобомуллоев, М.Г. Ёдгории Алмоси. *Меросу Шарқ* 1 (3), 30–35.
- Bonmann, S., Halfmann, J., Korobzow, N., Bobomullov, B.S. 2023: A Partial Decipherment of the Unknown Kushan Script. *Transactions of the Philological society* 121/2, 293–329.
- Caveney, G. 2023: *A New Reading of the Issyk Inscription Based on the Recent Decipherment of the Kushan Script*. URL: https://www.academia.edu/104775728/A_new_reading_of_the_Issyk_inscription_based_on_the_recent_decipherment_of_the_Kushan_script; accessed on: 01.06.2024.
- Cribb, J. 2023: A Kushan Royal Inscription Among the Almosi Rock Inscriptions Recently Discovered in Tajikistan. *Journal of the Royal Asiatic Society* 34/2, 361–375.
- Davary, G.D. 1982: *Baktrisch, ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine*. Heidelberg.
- Davary, G.D. 2022: *Drei neu entdeckte Inschriften in Baktrisch und in „Issek-Baktrisch“ aus Tadschikistan*. Tours.
- Durkin-Meisterenst, D. 2014: *Grammatik des Westmitteliranischen (Parthisch und Mittelpersisch)*. Wien.
- Edel'man, D.I. 1986: *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya* [Comparative Grammar of East Iranian Languages. Phonology]. Moscow.
- Эдельман, Д.И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. М.
- Efimov, V.A. 2009: *Yazyk parachi. Grammaticheskii ocherk. Teksty. Slovar'* [Parachi Language. Grammatical Sketch. Texts. Dictionary]. Moscow.
- Ефимов, В.А. *Язык парачи. Грамматический очерк. Тексты. Словарь*. М.
- Emmerick, R.E. 2009: Khotanese and Tumshuqese. In: G. Windfuhr (ed.), *The Iranian Languages*. London–New York, 377–415.
- Falk, H. 2009: The Name of Vema Takhtu. In: W. Sundermann, A. Hintze, F. de Blois (eds.), *Exegisti Monumenta. Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams*. Wiesbaden, 105–116.
- Falk, H. 2021: Frühstadien des virāma in indischen Schriften. In: A. Jouravel, A. Mathys (eds.), *Wort- und Formenvielfalt. Festschrift für Christoph Koch zum 80. Geburtstag*. Berlin, 127–131.
- Falk, H. 2023: Wema Takhtu, the Graveyard near Almosi, and the End of an “Unknown” Script. *Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhology at Soka University* 26, 253–264.
- Fussman, G. 1974: Documents épigraphiques kouchans'. *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient* LXI, 1–66.
- Fussman, G. 2011: *Monuments buddhiques de Termez I. Catalogue des inscriptions sur poteries. Avec une contribution par Nichlas Sims-Williams et la collaboration d'Eric Ollivier*. Paris.

- Garkavec, A.A. 2018: [Issyk Inscription: A New Reading Variant]. *Epigrafika Vostoka [Oriental Epigraphy]* 33, 25–38.
- Гаркавец, А.А. Иссykkская надпись: новый вариант прочтения. *Эпиграфика Востока* 33, 25–38.
- Gershevitch, I. 1954: *A Grammar of Manichaean Sogdian*. Oxford.
- Gholami, S. 2011: Definite Articles in Bactrian. In: A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.), *Topics in Iranian Linguistics*. Wiesbaden, 10–22.
- Glass, A. 2000: *A Preliminary Study of Kharoṣṭhī Manuscript Paleography*. Washington.
- Gotlib, A.I. 2006: [New Subjects of Kharoṣṭhī Art (Preliminary Publication)]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Sovremennye problemy arkheologii Rossii. Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda (23–28 oktyabrya 2006 g., Novosibirsk)* [Modern Problems of Russian Archaeology. Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress (23–28 October 2006, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 78–83.
- Готлиб, А.И. Новые сюжеты таштыкского искусства (предварительная публикация). В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск)*. Новосибирск, 78–83.
- Grenet, F. 2015: Zoroastrianism Among the Kushans. In: H. Falk (ed.), *Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Bremen, 203–239.
- Halfmann, J., Bonmann, S., Fries, S., Korobzow, N. 2023: A New Reading of the Bactrian Part of the Dašt-i Nāwūr Trilingual (DN I). *Indo-Iranian Journal* 67/1, 5–51.
- Hamelin, P. 1954: Matériaux pour servir à l'étude des verreries de Begram (suite). *Cahiers de Byrsa* 4, 153–183.
- Harmatta, J. 1994: Languages and Literature in the Kushan Empire. In: J. Harmatta (ed.), *The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations, 700 B.C. to A.D. 250*. (History of Civilizations of Central Asia). Paris, 407–431.
- Hoffmann, K., Forssman, B. 2004: *Avestische Laut- und Flexionslehre*. Innsbruck.
- Katenina, T.E., Rudoy, V.I. 1980: [Linguistic Knowledge in Ancient India]. In: A.V. Desnitskaya, S.D. Katsnel'son (eds.), *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Drevniy mir [History of Linguistic Teachings. The Ancient World]*. Leningrad, 66–91.
- Катенина, Т.Е., Рудой, В.И. Лингвистические знания в древней Индии. В сб.: А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон (ред.), *История лингвистических учений. Древний мир*. Л., 66–91.
- Khurshudyan, E.Sh. 2011: [Inscription on a Bowl from the Issyk Kurgan. Preliminary Results]. *Iran-name [Iran-name]* 20, 95–105.
- Хуршудян, Э.Ш. Надпись на чаше из Иссykkского кургана. Предварительные результаты. *Иран-наме* 20, 95–105.
- Kuznetsov, N.A. 2006: [Ancient Epigraphy Monuments of the Southern Siberia (Scythian Times)]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Sovremennye problemy arkheologii Rossii. Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda (23–28 oktyabrya 2006 g., Novosibirsk)* [Modern Problems of Russian Archaeology. Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress (23–28 October 2006, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 29–31.
- Кузнецов, Н.А. Памятники древней эпиграфики южной Сибири (скифское время). В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск)*. Новосибирск, 29–31.
- Kyzlasov, I.L. 2020: [To the Understanding of an Undeciphered Script]. *Rossiyskaya tyurkologiya [Russian Turkology]* 28–29/3–4, 9–22.
- Кызласов, И.Л. К познанию нерасшифрованного письма. *Российская тюркология* 28–29/3–4, 9–22.
- Lashkarbekov, B.B. 2008: [Old Vanji Language]. In: V.A. Efimov (ed.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskies i novoiranskies yazyki [Fundamentals of Iranian Linguistics. Middle Iranian and New Iranian Languages]*. Moscow, 61–109.
- Лашкарбеков, Б.Б. Старованчский язык. В кн.: В.А. Ефимов (ред.), *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. М., 61–109.
- Le Strange, G. 1905: *The Lands of the Eastern Caliphate*. New York.

- Litvinskiy, B.A., Muhitdinov, Kh. 1969: [Ancient Settlement Saksanohur (Southern Tajikistan)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 160–178.
Литвинский, Б.А., Мухитдинов, Х. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). *Советская археология* 2, 160–178.
- Litvinskiy, B.A. 1980: [Kalai Kafirnigan (Excavations of 1975)]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological Works in Tajikistan] 15, 120–146.
Литвинский, Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.). *Археологические работы в Таджикистане* 15, 120–146.
- Litvinskiy, B.A. 1982: [Kalai Kafirnigan (Excavations of 1976)]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological Works in Tajikistan] 16, 106–132.
Литвинский, Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.). *Археологические работы в Таджикистане* 16, 106–132.
- Litvinskiy, B.A. 1983: [Buddhist Temple Kalai Kafirnigan (Southern Tajikistan) and Problems of History and Culture of Central Asia]. In: G.M. Bongard-Levin, B.G. Gafurov, S.G. Klyashtorny, E.I. Kychanov, V.G. Lukonin, A.P. Okladnikov (eds.), *Istoriya i kul'tura Tsentral'noy Azii* [History and Culture of Central Asia]. Moscow, 282–356.
Литвинский, Б.А. Буддийский храм Калаи Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории и культуры Центральной Азии. В сб.: Г.М. Бонгард-Левин, Б.Г. Гафуров, С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, В.Г. Луконин, А.П. Окладников (ред.), *История и культура Центральной Азии*. М., 282–356.
- Livshits, V.A. 1969: [To the Discovery of Bactrian Inscriptions in Kara-Tepe]. In: B.Ya. Stavitskiy (ed.), *Buddiyskie peshchery Kara-Tepe v Starom Termeze* [Kara-Tepe Buddhist Caves in Old Termez]. Moscow, 47–81.
Лившиц, В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. В кн.: Б.Я. Ставиский (ред.), *Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе*. М., 47–81.
- Livshits, V.A. 1978: [On the Origin of the Ancient Turkic Runic Writing]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology] 4, 84–98.
Лившиц, В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. *Советская тюркология* 4, 84–98.
- Livshits, V.A. 1996: [Bactrian Inscription on a Vessel Fragment from Kara-Tepe (Found in 1984)]. In: B.Ya. Stavitskiy (ed.), *Buddiyskie peshchery Kara-Tepe v Starom Termeze* [Kara-Tepe Buddhist Caves in Old Termez]. Moscow, 168–72.
Лившиц, В.А. Бактрийская надпись на фрагменте сосуда из Кара-тепе (находка 1984 г.). В кн.: Б.Я. Ставиский (ред.), *Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе*. М., 168–72.
- Lurje, P.B. 2010: *Personal Names in Sogdian Texts*. (Iranisches Personennamenbuch, II/8). Vienna.
- Lurje, P.B. 2012: [Sogdian Beads on the 'Roof of the World']. *Vostok/Oriens* 1, 23–28.
Лурье, П.Б. Согдийские бусы на «Крыше Мира». *Восток/Oriens* 1, 23–28.
- Lurje, P.B. 2022: Rev.: Payne, Richard E., King, Rhyne (Hg.), *The Limits of Empire in Ancient Afghanistan*. *Orientalistische Literaturzeitung* 117/3, 257–261.
- Mandel'shtam, A.M., Stambul'nik, E.U. 1992: [Hunno-Sarmatian Period in Tuva]. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR during the Sarmatian Scythians]. Moscow, 196–205.
Мандельштам, А.М., Стамбульник, Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы. В сб.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 196–205.
- Maricq, A. 1958: La grande inscription de Kanishka et l'étole-tokharienne, l'ancienne langue de la Bactriana. *Journal asiatique* CCXLVI, 345–440.
- Martinez-Sève, L. 2020: Greek Power in Hellenistic Bactria: Control and Resistance. In: R.E. Payne, R. King (eds.), *The Limits of Empire in Ancient Afghanistan*. (Classica et Orientalia, 24). Wiesbaden, 81–112.
- Morris, L. 2021: *The Begram Hoard and its Context*. Munich.
- Nasim Khan, M. 2007: Kohi Script from Gandhara. *Gandhāran Studies* 1, 89–118.
- Nasim Khan, M. 2020: *Kohi or Puskarasāri. The Story of an Undeciphered Script from Gandhāra*. URL: https://www.researchgate.net/publication/342697750_Kohi_or_Puskarasari_The_Story_of_an_undeciphered_script_from_Gandhara; accessed on: 01.06.2024.
- Perry, J.R., Sadeghi, A.A. 1999: Ezāfa. *Encyclopaedia Iranica* IX/2, 127–128.

- Podushkin, A.N. 2020: [A Rune-like Writing from Ugam]. *Margulanovskie chteniya* [Margulan Conference]. 198–212.
- Подушкин, А.Н. Руноподобное письмо из Угама. *Маргулановские чтения*, 198–212.
- Powell, E.A. 2024: Breaking the Code of the Kushan Kings. *Archaeology* 77/2, 50–55.
- Rapin, C. 1992: *La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum*. (Fouilles D'Ai Khanoum, VIII). Paris.
- Rapin, C. 2007: Nomads and the Shaping of Central Asia: From the Iron Age to the Kushan Period. In: J. Cribb, G. Herrmann (eds.), *After Alexander. Central Asia before Islam*. (Proceedings of the British Academy, 133). Oxford, 29–72.
- Rozenfel'd, A.Z. 1956: [Darvaz Dialects of the Tajik Language]. *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences] 6, 196–276.
- Розенфельд, А.З. Дарвазские говоры таджикского языка. *Труды Института языкознания АН СССР* 6, 196–276.
- Salomon, R. 1998: *Indian Epigraphy. A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and the Other Indo-Aryan Languages*. New York–Oxford.
- Sims-Williams, N. 2007: *Bactrian Documents from Northern Afghanistan*. Vol. II. *Letters and Buddhist Texts*. London.
- Sims-Williams, N. 2008: The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading. *Bulletin of the Asia Institute* 18, 53–68.
- Sims-Williams, N. 2010: *Bactrian Personal Names*. (Iranisches Personennamenbuch, II/7). Vienna.
- Strauch, I. 2012: *Foreign Sailors on Socotra. The Inscriptions and Drawings from the Cave Hoq*. Bremen.
- Sülejmenov, O. 1970: [Ancient Inscriptions of Jetisu]. *Qazaq ädëbiyeti* [Kazakh Literature]. Alma-Ata.
- Сүлейменов, О. Жети сувдын көне жазбалары. *Қазақ әдебиеті*. Алма-Ата.
- Thomalsky, J., Bräutigam, B., Karaucak, M., Kraus, S. 2013: Early Mining and Metal Production in Afghanistan: The First Year of Investigations. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 45, 199–230.
- Torgoev, A.I. 2024: [Once More on the Date of the Issyk Kurgan]. In: *Gorizonty i perspektivy arkheologii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.A. Akisheva* [Horizons and Perspectives of Archaeology. Proceedings of the International Academic Conference Devoted to 100 Years of Kemal Akishev's Birthday]. Almaty, (in print).
- Торгоев, А.И. Еще о дате из кургана Иссык. В сб.: *Горизонты и парадигмы археологии Евразии на современном этапе. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.А. Акишева*. Алматы, (в печати).
- Ünal, O. 2019: The Issyk and Ai Khanum Inscriptions Revisited. *Ural-Altaische Jahrbücher* 27, 172–210.
- Vasil'ev, D.D. 1983: *Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoy runicheskoy pis'mennosti aziatskogo areala (opyt sistematizatsii)* [The Graphic Fund of Turkic Runic Inscriptions of the Asian Area (Systematization Experience)]. Moscow.
- Васильев, Д.Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации)*. М.
- Vertogradova, V.V. 1995: *Indiyskaya epigrafika iz Kara-Tepe v Starom Termeze. Problemy deshifrovki i interpretatsii* [Indian Epigraphy from Kara-Tepe in Old Termez. Problems of Decryption and Interpretation]. Moscow.
- Вертоградова, В.В. *Индийская эпиграфика из Кара-Тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации*. М.
- Vertogradova, V.V. 2002: [An Unknown Script in the Polyalphabetic Domain of Bactria]. *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik* [Saint Petersburg Roerich Collection] 5, 129–147.
- Вертоградова, В.В. *Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве Бактрии. Петербургский Рериховский сборник* 5, 129–147.
- Yang, H., Jan, Y., Iida, S., Preston, L.W. 1984: *The Hye Ch'o Diary: Memoir of the Pilgrimage to the Five Regions of India*. Berkeley.
- Yatsenko, S.A. (ed.), 2019: *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia*. Samarkand.
- Yoshida, Y. 2009: Sogdian. In: G. Windfuhr (ed.), *The Iranian Languages*. London–New York, 279–335.
- Zav'yalov, V.A. 2008: *Kushanshakhr pri Sasanidakh. Po materialam raskopok na gorodishche Zartepa* [Kushanshahr under the Sassanians. Based on Materials from Excavations at the Site of Zartepa]. Saint Petersburg.
- Завьялов, В.А. *Кушанишахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартена*. СПб.

DOI: 10.31857/S0321039124020053

ГОРАЦИЙ КОММЕНТИРУЕТ АРИСТОФАНА

Н. П. Гринцер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия;
Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: grintser@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8087-1302

В статье рассматривается вопрос об источниках «Искусства поэзии» Горация. Автор стремится показать, что, помимо традиции аристотелевской «Поэтики», которую Гораций мог использовать как прямо, так и через посредство эллинистической литературной теории, одним из текстов, на который мог опираться Гораций, являются «Лягушки» Аристофана. Так, в *Ars p.* 95–98 автор усматривает прямую цитату из спора Эсхила и Еврипида, причем Гораций использует ее так, чтобы показать правоту Еврипида, который у Аристофана проигрывает состязание поэтов. Эта тенденция просматривается и при анализе других случаев возможных аллюзий на аристофановскую комедию: Гораций, вопреки Дионису из «Лягушек», последовательно предпочитает Еврипида Эсхилу. Это позволяет предложить новую трактовку финала «Послания к Пизонам»: в образе «безумного поэта» обнаруживаются явные параллели с тем, как представлен Эсхил в комедии Аристофана. В этой связи появляются новые аргументы в пользу предложенной Б. Фришером интерпретации «Искусства поэзии» как пародии на современную Горацию литературную критику — точно так же как в «Лягушках» пародируются первые софистические опыты в области литературной теории.

Ключевые слова: Аристофан, Аристотель, Гораций, литературная теория, эллинистическая критика, пародия, комедия, комментарий

HORACE COMMENTING ON ARISTOPHANES

Nikolay P. Grintser

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: grintser@mail.ru

Acknowledgements: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration research project “Literary text: between theory and practice (from antiquity to modern days)”

Данные об авторе. Николай Павлович Гринцер — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, главный научный сотрудник Отдела античной литературы ИМЛИ РАН.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС, НИР «Литературный текст: между теорией и практикой (от древности до современности)».

The article deals with the possible sources of Horace's *Ars poetica*. The author argues that apart from Aristotle's *Poetics* (that Horace could have known either directly or through the tradition of Hellenistic literary criticism), *Ars poetica* contains several references to Aristophanes' *Frogs*. Thus, in *Ars p.* 95–98 one might perceive a direct quotation from the *agon* of Aeschylus and Euripides; moreover, Horace uses this quotation to support Euripides' cause. The same tendency is maintained throughout all other possible allusions to the *Frogs*: contrary to Aristophanes' Dionysus, Horace constantly prefers Euripides over Aeschylus. It leads to a new interpretation of the enigmatic closure of *Ars poetica*: the image of 'mad poet' is explained as a direct parallel to Aeschylus from the *Frogs*. And if *Frogs* were actually a reference text for *Ars poetica*, one might reassess Bernard Frischer's interpretation of *Ars poetica* as a travesty of contemporary literary criticism, just as *Frogs* that obviously implied a parody on the first theoretical treatments of poetry in the fifth century.

Keywords: Aristophanes, Aristotle, Horace, literary theory, Hellenistic literary criticism, parody, comedy, commentary

Когда разговор заходит об отношении Горация к предшествующей литературной традиции, прежде всего к греческой, первое, что приходит на ум, это, разумеется, его *Ars poetica*. Дискуссии о том, что представляет собой это сочинение и как оно соотносится с традицией античной литературной критики, развернулись особенно активно во второй половине XX в. — прежде всего в связи с публикацией папирусов Филодема из Гадары и обнаружением в его трактате «О поэтических произведениях» краткого изложения теории Неоптолема Парийского, о котором до тех пор было известно, со слов комментатора Горация Порфириона, что он послужил одним из главных источников «Послания к Пизонам»¹. У Филодема изложению взглядов Неоптолема посвящен едва ли абзац, тем не менее появилось множество публикаций, авторы которых пытались на основании этих сведений реконструировать структуру эллинистического учебника, лежащего в основе послания Горация². Эти попытки не особо увенчались успехом: текст Горация — это все же поэзия, а не учебник, но само соотношение *Ars poetica* с традицией эллинистической критики, представленной у Филодема (причем не только применительно к Неоптолему), теперь считается вполне существенным и доказанным — хотя конкретные интерпретации этой связи могут быть прямо противоположными. Одни исследователи представляют сочинение Горация чуть ли не как прямое переложение взглядов Филодема³, а Бернард Фришер — как ироническую пародию на эллинистический трактат⁴.

¹ Porph. *In artem poet.* pr. 6–7: In quem librum congegessit praecepta Neoptolemi τοῦ Παρίωνος de arte poetica, non quidem omnia, sed eminentissima.

² Среди достаточно большого количества работ можно выделить Barwick 1922 и Dahlmann 1953. В отечественном антиковедении эта традиция представлена пространным и скрупулезным разбором внутреннего строения «Поэтики», сделанным М.Л. Гаспаровым (Gasparov 2021, первое изд. 1963 г.). Из более новых работ см. Golden 2000. Краткие итоги дискуссии о степени влияния Неоптолема на Горация подведены в Laird 2007, 134–137.

³ См., например, Armstrong 1993. Д. Армстронг во многом исходит из распространенного представления о том, что Филодем, преподававший в Риме и ставший библиотекарем в семье Пизонов, был непосредственным учителем самого Горация. См., однако, демонстрацию недостаточной обоснованности этой точки зрения в Tsakiroulou-Summers 1998.

⁴ Frischer 1991. Интересно, что в своей идее (некоторые дополнительные аргументы в пользу которой я постараюсь привести в конце статьи) Фришер исходит также из убежденности

Так или иначе, но прослеживание связей Горация с эллинистической критикой несколько отодвинуло на второй план тему, которой весьма активно занимались в предшествующий период разбора его литературной рефлексии, а именно его возможное знакомство с «Поэтикой» Аристотеля и, соответственно, возможную зависимость от нее. Теперь скорее принято говорить об опосредованном влиянии Аристотеля на Горация, главным образом через перипатетическую школу, к которой принадлежал тот же Неоптолем⁵. Надо заметить, что в последнее время давнишнее мнение о незначительном влиянии Аристотеля на школьную традицию и ученую литературную критику во многом было пересмотрено: следы основных категорий «Поэтики» все больше находят в александрийских схолиях⁶, а у того же Филодема некоторые исследователи обнаруживают, возможно, прямую полемику с Аристотелем⁷. Так что, действительно, некоторое знание аристотелевского наследия могло перейти к Горацию от эллинистической критики. Впрочем, это не отменяет возможности и более непосредственного знакомства автора «Послания к Пизонам» с трудом Аристотеля. Иногда в послании Горация пытаются обнаружить даже прямые цитаты из «Поэтики». Так, например, Петер Хайду приводит в качестве возможной параллели καὶ τὸν χορὸν δὲ ἕνα δέῃ ὑπολαμβάνειν τῶν ὑποκριτῶν, καὶ μὲν οὖν εἶναι τοῦ ὅλου, καὶ συναγωνίζεσθαι («хору следует принимать на себя роль одного из актеров, быть частью целого и участвовать в диалоге», *Poet.* 1456a25–26) ~ actoris partis chorus officiumque uirile defendat («пусть хор примет роль и мужской долг актера», *Ars p.* 193–194)⁸. Честно говоря, вряд ли здесь можно говорить о прямом цитировании, скорее о схожести общей, но при этом довольно очевидной мысли: «хор должен быть частью общего сценического действия». Аналогичным примером может служить и рассуждение Горация о том, как драма приняла ямб в качестве наиболее естественного для сценической речи размера: Archilochum proprio rabies armavit iambo; hunc socci cepere pedem grandesque cothurni, alternis aptum sermonibus et popularis vincentem strepitus et natum rebus agendis («Гнев вооружил Архилоха подходящим ему ямбом; и сокки, и величественные котурны приняли эту стопу, подходящую для чередования речей, побеждающую шум

в непосредственном влиянии Филодема на Горация и, соответственно, считает, что «Послание к Пизонам» — это сатира на аристотелевскую концепцию литературы (а Неоптолем скорее всего принадлежал к перипатетической школе) с позиций эпикуреизма (представителем которого был Филодем).

⁵ «Многое из того, чему учит Гораций, в конечном счете восходит к “Поэтике” Аристотеля, хотя Горацию вряд ли был известен сам этот текст и он пользовался материалом, взятым из вторых-третьих рук (а именно из многочисленных эллинистических учебников)» (Reinhardt 2013, 505).

⁶ Во многом пионерской здесь следует считать книгу Meijering 1987. См. также обстоятельный разбор аристотелевского влияния на грамматическую систему Аристарха в Matthaios 1999, а также отдельные статьи, например Porter 1992, 74–80; Montanari 1995; Schironi 2009.

⁷ Здесь наиболее показательными можно считать работы Ричарда Дженко, который полагает, что за неназванным критиком, с которым полемизирует Филодем в четвертой книге своего трактата «О поэтических произведениях», скрывается имя Аристотеля. См. Janko 1991, а затем подробный разбор этой проблемы в его издании Филодема (Janko 2010, 208–222), к которому Дженко прилагает и собственную реконструкцию сочинения Аристотеля «О поэтах», во многом основанную на тексте Филодема (Janko 2010, 315–408).

⁸ Hajdu 2014, 30.

толпы и предназначенную для изображения действия», *Ars p.* 79–82), напоминающее известную фразу Аристотеля о ямбе как размере, наиболее приближенном к естественной речи (αὐτὴ ἢ φύσις τὸ οἰκεῖον μέτρον εὔρε· μάλιστα γὰρ λεχτικὸν τῶν μέτρων τὸ ἰαμβεῖόν ἐστιν «Сама природа нашла подходящий размер, поскольку из всех размеров ямб наиболее разговорный», *Poet.* 1449a24–27) и, что еще более показательно, наиболее подходящим для изображения действия (τὸ δὲ ἰαμβεῖον ... πρακτικόν 1459b37). Однако куда более важными представляются параллели не на буквальном, но на более общем уровне, и одной из главных является, как кажется, значительное, по сути доминирующее, место, которое в разборе различных поэтических жанров Гораций отводит драме (ставя на второе место эпос) — точно так же, как это делает Аристотель в «Поэтике». Между тем у того же Филодема и, похоже, в эллинистической критике в целом драма отнюдь не является приоритетным предметом описания. Ясно, что интерес Горация к ней во многом объясняется спецификой развития римской литературы, где драма и особенно комедия занимали видное место, но и аристотелевский авторитет мог играть здесь существенную роль. Если так, то следы аристотелевского подхода можно уловить в том числе и в конкретных рассуждениях Горация о драме — например, в знаменитом упреке древней аттической комедии в излишней вольности и грубости: *successit vetus his comoedia, non sine multa laude; | sed in vitium libertas excidit et vim | dignam lege regi: lex est accepta chorusque | turpiter obticuit sublato iure nocendi* («За ними последовала древняя комедия, снискавшая немалую славу, но ее свобода обернулась пороком и насилием, заслуживавшим вмешательства закона; и закон был принят, так что хор, лишенный права вредить, постыдно умолк», *Ars p.* 281–284). Это созвучно рассуждению в «Поэтике» о том, что смешное в комедии не должно причинять боли и вреда (*Poet.* 1449a34–35: Τὸ γὰρ γελοῖόν ἐστιν ἀμάρτημα τι καὶ αἴσχος ἀνῶδυνον καὶ οὐ φθαρτικόν), которое, в свою очередь, часто соотносится с противопоставлением Аристотелем древней и новой комедии в «Никомаховой этике»: ἴδοι δ' ἂν τις καὶ ἐκ τῶν κωμῳδιῶν τῶν παλαιῶν καὶ τῶν καινῶν: τοῖς μὲν γὰρ ἦν γελοῖον ἢ αἰσχρολογία, τοῖς δὲ μᾶλλον ἢ ὑπόνοια, διαφέρει δ' οὐ μικρὸν ταῦτα πρὸς εὐσχημοσύνην («Это видно и на примере комедий прежних и новых: в первых смех порождается сквернословием, а во вторых — намеком, а это большая разница с точки зрения приличия», *EN.* 1128a22–25). На основании этого некоторые исследователи полагают, что в несохранившейся части про комедию Аристотель сосредоточился именно на современной ему т.н. «средней комедии»⁹. Мне это кажется неубедительным — и сам факт упоминания в дошедшем до нас тексте Кратета наряду с Эсхилом, а Аристофана в паре с Софоклом свидетельствует скорее об обратном¹⁰. И похоже, так же, как и Аристотель, Гораций вполне отдавал дань древней комедии и ее «немалой славе», в том числе и внимательно ее читая и даже, если угодно, комментируя.

Для иллюстрации этого обратимся к пассажу из *Ars poetica*, где Гораций, говоря о разнице языкового выражения в трагедии и комедии, тем не менее «разрешает» трагедии в определенных случаях прибегать к более низкому и обыденному стилю:

⁹ См., например, Freudenberg 1993, 66; Shaw 2014, 2–25, 117–120; Rosen, 2014, 222.

¹⁰ См. нашу аргументацию подробнее в Grintser 2021.

et tragicus plerumque dolet sermone pedestri,
Telephus et Peleus cum pauper et exsul uterque
proiicit ampullas et sesquipedalia verba,
si curat cor spectantis tetigisse querella (*Ars p.* 95–98)

И трагик часто скорбит в обыденной речи, например Телеф или Пелей, когда каждый из них, нищий изгнанник, отбрасывает бутылочки и слова в полтора фута, если желает тронуть своими жалобами сердце зрителя.

Выражение *proiicit ampullas* естественным образом привлекло внимание уже древних комментаторов, которые единодушно считают *ampulla* метафорой (чрезмерно) возвышенного стиля; в этом смысле Гораций использует тот же образ в *Ep.* I. 3. 14: *an tragica desaevit et ampullatur in arte?* («или безумствует на трагический манер и вздувается в искусстве?»). Поскольку *ampulla* — это небольшой сосуд для хранения ароматических масел, античные грамматиканы пытались объяснить метафору прежде всего его формой. Так, у Псевдо-Акрона мы находим следующую трактовку образа применительно как раз к строчке из «Послания к Пизонам»: *Proiicit ampullas: fastuosa verba, id est irata, grandia, inflata verba: omittit orationem tumidam. Adhuc enim ampullas vocamus quasi inflata vasa* («Отбрасывает бутылочки: [отбрасывает] высокопарные, т.е. гневные, величественные, надутые слова, отказывается от напыщенной речи. А называем их бутылочками наподобие пузатых сосудов», *Comm. in artem poet.* 97). В свою очередь Порфирион в примечании к тому же месту *Arg poetica* указывает в качестве источника метафоры греческую традицию, а именно Каллимаха (*hoc a Callimacho sustulit*), упоминавшего, по свидетельству схолиаста к Гефестиону, «бутылочную трагическую музу» (ἥτις τραγῳδὸς μοῦσα ληκυθίζουσα, fr. 215 Pfeiffer). У того же схолиаста мы сталкиваемся и с подробным объяснением истоков образа: по его мнению, трагическая речь уподобляется сосуду (греч. λήκυθος/ληκύθιον) διὰ τὸν βόμβον τὸν τραγικὸν· βόμβος γὰρ γίνεται περὶ τὸ ληκύθιον ἐκ τοῦ ἐμπεριεχομένου αὐτῷ ἀέρος κινουμένου ἢ ὑπὸ πνεύματος ἀνδρὸς ἢ ὑπὸ ἄλλου («из-за трагического шума; а шум от бутылочки возникает из-за вдуваемого в нее воздуха, либо от человеческого дыхания, либо по какой-то еще причине», *Schol. Hephaest. Ench.* 6. 1). Тем самым предлагается видеть в *ampulla* и ее греческом прототипе аллюзию на особо громкую и напыщенную манеру произнесения — «трагический шум». Это объяснение чрезвычайно понравилось многим современным исследователям — настолько, что они даже стали предполагать, что существовали особые сосуды, которые использовались актерами для тренировки голоса, а может быть, и на самой сцене. Однако свидетельств тому нет практически никаких, разве что использование ваз для усиления звука в театре упоминает Витрувий (*De arch.* V. 6), но речь там идет о больших сосудах, которые были вмонтированы в стены для резонанса. Как вполне убедительно показал в свое время Дж. Квинси¹¹, свидетельство Псевдо-Акрона (*inflata verba* ~ *inflata vasa*) вкуче с еще одним примером использования *ampulla* в *Appendix Vergiliana*, где уже применительно к ораторам этому слову опять-таки сопутствуют *inflata verba* (*Cat.* V. 1–2: *retorum ampullae inflata verba*), говорит скорее о форме сосуда как основе для сравнения: надутый стиль уподобляется

¹¹ Quincey 1949, 37–38.

«пузатому» сосуду. Это не исключает и звукового подтекста метафоры: возможно, она намекает на надувшиеся щеки актера, стремящегося придать своему голосу особую громкость, торжественность и глубину¹². В конечном счете, как справедливо заметил в своем комментарии к *Ars poetica* Ч. Бринк, вполне возможно, что в едином образе смешались и визуальные, и звуковые коннотации¹³; главное понятно — метафора подразумевает торжественную, выпренную речь.

Античные грамматик, подчеркивая греческое происхождение горадиевой метафоры, отсылают не только к Каллимаху, но и, вполне естественно, к Аристофану. Упомянутый комментарий схолиаста к Гепестиону начинается с сообщения о том, что определенный размер (а именно, катаlecticский trochaicкий dimeter) «называется еврипидовским или бутылочным» (διμέτρον καταλεκτικόν, τὸ καλούμενον Εὐριπίδειον ἢ ληκύθειον *Schol. Hephaest. Ench.* 6. 1), и в качестве одного из объяснений (наряду с приведенной выше «звуковой» трактовкой подобия сосуда и трагической речи) ссылаются на то, «как Аристофан высмеял еврипидовский семисложник» (ἢ δι' Ἀριστοφάνην σκώπτοντα τὸ μέτρον τὸ ἐφθιμίμερος Εὐριπίδου, *ibid.*). Очевидно, что речь идет о знаменитом «состязании прологов» из «Лягушек» Аристофана (*Ran.* 1200–1245), где Эсхил уничтожает прологи Еврипида, семь раз вставляя в конец цитируемого своим соперником стиха ληκύθειον ἀπώλεσεν. Приведу один из этих семи примеров:

ΕΥ. Διώνυσος, δὲ θύρσοισι καὶ νεβρῶν δοραῖς
καθαλπὸς ἐν πεύκῃσι Παρνασσὸν κάτα
πηδᾶ χορεύων" —
ΑΙ. ληκύθειον ἀπώλεσεν
ΔΙ. Οἷμοι πεπλήγμεθ' αὖθις ὑπὸ τῆς ληκύθου.

Еврипид: Бог Дионис, который, тирс в руке подъяв
И шкурою покрывшись, в блеске факелов
У Дельфов пляшет...
Эсхил: Потерял бутылочку.
Дионис: Ой-ой, опять побиты мы бутылочкой
(*Ran.* 1211–1214, пер. А. Пиотровского).

О сути этой уморительной сцены, в свою очередь, спорят уже комментаторы Аристофана, также выдвигая различные объяснения аристофановского приема. Многие полагают, что достаточно смешно просто повторение одного и того же припева, делающего бессмысленной или анекдотической каждую приводимую цитату. Кроме того, тем самым Эсхил указывает на метрическое однообразие своего оппонента (характерно, что в восьмом случае, *Ran.* 1244–1245, когда Еврипид, видимо, сообразив, начинает читать стих, куда «бутылочка» никак не ложится, его прерывает Дионис словами «да все равно ты пропал; он опять скажет «потерял бутылочку»). Это и могло стать причиной того, что, как уже говорилось выше, trochaicкий catalecticский dimeter, размер, соответствующий аристофановской

¹² Предлагались и другие версии происхождения образа: например, что речь может идти не столько о «напыщенности», сколько о «цветистости» трагической речи, поскольку среди косметических средств были и краски для лица (Janko 2000, 389); однако это кажется менее убедительным.

¹³ Brink 2011, 180.

клаузуле, получил название «еврипидовский, или бутылочкин». С другой стороны, упомянутые выше свидетельства об использовании позднейшими авторами производных ληρύθιον для обозначения трагического стиля, а также параллели с *ampulla* служат основанием для того, чтобы усматривать здесь переносный смысл: Эсхил подспудно обвиняет Еврипида в утрате подлинной возвышенности¹⁴ (это, кстати, вполне соответствует его критике Еврипида на протяжении всей комедии). Метрическое однообразие при этом не отменяет, как кажется, и «потери возвышенности», поскольку «бутылочку теряют» почтенные мифологические герои или даже боги, и обыденность предмета обихода только усиливает эффект. Не случайно Эсхил вначале говорит, что вместо ληρύθιον может использовать «овчинку» или «мешочек» — в общем все вещи тривиальные, да еще и диминутивы по форме:

ποιεῖς γὰρ οὕτως ὥστ' ἐναρμόττειν ἄλαν,
καὶ κωδάριον καὶ ληρύθιον καὶ θυλάκιον,
ἐν τοῖς ἱαμβείοισι. δεῖξω δ' αὐτίκα (*Ran.* 1202–1204).

Ты так пишешь стихи, что все подойдет к твоим ямбам:
овчиночка, бутылочка, мешочек. Сейчас я покажу.

Наконец, как это очень часто бывает у Аристофана, комментаторы предлагают видеть в этой фразе еще и обценный смысл: поскольку форма соответствующего сосуда могла напоминать мужские гениталии, то наряду с «утратой возвышенности» Эсхил мог намекать на утрату Еврипидом (или его персонажем) «мужской силы»¹⁵. Дэвид Сайдер, который, впрочем, считал, что этот сексуальный подтекст не отменяет и иных уровней шуток — метрического однообразия и приземленности речи, — даже предполагал, что Эсхил сопровождал свои слова жестом: палец вверх, который потом бессильно сгибается вниз¹⁶. В принципе у Аристофана такая многоуровневая игра далеко не редкость, но сейчас вряд ли следует заново вдаваться в дискуссию о разных возможных смыслах «бутылочки» в «Лягушках»¹⁷. Вместо этого я вернусь к Горацию и обращаю внимание на то, что странным образом практически ускользнуло от комментаторов и Горация, и Аристофана, даже обративших внимание на возможную лексическую параллель между «Лягушками» и «Поэтикой».

¹⁴ Эта возвышенность могла достигаться в том числе и благодаря особому звучанию голоса актера: так полагал, например, Slater 1989, 43–51, ссылаясь в том числе на свидетельство Поллукса (IV. 114), согласно которому глагол ληρύθιζω обозначал исполнение «актера с глубоким голосом» (βαρύστονος ὑποκριτής). По мнению Слейтера, актер для этого должен был, в частности, надувать щеки, что делало его лицо похожим на форму ληρύθιον. Правда, как справедливо заметил в своем комментарии Р. Довер (Dover 1993, 339), актеры в афинском театре носили маски, и зрители вряд ли могли оценить соль шуток, если она в этом состояла.

¹⁵ Дополнительным аргументом может служить созвучие ληρύθιον с ληρῶ «membrum virile» (согласно Гесихию и Фотию) и соответствующим глаголом ληράω, который встречается у Аристофана в *Thesm.* 493. Впервые это объяснение предложил С. Уитмен (Whitman 1969), и оно стало весьма распространенным, хотя Довер (Dover 1993, 337–339) сомневается в обязательности сексуальных коннотаций.

¹⁶ Sider 1992, 359–363.

¹⁷ Упомяну только, что в качестве еще одного варианта предлагалась связь ληρύθιον с погребальным обрядом, поскольку дело происходит в Аиде (Henderson 1972). См. обзор существующих интерпретаций в Lopez 1993, 186–188; Slater 2002, 198–199.

Как кажется, в *Ars poetica* мы имеем дело не просто с параллелью, а с прямой цитатой или, по крайней мере, очевидной аллюзией на аристофановский текст. Об этом говорит, на мой взгляд, помимо параллели *ληχύθιον* ~ *ampulla*, и присутствие в данной строке «длиннющих слов», *sesquipedalia verba*: *Telephus et Peleus cum pauper et exsul uterque | proiicit ampullas et sesquipedalia verba* «Телеф или Пелей, когда каждый из них, нищий изгнанник, отбрасывает бутылочки и слова в полтора фута». В «Лягушках» Еврипид несколько раз упрекает Эсхила в использовании непомерно огромных и непонятных слов, чуждых нормальной человеческой речи:

ἦν οὖν σὺ λέγῃς Λυκαβηττοὺς
καὶ Παρνασσῶν ἡμῖν μεγέθη, τοῦτ' ἐστὶ τὸ χρηστὰ διδάσκειν,
ὃν χρῆν φράζειν ἀνθρωπείως (*Ran.* 1056–1058).

Еврипид: Если ты говоришь с нами словами величиною с Ликабет и Парнас, это называется учить достойному?
По-человечески это надо говорить!

Язык Эсхила буквально чудовищен, его слова «бычьи..., бровастые и гривастые, жуткие на вид и совершенно неведомые зрителям»:

ῥήματ' ἄν βόεια δώδεκ' εἶπεν,
ὄφρ' ἔχοντα καὶ λόφους, δειν' ἅττα μορμωρῶλ,
ἄγνωστα τοῖς θεωμένοις (*Ran.* 924–926)

И сразу же далее эта особенность стиля Эсхила иллюстрируется набором вычурных вымышленных композитов, которые вполне адекватно могут быть описаны по-латыни как *sesquipedalia verba*:

Σαφὲς δ' ἂν εἶπεν οὐδὲ ἓν —
ἀλλ' ἢ Σκαμάνδρους ἢ τάφρους ἢ 'π' ἀσπίδων ἐπόντας
γρυπαιέτους χαλκηλάτους καὶ ῥήμαθ' ἱππόκρημνα,
ἃ ξυμβαλεῖν οὐ ῥάδι' ἦν (929–930)

Ясно он не сказал ни слова:
все Скамандры да рвы или на щитах
бронзовые гриффорлы, речи, где черт ногу сломит,
понять их непросто.

Дионис, кстати, немедленно подхватывает тему совершенной непонятности этих составных слов, приводя в пример уже действительно использованного Эсхилом «конепетуха», *ἱππαλεκτρυόν* (*Ran.* 930–934). А далее Еврипид подводит некоторый общий итог своим претензиям, утверждая, что от Эсхила он принял «искусство, раздувшееся и отяжелевшее от высокопарных слов и выражений» (*τὴν τέχνην ... οἰδοῦσαν ὑπὸ κομπλασμάτων καὶ ῥημάτων ἐπαχθῶν*, *Ran.* 939–940) — обращим внимание на тот же метафорический образ «надутого искусства», который, как кажется, затем получит некое конкретное воплощение в пресловутой «бутылочке».

Еще одним косвенным подтверждением отсылки к Аристофану может служить и упоминание Горацием Телефа как первого среди вызывающих жалость героев трагедии, которым пристало спускаться до обыденной человеческой речи. Нет нужды напоминать, что именно этот персонаж и одноименная трагедия многократно встречаются у Аристофана в качестве объекта для критики Еврипида за

пристрастие к слабым героям — достаточно вспомнить Дикеополя из «Ахарнян», который, дабы выглядеть особенно жалким, просит у Еврипида именно костюм Телефа (*Ach.* 430–432). Но интересно, что именно в «Лягушках» (*Ran.* 863–864) Еврипид в качестве наиболее достойных из своих трагедий предлагает на суд, наряду с «Телефом» еще и «Пелея», чье имя у Горация стоит вторым в ряду несчастных героев. Правда, ими в «Лягушках» список лучших трагедий Еврипида не исчерпывается, он упоминает еще «Эола» и «Мелеагра», но характерным образом как раз имена Пелея и Телефа стоят на значимых местах, первом и последнем, будучи еще дополнительно отмечены усилительными частицами:

καὶ νῆ Δία τὸν Πηλέα γε καὶ τὸν Αἴολον
καὶ τὸν Μελέαγρον ἅτι μάλα τὸν Τήλεφον.

[Я выставлю], клянусь Зевсом, «Пелея», а еще «Эола» и «Мелеагра» и, разумеется, «Телефа».

Как кажется, приведенные аргументы в совокупности могут свидетельствовать о том, что в *Ars poetica* 95–98 мы и впрямь имеем дело с прямой отсылкой к «Лягушкам». Это интересно само по себе, но контекст этой отсылки позволяет сделать и дополнительные выводы. Похоже, в своем «комментарии» на Аристофана Гораций считывает в *ληγύθιον ἀλώλεσεν* смысл «потери поэтической торжественности» и, возможно, некоей метрической несообразности (ср. *sesquipedalia verba*) и совершенно не считывает возможного сексуального подтекста. Это косвенно может свидетельствовать о том, что именно Аристофан мог восприниматься в эллинистическо-римской традиции в качестве авторитетного источника этой метафоры применительно к торжественному трагическому стилю¹⁸. В этой связи интересно, что аристофановское «потерял бутылочку» мог цитировать Филодем во второй книге своего сочинения «О поэтических произведениях» (если верить как всегда достаточно смелой реконструкции Р. Дженко¹⁹), которое, как уже говорилось выше, могло быть знакомо и Горацию. Но если видеть в горациевых *ampullas* парафраз *ληγύθιον* из «Лягушек», куда важнее то, что Гораций как бы поправляет аристофановского Эсхила, настаивая, что «потеря бутылочки» как раз вполне уместна в определенных трагических ситуациях, которые и представлены в трагедиях Еврипида. Иными словами, в споре Эсхила и Еврипида Гораций берет, хотя бы частично, сторону последнего (как известно, у Аристофана в конечном счете проигравшего). И если продолжить сравнение *Ars poetica* с «Лягушками», учитывая эту позицию Горация, то у него можно обнаружить и другие, не столь очевидные отсылки к комедии Аристофана.

В качестве примера можно привести достаточно пространное рассуждение Горация о необходимости адекватного языка для разного типа персонажей, в довольно длинном ряду которых упоминаются, в частности, раб, матрона, кормилица:

¹⁸ В свое время Quincey 1949, 33 справедливо задавался вопросом, был ли у *ληγύθιον* метафорический смысл до Аристофана или это изобретение комедиографа, и старался показать, что Аристофан лишь придал этой метафоре популярность. Окончательное решение этой проблемы вряд ли возможно, но, по крайней мере у Горация, мы имеем дело не просто с использованием метафоры, а с отсылкой к конкретному месту «Лягушек»; так что для него, как кажется, за *ampulla* стоит именно аристофановский текст.

¹⁹ *P. Herc.* 1677, col. 7, 15–16. См. Janko 2000, 389, п. 2.

intererit multum, Davusne loquatur an heros,
maturusne senex an adhuc florente iuventa
fervidus, et matrona potens an sedula nutrix,
mercatorne vagus cultorne virentis agelli,
Colchus an Assyrius, Thebis nutritus, an Argis (*Ars p.* 114–118).

Есть большая разница, говорит ли Дав или герой, зрелый старец или пылкость цветущей юности, властная матрона или усердная кормилица, бродячий торговец или тот, кто возделывает зеленеющую ниву, колх или ассириец, вскормленный в Афинах или в Аргосе.

Обычно комментаторы Горация сравнивают этот пассаж опять-таки с аристотелевскими рассуждениями о характере, ἦθος, в 15 главе «Поэтики» (*Ars p.* 1454a16–28) и, более конкретно, о «речи в соответствии с характером», λέξις ἡθικὴ в «Риторике» 1408a25 и далее, где тоже говорится о необходимости приведения речи в соответствие с возрастом и происхождением²⁰. Однако, на мой взгляд, показательно, что Еврипид в «Лягушках», ставя себе в заслугу то, что он дал слово разным персонажам, приводит список, отчасти напоминающий перечисленных Горацием: у него право слова имеют не только привычные для трагедии герои, но и женщины, девушки, старухи и рабы:

ἀλλ' ἔλεγεν ἡ γυνὴ τέ μοι χά δοῦλος οὐδὲν ἦτρον,
χά δεσπότης χῆ παρθένος χῆ γραῦς ἄν (*Ran.* 949–950).

[У меня] не зазорно было говорить и женщине, и рабу,
и господину, и девушке, и старухе

Если предположить, что и этот пассаж, как и фраза про *amprulla*, может отсылать к Аристофану, то вновь оказывается, что Гораций в споре аристофановских Эсхила и Еврипида становится на сторону последнего. И это заставляет повнимательнее взглянуть и на несколько других совпадений или созвучий, которые уже напрямую связаны с центральными темами *Ars poetica*.

Одной из таких главных тем является постоянная работа над словесной отделкой стиха, что и составляет существенную часть «ars». Самого себя Гораций уподобляет точильному камню, который способен придать остроту клинку:

ergo fungar vice cotis, acutum
reddere quae ferrum valet exsors ipsa secandi (*Ars p.* 304–305)

Пусть я уподоблюсь оселку, что может
придать остроту железу, при том что сам резать не может.

Надо заметить, что схожие ремесленные метафоры постоянно характеризуют Еврипида в «Лягушках»: он тоже разрезает слова (ῥήματα δαιομένη κατὰ λεπτολογίῃ, *Ran.* 828), пользуясь линейками, угломерами и прочими измерительными приборами (*Ran.* 798–803, ср. 956–958: λεπτῶν τε κανόνων ἐσβολὰς ἐπὶ τῶν τε γωνιασμοῦς, νοεῖν ὁρᾶν ξυνιέναι στρέφειν ἐρᾶν τεχνάζειν, κάχ' ὑποτολεῖσθαι, περινοεῖν ἄπαντα). Подобно тому как Гораций велит «срезать излишние украшения» (*ambitiosa recidet ornamenta, Ars p.* 447–448), Еврипид «высушивает» трагическую поэзию, распухшую от излишеств Эсхила (*Ran.* 939–944).

²⁰ Brink 2011, 190–191.

Скрупулезная, схожая с ремесленной, работа над словом²¹, постоянные проверка и исправление написанного отличают у Горация мудрого, искусственно-го в «ars» поэта от того, кто уповает исключительно на вдохновение, ingenium, или, вернее, упивается им. Отсюда возникает в его «Поэтике» знаменитый образ «безумного поэта», poeta vesanus. Естественно, что о нем существует обширная научная литература, в основном сосредоточенная на генезисе данного образа, который возводят к Демокриту²² (его сам Гораций упоминает в качестве своего источника, *Ars p.* 295–297), а также, вероятнее всего, к платоновской критике поэзии в «Ионе» и отчасти в «Государстве»²³. Правда, при этом, на мой взгляд, исследователи не всегда акцентируют внимание на том, что горациевский образ можно счесть и своего рода развернутой иллюстрацией к сухому тезису Аристотеля: «Поэтому поэзия — дело человека скорее естественно одаренного, чем безумного; ведь первые легко преобразуются, а вторые всегда находятся вне себя» (διὸ εὐφροῦς ἢ ποιητικὴ ἔστιν μᾶλλον ἢ μανικὴ· τοῦτων γὰρ οἱ μὲν εὐπλάστοι οἱ δὲ ἐκστατικοὶ εἰσιν, *Poet.* 1455a32–34). И уж что точно зачастую ускользает от тех, кто ищет прототипы горациевского «безумного поэта», это то, как он, собственно, изображен в *Ars poetica*. Его главный внешний признак — крайне неопрятный внешний вид, следствие нежелания посещать цирюльника:

bona pars non unguis ponere curat,
non barbam, secreta petit loca, balnea vitat (*Ars p.* 297–298).

Если вспомнить, как выглядит Эсхил в «Лягушках», то оказывается, что он тоже явно не пользуется услугами парикмахера — он «рычит, нахмутив лоб и вздыбив всклокоченную гриву волос» (*Ran.* 822–823: φρίξας δ' αὐτοκόμου λοφιάς λασιαύχενα χαίταν, | δεινὸν ἐπισκύνιον ξυνάγων βρυχώμενος). Характерно, что и слова Эсхила описываются схожим образом: как уже говорилось, они тоже «с густыми бровями и гривами» (ὀφρῦς ἔχοντα καὶ λόφους, δειν' ἄττα μормορῳλά, *Ran.* 925). Вообще в описаниях Эсхила очевидно прослеживается его уподобление некоему чудовищу или зверю — подобно тому, как и у Горация безумный поэт предстает медведем (*ursus*), рвущимся наружу из клетки (*Ars p.* 472–473). У Горация эта звероподобность — естественное следствие постоянного гнева и безумия (*furor*), в котором пребывает поэт, бродя по свету и беспрестанно изрыгая, заметим (вспомнив еще раз про пассаж с *ampulla*), «высокопарные стихи» (*sublimis versus*, *Ars p.* 457). Это безумие Гораций, в полном соответствии с тогдашними медицинскими представлениями, объясняет разлитием черной желчи, от которой он, Гораций, регулярно очищается весной — и в этом его ошибка, ибо ему точно не достичь высот поэтического искусства:

²¹ Разумеется, использование ремесленной метафоры применительно к поэзии отнюдь не является новацией Аристофана: уподобление поэзии искусству плотника, ткача или кузнеца восходит еще к т. н. «индоевропейскому поэтическому языку» — см. об этом подробно в Grintser N., Grintser P. 2000, 43–51. Но в сопоставлении Горация с Аристофаном интересна подчеркнутая «инструментальность» метафоры, уподобление поэта конкретным орудиям ремесленного мастерства.

²² О рецепции идей Демокрита Горацием и римской традицией в целом см. Hajdu 2014, 32–37.

²³ О восприятии платоновских идей и о различении Горацием понятий «поэтического безумия» (*furor poeticus*) и «природного таланта» (*ingenium*) см. подробно Farrington 2019.

o ego laevus,
qui purgor bilem sub verni temporis horam.
non alius faceret meliora poemata (*Ars p.* 301–303).

Но совершенно так же в «безумии» (μανία) пребывает и аристофановский Эсхил, причем его причиной опять-таки становится «желчь» (χόλος), которая вскипает в нем, особенно при виде Еврипида:

Ἡ που δεινὸν ἐριβρεμέτας χόλον ἔνδοθεν ἔξει,
ἦ νίχ' ἂν ὀξύγαλόν περ ἴδῃ θήγοντος ὀδόντα
ἀντιτέχνου· τότε δὴ μανίας ὑπὸ δεινῆς
ὄμματα στροβήσεται (*Ran.* 814–817)

Воистину внутри у громогласца разольется дурная желчь,
когда он увидит своего оскалившегося противника;
и тогда в грозном безумии
он завращает глазами.

Таким образом, и своим внешним видом, и внутренним состоянием Эсхил Аристофана очень напоминает poeta vesanus Горация. Конечно, все это можно счесть случайным совпадением, топосом описания безумца или боговдохновенного певца. Однако при таком сопоставлении, как кажется, дополнительный смысл приобретает самая концовка *Ars poetica*, до сих пор ставящая комментаторов в затруднение. Как известно, финальный эпизод повествования — это безумный поэт, проваливающийся в колодец и оказывающийся как бы на том свете. Гораций всячески предостерегает добрых людей от того, чтобы такого поэта спасать, ибо он сам стремится к смерти, так как только она приносит ему славу. Приведя в пример историю самоубийства Эмпедокла, Гораций заключает:

sit ius liceatque perire poetis:
invitum qui servat, idem facit occidenti (*Ars p.* 466–467)

Так что пусть будет закон, что поэты вольны погибать,
а кто без спросу их спасает, все равно что убивает.

О смысле концовки активно спорят, пытаясь объяснить ее и внутренней композицией «Послания к Пизонам»²⁴, и различными философско-поэтическими реминисценциями, в частности связанными с фигурой Эмпедокла, прямо упомянутого в *Ars p.* 465 в качестве примера поэта, готового пожертвовать жизнью в стремлении к посмертной славе²⁵. Но в контексте наших рассуждений я бы хотел обратить внимание на сам парадоксальный тезис: «не надо спасать поэта, который по сути уже мертв». Не напоминает ли это, и как нельзя точнее, ситуацию аристофановских «Лягушек», где Дионис в конечном счете спасает Эсхила от уже наступившей смерти? И нельзя ли тогда рассматривать концовку «Послания

²⁴ Так, Ч. Бринк в своем комментарии к «Поэтике» предлагает видеть в образе безумного поэта «персонификацию поэтической ошибки» (error), которая является одной из ключевых тем всего послания (Brink 2011, 515–517).

²⁵ См. Hardie 2014, 46–47. В связи с этим уместно вспомнить, что Эмпедокл фигурирует и в «Поэтике» Аристотеля (1447b17–20) как пример стихотворца, которого не следует причислять к настоящим поэтам.

к Пизонам» вместе с остальными возможными отсылками к «Лягушкам» как своего рода развернутый иронический комментарий к спору Эсхила и Еврипида (который вполне можно трактовать в духе столь важного для Горация противопоставления *ingenium* – *ars*)? И если учесть, что во всех рассмотренных нами случаях Гораций последовательно становится на сторону Еврипида, то получается, что, по его мнению, в аристофановской комедии Дионис выбрал из двух соревнующихся поэтов «не того» (впрочем, я полагаю, что таким может быть и одно из возможных прочтений комедии Аристофана как таковой).

В принципе, вполне объяснимо, почему Гораций мог использовать в качестве источника для своего труда один из первых примеров поэтологической рефлексии, облеченный (так же, как и *Ars poetica*) в литературную, поэтическую форму. В таком случае в «Послании к Пизонам» замечательно соединяется серьезная научная традиция аристотелевской, а затем и эллинистической литературной критики с ироническими аллюзиями на комедийный текст, в котором обсуждалась та же проблема, что потом занимала и всю античную научную традицию: «кого считать хорошим поэтом?». В каком-то смысле Гораций накладывает парадигму этой научной критики на конкретный литературный текст. И при таком угле зрения новый смысл приобретает парадоксальная (и потому в общем отвергнутая современной наукой) идея упомянутого мной в начале статьи Бернарда Фришера, видевшего в *Ars poetica* остроумную пародию на современную Горацию литературоведческую науку²⁶. Это тем более примечательно, что и в «Лягушках» некоторые весьма авторитетные специалисты по античной литературной теории тоже усматривают элементы пародии на современные Аристофану опыты (прежде всего софистические) интерпретации художественных текстов²⁷. Если Гораций хотел взглянуть на поэзию с некоторой иронической дистанции, лучшего союзника, чем Аристофан, он найти не мог.

Литература/References

- Armstrong, D. 1993: The Addressees of the *Ars poetica*: Herculaneum, the Pisones and Epicurean Protreptic. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 31, 185–230.
- Barwick, K. 1922: Die Gliederung der rhetorischen TEXNH und die Horazische Epistula ad Pisones. *Hermes* 57/1, 1–62.
- Brink, C.O. 2011: *Horace on Poetry. The 'Ars Poetica'*. Cambridge.
- Dahlmann, H. 1953: *Varros Schrift 'de poematis' und die hellenistisch-römische Poetik*. Wiesbaden.
- Dover, K. (ed.) 1993: *Aristophanes. Frogs*. Oxford.
- Farrington, S.T. 2019: Talent, Craft, and Ecstasy: Poetic Forces in Horace and Plato. In: T.S. Farrington (ed.), *Enthousiasmos: Essays in Ancient Philosophy, History, and Literature*. Baden-Baden, 259–274.
- Freudenberg, K. 1993: *The Walking Muse: Horace on the Theory of Satire*. Princeton.

²⁶ Frischer 1991.

²⁷ Здесь прежде всего показателен разбор «Лягушек» С. Холливеллом (Halliwell 2011, 93–154), который, в частности, рассматривает сцену с «бутылочкой» как знак окончательного перехода внутри комедии от «технически изощренного анализа к уничижительной насмешке» (*ibid.*, 136). По его мнению, это свидетельствует о несерьезности всех возможных отсылок к софистическим практикам анализа поэтического текста (например, у Протагора и Горгия) и о пародийном снижении или даже отрицании самой идеи «оценки поэтов» (воплощенной в комедии в противоречивой и непоследовательной фигуре главного судьи, Диониса).

- Frisher, B. 1991: *Shifting Paradigms. New Approaches to Horace's Ars Poetica*. Atlanta.
- Gasparov, M.L. 2021: [The Structure of Horace's 'Poetics']. In: M.L. Gasparov, *Sobranie sochineniy v 6 tomakh*. T. 2. *Rim/Posle Rima* [Collection of Works in 6 Volumes. Vol. II. Rome/After Rome]. Moscow, 349–403.
- Гаспаров, М.Л. Композиция «Поэтики» Горация. В кн.: М.Л. Гаспаров, *Собрание сочинений в 6 томах*. Т. 2. *Рим/После Рима*. М., 349–403.
- Golden, L. 2000: *Ars and Artifex in the Ars Poetica: Revisiting the Question of Structure*. *Syllecta Classica* 11, 141–161.
- Grintser, N.P. 2021: [Aristotle on Comedy]. In: A.V. Golubkov, I.V. Ershova, K.A. Chekalov (eds.), *Ad virum illustrem. K 70-letiyu Mikhaila Leonidovicha Andreeva* [To the 70th Anniversary of M.L. Andreev]. Moscow, 53–76.
- Гринцер, Н.П. Аристотель о комедии. В сб: А.В. Голубков, И.В. Ершова, К.А. Чекалов (ред.), *Ad virum illustrem. K 70-летию Михаила Леонидовича Андреева*. М., 53–76.
- Grintser, N.P., Grintser, P.A. 2000: *Stanovlenie literaturnoy teorii v drevney Gretsii i Indii* [The Emergence of Literary Theory in Ancient Greece and India]. Moscow.
- Гринцер, Н.П., Гринцер, П.А. *Становление литературной теории в древней Греции и Индии*. М.
- Hajdu, P. 2014: The Mad Poet in Horace's *Ars Poetica*. *Canadian Review of Comparative Literature / Revue Canadienne de Littérature Comparée* 41/1, 28–42.
- Halliwell, S. 2011: *Between Ecstasy and Truth: Interpretations of Greek Poetics from Homer to Longinus*. Oxford.
- Hardie, P. 2014: The *Ars poetica* and the Poetics of Didactic. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 72: *New Approaches to Horace's Ars poetica*, 43–54.
- Henderson, J. 1972: The Lekythos and Frogs 1200–1248. *Harvard Studies in Classical Philology* 76, 133–143.
- Janko, R. 1991: Philodemus' 'On Poems' and Aristotle's 'On Poets'. *Cronache Ercolanesi* 21, 5–64.
- Janko, R. (ed.) 2000: *Philodemus, 'On Poems', Book 1*. Oxford–New York.
- Janko, R. (ed.) 2010: *Philodemus, On Poems', Books 3–4, with the Fragments of Aristotle, On Poets*. Oxford–New York.
- Laird, A. 2007: The *Ars Poetica*. In: S. Harrison (ed.), *Cambridge Companion to Horace*. Cambridge, 132–143.
- López, J.G. (ed.) 1993: *Aristophanes. Las ranas*. Murcia.
- Matthaios, S. 1999: *Untersuchungen zur Grammatik Aristarchs: Texte und Interpretation zur Wortartenlehre*. (Hypomnemata, 126). Göttingen.
- Meijering, R. 1987: *Literary and Rhetorical Theories in Greek Scholia*. Groningen.
- Montanari, F. 1995: Termini e concetti della Poetica di Aristotele in uno scolio a Odissea IV 69. In: F. Montanari, *Studi di filologia omerica antica*. Vol. II. Pisa, 21–25.
- Porter, J. 1992: Hermeneutic Lines and Circles: Aristarchus and Crates on the Exegesis of Homer. In: R. Lamberton, J.J. Keaney (eds.), *Homer's Ancient Readers: The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes*. Princeton (NJ), 67–114.
- Quincey, J.H. 1949: The Metaphorical Sense of ΛΗΚΥΘΟΣ and Ampulla. *The Classical Quarterly* 43/1–2, 32–44.
- Reinhardt, T. 2013: The *Ars Poetica*. In: H.-Chr. Günther (ed.), *Brill's Companion to Horace*. Leiden, 499–526.
- Rosen, R.M. 2014: The Greek 'Comic Hero'. In: M. Revermann (ed.), *Cambridge Companion to Greek Comedy*. Cambridge, 222–240.
- Schironi, F. 2009: Theory into Practice: Aristotelian Principles in Aristarchean Philology. *Classical Philology* 104/3, 279–316.
- Shaw, C.A. 2014: *Satyric Play: The Evolution of Greek Comedy and Satyr Drama*. Oxford–New York.
- Sider, D. 1992: Ληκῦθιον ἀπώλεσεν: Aristophanes' Limp Phallic Joke? *Mnemosyne* 45/3, 359–364.
- Slater, N.W. 1989: Lekythoi in Aristophanes' *Ecclesiazusae*. *Lexis* 3, 43–51.
- Slater, N.W. 2002: *Spectator Politics: Metatheatre and Performance in Aristophanes*. Philadelphia.
- Tsakirópoulou-Summers, A. 1998: Horace, Philodemus and the Epicureans at Herculaneum. *Mnemosyne* 51/1, 20–29.
- Whitman, C.H. 1969: Ληκῦθιον ἀπώλεσεν. *Harvard Studies in Classical Philology* 73, 109–112.

DOI: 10.31857/S0321039124020066

IMPERIUM ROMANUM “SINE FINE” И ORBIS TERRARUM НА ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЕ МИРА

А. В. Подосинов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия;

*Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт»,
Москва, Россия*

E-mail: podossinov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2295-9290

В статье на картографическом материале развита тема, представленная в статье А.В. Махлаюка, опубликованной в ВДИ в 2019 году, – «Пространство римского мира в “Res gestae divi Augusti”». Если в этой работе речь идет о «ментально-географической “карте” римского империализма», об «имагинальной, символической» географии «империи без границ» в литературном тексте, то в предлагаемой статье проведен анализ имперской пространственной идеологии на картографическом материале, прежде всего на материале Певтингеровой карты мира, которая, по мнению автора, отражает именно такой римский взгляд на соотношение Римской империи и ойкумены (*imperium* и *orbis terrarum*). Исследователи, видящие в этой карте продукт эллинистической географии, отрицают существование римских имперских мотивов на карте. В статье сделана попытка показать, что, напротив, Певтингерова карта являет собой прекрасный образец воплощения в картографической форме идеологической программы римского империализма, представленной также в поэтических произведениях Горация, Вергилия, Овидия, Силия Италика и других авторов.

Ключевые слова: римский империализм, римская картография, Певтингерова карта, карты в школьном образовании и пропаганде

Данные об авторе. Александр Васильевич Подосинов – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН, профессор Института филологии Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт».

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «“Пуника” Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте.

IMPERIUM ROMANUM *SINE FINE* AND *ORBIS TERRARUM* ON PEUTINGER'S MAP OF THE WORLD

Alexander V. Podossinov

Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia;

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia;

Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT), Moscow, Russia

E-mail: podossinov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation project no. 24-18-00445

The author uses cartographic material to develop the topic presented in the article by A.V. Makhlayuk published in 2019, “The space of the Roman world in the *Res gestae divi Augusti*”. While this work is about the “mental-geographical *map* of Roman imperialism”, the “imaginary, symbolic” geography of the “empire without borders” in a literary text, our article analyzes the imperial spatial ideology on cartographic material, primarily on the material from Peutinger’s map of the world, which, in author’s opinion, reflects precisely this Roman view of the relationship between the Roman Empire and the *oikoumene* (*imperium* and *orbis terrarum*). Researchers who see this map as a product of Hellenistic geography deny the existence of Roman imperial motifs on the map. The article makes an attempt to show that Peutinger’s map is an excellent example of the embodiment in the cartographic form of the ideological program of Roman imperialism, represented also in poetic works of Horace, Vergil, Silius Italicus and other authors.

Keywords: Roman imperialism, Roman cartography, Peutinger’s map, maps in school education and propaganda

Не так давно Александр Валентинович Махлаюк опубликовал в «Вестнике древней истории» замечательную статью «Пространство римского мира в “*Res gestae divi Augusti*”»¹, в которой он анализирует притязание Августа и всего римского истеблишмента на владение всем миром. Говоря об имперской пространственной идеологии, А.В. Махлаюк упоминает о «ментально-географической “карте” римского империализма», что сподвигло меня на рассмотрение в этом же ракурсе реальной карты римского времени, изучением которой я как раз занимаюсь.

Сначала приведу несколько цитат из статьи А.В. Махлаюка, показывающих имперскую идеологию географического пространства в «Деяниях божественного Августа». На с. 671 мы читаем: «Представленная в “Деяниях” имперская география, без сомнения, искусно продумана в каждой своей детали и, как бы она ни расходилась с реальными историческими обстоятельствами и научно-географическими фактами (которые, надо сказать, были прекрасно известны самому Августу), преподнесена читателю таким образом, чтобы убедить его в главном — в том, что Рим властвует над миром <...> Очерченное таким образом

¹ Makhlayuk 2019, 653–677.

имперское пространство гораздо шире, нежели то, которое, говоря о положении Римской державы на момент смерти Августа и главных достижениях принцепса, обозначает Тацит в чеканной формулировке: *magi Oceani aut amnibus longinquis saeptum imperium* — “империя ограждена морем Океаном и дальними реками” (*Ann.* I. 9. 6)». И на с. 673: «Эти мотивы и их идеологическое оформление в немалой степени обуславливались специфическими представлениями о пространстве окружающего мира, которое мыслилось и описывалось некартографическим образом и в таком качестве нашло отражение в “Деяниях божественного Августа”»².

В этой работе я хотел бы обратиться к знаменитой латинской карте мира — так называемой *Tabula Peutingeriana* (Певтингерова карта, далее *TP*), которая дошла до нас в копии XII в., но определенно восходит к первым векам н.э.³, возможно, к карте мира Марка Випсания Агриппы (конец I в. до н.э.)⁴; иногда ее основу возводят к эллинистической эпохе⁵.

Карта нарисована на 11 пергаменных листах и содержит изображение всей античной ойкумены от Атлантики до Тихого Океана. Ее длина чуть меньше 7 м, ширина ок. 34 см, поэтому изображение земли сильно растянуто в широтном отношении. Карта содержит ок. 3500 наименований⁶. Важным элементом карты является изображение системы римских дорог с указанием названий станций и расстояний между ними.

Немецкий исследователь Михаэль Ратманн, выступающий за эллинистическое происхождение *Ur-Tabula*, как он называет древнюю основу карты, отказывает *TP* в римском начале. Он считает, что «архетип карты относится к эллинистическому периоду, притом что в процессе копирования в течение длительного времени названия дополнялись и изменялись в соответствии с новыми реалиями»⁷. Одним из важнейших аргументов Ратманн считает тот факт, что на карте присутствуют регионы, никогда не бывшие частью Римской империи⁸.

Так, он пишет: «Карта содержит многочисленные свидетельства, не относящиеся ко времени римской империи. В то же время количество информации периода эллинизма настолько велико, что едва ли ее можно недооценивать или считать анахронизмом. Кроме того, изображения материков на карте даны в соответствии с информационным уровнем III в. до н.э. И напротив, на карте отсутствуют элементы, которые, казалось бы, можно было ожидать от документа периода Римской империи. Это особенно бросается в глаза, если сравнить *TP* с картой Марка Випсания Агриппы или интерпретировать ее в качестве карты эпохи Римской империи»⁹. Несколько ниже Ратманн конкретизирует свои положения: «На карте

²Обстоятельно изложенная в статье А.В. Махлаюка историография вопроса избавляет нас от необходимости здесь ее приводить.

³Talbert 2010, 149.

⁴Weber 1989, 113–117; 2012, 216. Аргументы в пользу этой теории высказывали и другие исследователи (Gross 1913, 87, 107–108; Gisinger 1938, 1407–1408; Levi A., Levi M. 1967).

⁵Rathmann 2011–2012, 83–102; 2015, 98–131; 2016a, 337–362; 2016b, 20–25. Подробнее о времени создания карты см. Podossinov 2016, 938–955.

⁶См. издания карты: Weber 1976; Podossinov 2002; Prontera 2003; Talbert 2010; Rathmann 2016b.

⁷Rathmann 2015, 103.

⁸См., например, Rathmann 2013, 206–207; 2016a, 346.

⁹Rathmann 2015, 103–104.

не обозначена территория Германии вдоль течения Эльбы, хотя подобных сведений, казалось бы, следовало ожидать от карты мира эпохи Августа: ведь Август в своих *Res gestae* («Деяния божественного Августа» = *RGDA*) прямо пишет о завоевании Германии. В свою очередь, названия германских племен, известные со времен римской империи и словно задним числом нанесенные на Певтингеровой карте на узкой полосе суши между Рейном и Северным морем, убедительно свидетельствуют о том, что изначально изображение Германии вплоть до Эльбы на карте не предусматривалось <...> Кроме того, спрашивается, почему на карте изображены области к востоку от Евфрата и Африка целиком, хотя эти территории по большей части не входили в состав римской империи. Вместо этого рядом с изображением реки Евфрат находим красноречивое свидетельство предела римской власти: *Are(a)e fines romanorum*, и чуть ниже: *Fines exercitus syriatic(a)e et conmertium Barbaror(um)*. Подобного рода обозначения ничуть не поддерживают аргументацию в пользу теории о притязаниях Рима на мировое господство, выраженных в картографической форме»¹⁰.

Эти высказывания М. Ратманна заставляют снова вернуться к вопросу о смысле Певтингеровой карты и ее предназначении.

Мне кажется, когда мы имеем дело с картой и ее содержанием, речь должна идти не о реальной власти Рима над отдельными регионами, отраженной или не отраженной на этой карте, а о его притязании на власть над целым миром, воплощенном в картографическом изображении. Вспомним, как Юпитер обещал Энею у Вергилия (*Verg. Aen. I. 278–279*): *ego nec metas rerum nec tempora pono, imperium sine fine dedi*¹¹, т.е. речь шла об установлении римской власти без границ во времени и пространстве¹². Это как раз то, что пыталась утверждать римская имперская идеология¹³.

В самом начале отчета Августа в его *Res gestae* говорится, что это «деяния божественного Августа, которыми он земной круг власти римского народа покорил» (*orbem terra[rum] imperio populi Rom[a]ni subiecit*; пер. И.Ш. Шифмана)¹⁴. Интересно отметить, что эти слова о «земном круге = ойкумене», покоренном Августом, отсутствуют в греческой версии *Res gestae*¹⁵, и, возможно, это связано с тем, что эта римская *hybris* могла быть болезненной и неприятной для

¹⁰ Rathmann 2015, 108–109.

¹¹ См. подробнее об этом тексте Cancik 2007, 145–160.

¹² Об этой идеологии принципата см., кроме упомянутой работы А.В. Махлаюка: Moynihan 1985, 149–162; Mehl 1994, 431–64; Gehrke 2007–2008, 61–72. Cp. Nicolet 1991, 88: «Rome certainly had not, strictly speaking, “conquered” the ancient world: but all the ancient world could come to it»; см. также Hänggi 2001; Salway 2012, 193–234; Geus 2016, 76–85, 159–160.

¹³ Вергилий в пророчестве Юпитера о будущих успехах римлян говорит о Цезаре, что он *imperium Oceano* <...> *terminet* — «ограничит свою власть Океаном» (*Aen. I. 287*). Предполагается, что речь идет об Августе. Поскольку считалось, что весь *orbis terrarum* (ойкумена) окружен Океаном, речь в этом «пророчестве», а на самом деле в констатации римлянина августовской эпохи, идет о всем мире, который покорится Августу.

¹⁴ Этот заголовок не принадлежал самому Августу, а был, вероятно, добавлен Тиберием, но следующая цитируемая мной фраза в 3. 1 повторяет те же слова о всем мире (см. об этом Geus 2016, 80).

¹⁵ См. об этом подробнее и с литературой Makhlayuk 2019, 657–658.

Рис. 1. Фрагмент *TP* с изображением Рима и дорог вокруг него

греческого копииста. Далее в *RGDA* 3. 1 Август пишет: «войны на суше и на море, гражданские и с внешними врагами, по всему земному кругу часто я вел» ([b]ella terra et mari c[ivilia ex]ternaque toto in orbe terrarum (ἐν ὅλῃ τῇ οἰκουμένῃ¹⁶) s[aepe] gessi). В *RGDA* 31–32 Август говорит о посольствах к нему скифов, сарматов, албанов, иберов, медийцев, парфян и даже царей Индии. Если мы учтем, что Индия в картине мира римлян, как и греков эллинистической эпохи, замыкала собой ойкумену на востоке, мы должны признать, что масштаб нашей карты полностью соответствует римским притязаниям на владение всем миром¹⁷.

Вся карта покрыта изображением системы римских дорог, что подтверждает римское происхождение карты. Дорожная система, созданная или поддерживаемая римлянами на всем пространстве римской империи, также была важным фактором гордости римлян и свидетельством их владения миром. На *TP* изображение Рима окружено впечатляющей «розой ветров», которая представляет «все дороги, которые ведут в Рим» (рис. 1).

¹⁶ Отметим здесь синонимичность латинского *orbis terrarum* и греческого *οἰκουμένη*.

¹⁷ Cp. Talbert 2012, 183–188, особенно 184: «As a result, the traditional notion that Roman sway was “empire without end” (*imperium sine fine*) would only be reinforced: for these viewers, the map, and the empire, just continued on out of sight to west and east. None of the empire’s provinces would lie beyond their field of vision. By contrast, India to the far right might be more or less hidden, but it was never under Roman rule, of course, and since to most Romans it merely symbolized the distant and exotic, the map’s token representation of it would be quite sufficient». См. также Geus 2016, 81 об упоминании Августом индийских послов как желания показать, что и восток ойкумены находится в сфере влияния Римской империи.

Даже милевые столбы, в большом количестве сохранившиеся от римских дорог, рассматриваются историками как свидетельства римского владычества над миром. В статье с красноречивым названием «Meilensteine: Ausdruck römischer Herrschaft und römischer Raumauffassung» Г.-Й. Герке пишет: «Die Meilensteine sind ein spezifisches Element institutionalisierter römischer Macht, indem sie das Reich und die Herrschaft des Kaisers konkret markieren und erfahrbar machen. Sie sind mit den Raumvorstellungen der Römer verbunden sowie mit deren Konzepten einer Unterwerfung und Beherrschung von Raum und Natur»¹⁸.

Напомню, что около 20 г. до н.э. на римском форуме был сооружен *Miliarium Aureum*¹⁹, который обозначал центр Римского государства и центр мира, от которого исходили важнейшие дороги.

Любопытный текст сохранился в почетной надписи императору Юлиану в Анкире (Анкаре), которую поставил преторианский префект Сатурнин Секунд в 361 г.: *domino totius orbis Iuliano Augusto ex Oceano Britannico vi(i)s per barbaras gentes strage resistentium patefactis ad usque Tigridem una aestate transvecto Saturninius Secundus v(ir) c(larissimus) praef(ectus) prate(orio) [d(evotus)] n(umuni) m(aiestati) q(ue) [ei(us)]*²⁰ — «господину всего мира, Юлиану Августу, проделавшему в одно лето путь от Британского океана до Тигра через дороги, проложенные в землях варварских племен благодаря истреблению сопротивляющихся, Сатурнин Секунд, сенатор, префект претории, (поставил эту почетную надпись в честь) его божественного величия». Итак, по римским дорогам «господин всего мира» (*dominus totius orbis*) может легко и быстро передвигаться по территории этого мира²¹!

Примечательно, что четыре римские дороги на *TP* заканчиваются почти у побережья Восточного океана (рис. 2).

Даже если это не соответствует действительности, данный факт показывает, как представлял себе картосоставитель присутствие римлян на Тихоокеанском побережье Азии. Конечно, дороги эти были проложены еще до римлян, некоторые отражают завоевания Александра Македонского, но тем не менее они оформлены так же, как те же дороги в Италии, на Балканах, в Африке или в Малой Азии (красная линия с изгибом у станции, с ее названием и дистанциями, надписанными между станциями)²².

Самая северная из этих дорог проходит севернее горного хребта Тавра и доходит почти до Восточного океана. Последние две станции называются *Alexandria* и *Antiochia*. Это могло бы показаться невероятным, если не принять во внимание, что Александрия этой дороги на самом деле находится в Ариане, а Антиохия

¹⁸ Gehrke 2016, 285.

¹⁹ Plin. *NH*. III. 66; Cass. Dio LIV. 8. 4.

²⁰ CIL III. 247 = ILS 754.

²¹ См. также Plin. *NH*. XIV. 2: *Quis enim non communicato orbe terrarum maiestate Romani imperii profecisse vitam putet commercio rerum ac societate festae pacis <...>?* — «Кто же не сочтет, что, когда весь мир был объединен под высочайшей властью Римской империи, жизнь стала благоприятней и в отношении обмена товарами, и в создании сообщества в условиях крепкого мира <...>?».

²² П. Арно справедливо пишет о таких дорогах в этом регионе: «Such roads were obviously non-Roman but, as nothing distinguishes them, they obviously to be taken as Roman by the reader» (Arnaud 2014, 47).

Рис. 2. Восточный сегмент *TP* с четырьмя дорогами, протянувшимися почти до Восточного океана

в Маргиане²³. Поскольку Ариана и Маргиана расположены на юго-востоке от Каспийского моря между Гирканией, Парфией и Бактрианой, оказывается, что конец этой дороги был смещен на нашей карте далеко на восток, вероятно, чтобы показать римскую власть над миром в самых дальних ее пределах²⁴.

Несколько слов следует сказать о замечании М. Ратманна по поводу слабого отражения на *TP* североευропейской территории и, в частности, германского мира, который был завоеван Августом, а также Эльбы, до которой дошли римские войска, побережья Северного моря, Ютландии и т. д. (см. выше). В этом Ратманн видит доказательство эллинистического происхождения карты и отсутствия ее связи с картой мира Випсания Агриппы. К этому я хотел бы заметить, что побережье Северного моря на *TP* представлено так, как если бы это был берег океана. Отсутствие Ютландии объясняется тем, что океанское побережье на *TP* во всех регионах ойкумены изображено прямой линией, и это является принципиальной особенностью карты. Да и сам Август в своих «Деяниях», повествуя о плавании своего флота в область кимбров (а это должна быть именно Ютландия), говорит, что флот плыл на восток (ad solis orientis regionem) от устья Рейна (*RGDA* 26), а не на север, как должно было бы быть²⁵. Отсутствие Эльбы на *TP* также понятно: при Августе здесь римская власть еще не была окончательно установлена, и римляне

²³ Miller 1916, 794–795. См. также Strabo XI. 10. 1–2; Plin. *NH*. VI. 47.

²⁴ См. подробнее Podossinov 2020, 167–196.

²⁵ Это отмечает и К. Гойс (Geus 2016, 81).

были еще плохо знакомы с этим регионом. Справедливо, на мой взгляд, замечает Э. Вебер: «Im Todesjahr des Agrippa 12 v. Chr. setzten durch Drusus gerade erst die ersten direkten Aktionen in rechtsrheinischem Gebiet ein»²⁶. Земли же восточнее Евфрата, как бы странно это ни звучало, были известны картографу лучше, поскольку были освоены еще Александром и его диадохами и давно стали общим достоянием греко-римской географии.

То, что весь мир (*orbis terrarum*) в представлении римской элиты принадлежит римскому владычеству (*imperium*), отражено в многочисленных высказываниях античных авторов в императорскую и даже в республиканскую эпоху о том, что границы мира и римской власти совпадают²⁷. Более того, совпадают границы «мира» и «Рима» — *orbis* и *urbs* становятся не только созвучны, но и синонимичны.

Цицерон считал, что римлянам с давних пор принадлежит владычество над всем миром (*orbis terrae imperium*, *Orat. pro lege Manilia* 52). Гораций писал, что под руководством Августа велись войны «по всему миру» (*Ep.* II. 1. 253–254: *tuisque | auspiciis totum confecta duella per orbem*). Овидий в «Фастах» называет Августа *pater orbis* (II. 130), а в «Искусстве любви», рассказывая об играх в римском цирке, говорит о том, «как от обоих морей (*ab utroque mari*) юноши и девушки пришли сюда, и огромный мир находился в Городе» (*ingens orbis in Urbe fuit*, I. 177–178). В «Фастах» звучат также знаменитые слова, прямо отождествляющие «Рим» и «мир» (II. 683–684): *gentibus est aliis tellus data limite certo | Romanae spatium est urbis et orbis idem* — «другим народам земля дана в твердых границах, у римлян же пространство Города и мира одно и то же».

Эпигон Вергилия Силий Италик (I в. н.э.) в своем монументальном эпосе «Публика» также говорит о предназначении Рима *tot populos inter soli sibi poscere regna* («среди стольких народов только для себя требовать царства», *Pun.* III. 583; ср. также V. 674–676).

Тит Ливий упоминает легенду, согласно которой Ромул предсказал, что Рим станет главой всего мира (*caput orbis*, I. 16. 7), см. также XXXVIII. 60. 5: «Сципион <...> распространил владычество народа римского до крайних пределов земли» (*imperium populi Romani propagaverit in ultimos terrarum fines*); Плутарх в биографии Тиберия Гракха говорит о римлянах как «владыках ойкумены» (*κύριοι τῆς οἰκουμένης*, *Tib.* 9. 4).

В «Свазориях» («Увещательные речи») Луций Анней Сенека Старший, отец знаменитого философа и поэта Сенеки Младшего, приводит речи римских ораторов августовской эпохи на различные заданные темы. В первой книге «Свазорий» они обсуждают, какие доводы могли бы быть приведены советниками Александра против его планов после завоевания всего мира и, в частности, Индии проплыть еще и по Восточному океану для открытия новых миров. В I. 2 приводится такое высказывание: «*idem sunt termini et regni tui et mundi*» («границы твоего царства

²⁶Weber 2016, 254. Э. Вебер указывает при этом на Detlefsen 1906, 39, который приводит место из Плиния о том, что Реция была покорена римлянами лишь ко времени смерти Августа, а сама Германия и спустя много лет после этого так и оставалась до конца малоизвестна (Plin. *NH.* IV. 98).

²⁷См. Kolb 2013, 108: «Daher bildeten imperium und orbis terrarum annähernd Synonyme»; Geus 2016, 77.

и всего мира одни и те же»), в I. 3: «imperium tuum cludit Oceanus» («океан заключает в себе твою империю»). Это сказано как бы Александру, но полностью отрицает имперскую идеологию Рима.

Иосиф Флавий, рассказывая о завоеваниях римлян во всех частях ойкумены, как бы очерчивает реальные границы римской империи, но при этом говорит об их стремлении завоевать весь мир и, в частности, Британию, которая будто бы лежит за Океаном в другой ойкумене (*Jud. Bell.* II. 363): «В самом деле, им недостаточно, что их границы — это Евфрат на востоке, Истр на севере, на юге пустынная и необитаемая Ливия и Гадира на западе, нет, они ищут за океаном новый мир (ὁπὲρ ὧκεανὸν ἐτέραν ἐξήτησαν οἰκουμένην), победоносно неся свое оружие вплоть до самой неисследованной прежде Британии»²⁸.

В латинском панегирике, произнесенном неизвестным оратором 1 марта 297 г. в Августе Треверов (совр. Трир) в честь императора Констанция Цезаря, слышна та же имперская риторика Августа (Александра) — по эту сторону Океана все принадлежит римлянам²⁹: «Римское государство держит одним объятием мира все, что в разные эпохи в течение хоть какого-то времени принадлежало Риму <...> Во всех областях земли и неба нет ничего, что не было бы или усмирено страхом, или покорено вашими армиями, или побеждено благочестием <...> За исключением исследования пределов самого Океана (чему противится природа) не осталось ни одной причины для продвижения вперед (*nulla progrediendi causa superest*)».

Подобного рода высказывания часто встречаются в произведениях римских авторов.

Клаус Гойс, приведя такого рода мнения римлян, полемически заостряет вопрос: «Безграничное Imperium Romanum — владычество над всем миром! Если мы посмотрим на современную карту, такие высказывания покажутся нам сильно преувеличенными, даже далекими от всякой реальности <...> Римляне контролировали тогда максимум четверть им известного мира»³⁰. Гойс спрашивает, чем объясняется такое расхождение реальности и притязаний римлян: их незнанием геополитической ситуации или пропагандой, и приходит к выводу, что всему виной «некартографическое» («годологическое») восприятие географического пространства, которое они описывали чаще всего в вербальной форме, и, как и А.В. Махлаюк, говорит о ментальной карте мира, которой оперировал Август³¹. Гойс считает, что вергилиево *imperium sine fine* неправильно рассматривать как «*geine Propaganda*», поскольку Август описывал свои завоевания, которые действительно имели место (хотя и часто с неудачным результатом), так, чтобы в соответствии с традиционной картиной мира казалось, что власть римлян простирается во все концы мира, окруженного океаном³². При этом, однако, анализ «Деяний» у Гойса носит настолько критический характер, что оказывается невозможным отрицать «пропагандистский» элемент отчета Августа.

²⁸ Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана.

²⁹ *Panegyrici Latini* IV (8). 20. 2–5 (пер. И.Ю. Шабара).

³⁰ Geus 2016, 77.

³¹ Geus 2016, 80; см. также стр. 82 и 85 об «*eine mentale Aneignung*» во многих описаниях побед Августа.

³² Geus 2016, 85.

А что мы знаем о римской картографии августовской эпохи и в более поздние времена? Свидетельств о римских картах немного, но они красноречивы.

Примерно в то же время, когда писались «Деяния божественного Августа», в Риме составлялась и карта мира, автором которой был ближайший сподвижник и зять Августа Марк Випсаний Агриппа.

Мы не знаем точно, как выглядела эта карта, которая после смерти Агриппы в 12 г. до н.э. была выставлена Августом в специально для нее построенном портике (*porticus Vipsania*) на Марсовом поле, и какова ее связь с Певтингеровой картой³³, но то, что это была карта, долженствующая показать всему миру заслуги Августа в завоевании этого мира, несомненно³⁴. Агриппа, по словам Плиния Старшего (*НН*. III. 17), собирался «представить весь мир Риму (*orbem terrarum urbi spectandum propositurus esset*)»³⁵. Далее Плиний уточняет, кто был соавтором карты (или идеи ее создать): *et cum eo Divum Augustum* («и с ним вместе божественный Август»). Такое «соавторство» говорит само за себя³⁶. Поэтому «ментально-географическая “карта” римского империализма», о которой пишет А.В. Махлаюк относительно «Деяний божественного Августа», вполне коррелирует с Агрипповой-Августовой реально-географической картой мира³⁷. Подчеркну, что карта Агриппы так же, как и Певтингерова карта, изображала всю ойкумену, включая Северную Азию за Каспийским морем, Месопотамию, Индию, Верхний Египет и другие «неримские» территории³⁸. Випсаниев портик находился на расстоянии чуть больше 900 м от Мавзолея Августа, где были выставлены его «Деяния», т.е. в 10 минутах ходьбы, и давал своей картой наглядную картину расположения тех 55 топонимов и этнонимов, которые названы в «Деяниях»³⁹.

Карта, изображенная на стенах портика, могла выглядеть таким образом, как показано на рис. 3.

³³ См. об этой карте: Podossinov 2002, 35–61; Arnaud 2007–2008, 73–126; Hänger 2007, 135–142; Diederich 2019a, 101–110 (с исчерпывающей литературой вопроса).

³⁴ См. Müllenhoff 1875, 185; Nicolet 1991, 113–114; Boatwright 2015, 236: «The Map, as Nicolet and others have convincingly argued, formed part of a deliberately geographic understanding of Rome and its power in the Augustan era»; Diederich 2019a, 109: «Ein wichtige Zweckbestimmung der Agrippa-Karte war es, die Eroberungsleistungen des Herrschers auch auf einem wissenschaftlich-rationalen Niveau öffentlich zu dokumentieren».

³⁵ Опять игра словами *orbis* и *urbs*! Правда, рукописи дают чтение *orbis* вместо *urbi*, которому следуют некоторые издатели. Тогда смысл должен оказаться не менее интересным: «показать весь мир всему миру».

³⁶ Недаром и автор *Divisio orbis terrarum*, описывающий карту Агриппы, пишет в начале своего труда: *Orbis dividitur tribus nominibus: Europa, Asia, Libya vel Africa. Quem divus Augustus primus omnium per chorographiam ostendit* («Круг земной делится на три имени: Европа, Азия, Ливия или же Африка. Его божественный Август первый из всех показал в своей хорографии»).

³⁷ См. Geus 2016, 79: «Die res gestae sind wohl in Zusammenhang mit der mysteriösen “Karte des Agrippa” zu lesen». Показательно, что примерно в это же время Страбон пишет свою «Географию», адресат которой — римские правители, те люди, «которые могут господствовать на суше и на море и объединять народы и города под единой властью и единым политическим управлением» (I. 1. 16; пер. Г.А. Стратановского).

³⁸ См. Podossinov 2002, 40.

³⁹ См. Boatwright 2015, 243: «The minimal 10-minute walk between the two monuments argues against simple crossreferencing».

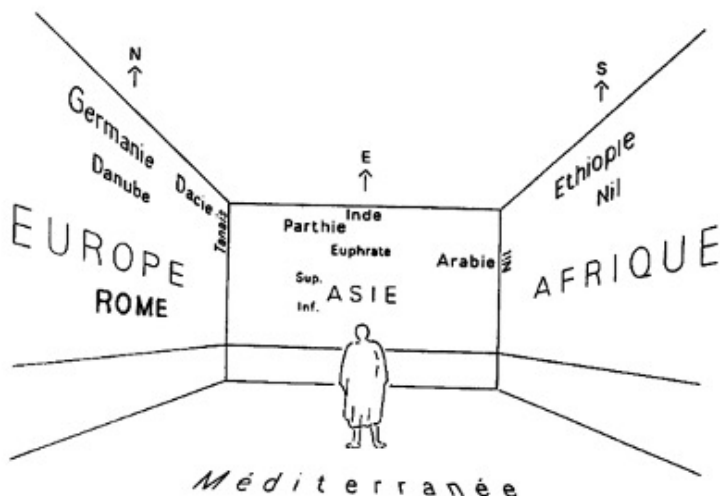

Рис. 3. Возможное расположение карты мира Агриппы на стенах портика (по Troussset 1993, 156)

Таким же документом имперского восприятия карты мира может служить карта мира, начертанная на пергамене⁴⁰, за владение которой император Домициан казнил римского сенатора Меттия Помпузиана: император заподозрил в обладании картой мира (атрибута верховного правителя?) имперские амбиции и претензии на императорскую корону⁴¹.

Имперские идеи отразились также в карте мира, которую выткала в подарок римскому императору (предположительно Калигуле или Клавдию) царица Кипрос, жена иудейского царя Ирода Агриппы I⁴². Об этом рассказывается в эпиграмме Филиппа Фессалоникского (первая половина I в. н.э.), которая начинается словами, что Кипрос «выткала плодоносную землю, которую, послушную великому цезарю, окаймляет окружающий землю Океан»⁴³. Земля, окруженная Океаном, вызывает в памяти древнеионийские круглые карты мира, с тем же «окаймляющим» всю Землю Океаном. И вот вся эта Земля оказывается «послушной» императору⁴⁴.

⁴⁰ Так считает П. Арно (Arnaud 1983, 685–686). См. также об этой карте Diederich 2019a, 123–126; Geus 2020, 175–183.

⁴¹ Об этом рассказывают Светоний (*Domit.* 10. 3) и Кассий Дион (LXVII. 12. 3–5). У Светония «Меттий Помпузиан погиб за то, что про него говорили, будто он имел императорский гороскоп и носил с собой чертеж всей земли на пергамене (*depictum orbem terrae in membrana*) и речи царей и вождей из Тита Ливия, а двух своих рабов называл Магоном и Ганнибалом» (пер. М.Л. Гаспарова). Кассий Дион говорит об ойкумене, нарисованной на стенах спальни (*τὴν οἰκουμένην ἐν τοῖς τοῦ κοιτῶνος τοῖχοις εἶχεν ἐγγεγραμμένην*).

⁴² См. об этой карте подробнее Diederich 2019a, 97–99.

⁴³ *Anthol. Graeca* IX. 778: Γαῖαν τὴν φερέκαρπον, ὅσῃν ἔξωκε περίχθων / ὠκεανὸς μεγάλῳ Καίσαρι πειθομένην.

⁴⁴ См. Diederich 2019a, 98–99: «Bei dem Adressaten handelt es sich um den Caesar, dem die ganze Welt untertan ist (V. 2: Καίσαρι πειθομένην) <...> Die Übergabe einer Weltkarte hat natürlich eine

Показательно для нашей темы раскрывает назначение карт мира в учебном процессе галло-римский оратор Эвмений, призывавший в своем панегирике в 298 г. восстановить разрушенную незадолго до этого врагами школу в городе Августодуне. Эвмений хотел построить в школе портики и в них выставить карту мира. Далее он пишет⁴⁵:

(20) 2. Пусть среди этих портиков молодежь видит и ежедневно рассматривает все земли и все моря, и все города, и народы, и племена, которые непобедимейшие принцепсы или восстанавливают благодаря своей доброте, или покоряют своей доблестью, или поражают страхом. 3. Ибо здесь, как ты, я полагаю, видел сам, для обучения молодежи изображено (ведь глазами отыскать легче, чем воспринять на слух) расположение всех стран с их названиями, размерами и расстояниями между ними; реки всего мира с их истоками и устьями; мельчайшие изгибы берегов — и там, где Океан окружает землю своим объятием, и там, где он вгрызается в нее своей мощью. (21) 1. Здесь благодаря изображению различных частей света можно восстановить в памяти прекраснейшие подвиги хребрейших императоров: в то время, как горящие от возбуждения вестники ваших побед еще только должны прийти, мы уже видим персидские реки-близнецы, и изнывающие от жажды поля Ливии, и изогнутые рукава Рена, и разделенное множеством островов устье Нила. 2. Смотрящие на эту карту рисуют в своем воображении то Египет, впавший в безумие и успокаивающийся в твое, Август Диоклетиан, милосердное правление; то тебя, непобедимый Максимиан, словно молния поражающего разгромленные полчища мавров; то Батавию и Британнию, под твоей, владыка Констанций, десницей высунувшую из лесов и рек свою косматую голову; то тебя, Цезарь Максимиан, попирающего персидские луки и колчаны. 3. Ибо сейчас, именно сейчас рассмотрение изображенной на карте земли доставляет нам радость, поскольку мы не видим на ней ничего, что принадлежало бы чужестранцам (*nunc enim, nunc demum iuvat orbem spectare depictum, cum in illo nihil videmus alienum*).

Последние слова свидетельствуют, что, по мнению Эвмения, показанный на карте мир весь принадлежит римлянам (*nihil videmus alienum*), и карта нужна подрастающему поколению, чтобы следить за подвигами императоров, т.е. карта несет, кроме познавательной, еще и мощную пропагандистскую функцию в формировании имперской идеологии юных римлян⁴⁶.

Для нас интерес представляет также 12-строчная гексаметрическая латинская эпиграмма V в. н.э., описывающая изготовление (или подновление) некой карты мира и начинающаяся следующими словами (*Divisio orbis terrarum* 27):

Труд замечательный сей, в котором весь мир поместился
И обозначены горы, моря, проливы и реки,

hochgradig panegyrische Konnotation. Sie ist Ausdruck der Anerkennung eines Dominanzanspruchs (V. 2: *μεγάλῳ Κάϊσαρι πειθομένην*), wie er auch in der seit Caesar und Augustus üblichen Ikonographie des Herrschers mit der Weltkugel zum Ausdruck kommt. Das Geschenk der Königin aus dem Osten stellt eine Huldigung an dessen globale Macht dar, die dem römischen Kaiser quasi seiner Göttlichkeit von jeher zusteht» (V. 6, die Pointe des Epigramms: *θεοῖς καὶ πρὶν ὀφειλόμενα*).

⁴⁵ Eumen. *De restaur. schol. Panegyrici Latini* V (9). 20–21 (пер. И.Ю. Шабара).

⁴⁶ См. Diederich 2019b, 101–105.

Гавани и города, чтобы каждый легко мог увидеть,
Где что находится, нам приказал исполнить потомок
Славного рода, вечно благочестивый и кроткий
Наш повелитель, величие которого мир не вмещает (totus quem
vix capit orbis), —
Феодосий, в пятнадцатый раз на трон свой взошедший.

Предполагается, что эпиграмма была написана в 435 г. в пятнадцатый консулат императора Феодосия II, известного покровителя наук, открывшего 27 февраля 425 г. в Константинополе университет⁴⁷. Возможно также, что это стихотворение имеет в виду Певтингерову карту и находилось на одном из утраченных листов карты⁴⁸, что делает существование карт, демонстрирующих имперскую политику правителей, непрерывным на протяжении всего императорского периода римской истории⁴⁹.

Величие императора оказывается таково, что и totus orbis, который должны были изобразить картографы, слишком мал, чтобы отразить его власть над ним, и только «мудрость принцепса научила» создателей карты, как это сделать (v. 12: hoc tua nos docuit sapientia, princeps).

Итак, Певтингерова карта, несомненно, является, как и другие карты римского времени, памятником римской имперской идеологии⁵⁰, коррелируя в этом с интенциями «Деяний божественного Августа», о которых писал А.В. Махлаюк, и в этом согласны ведущие специалисты по проблемам, связанным с *TP*⁵¹. Аргументы М. Ратманна, отрицающего «римскость» Певтингеровой карты и ее значения как памятника именно римской имперской пропаганды из-за того обстоятельства, что на карте присутствуют регионы, никогда не бывшие частью Римской империи, следует считать неубедительными.

Литература / References

- Arnaud, P. 1983: L'affaire Metius Pompusianus ou le crime de cartographie. *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome. Antiquité* 95/2, 677–699.
- Arnaud, P. 2007–2008: Texte et carte de Marcus Agrippa: historiographie et données textuelles. *Geographia antiqua: Rivista di geografia storica del mondo antico e di storia della geografia* 16–17, 73–126.
- Arnaud, P. 2014: Mapping the Edges of the Earth: Approaches and Cartographical Problems. In: A.V. Podossinov (ed.), *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography*. (Colloquia antiqua, 12). Leuven–Paris–Walpole (MA), 31–57.
- Boatwright, M.T. 2015: Visualizing Empire in Imperial Rome. In: L.L. Brice, D. Slootjes (eds.), *Aspects of Ancient Institutions and Geography. Studies in Honor of Richard J.A. Talbert*. Leiden, 235–259.
- Cancik, H. 2007: Ohne Grenzen. Zur Gestalt des *imperium Romanum* in Vergils Aeneis. In: R. Albrecht, A. Blöbaum, P. Funke (Hrsg.), *Räume und Grenzen: Topologische Konzepte in den antiken Kulturen des östlichen Mittelmeerraumes*. München, 145–160.

⁴⁷ Traina 2013, 155–171.

⁴⁸ Weber 1989, 113–117.

⁴⁹ См. Diederich 2019b, 146 о карте Феодосия, имеющей «offensichtlich propagandistische Zweck».

⁵⁰ См. подробнее Podossinov 2007, 191–196.

⁵¹ Talbert 2010, 149: «Altogether it is no surprise, therefore, that the Peutinger map should project Roman world rule»; Weber 2018, 6–7: «Über ihren anschaulichen Charakter hinaus war die Tabula Peutingeriana aber vor allem ein Produkt nationaler römischer Propaganda».

- Detlefsen, D. 1906: *Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas*. Berlin.
- Diederich, S. 2019a: Kartenkompetenz und Kartenbenutzung bei den Römischen Eliten – Teil I. *Orbis terrarum. Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt* 16, 51–136.
- Diederich, S. 2019b: Kartenkompetenz und Kartenbenutzung bei den Römischen Eliten – Teil II. *Orbis terrarum. Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt* 17, 101–184.
- Gehrke, H.-J. 2007–2008: Antiche rappresentazioni dello spazio e imperialismo romano. *Geographia antiqua: Rivista di geografia storica del mondo antico e di storia della geografia* 16–17, 61–72.
- Gehrke, H.-J. 2016: Meilensteine: Ausdruck römischer Herrschaft und römischer Raumauffassung. In: Fr.J. González Ponce, Fr.J. Gómez Espelosín, A.L. Chávez Reino (eds.), *La letra y la carta. Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni*. Sevilla–Alcalá de Henares, 285–311.
- Geus, K. 2016: «Er hat die Oikumene der römischen Herrschaft unterworfen» – Bemerkungen zu den Raumvorstellungen in der Zeit des Augustus. In: E. Baltrusch, Chr. Wendt (Hrsg.), *Der Erste: Augustus und der Beginn einer neuen Epoche*. Mainz, 76–85, 159–160.
- Geus, K. 2020: Die ‘Weltkarte’ und das Verbrechen des Mettius Pompusianus. In: E. Suárez de la Torre, I. Canzobre Martínez, C. Sánchez Mañas (eds.), *Ablanathanalba. Magia, cultura y sociedad en el Mundo Antiguo*. Madrid, 175–183.
- Gisinger, F. 1938: Peutingeriana. In: *RE*. Hlbd. 38, 1405–1412.
- Gross, H. 1913: *Zur Entstehungsgeschichte der Tabula Peutingeriana*. Bonn.
- Hänger, Chr. 2001: *Die Welt im Kopf: Raumbilder und Strategie im Römischen Kaiserreich*. Göttingen.
- Hänger, Chr. 2007: Die Karte des Agrippa. In: M. Rathmann (Hrsg.), *Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike*. Mainz, 135–142.
- Kolb, A. 2013: Die Erfassung und Vermessung der Welt bei den Römern. In: K. Geus, M. Rathmann (Hrsg.), *Vermessung der Oikumene / Mapping the Oecumene*. (Topoi. Berlin Studies of the Ancient World, 14). Berlin–Boston, 107–118.
- Levi, A., Levi, M. 1967: *Itineraria picta. Contributo allo studio della Tabula Peutingeriana*. Roma.
- Makhlayuk, A.V. 2019: [The Space of the Roman World in “Res gestae divi Augusti”]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 79/3, 653–677.
- Махлаюк, А.В. Пространство римского мира в «Res gestae divi Augusti». *ВДИ* 79/3, 653–677.
- Mehl, A. 1994: Imperium sine fine dedi – Die augusteische Vorstellung von der Grenzenlosigkeit des Römischen Reiches. In: E. Olshausen, H. Sonnabend (Hrsg.), *Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums* 4, 1990. (Geographica Historica, 7). Amsterdam, 431–464.
- Miller, K. 1916: *Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana*. 2. Ausg. Stuttgart.
- Moynihan, R. 1985: Geographical Mythology and Roman Imperial Ideology. In: R. Winkes (ed.), *The Age of Augustus. Interdisciplinary Conference Held at Brown University, April 30 – May 2, 1982*. Providence–Louvain-la-Neuve, 149–162.
- Müllenhoff, K. 1875: Über die römische Weltkarte. *Hermes* 9/2, 182–195.
- Nicolet, Cl. 1991: *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire, Jerome Lectures* 19. Ann Arbor.
- Podossinov, A.V. 2002: *Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii. Teksty, perevod, kommentariy [Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition. Texts, Translation, Commentary]*. Moscow.
- Подосинов, А.В. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. (Древнейшие государства на территории Восточной Европы). М.
- Podossinov, A.V. 2007: [A World Map in the Service of the Ruler (about the Propaganda Role of Maps in Ancient Rome)]. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e. Politicheskie instituty i verkhovnaya vlast’. XIX Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent’evicha Pashuto. Moskva, 16–18 aprelya 2007 g. Materialy konferentsii [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Political Institutions and Supreme Power. XIX Readings Dedicated to the Memory of Vladimir Pashuto. Moscow, 16–18 April 2007. Proceedings of the Conference]*. Moscow, 191–196.
- Подосинов, А.В. Карта мира на службе правителя (о пропагандистской роли карт в древнем Риме). В сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции*. М., 191–196.
- Podossinov, A.V. 2016: [On the Question of the Creation Time of the *Tabula Peutingeriana*]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 76/4, 938–955.

- Подосинов, А.В. К вопросу о времени создания «Певтингеровой карты». *ВДИ* 76/4, 938–955.
- Podossinov, A.V. 2020: Northern Asia on the Tabula Peutingeriana. Some Observations on the Ancient Concepts of this Territory. *Orbis terrarum. Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt* 18, 167–196.
- Prontera, F. (a cura di) 2003: *Tabula Peutingeriana. Le antiche vie del mondo*. Florence.
- Rathmann, M. 2011–2012: Neue Perspektiven zur Tabula Peutingeriana. *Geographia antiqua: Rivista di geografia storica del mondo antico e di storia della geografia* 20–21, 83–102.
- Rathmann, M. 2013: The Tabula Peutingeriana in the Mirror of Ancient Cartography. Aspects of a Re-appraisal. In: K. Geus, M. Rathmann (Hrsg.), *Vermessung der Oikumene / Mapping the Oecumene*. (Topoi. Berlin Studies of the Ancient World, 14). Berlin–Boston, 203–222.
- Rathmann, M. 2015: [Peutinger’s Map: State of the Issue and Prospects for Further Research]. *Aristey: vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas: philologia classica et historia antiqua]* 12, 98–131.
- Ратманн, М. Певтингерова карта: состояние вопроса и перспективы дальнейшего исследования. *Аристей: вестник классической филологии и античной истории* 12, 98–131.
- Rathmann, M. 2016a: The Tabula Peutingeriana and Antique Cartography. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill’s Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 337–362.
- Rathmann, M. (Hrsg.) 2016b: *Tabula Peutingeriana. Die einzige Weltkarte aus der Antike*. Darmstadt.
- Salway, B. 2012: Putting the World in Order: Mapping in Roman Texts. In: R.J.A. Talbert, K. Nebenzahl (eds.), *Ancient Perspectives: Maps and Their Place in Mesopotamia, Egypt, Greece, and Rome*. Chicago–London, 193–234.
- Talbert, R.J.A. 2010: *Rome’s World: The Peutinger Map Reconsidered*. Cambridge.
- Talbert, R.J.A. 2012: Urbs Roma to Orbis Romanus: Roman Mapping on the Grand Scale. In: R.J.A. Talbert, K. Nebenzahl (eds.), *Ancient Perspectives: Maps and Their Place in Mesopotamia, Egypt, Greece, and Rome*. Chicago–London, 163–191.
- Traina, G. 2013: Mapping the World under Theodosius II. In: Chr. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge–New York, 155–171.
- Trousset, P. 1993: La “carte d’Agrippa”: nouvelle proposition de lecture. *Dialogues d’Histoire Ancienne* 19/2, 137–157.
- Weber, E. 1976: *Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat*. Graz.
- Weber, E. 1989: Zur Datierung der Tabula Peutingeriana. In: H.E. Herzig, F. Frei-Stolba (Hrsg.), *Labor omnium unus. Gerold Walser zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern*. Stuttgart–Wiesbaden, 113–117.
- Weber, E. 2012: Ein neues Buch und das Datierungsproblem der Tabula Peutingeriana. *TYCHE. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik* 27, 209–216.
- Weber, E. 2016: Die Datierungen des antiken Originals der Tabula Peutingeriana. *Orbis terrarum. Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt* 14, 229–258.
- Weber, E. 2018: Die älteren Nachrichten über die Tabula Peutingeriana. *Wiener Humanistische Blätter* 59, 5–59.

DOI: 10.31857/S0321039124020077

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФАНАГОРИЯ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

В. Д. Кузнецов¹, С. Н. Остапенко²

^{1, 2}Музей-заповедник «Фанагория», пос. Сенной, Россия;
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹E-mail: phanagor@mail.ru

²E-mail: osn–23@mail.ru

¹ORCID: 0009-0002-3214-3586

²ORCID: 0000-0002-9131-1335

Средневековая история и археология Фанагории изучена крайне недостаточно. Это обстоятельство связано как со скудостью письменных источников, так и с ограниченным объемом исследований слоев средневекового времени на городище и некрополе. В последние годы Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН в содружестве с Музеем-заповедником «Фанагория» предпринимает большие усилия по исправлению этой ситуации. На нижнем плато городища начаты археологические исследования на большой площади в 2000 м² (раскоп «Нижний город»), которые дают возможность изучать слои V–IX вв. Их мощность достигает четырех метров. К настоящему моменту уже получены важные результаты, которые, в частности, позволяют разделить средневековую историю Фанагории на два больших периода – византийский (V – середина VI вв.) и «хазарский» (последняя треть VII – конец IX вв.). Основным критерием для такого деления служит катастрофа, которая постигла город в промежутке между 545 и 554 гг. О ней сообщает Прокопий Кесарийский (*De Bello Goth.* VIII. 5), и подтверждение этому мы находим в археологических и нумизматических данных. В частности, в огне пожара погибла древнейшая на территории России синагога, просуществовавшая до этого в течение полутысячи лет. В результате тотального разрушения город прекратил свое существование более чем на сто лет. Жизнь в нем возобновилась только в последней трети VII в. С этого времени в Фанагории заметно усиливается влияние Хазарского каганата, что сказывается и на материальной культуре, в том числе в использовании новой строительной техники – opus spicatum (кладка «елочкой»). Фанагория погибает в результате вражеского нападения примерно на рубеже IX и X веков.

Ключевые слова: Фанагория, археология, средневековье, византийский период, Хазарский каганат

Данные об авторах. Владимир Дмитриевич Кузнецов – доктор исторических наук, директор музея-заповедника «Фанагория», зав. Отделом классической археологии ИА РАН; Сергей Николаевич Остапенко – кандидат исторических наук, зам. директора музея-заповедника «Фанагория», научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

MEDIEVAL PHANAGORIA: NEW DISCOVERIES

Vladimir D. Kuznetsov¹, Sergey N. Ostapenko²^{1,2}*Phanagoria Museum, Sennoy, Russia;**Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*¹*E-mail: phanagor@mail.ru*²*E-mail: osn-23@mail.ru*

The medieval history and archaeology of Phanagoria have been studied extremely insufficiently because of the scarcity of written sources and the limited scale of works at the medieval layers of the city-site and necropolis. In recent years the Phanagorian expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in collaboration with the Phanagoria Museum has been making great efforts to change this situation. Archaeological research has begun on a large area of 2,000 m² on the lower plateau of the settlement (the Lower Town excavation site), which makes it possible to study the layers from fifth to ninth centuries. Their thickness reaches four meters. By now, important results have been obtained, which allow us to divide the medieval history of Phanagoria into two major periods: the Byzantine (fifth to mid-sixth centuries) and the Khazar (from the last third of the seventh to late ninth century). The main criterion for such a division is the catastrophe that the city survived between 545 and 554. Its mention by Procopius of Caesarea (*De Bello Goth.* VIII. 5) is confirmed by the archaeological and numismatic data. In particular, the oldest synagogue in Russia, which had existed for half a thousand years before, perished in this fire. As a result of the total destruction, the city ceased to exist for more than a hundred years and resumed only in the last third of the seventh century. Since that time, the influence of the Khazar Khaganate noticeably increased in Phanagoria, which was reflected in the material culture, including the use of new construction technique — *opus spicatum*. Phanagoria perished as a result of an enemy attack around the turn of the ninth and tenth centuries.

Keywords: Phanagoria, archaeology, Middle Ages, Byzantine period, Khazar Khaganate

Процесс создания современной Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН, который начался два десятилетия назад, во многом связан с именем Г.М. Бонгарда-Левина. В начале 2000-х годов со свойственной ему энергией он принял участие в поисках финансирования для реализации тех масштабных планов, которые поставили перед собой специалисты, работавшие в экспедиции. В рамках этой работы было также решено издать монументальный академический трехтомник «Античное наследие Кубани». Благодаря своему авторитету, а также безграничной активности, Григорий Максимович смог привлечь к участию в нем исследователей многих научных и музейных учреждений России. Предлагаемая статья является скромным посвящением памяти академика Г.М. Бонгарда-Левина.

Фанагория является одним из крупнейших древнегреческих полисов Северного Причерноморья. В античное время она занимала площадь около 60 га. Обычно считается, что город прекратил свое существование примерно на рубеже IX и X веков н.э. Таким образом, история Фанагории охватывает период в сорок пять с половиной веков.

Несмотря на то, что археологические исследования в Фанагории продолжают-ся более двухсот лет, город все еще остается малоизученным. Особенно это касается его средневекового периода.

К началу работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на раскопе «Нижний город» (2014 г.) средневековые слои и строительные остатки были исследованы на трех участках городища. К первому относятся раскопы в прибрежной зоне (раскопы «Северный берег»¹; «Северо-восточный»; «Береговой стратиграфический»², «Береговой А» и «Береговой Б»³), где были выявлены более или менее сохранившиеся постройки раннесредневекового времени. Второй участок находится в центральной части нижнего плато (раскоп «Центральный»). Здесь исследован значительный участок города хазарского времени (575 м²), на котором сохранились большой отрезок улицы и отходящие от нее три переулкa, а также остатки одно- и двухкомнатных построек с примыкающими к ним дворами, огороженными каменными заборами⁴. Третий участок находится на верхнем плато городища: на холме «Г», который фланкирует с востока большую ложину, соединяющую верхнее и нижнее плато городища, а также на «Юго-западном раскопе»⁵. В 1948–1949 гг. здесь были открыты два слоя средневекового времени с развалами сырцовых стен, зерновыми ямами и каменной вымосткой⁶.

Отдельно нужно сказать о «Стратиграфическом раскопе» А.Г. Атавина, который важен заключениями по хронологии средневекового города, сделанными на основании работ на нем⁷. Однако у этого раскопа был серьезный недостаток, который заключался в его крайне ограниченной площади (200 м²). Поэтому выводы, основанные на результатах исследований на такой небольшой территории, не всегда могут быть корректными.

Все данные, полученные в ходе этих археологических изысканий, стали основой для выводов о средневековой Фанагории — о занимаемой ею площади, планировке города, жилых домах, улицах, некоторых событиях истории⁸. Однако не все они оказались обоснованными. Так, например, мнение, согласно которому территория средневековой Фанагории значительно сократилась по сравнению с античным временем и город занимал только нижнее плато и местами склоны холмов верхнего, не соответствует действительности⁹. Другой пример: одни специалисты говорили о том, что Фанагория занимала площадь примерно в 20 га¹⁰, другие — в 50 га¹¹. Работы, проводившиеся в последние годы в рамках программы по комплексному исследованию памятника, позволяют говорить о том, что средневековый город занимал площадь примерно 35–37 га.

¹ Blavatsky 1940, 293–294; 1941, 220; Kobylina 1950, 93; 1951, 235–236, рис. 76, б.

² Atavin 1988; 1992.

³ Dolgorukov 1975, 56–60.

⁴ Pletneva 1999, 146–147.

⁵ Kobylina, Dolgorukov 1974.

⁶ Kobylina 1950, 93; 1951, 232.

⁷ Atavin 1988; 1992.

⁸ Pletneva 1999, 145–149; 2003, 179–183; Flyorov 2011, 142–143; Chkhaidze 2012.

⁹ Pletneva 1999, 145–146.

¹⁰ Pletneva 1999, 145; 2003, 179 (1000 м × 170–200 м).

¹¹ Chkhaidze 2012, 278.

Не менее проблематична предлагаемая средневековая хронология памятника: пять культурных напластований, выделенные ранее исследователями¹², не находят подтверждения в ходе осуществляемых в данное время раскопок. Примеры можно продолжить.

Фанагория располагается на двух плато — верхнем и нижнем. Средневековые слои, как уже говорилось, давно открыты на нижнем плато. Верхнее же оставалось своеобразной *terra incognita*. Однако раскопки последних лет на территории античного акрополя показали, что здесь также находились кварталы средневекового города. В этом месте открыто несколько жилых домов, которые относятся к VIII—IX векам¹³. К этому следует добавить следующее: в некоторых частях описываемого плато иногда бывают находки, свидетельствующие о наличии в них средневекового слоя. В частности, речь идет о полностью сохранившихся пифосах, венчики которых находятся на небольшой глубине от современной дневной поверхности.

Естественно, что всех этих разрозненных фактов недостаточно для того, чтобы делать далеко идущие выводы о размерах города на верхнем плато. Тем не менее они позволяют предположить, что его значительная часть была заселена в интересующую нас эпоху.

Раскоп «Нижний город», на котором в настоящее время исследуются слои, относящиеся ко времени после гибели античной цивилизации, был заложен на перекрестке двух важнейших магистралей (рис. 1). Одна из них перерезает город с юга на север — от берега моря через «Аллею курганов» в направлении Цукурского лимана. Вторая пересекает Фанагорию от восточных городских ворот, местоположение которых отчетливо видно на местности, в направлении западных ворот. Этот факт дает основание для предположения о том, что в месте пересечения этих улиц находилась центральная часть города.

Раскоп, исследование которого было начато в 2014 г. и с перерывами продолжается по настоящее время¹⁴, имеет площадь 2000 м². Он находится в непосредственной близости (почти вплоты) к востоку от «Центрального раскопа» М.М. Кобылиной. Работы на раскопе «Нижний город» показали, что культурный слой средневекового времени в два раза превышает размеры, о которых сообщает С.А. Плетнева¹⁵ — вместо двух метров его мощность равна четырем¹⁶. Остается неизвестным, с чем связана такая ошибка исследовательницы.

Определенная часть материалов из этого раскопа, связанных с урбанистической средой Фанагории, уже опубликована¹⁷. Поэтому изложим полученные результаты кратко, чтобы не повторяться. Однако начать следует с весьма важного обстоятельства, связанного с хронологией средневекового периода в истории города: весь этот период, согласно археологическим данным, делится на два

¹² Atavin 1992, 173–174; см. Chkhaidze 2012, 121.

¹³ Подробнее см. Kuznetsov, Golofast 2010.

¹⁴ Перерывы в течение трех сезонов были связаны с проблемами финансирования, а также с COVID-19.

¹⁵ Pletneva 1999, 146.

¹⁶ На «Стратиграфическом» раскопе А.Г. Атавина слой равен 3,2–3,4 м (Atavin 1988, 173).

¹⁷ Kuznetsov 2016; Kuznetsov, Ostapenko 2019.

Рис. 1. Общий вид раскопа «Нижний город». Фото авторов

больших отрезка: V в. — середина VI в. и последняя треть VII в. — рубеж IX и X вв. На чем основано такое деление?

У Прокопия Кесарийского имеется важная информация, касающаяся Фанагории. Он сообщает (*De Bello Goth.* VIII. 5. 28–29): «Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» (пер. С.П. Кондратьева). Это событие, описанное византийским автором, не могло произойти позднее 554 г., т.е. времени окончания написания восьмой книги¹⁸.

В процессе раскопок на «Нижнем городе» были зафиксированы следы очень сильного пожара, который уничтожил кварталы города. Каменные ядра, найденные в его слое, говорят о нападении на город неизвестного врага. Такой же слой пожара с ядрами был зафиксирован раскопками А.Г. Атавина, который датировал его первой половиной VI в.¹⁹ Эта датировка по керамике в целом подтверждается и новейшими исследованиями на «Нижнем городе»²⁰. Более того, в слое пожара был обнаружен солид Юстиниана I, который датируется 545–565 гг.²¹ Из этого следует, что разрушение Фанагории и Кеп неизвестными варварами произошло между 545 и 554 гг.

Вопреки принятой некоторыми исследователями идее последовательной смене археологических слоев средневековой Фанагории, после разгрома середины VI в. город смог восстановиться только в последней трети VII в.²² Это подтверждается не только комплексом находок, но и резкой сменой строительной

¹⁸ Golofast 2021, 52–53.

¹⁹ Atavin 1993, 170.

²⁰ Golofast 2021, 53.

²¹ Abramzon, Ostapenko 2019; 2023, 254.

²² Golofast 2021, 54.

техники — использованием *opus spicatum*, широко распространенной в хазарское время при сооружении различных зданий.

Установив факт разделения истории Фанагории на два больших периода, следует дать краткую археологическую характеристику каждому из них. Прежде всего обратимся к проблемам планировки. Сначала о первом периоде.

До середины VI в. Фанагория обладала регулярной планировкой, хотя и не ортогональной. Вся территория города была разбита на кварталы, которые были ориентированы почти строго по сторонам света. Улицы были довольно широкими, обычно не уже трех метров. Они были замощены черепками и гораздо реже камнями. К сожалению, здания этого времени на площади раскопа редки. Это объясняется тем, что в исследуемом месте значительную его часть занимает один большой объект — здание иудейской молельни с принадлежащим ей хозяйственным комплексом (об этом ниже).

Специально следует отметить технику строительства зданий, которые были сооружены преимущественно из камня, но также и из сырцового кирпича. Стены зданий возводились из необработанных или довольно грубо обработанных блоков, которые укладывались в два панциря с небольшим количеством забутовки в виде мелких камней и черепков. Внутренние перегородки могли сооружаться из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Описанная техника кладки, наряду с другими обстоятельствами, дает основание для характеристики двух разных периодов истории Фанагории.

В слое пожара середины VI в. сохранились лишь отдельные фрагменты кладок жилых домов, которые практически не дают возможности реконструировать их планы. Исключение составляют лишь два объекта — синагога (№ 55 полевой документации) и относящийся к ней хозяйственный комплекс (№ 44). Синагога (точнее, молельня при иудейской общине) представляет собой прямоугольное здание длиной несколько более 21 м (оно частично уходит под западный борт раскопа) и шириной 6,3–6,5 м (рис. 2). Оно вытянуто почти точно по линии восток–запад. Общая площадь составляет чуть менее 140 м². Здание разделено стеной-перегородкой предположительно на два помещения. Одно из них, восточное, является главным. Именно в нем находилось небольшое выгороженное пространство около южной стены (т.е. в сторону Иерусалима²³), в котором, по всей видимости, стоял ковчег с Торой. Напротив него должны были находиться скамьи для прихожан, которые были деревянными и полностью сгорели во время пожара. С северной длинной стороны синагоги на галерею второго этажа вела лестница. Эта галерея была предназначена для женщин, которые могли наблюдать за религиозными мероприятиями сверху.

Синагога погибла в страшном пожаре. Все ее внутреннее пространство было заполнено огромным количеством обгоревших обломков черепицы и сырцовых кирпичей, из которой предположительно была построена верхняя часть здания (видимо, второй этаж). В слое пожара обнаружены многочисленные обломки пола. Он представлял собой покрытие, изготовленное из раствора извести, речного песка и мелкотолченой керамики. Римские авторы (например, Витрувий:

²³ Nachlili 1988, 166.

Рис. 2. Развалины синагоги (вид с северо-востока). *Фото авторов*

Vitr. II. 5. 1) называли технику изготовления таких полов *opus signinum*²⁴. Очевидно, что полы были вскрыты и разломаны в поисках под ними сокровищ, в частности монет²⁵. Среди обломков разнообразных артефактов внутри здания были найдены фрагменты трех мраморных менор, а также нескольких надписей. Среди последних выделяются два документа — две манумиссии и надпись, в которой говорится о синагоге. Все эти находки однозначно свидетельствуют о правильности интерпретации здания именно как синагоги.

Теперь коротко о датировке иудейской общины Фанагории. В надписи, изданной Д.И. Даньшиным, которая имеет точную дату (51 г. н.э.), говорится не только о *προσευχή*, но и о *συναγωγή τῶν Ἰουδαίων*²⁶. Две манумиссии, найденные в синагоге, относятся предположительно ко второй половине I в. В новой надписи с упоминанием синагоги сохранилась одна из двух или трех букв от даты — Ψ. Следовательно, этот документ датируется пятым веком. Таким образом, у нас имеется документальное подтверждение существования иудейской общины с собственным зданием молельни с середины первого до середины шестого века, когда оно погребло в пожаре. Другими словами, Фанагорийская синагога не только существовала на протяжении длительного времени (не менее пятисот лет), но и является одной из древнейших в диаспоре.

К югу от синагоги в 10–13 м находится довольно большой строительный комплекс (№ 44), который представляет собой не менее двух помещений и внутренний двор (рис. 3). К сожалению, какая-то его часть (возможно, значительная) уходит под южный борт раскопа. Комплекс погиб в том же пожаре, что и синагога. Внутри помещений обнаружена яма, качественно изготовленная и изнутри

²⁴ Подробнее см. Ginouvès, Martin 1985, 51; Vassal 2006, 1–31.

²⁵ См. Rassalle 2021.

²⁶ Dan'shin 1993, 59–63.

Рис. 3. Хозяйственный комплекс при синагоге (№ 44). *Фото авторов*

обмазанная цемянкой, а также амфоры и пифосы. В некоторых из них находилось сильно обгоревшее зерно (просо). В самом большом из помещений (восточном) обнаружена небольшая винодельня с одной давяльной площадкой и площадкой под пресс. Во дворе найдено несколько пифосов, которые при открытии оказались пустыми. Это может означать, что в них хранились жидкие продукты, например вино и/или масло.

Яркими находками в комплексе являются мраморные купель и сигмовидный стол. Изначально было определено, что они имеют отношение к христианству и, возможно, были связаны с базиликой, которая должна была находиться поблизости²⁷. Однако наряду с этими находками были обнаружены предметы другого плана — амфоры с дипинти в виде менор. Казалось бы, налицо некоторое противоречие. Однако в действительности его не существует. Сигмовидные столы могли использоваться как в базиликах, так и в синагогах. Доказательством этому служит находка похожего изделия, происходящего из здания молельни. Что же касается купели, то она была найдена выше уровня комплекса 44 и могла не принадлежать ему.

Из сказанного следует, что объект 44 принадлежал Фанагорийской синагоге и служил для обеспечения ее продуктами питания, которые использовались при общественных трапезах.

Как уже говорилось выше, после тотального разрушения города жизнь в полной мере возродилась в Фанагории примерно в начале третьей четверти VII в. Первым внешним признаком изменений в материальной культуре является внедрение в строительную технику нового типа кладки — *opus spicatum*, или кладки «елочкой». Все постройки с этого времени и до прекращения жизни в Фанагории сооружены именно в ней. Это отчетливо видно на примере тех зданий VI в.,

²⁷ Golofast 2022.

Рис. 4. Дома VIII–IX вв. Кладка «елочкой». Фото авторов

стены которых использовались после пожара уже в конце VII в.: поверх кладок византийского времени камни уложены «елочкой» (рис. 4).

Планировка города хазарского времени в целом остается регулярной: улицы пересекаются под прямым углом, кварталы ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением (рис. 5–6). Однако фиксируются и нарушения этого

Рис. 5. Дома VIII–IX вв. План раскопа. Чертеж авторов

Рис. 6. Общий вид раскопа с домами VIII–IX вв. *Фото авторов*

принципа планировки. Некоторые постройки не вписываются в правильную сетку улиц. К ним относятся, например, дома № 10 и 16. Улицы, как и раньше, за мощены черепками и костями животных.

Раскопки средневековых слоев в Фанагории позволили открыть значительное количество жилых домов, изучить их размеры и планировку, использованные материалы и технику строительства²⁸. Основными строительными материалами являлись камень и сырцовый кирпич. Внешние стены сооружались из камня, а для внутренних перегородок часто использовался сырец, положенный на невысокий фундамент из мелких камней. Минимальное количество комнат в открытых раскопками домах равняется двум, при практически обязательном наличии своеобразного вестибюля — небольшой комнаты при входе в дом (рис. 7). По двум сторонам этого вестибюля располагаются жилые помещения, в которые ведут двери. Такие дома имеют, как правило, площадь около 50 м², иногда чуть больше или меньше. Наряду с ними найдены жилые дома с четырьмя—шестью комнатами. Их площадь может достигать 150 м².

В некоторых (как правило, больших) домах возможно определить функциональное назначение помещений. Например, удалось зафиксировать помещения для хранения продуктов и их обработки, которые использовались и как кухни — например, в домах № 9 и 32. В них же довольно просто оказалось выделить спальные помещения и «парадные» комнаты, своего рода гостиные.

Практически все дома имели внутренние дворы, в которых проходила значительная часть жизни их обитателей. Здесь выполняли самые разнообразные виды

²⁸ Подробнее см. Kuznetsov, Golofast 2010; Kuznetsov 2016; Kuznetsov, Ostapenko 2019.

Рис. 7. Типичный дом IX в. *Фото авторов*

домашних и хозяйственных работ, готовили пищу и т.д. Дворы располагались вдоль длинной стороны дома. Вдоль фасада шла крытая галерея, опирающаяся на деревянные столбы, которые устанавливались на каменные подпятники. Здесь же во дворах богатых домов могли быть устроены колодцы. На раскопе «Нижний город» найдено два таких колодца, которые построены на самом высоком строительном уровне (рис. 8).

Рис. 8. Колодец IX в. *Фото авторов*

Примерно на рубеже IX и X веков Фанагория была внезапно покинута ее жителями. Исследование самого позднего культурного пласта показывает, что город не был разрушен, не зафиксированы следы пожара и т.п. Исследователи искали причины этого явления в разных обстоятельствах. Однако теперь является очевидным, что город был захвачен неизвестным врагом. В процессе раскопок было обнаружено около двух десятков скелетов людей, а также разрозненные человеческие кости. Они были найдены лежащими на улицах и сброшенными в ямы, т.е. не были похоронены. При этом многие люди погибли насильственной смертью²⁹ (рис. 9).

Исследование слоя раннесредневекового времени Фанагории продолжается.

Рис. 9. Скелет жителя Фанагории, убитого при захвате города. Рубеж IX–X вв. Фото авторов

Литература/References

- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2019: [Solidus of Justinian I from the 6th Century Fire Layer in Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Hypanis, Trudy Otdela Klassicheskoy Arkheologii IA RAN* [*Hypanis, Proceedings of the Department of Classical Archaeology IA RAS*]. Vol. 1. Moscow, 28–32.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. Солид Юстиниана I из слоя пожара VI века в Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Hypanis, Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 1. М., 28–32.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2023: [A Purse with Bosporan Staters from the Sixth Century Fire Layer in Phanagoria]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 270, 250–257.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. Кошелек с боспорскими статерами из слоя пожара VI в. в Фанагории. *КСИА* 270, 250–257.
- Atavin, A.G. 1988: [Medieval Phanagoria and Its Place Among Simultaneous Sites of North Black Sea Coast]. In: G.G. Litavrin (ed.), *Slavyane i ikh sosedi* [*Slavs and Their Neighbours*]. Moscow, 21–23.
- Атавин, А.Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья. В сб.: Г.Г. Литаврин (отв. ред.), *Славяне и их соседи*. М., 21–23.
- Atavin, A.G. 1992: [Polished Ceramics of Medieval Phanagoria]. In: Ya.M. Paromov (ed.), *Bosporskiy sbornik* [*Bosporan Collection*] 1, 173–211.
- Атавин, А.Г. Лошенная керамика средневековой Фанагории. В сб.: Я.М. Паромов (ред.), *Боспорский сборник* 1, 173–211.
- Atavin, A.G. 1993: [Red Slip Ceramics of the Fourth – Sixth Centuries from Phanagoria]. *Bosporskiy sbornik* [*Bosporan Collection*] 2, 149–171.
- Атавин, А.Г. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории. *Боспорский Сборник* 2, 149–171.
- Blavatsky, V.D. 1940: [Excavations at Phanagoria in 1938–1939]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3–4, 287–300.
- Блаватский, В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. *ВДИ* 3–4, 287–300.

²⁹ Dobrovol'skaya, Svirkina 2018, 61–62.

- Blavatsky, V.D. 1941: [Excavations at Phanagoria in 1940]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 220–222.
- Блаватский, В.Д. Раскопки в Фанагории в 1940 г. *ВДИ* 1, 220–222.
- Chkhaidze, V.N. 2012: *Phanagoria in VI–X Centuries*. Moscow.
- Чхаидзе, В.Н. *Фанагория в VI–X веках*. М.
- Dan'shin, D.I. 1993: [Phanagorian Community of Jews]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 59–72.
- Даньшин, Д.И. Фанагорийская община иудеев. *ВДИ* 1, 59–72.
- Dobrovol'skaya, M.V., Svirkina, N.G. 2018: *Zhiteli antichnoy Fanagorii (rekonstruktsiya obraza zhizni po paleoantropologicheskim materialam)* [Antique Phanagoria Inhabitants (Reconstruction of Lifestyle According to Paleoanthropological Materials)]. Moscow.
- Добровольская, М.В., Свиркина, Н.Г. *Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам)*. М.
- Dolgorukov, V.S. 1975: [Investigations in the Coastal Part of Phanagoria in 1971–1972]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 143, 54–60.
- Долгоруков, В.С. Исследования Береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. *КСИА* 143, 54–60.
- Flyorov, V.S. 2011: “Goroda” i “zamki” Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost'* [“Cities” and “Castles” of Khazarian Kaganate. Archaeological Reality]. Moscow–Jerusalem.
- Флеров, В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. *Археологическая реальность*. Москва–Иерусалим.
- Ginouvé, R., Martin, R. 1985: *Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine*. T. I. *Matériaux, techniques de construction, techniques et formes du décor*. Roma.
- Golofast, L.A. 2021: [Phanagoria in the 4th–7th Centuries (Written Sources and Archeological Data)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Hypanis, Trudy Otdela Klassicheskoy Arkheologii IA RAN* [Hypanis, Proceedings of the Department of Classical Archaeology IA RAS]. Vol. III. Moscow, 42–57.
- Голофаст, Л.А. Фанагория IV–VII вв. по сведениям письменных источников и данным археологии. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Hypanis, Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 3. М., 42–57.
- Golofast, L.A. 2022: [Christianity in Phanagoria. Archaeological Evidence]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Hypanis, Trudy Otdela Klassicheskoy Arkheologii IA RAN* [Hypanis, Proceedings of the Department of Classical Archaeology IA RAS]. Vol. IV. Moscow, 69–106.
- Голофаст, Л.А. Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Hypanis, Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 4. М., 69–106.
- Hachlili, R. 1988: *Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel*. (Handbuch der Orientalistik. Abteilung 7: Kunst und Archäologie). Leiden–New York–København–Köln.
- Kobylyina, M.M. 1950: [Excavations at Phanagoria]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Istorii Material'noy Kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture] 33, 89–95.
- Кобылина, М.М. Раскопки Фанагории. *КСИИМК* 33, 89–95.
- Kobylyina, M.M. 1951: [Excavations at Phanagoria]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Istorii Material'noy Kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture] 37, 232–237.
- Кобылина, М.М. Раскопки Фанагории. *КСИИМК* 37, 232–237.
- Kobylyina, M.M., Dolgorukov, V.S. 1974: [Excavations at Phanagoria]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Arkheologicheskie Otkrytiya 1973 goda* [Archaeological Discoveries 1973]. Moscow, 111–113.
- Кобылина, М.М., Долгоруков, В.С. Раскопки Фанагории. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Археологические открытия 1973 года*. М., 111–113.
- Kuznetsov, V.D. 2016: [An Early Middle Age House from Phanagoreia]. *Drevnosti Bospora* [Bosporus Antiquities] 20, 308–319.
- Кузнецов, В.Д. Раннесредневековый дом в Фанагории. *Древности Боспора* 20, 308–319.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: [Khazar Period Houses in Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 393–429.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории. *ПИФК* 1, 393–429.
- Kuznetsov, V.D., Ostapenko, S.N. 2019: [Urbanistics and Domestic Building of Medieval Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 153–170.

-
- Кузнецов, В.Д., Остапенко, С.Н. Урбанистика и домостроительство средневековой Фанагории. *ПИФК* 1, 153–170.
- Pletneva, S.A. 1999: *Ocherki khazarskoy arkheologii* [*Essays on Khasarian Archaeology*]. Moscow–Jerusalem.
- Плетнева, С.А. *Очерки хазарской археологии*. Москва–Иерусалим.
- Pletneva, S.A. 2003: [Phanagoria]. In: T.I. Makarova, S.A. Pletneva (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v Epokhu Srednevekov'ya* [*Crimea, North-Eastern Pontic Area and Transcaucasia in the Middle Ages*]. Moscow, 179–183.
- Плетнева, С.А. Фанагория. В кн.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья*. М., 179–183.
- Rassalle, T. 2021: *Coin Deposits from Ancient Synagogues in Late Antique Palestine*. PhD thesis. Chapel Hill.
- Vassal, V. 2006: *Les pavements d'opus signinum. Technique, décor, fonction architecturale*. (BAR International Series, 1472). Oxford.

DOI: 10.31857/S0321039124020084

М.И. РОСТОВЦЕВ. РОДСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ. ЧАСТЬ 3. СТРАХОВСКИЕ

И. В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tunkina@yandex.ru

OCRID: 0000-0001-5793-3977

Реконструируется биография племянника М.И. Ростовцева, историка-эмигранта Леонида Ивановича Страховского (1898–1963), сына младшей сестры М.И. Ростовцева Татьяны (1875–?) и сенатора Ивана Михайловича Страховского (1866–1921), расстрелянного большевиками по делу Таганцева. Л.И. Страховский учился в Александровском лицее в 1913–1917 гг. и Петроградском университете в 1917–1918 гг., но учебу прервали две революции и Гражданская война. Юноша примкнул к Белому движению и с 1920 г. жил в эмиграции — сначала в Лондоне, затем в Берлине, с 1922 стал печататься как поэт под псевдонимом Леонид Чацкий. Л.И. Страховский закончил Лувенский католический университет в Бельгии (1924–1928), получил степень доктора истории, стал преподавать как профессор русской истории. В конце 1920-х годов Л.И. Страховский перебрался в США, читал лекции по политической и дипломатической истории Европы (с 1928), был профессором новейшей истории Европы Джорджтаунского университета в Вашингтоне (1936), профессором европейской истории университета штата Мэриленд (1937–1942), преподавал русский язык и литературу в Гарварде (1943–1948). Затем он переехал в Канаду и стал профессором русской истории и литературы в Департаменте славянских исследований Торонтского университета (1950–1963). Ему принадлежат практически неизвестные в России воспоминания о М.И. Ростовцеве «Дядя Миша», опубликованные в 1953 г. в парижской газете «Русская мысль», с рассказом о визитах в петроградскую квартиру академика и встречах с М.И. Ростовцевым в эмиграции. В статье публикуется полный текст воспоминаний с научным комментарием.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, Т.И. Страховская (Ростовцева), И.М. Страховский, Л.И. Страховский, российская эмиграция, воспоминания о М.И. Ростовцеве

M.I. ROSTOVITZEFF. THE KINSHIP CONTEXT.
PART 3. THE STRAKHOVSKIES

Irina V. Tunkina

Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: tunkina@yandex.ru

The article reconstructs the biography of the emigrant historian Leonid Ivanovich Strakhovsky (1898–1963), a nephew of M.I. Rostovtzeff – the son of his younger sister Tatiana (1875–?) and the Senator Ivan Mikhailovich Strakhovsky (1866–1921) who was shot by the Bolsheviks in the ‘Tagantsev conspiracy’ trial. After graduating from the Alexander Lyceum (1913–1917), Leonid Strakhovsky entered the Petrograd University (1917–1918), but had to interrupt his studies because of the revolutions and the Civil War. The young man joined the White Movement and in 1920 fled into exile first to London and then to Berlin; since 1922 he started writing poems under the pseudonym of “Leonid Chatsky”. After graduating from the Catholic University of Louvain in Belgium (1924–1928), he received a Doctorate in History, and started teaching as a professor of Russian history. In the late 1920s, Leonid Strakhovsky moved to the United States where he became a lecturer in the political and diplomatic history of Europe (1928), professor of modern European history at Georgetown University in Washington (1936), professor of European history at the University of Maryland (1937–1942), and taught Russian language and literature at Harvard (1943–1948). Having moved to Canada, he became a professor of Russian history and literature in the Department of Slavic Studies at the University of Toronto (1950–1963). In 1953 he published the memoirs ‘Uncle Misha’ about M.I. Rostovtzeff, in the Paris newspaper *Russian Thought*, telling the story of his meetings with M.I. Rostovtzeff both in Petrograd and in exile. The memoirs have been practically unknown in Russia ever since. Now the article presents their complete text with a commentary.

Keywords: M.I. Rostovtzeff, T.I. Strakhovsky (Rostovtzeff), I.M. Strakhovsky, L.I. Strakhovsky, Russian emigration, memoirs of M.I. Rostovtzeff

Несмотря на издание двух фундаментальных трудов о жизни академика М.И. Ростовцева (1870–1952)¹, многие страницы его биографии остаются неясными до сих пор. Не только интернет-сайты, но и разновременные научные публикации² пестрят многочисленными фактическими ошибками в освещении родственных связей всемирно известного ученого. Проверка фактов по справочным изданиям и архивным материалам разрушила многие из них. Изучение источников позволило уточнить родственные связи многочисленной семьи Ростовцевых и пролить новый свет на биографию академика³.

Младшая сестра М.И. Ростовцева Татьяна Ивановна Ростовцева (1875–?) вышла замуж за чиновника Ивана Михайловича Страховского (21.06.1866, Черниговская губ. —

¹ Bongard-Levin 1997a; Bongard-Levin, Litvinenko 2003.

² Wes 1988; 1990.

³ См. первые две части исследования, посвященные родственным связям М.И. Ростовцева по отцовской и материнским линиям: Tunkina 2020; 2024 (forthcoming).

24(?).08.1921, Петроград), происходившего из потомственных дворян Черниговской губернии. Он был сыном Архангельского (1862–1869) и Олонецкого (1871–1896) вице-губернатора Михаила Федоровича Страховского (1817–1896). И.М. Страховский закончил Императорский Александровский лицей⁴ (43-й курс, выпуск 1887 г.) и сделал блестящую карьеру чиновника: службу начал в Департаменте неокладных сборов Министерства финансов (1887), в конце 1889 г. перешел в ведомство Министерства внутренних дел: служил в Чернигове, Каргополе, Оренбурге. Именно в Оренбурге надворный советник, неперемный член Оренбургского губернского правления (1894–1899) И.М. Страховский познакомился с дочерью попечителя Оренбургского учебного округа Т.И. Ростовцевой, ставшей его женой. У Страховских родилось четверо детей – сын Леонид (1898) и три дочери: Валентина (1899)⁵, Наталия (1901), Ирина (1906)⁶. В Оренбурге И.М. Страховский был членом лесоохранительного комитета и отделения поземельного крестьянского банка, избирался почетным мировым уездным судьей.

На рубеже веков И.М. Страховского перевели в столицу империи – в Санкт-Петербурге он служил в земском отделе сначала делопроизводителем высшего оклада (1900–1902), потом помощником управляющего земского отдела (1903–1908) Министерства внутренних дел, получил чин действительного статского советника (1906), ратовал за переход крестьянского землевладения от общины к частной собственности, стал одним из ближайших сподвижников П.А. Столыпина по проведению аграрных реформ в России. Один из подчиненных И.М. Страховского с 1908 г. Н.В. Буторов, работавший с ним в Земском отделе МВД в Санкт-Петербурге и советником Тургайского областного правления в Оренбурге, вспоминал о нем как о незаурядном человеке и талантливом администраторе: «Иван Михайлович Страховский был исключением среди нашего чиновничества. Он не застыл от канцелярщины, не стал сухим сухарем. Энергичный, удивительный работник, исключительно способный администратор, он не забывал своих литературных и философских интересов и удивлял всесторонностью своего образования. Умело руководя своими помощниками, Страховский не только сумел их приучить к самостоятельной работе, но и заставил полюбить эту работу – с ним она всегда была живая, творческая. Эта работа меня научила многому; изредка же обедая у Страховского, я любил с ним спорить по всевозможным вопросам и слушать его поучительные рассказы о своей деятельности»⁷.

⁴ Александровский (до 1843 г. Царскосельский) лицей (1810–1917) – закрытое учебно-воспитательное учреждение для детей потомственных дворян (возраст 10–12 лет) с целью подготовки к государственной службе. С 1843 г. переведен из Царского Села в Санкт-Петербург и переименован в честь основателя. Лицейсты делились на казеннокоштных и своекоштных (с 1848 г. – 600 руб., с 1902 г. – 800 руб. в год), срок обучения 6 лет, с 1882 г. – 8 лет. Прошедшим курс обучения в зависимости от успехов присваивались гражданские чины 9–14 классов. После Февральской революции 1917 г. упразднен.

⁵ Племянница М.И. Ростовцева Валентина Ивановна Страховская родилась в Санкт-Петербурге 4 сентября 1899 г. и была крещена 12 сентября в Андреевском соборе (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 127. Д. 913. Л. 275 об.–276). Сведения о ее дальнейшей судьбе отсутствуют.

⁶ Murzanov 2011, 409.

⁷ Butorov 2009, 13, 17, 18–19.

Разносторонний опыт в государственном управлении И.М. Страховский обобщил в ряде статей по проблемам губернского устройства и трудах по аграрному вопросу и крестьянской реформе в России: «Сельское общество и поземельная община (Опыт разбора законодательных определений и заключений губернских совещаний по вопросам пересмотра положений о крестьянах)» (1900), «Современное положение и значение крестьянских волостей» (1901), «Как создавалась крестьянская волость (Материалы редакционных комиссий)» (1901), «Крестьянские права и учреждения» (1903), «Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г.» (1905), «Губернское устройство» (1913), опубликованных в журналах «Вестник права», «Журнал Министерства юстиции», и в отдельных сборниках и брошюрах.

Административные способности И.М. Страховского были оценены правительством: в чине действительного статского советника (06.12.1906) он был назначен гражданским губернатором Тургайской области (центральная часть современного Казахстана) с резиденцией в Оренбурге (14.01.1908–02.11.1910), вскоре стал председателем Оренбургского отдела Имп. Русского географического общества (1910). При новом губернаторе было открыто четырехклассное казахское городское училище в Тургае, реальное училище и женская гимназия в Кустанае, а численность населения области удвоилась.

Затем И.М. Страховский был назначен гражданским губернатором Вятской (02.11.1910–23.06.1914) и Тифлисской (1914–1916) губерний. Его жена Т.И. Страховская, переезжавшая из губернии в губернию вслед за мужем, занималась благотворительностью и с 1910 г. являлась попечительницей Вятской общины сестер милосердия. За годы службы И.М. Страховский стал кавалером орденов Св. Владимира IV (1903) и III (1909) степеней, Св. Анны III и II (1901) степени, Св. Станислава III (1892) и I (1911) степеней, бухарского ордена Золотой Звезды I степени (1909)⁸.

Еще в 1913 г. И.М. Страховский предложил реформировать административное управление Российской империи на областных началах по принципу автономизации регионов и децентрализации власти в пользу структур местного самоуправления, при этом права гражданских губернаторов как представителей центральной власти по отношению к решениям местных коллегиальных органов предполагалось регулировать законом. И.М. Страховский — один из авторов проекта преобразования административной системы и методов управления страной, который стал основой концепции, представленной императору председателем Совета министров Б.В. Штюрмером в записке «Областное начало внутреннего управления империи». Проект, направленный на реформу государственного устройства, был одобрен Николаем II в июле 1916 г., но из-за Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. этот запоздалый шаг к федерализации так и не был сделан властью.

10 января 1916 г. И.М. Страховский был произведен в тайные советники, причем ему было «повелено присутствовать в Правительствующем Сенате». Он являлся сенатором Второго Департамента (по крестьянским делам) Сената вплоть до 27 февраля 1917 г., причем из-за революционных событий «не присутствовал в Сенате с мая 1917 г.».

⁸См. Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1-е сентября 1914 года. Часть 1. Петроград, 1914.

С октября 1918 г. И.М. Страховский служил старшим архивистом в Едином государственном архивном фонде Комиссариата народного просвещения РСФСР, куда он был «принят лично Д.Б. Рязановым⁹ на основании научных работ по крестьянскому вопросу», занимался и проживал в Петрограде (Демидов пер., д. 3, кв. 1) вместе с женой-домохозяйкой, 43-летней Татьяной Ивановной и двумя дочерьми¹⁰ (учащимися) 17-летней Натальей¹¹ и 11-летней Ириной¹².

⁹Рязанов Давид Борисович (Гольденбах Давид-Симха Зельман-Берович, 1870—1938), социал-демократ, историк, библиограф, архивист, возглавлял Главное управление архивным делом (Главархив) (1918—1920) и Главное управление по делам науки (1918—1920) при Наркомпросе РСФСР. Академик АН СССР (1929, исключен в 1931, восстановлен в 1990). Расстрелян в Саратове.

¹⁰Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-1001 (Административный отдел Ленгубисполкома). Оп. 1. Д. 21. Л. 158—158 об.

¹¹Про Наталью (Наталию) Ивановну Страховскую (16.08.19012— ок. 1986) известно, что она была замужем дважды: в первом браке — за выпускником Морского корпуса, мичманом (на 1915 г.) Борисом Ивановичем Погожевым (1896—1927). В Первую мировую войну он служил на кораблях Балтийского флота, а после Октября 1917 г. — в белых войсках Северо-Западного фронта, во время майского наступления 1919 г. на Петроград был офицером по связи при Морском отделе Северного корпуса. От него Н.И. Погожева родила сына Ивана Борисовича Погожева (1923—2011) в Царском Селе и, овдовев, с ребенком переехала в Москву, видимо, к родной сестре Ирине. Во втором браке (с 1933 г.) с инженером-механиком Платоном Николаевичем Левиным (1889—1942?) у Натальи Ивановны детей не было. П.Н. Левин закончил Имп. Московское техническое училище, в годы Первой мировой войны служил в императорской армии (1914—1917), в 1920-х годах преподавал на горно-рудничном факультете Московской горной академии, был заведующим редакционной частью в издательстве «Орга-металл», в 1930-е годы был доцентом кафедры сварки своей alma mater, Механико-машиностроительного института им. Н.Э. Баумана. Инженер П.Н. Левин командировался в Германию (1922), Англию (1925), США (1935), где, возможно, встречался с М.И. Ростовцевым. В год пика «большого террора» (1937) он был арестован по подозрению в шпионаже и осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Н.И. Погожева была оставлена на свободе с подпиской о невыезде, затем выслана на 5 лет в Оренбургскую область. Сын сначала остался в Москве с ее родной сестрой, но вскоре уехал к матери в ссылку, закончил десятилетку в Чкалове (Оренбурге) (1941), где в 1942 г. поступил в Чкаловское зенитно-артиллерийское училище им. Орджоникидзе. Лейтенант, член ВКП(б) (1943), командир огневого взвода батареи 37-мм зенитных пушек, участник Курской битвы. После окончания войны И.Б. Погожев заочно учился на механико-математическом факультете МГУ (1947—1950), закончил баллистический факультет Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (1949—1953), был учеником кибернетика, профессора А.А. Ляпунова; кандидат (1957), затем доктор (1967) технических наук, профессор (1981), автор научных трудов в области математического моделирования. Первоначально И.Б. Погожев работал в военных научно-исследовательских институтах (1953—1962), ушел в запас в звании инженер-полковника (1967). С образованием Сибирского отделения АН СССР вслед за своим учителем А.А. Ляпуновым он отправился в Новосибирск: работал в Институте математики (1962—1968), Вычислительном центре (1974—1981) Сибирского отделения АН СССР. В конце жизни он вернулся в Москву и работал в Институте вычислительной математики АН СССР в столице и г. Протвино под Серпуховом (1981). См. URL: <https://flot.com/blog/historyofNVMU/3376.php?commentId=30996>; URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_8260; дата обращения: 04.06.2024.

¹²Страховская Ирина Ивановна (по мужу Денисова; 12.09.1906, Санкт-Петербург— ок. 1972?) училась в Ленинграде на изобразительном отделении Высших курсов

В ноябре 1918 г. М.И. Ростовцев сообщал своему другу А.В. Тырковой-Вильямс¹³: «Получил вчера из Петрограда письмо от своего зятя от 26 октября. Там делается нечто ужасное. Буквальный голод и сплошной грабеж всего оставшегося имущества. Меха, например, оставленные на хранение в магазинах, конфискованы, etc. Хочу писать спешно через Швецию о том, чтобы мое жалованье¹⁴ выдавали моему зятю и другим друзьям: хоть на что-нибудь пригодится. Впрочем, может быть мне уже его более не выплачивают»¹⁵. Но служба в Главархиве не спасла бывшего сенатора — в августе 1921 г. И.М. Страховский был расстрелян большевиками в Петрограде по «делу Таганцева».

12 июня 1923 г. М.И. Ростовцев, находившийся в Риме, обратился к А.В. Тырковой-Вильямс с просьбой о помощи: «Я получил здесь отчаянное письмо от сестры из Петербурга. Пишет, что умирает с голода, живет из милости.

искусствоведения (1925–1928) (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 232), затем получила инженерное образование. Вышла замуж за Вячеслава Дмитриевича Денисова (02.09.1902 — ок. 1942), сына московского купца 2-й гильдии (URL: <https://www.geni.com/people/Вячеслав-Денисов/6000000113605522939>; дата обращения: 04.06.2024), который с 1924 г. являлся военнослужащим и дослужился до лейтенанта. Ирина с маленькой дочкой Никой ушла от мужа, работала инженером-архитектором, в конце 1937 г. в Одессе по доносу мужа арестована как враг народа. В 1937 г. М.И. Ростовцев сообщал Э. Миннзу: «Дочь моей сестры — единственная ее опора — арестована. Никогда политикой не занималась» (Bongard-Levin *et al.* 2003, 510). См. о ее аресте: Государственный архив Одесской области. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 5965-п. 1937–1972. 175 л. 16 января 1938 г. И.И. Страховская была осуждена на 10 лет лагерей, срок отбывала в Карлаге (Казахстан), работала землеустроителем, бригадиром на строительстве дорог; в лагере писала стихи, расходившиеся в списках из отделения в отделение (URL: <https://popgun.ru/viewtopic.php?t=194407&ysclid=lv3n5pamjj388036308>; дата обращения: 17.04.2024). В антологии репрессированных лиц опубликовано ее стихотворение «Подруги» (Виленский, С.С. (сост.), Яковлев, А.Н. (ред.). Поэзия узников ГУЛАГа: Антология. М., 2005). Дочь Ника осталась с бабушкой Т.И. Страховской в Одессе, куда приехал В.Д. Денисов, по суду отнял ребенка у бабушки и увез ее в Москву. С началом Великой Отечественной войны В.Д. Денисова мобилизовали как лейтенанта запаса, а девочку отдали в детдом, но ее отец пропал без вести в феврале 1942 г. на Западном фронте (Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 10). В октябре 1943 г. И.И. Страховскую, пробывшую в заключении шесть лет, досрочно освободили. Ей разрешили выписать из детдома Нику, которая вернулась в фурункулах, с глубокими рубцами от них на ногах (их лечили соляной кислотой) и психологической травмой.

¹³Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962), журналистка, писатель, мемуарист, общественный и политический деятель, член ЦК конституционно-демократической партии (1906), заведующая Бюро печати (1906–1914). С марта 1918 г. жила в Лондоне, с 1919 г. секретарь Комитета по освобождению России, в июле 1919 г. вместе со вторым мужем, английским журналистом и разведчиком Г. Вильямсом вернулась на родину, работала в пропагандистском Осведомительно-агитационном агентстве Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами юга России А.И. Деникине. С 1920 г. вновь в Лондоне, председатель Общества помощи русским беженцам, редактор журнала «Russian Life» (с 1921). С 1939 г. жила во Франции, с 1951 г. — в США. См. Tunkina 2016.

¹⁴Жалование академику М.И. Ростовцеву в РАН, формально находившемуся в заграничной командировке, выплачивали и выдавали вплоть до 1 апреля 1919 г., его по доверенности получал казначей РАН В.А. Рышков. Жалование по университету, скорее всего, по доверенности получал его близкий друг С.А. Жебелёв. См. Tunkina 1997, 92.

¹⁵Bongard-Levin, Tunkina 1997, 468.

Хотел ей послать отсюда денег. Ни один банк здесь переводов в Россию не делает. Не знаете ли Вы какого-либо способа переправить деньги в Россию, но не рублями, а валютой. Рублями не стоит. Если знаете и сами пробовали этот путь (через Lloyd или через квакеров), то не можете ли Вы послать моей сестре 5 фунтов? Как только приеду, отдам. А то сейчас не знаю, как переслать Вам деньги, не теряя на размене. Моя сестра Татьяна Ивановна Страховская живет в Царском Селе. Ее адрес: Детское Село, Петроградского уезда, Московская 11¹⁶, кв. 1. Спешу я с этим, потому что боюсь, как бы она не умерла с голоду. Доколе же, о Господи? Неужели все это до конца моей жизни». А.В. Тыркова Вильямс деньги перевела, за что М.И. Ростовцев ее поблагодарил в письме от 28 июня 1923 г. из Венеции¹⁷. В письмах А.В. Тырковой-Вильямс М.И. Ростовцев постоянно сетовал: «Очень уж напирают родственники. Совсем изголодались при подъеме экономической жизни России. Новый экономический закон: чем больше поднимается экономическая жизнь, чем больше богатеет страна, тем больше падает рубль и тем больше голодает население. Все шиворот-навыворот» (4 ноября 1923 г.)¹⁸. Положение не менялось десятилетиями: 14 июля 1941 г. М.И. Ростовцев в письме к Э. Миннзу с болью сообщил, что «из России имею только сведения от родственников, которые без моей поддержки жить не могут»¹⁹. Знал ли М.И. Ростовцев какие-либо подробности о трагической судьбе большинства членов семьи Страховских, оставшихся в СССР, неизвестно, скорее всего почтовая связь не поддерживалась, чтобы не навредить оставшимся в живых.

Единственный сын Ивана Михайловича и Татьяны Ивановны Леонид Иванович Страховский (литературный псевдоним «Леонид Чацкий»; 27.05.1898, Оренбург — 24.04.1963, Торонто)²⁰ как и отец учился в Александровском лицее (1913—1917) и даже оставил воспоминания о нем²¹, но из-за революции обучение не закончил. Леонид поступил на факультет восточных языков Петроградского университета (1917—1918), занимался китайским, японским языками, в том числе у приват-доцента С.Г. Елисеева, но учебу прервала Гражданская война. С юности Леонид писал стихи. О своих знакомствах в литературных кругах Петрограда он оставил воспоминания, в том числе о мимолетной встрече с Н.С. Гумилевым²² (1961).

Помню, как юношей я купил в книжном магазине Вольфа на Невском проспекте в Петербурге книжку мне тогда неизвестного поэта,

¹⁶ Дом не сохранился.

¹⁷ The British Library. Mss. Funds. H. Williams Papers. Add. 54436 (письма М.И. Ростовцева). P. 48, 49.

¹⁸ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 493.

¹⁹ Bongard-Levin *et al.* 2003, 512.

²⁰ О нем см. Mukhachev, Sorokina 2011, 569—570. Памяти главного редактора Л.И. Страховского посвящен номер № 8 (декабрь 1963) выходившего в Торонто журнала «Современник = Sovremennik: Журнал русской культуры и национальной мысли», основанного Л.И. Страховским.

²¹ Strakhovsky 1961b.

²² Гумилев Николай Степанович (1886—1921), поэт-акмеист, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. Совершил две экспедиции в Африку (1909, 1913). Арестован и расстрелян большевиками по обвинению в участии в антисоветском заговоре «Петроградской боевой организации Таганцева».

озаглавленную: «Романтические цветы»²³. Вернувшись домой на Каменный Остров, я начал ее читать. Все сильнее и сильнее стихи ее меня захватывали. И вдруг две строчки прямо пронзили меня, и дух захватило:

Далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф²⁴.

Это была моя первая «встреча» с Николаем Степановичем. После этого я продолжал «знакомство», покупая все его сборники стихов в меру моего ограниченного бюджета и читая его стихи в «Аполлоне»²⁵, на который подписывалась моя тетушка, София Михайловна Ростовцева²⁶. А настоящая встреча и краткое знакомство произошли гораздо позже, а именно на литературном утреннике (в 2 часа дня!) в зале Тенишевского училища, организованном обществом «Арзамас». Привел меня туда поэт Георгий Иванов²⁷. Было это в начале мая 1918 г. Большевики властвовали уже более полугода, но Петербург, посеревший, полинявший, с пыльными, засоренными улицами был прекрасен, как всегда, в эту памятную мне весну.

На утреннике выступали как видные, так и начинающие поэты. Среди последних особенно помню Леонида Канегиссера²⁸, в форме вольноопределяющегося, с бледным, красивым, чуть семитическим лицом. Кто мог бы предположить, что еще до конца лета он застрелит чекиста Урицкого и умрет мученической смертью? Первая часть утренника закончилась первым публичным чтением поэмы Блока «Двенадцать», эффектно продекламированной его женой, которая выступала под своей сценической фамилией: Басаргина²⁹. По окончании этого чтения в зале поднялся бедлам. Часть публики аплодировала, другая шикала и стучала ногами. Я прошел в крохотную артистическую комнату, буквально набитую поэтами. По программе очередь выступать после перерыва была за Блоком, но он с трясущейся губой повторял: «Я не пойду, я не пойду». И тогда к нему подошел блондин среднего роста с каким-то будто утиным носом и сказал: «Эх, Александр Александрович, написали, так

²³ «Романтические цветы» — второй сборник стихов Николая Гумилева, выпущенный в Париже в январе 1908 г. на собственные средства с посвящением будущей жене А.А. Горенко (Ахматовой). Речь идет о третьем издании сборника «Романтические цветы: Стихи 1903—1907 гг.» (Пг., 1918).

²⁴ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» (1907), вошедшего в поэтический сборник «Романтические цветы» (1908).

²⁵ «Аполлон» — иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы, издававшийся в Петербурге/Петрограде (1909—1917).

²⁶ Ростовцева (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1878—1963), жена М.И. Ростовцева с 25 апреля 1901 г.

²⁷ Иванов Георгий Владимирович (1894—1958), поэт-акмеист, прозаик, публицист, переводчик, литературный критик, мемуарист, печатался с 1912 г., с 1914 постоянный сотрудник журнала «Аполлон», с 1922 г. в эмиграции.

²⁸ Канегиссер Леонид Иоакимович (1896—1918), поэт, член партии народных социалистов, 30 августа 1918 г. застрелил председателя Петроградской ЧК М. Урицкого, был арестован чекистами и расстрелян.

²⁹ Блок (урожд. Менделеева, сценический псевдоним Басаргина; 1881—1939), актриса, историк балета, мемуаристка; дочь химика Д.И. Менделеева, жена поэта-символиста Александра Александровича Блока (1880—1921), автора поэмы «Двенадцать» (1918).

и признавайтесь, а лучше бы не написали». После этого он повернулся и пошел к двери, ведущей на эстраду. Это был Гумилев.

Вернувшись в зал, который продолжал бушевать, я увидел Гумилева, спокойно стоявшего, облокотившись о лекторский пюпитр, и озиравшего публику своими серо-голубыми глазами. Так, вероятно, он смотрел на диких зверей в джунглях Африки, держа наготове свое верное нарезное ружье. Но теперь его оружием была поэзия. И когда зал немного утих, он начал читать свои газеллы, и в конце концов от его стихов и от него самого разлилась такая магическая сила, что чтение его сопровождалось бурными аплодисментами. После этого, когда появился Блок, никаких демонстраций уже больше не было.

По окончании утренника Георгий Иванов познакомил меня с Гумилевым. Узнав, что я пишу стихи, Николай Степанович предложил мне прогуляться с ним. Мы пошли по Летнему Саду. Был весенний, хотя все еще прохладный день. Солнце пробивалось сквозь деревья, опущенные молодой листвой, и ложилось светлыми бликами на белый мрамор статуй, на желтый песок аллей и на чуть пробивающуюся траву. Мы представляли довольно странную пару в большевистском Петербурге. Я «донашивал» лицейскую форму. На мне была лицейская фуражка, и одет я был в черное пальто с золотыми пуговицами, на которых сияли двуглавые орлы, а на Гумилеве было элегантное пальто английского покроя и фетровая шляпа. Он ведь еще недавно вернулся из Англии.

Гумилев попросил меня прочесть свои стихи, и я прочел одно, как сейчас помню, начинавшееся следующими строками:

Твой портрет в деревянной раме
Смотрит вдумчиво со стены.
Ах, стихи о Прекрасной Даме
Не тебе ли посвящены?

Когда я кончил, Гумилев сказал: «Хорошо. Запоминаются». И повторил первую строфу. «Но почему 'Прекрасная Дамы'?» — добавил он с улыбкой. «Лучше бы Беатриче или Ленора». Тем не менее я был на седьмом небе и сейчас уже не помню, как закончилась наша прогулка, что еще Гумилев говорил, и как мы расстались. Вскоре после этого я бежал из красного Петербурга на Мурман и больше уже никогда Гумилева не видал. Но эта личная встреча и «акколада» мастера, давно уже почти боготворимого мной, запомнились на всю жизнь так ясно и рельефно, как будто это случилось только вчера³⁰.

В издававшемся в Лондоне под редакцией А.В. Тырковой-Вильямс Комитетом освобождения России³¹ еженедельном журнале «Russian Life» («Русская жизнь») появились сообщения о репрессиях в Петрограде — арестах и расстреле 24 августа 1921 г. 61 человека по «делу Таганцева». В сентябрьском номере 1921 г. была

³⁰ Kreid 1989, 200–202.

³¹ Комитет был основан по инициативе М.И. Ростовцева, П.Н. Милюкова и А.В. Тырковой-Вильямс в феврале 1919 г., причем М.И. Ростовцев являлся председателем, а А.В. Тыркова — секретарем его центральной группы.

опубликована заметка Л. Чацкого (Л.И. Страховского) об убийстве Н.С. Гумилева. По его воспоминаниям, Гумилев был гордым и сильным духом человеком, убежденным монархистом, однако не был ни жестоким, ни злобным, говорил о большевиках с иронией, но без ненависти³².

Много лет спустя Л.И. Страховский опубликовал книгу «Три поэта современной России» о Н.С. Гумилеве, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштаме, частично основанную на личных воспоминаниях³³. Георгий Иванов, участник «Цеха поэтов», опубликовал на нее рецензию в парижском журнале «Возрождение», где иначе описаны обстоятельства знакомства Л.И. Страховского с Н.С. Гумилевым:

В начале 18 года Гумилев познакомил меня с молодым поэтом Леонидом Страховским. Поэт был очень молод, был, в сущности, еще подростком — революция застала его на школьной скамье, и теперь в большевистском Петербурге он беспечно «донашивал» «контрреволюционную форму» Александровского лица. Несмотря на юность, он был сдержан, серьезен и много говорил о поэзии, обнаруживая настоящие познания и вкус. Гумилев явно ему покровительствовал. Стихи молодого Страховского нравились Гумилеву — он называл их «акмеистическими» — в устах Гумилева серьезная похвала. Понравились, помню, стихи и мне — в них было то же, что в облике их юного автора — сдержанность, ясность, приятная «петербургская сухость», за ними чувствовались вкус и культура ... Мне сразу вспомнилась серьезность полу-мальчика лицеиста, скупая сдержанность его суждений, всегда подкрепленная основательной эрудицией.

Рецензент, посчитавший, что автор-историк перегрузил книгу ссылками на источники, «почти не дает голоса самому себе, человеку, тонко чувствующему русскую поэзию, умеющему и проницательно оценить особенности таких разных поэтов, как Гумилев, Ахматова и Мандельштам и — без всяких источников и ссылок, опираясь только на свое критическое чутье, — показать то вечное, главное, что их троих неразрывно связывает»³⁴. Г.В. Иванов напомнил читателям, что Н.С. Гумилев был расстрелян по тому же Таганцевскому делу, что и отец Л.И. Страховского — И.М. Страховский. Напротив, А.А. Ахматова назвала автора «Трех поэтов...» «Щацким» за недостоверность рассказов о О.Э. Мандельштаме и с явной издевкой резюмировала: «И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т.п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки»³⁵.

Летом 1918 г. Л.И. Страховский бежал из Петрограда на север и стал участником Белого движения: молодой человек, хорошо знавший европейские языки, стал офицером связи при союзниках в Мурманске, служил секретарем управляющего делами Мурманского Совета Г.М. Веселаго, затем на той же должности в Архангельске, в 1919 г. эвакуировался на английском военном корабле в Великобританию, где в то время жил М.И. Ростовцев. В Лондоне, скорее всего при помощи дяди и А.В. Тырковой-Вильямс, Л.И. Страховский познакомился

³² Kaznina 1997, 41.

³³ Strakhovsky 1969.

³⁴ Ivanov 1950, 198.

³⁵ Akhmatova 1965, 43.

с В.В. Набоковым³⁶ и Г.П. Струве³⁷. Осенью 1920 г. Леонид попытался вернуться в Крым в армию барона П.Н. Врангеля. 2 октября 1920 г. М.И. Ростовцев из Мэдисона просил А.В. Тыркову-Вильямс о содействии: «На днях получил письмо от Страховского, где он пишет, что едет на юг и что ему надо экипироваться. Так как он писал, что уезжает уже в начале октября, то я вынужден был послать Вам телеграмму с просьбой выдать ему 25 фунтов на экипировку. Посылаю Вам чек на эту сумму»³⁸. Глеб Струве вспоминал об этом эпизоде жизни Л.И. Страховского: «В 1920 году, уже в Англии, он вздумал поехать к Врангелю в Крым. Попал под самый занавес и возвращался назад одиночкой, через Марсель, с большими приключениями (во всяком случае, так любил рассказывать). Отрастил себе бакенбарды и когда, в очень замухрышчатом виде, явился в один знакомый русский дом в Лондоне и ему открыла дверь старая няня, то она пошла докладывать хозяйке: “Барыня, барыня! Вас там не то Евгений Онегин, не то сам Пушкин спрашивает”. Так рассказывал сам Страховский, который после того взял себе как псевдоним имя Чацкого»³⁹.

Поражение Белого движения привело к тому, что с конца 1920 г. Л.И. Страховский осел в Лондоне, причем М.И. Ростовцев, уже перебравшийся в Мэдисон (США) и вынужденный содержать племянника за собственный счет, уговаривал его переехать в Новый Свет. Забота об обездоленных близких, остававшихся в Советской России, о семье эмигрировавшего в Париж брата Федора⁴⁰ и «племяннике Ленике» угнетала М.И. Ростовцева — «честью не прокормишься и других не прокормишь»⁴¹. «Моя песенка спета... я превратился в американского профессора. Довольно жалкое положение, но когда на руках четыре семьи, кроме тебя самого, то приходится искать чего-нибудь не эфемерное... Что же делать с Леником? Вы писали мне о нем кисло, и я с Вами согласен, в нем много неважного. Но все же, он исполнил свой долг лучше, чем многие, и бросить я его не

³⁶ Набоков Владимир Владимирович (1899–1977; с начала 1921 печатался под псевдонимом Владимир Сирин), писатель, поэт, переводчик, литературовед, энтомолог. С апреля 1919 г. в эмиграции в Европе и США.

³⁷ Струве Глеб Петрович (1898–1985), поэт, литературный критик, литературовед, переводчик; сын академика П.Б. Струве. С 1919 г. в эмиграции в Европе и США.

³⁸ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 482.

³⁹ Malikova 2007, 232.

⁴⁰ Ростовцев Федор Иванович (20.04.1878, Киев — 12.12.1933, Париж), младший брат М.И. Ростовцева, стал военным, участник русско-японской и Первой мировой войн, дослужился до чина генерал-майора Генерального штаба (1917), участник Белого движения в составе Вооруженных сил Юга России. Эмигрировал вместе с женой во Францию, в начале 1921 г. в Париже он «так и не нашел заработка», «толкаясь по кадетским собраниям» в поисках куска хлеба, затем устроился преподавателем истории в Русской гимназии в Париже, параллельно преподавал «русские» предметы в парижских лицеях Бюффон и Генриха IV. С 1931 г. он был членом учебного комитета Высших военно-научных курсов, вошел в правление Союза русских офицеров-участников войны, где занимался организацией лекционной и дискуссионной работы, стал членом Союза галлиполийцев, печатал статьи в еженедельнике «Борьба за Россию» и ежемесячном журнале «Часовой». Через неделю после его смерти его вдова О.Н. Ростовцева (урожд. Лишина) покончила жизнь самоубийством в возрасте 52 лет.

⁴¹ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 482.

могу», — сообщал Михаил Иванович в письме, написанном не ранее 22 октября 1920 г. А.В. Тырковой-Вильямс⁴².

Несколько лет подряд «никчемный племянник» не радовал дядю своим поведением. 24 февраля 1921 г. М.И. Ростовцев писал А.В. Тырковой-Вильямс: «Теперь выписываю сюда... Леника из Лондона. Боюсь, что мальчик в Лондоне совсем расхлебается, он и без того морально не очень прочен. Здесь, надеюсь, его зажмут в тиски. Но это все стоит денег, денег и денег»⁴³. М.И. Ростовцев сообщал ей 6 апреля 1921 г.: «Он мне написал полуотказ на мое приглашение в Америку, и я считаю это дело конченным. К тому же мне и не под силу держать его здесь. Написал ему, что буду его поддерживать еще 4 месяца, а затем пусть устраивается. Из его учения здесь все равно ничего бы не вышло. Он мальчик двуликий, по наследству от мамы... При этих условиях, где мне еще тратить деньги на здорового молодого человека, когда на руках три инвалида, сам добудет»⁴⁴, а 7 мая 1921 г. констатировал: «Моего лодыря Леника, который пишет стихи и, пока видно, ничего не делает, поддерживать, как видно, не стоит. Исполню обещание и пусть действует, как знает»⁴⁵.

Почти одновременно Л.И. Страховский, В.В. Набоков и Г.П. Струве перебрались в Берлин, который по определению В.Ф. Ходасевича стал «мачехой русских городов». Здесь втроем они покинули содружество писателей, художников и музыкантов «Веретено» — взамен Л.И. Страховский 8 ноября 1922 г. организовал маленький полутайный частный литературный кружок под предложенным им же названием «Братство Круглого Стола» (аллюзия к британскому эпосу о легендарном короле Артуре и его рыцарях), в котором сам стал секретарем и вел протоколы заседаний. В кружок вошли закончившие английские университеты Г.П. Струве и В.В. Набоков, В.А. Амфитеатров-Кадашев (председатель кружка), писатель С. Горный (Александр Оцуп), С. Кречетов, прозаик И. Лукаш, В.Е. Татаринов и др. Г.П. Струве вспоминал, что его заседания «все больше и больше носили характер дружеских литературных встреч, на которых участники читали свои произведения в стихах и прозе»⁴⁶. Он опубликовал четыре шаржа на членов кружка, из них два на В.В. Набокова, выполненные неплохо рисовавшим Л.И. Страховским. Исследователь творчества В.В. Набокова литературовед А. Бабилов подметил: «Для трех самых молодых и активных членов “Братства”, трех начинающих поэтов, почти ровесников (Струве, Чацкого и Набокова), английские литературные ассоциации названия были знаком их тайного культурного сродства. Все трое только что приехали из Англии, где Струве и Набоков дружились в 1919 г. (причем именно Струве, поступивший в Оксфорд, посоветовал Набокову, увлеченному естествознанием, выбрать Кембридж), Чацкий же, отбывший из Архангельска в Англию на британском военном корабле, был лондонским приятелем Струве. Всех троих отличал британский или “псевдобританский

⁴² Бахметьевский архив. Фонд Тырковой. Картон 2. Ед. хр. Письма без даты.

⁴³ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 483.

⁴⁴ The British Library. Mss. Funds. H. Williams Papers. Add. 54436 (письма М.И. Ростовцева). P. 18a.

⁴⁵ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 485.

⁴⁶ Struve 1982, 190–193.

пошиб”, которым Набоков позднее наделит некоторых своих героев»⁴⁷. В 1922 г. Л.И. Страховский опубликовал в Берлине первый поэтический сборник «Ладья: Стихи» под псевдонимом Леонид Чацкий⁴⁸, книгу «Фантазии лорда Генри»⁴⁹, стал участником литературного альманаха «Медный всадник». Эти литературные опусы начинающего Чацкого, прежде всего «слабые бескрылые» стихи и клишированность лексики, В.В. Набоков подверг резкой безжалостной критике в рецензии, оставшейся тогда неопубликованной⁵⁰.

6 июля 1922 г. М.И. Ростовцев из Мэдисона вновь жаловался Ариадне Владимировне: «Ужасно угнетает меня Леник. Тянет деньги как насос, а между тем мальчик здоровый и мог бы работать. А он... пишет стихи! Не можете ли Вы его к какому-нибудь делу определить?»⁵¹. Видимо, А.В. Тыркова-Вильямс попыталась смягчить негодование Михаила Ивановича, так как 30 июля 1922 г. он ей ответил: «Я исполнил то, что Вы советовали Ленику, и послал ему 15 фунтов на поездку в Прагу, но уверен, что он деньги истратит, а в Прагу не поедет. К сожалению, это последние деньги, которые я могу ему послать. Посылки в Россию и помощь братьям съедают все, что я имею, и я сам живу жалкой жизнью полунящего, во всем себе отказывая. Что молодой человек возраста Леника не мог найти заработка, не верю. Брезгает. Хочет приятной работы. Послал ему денег только потому, что он просил о них, ссылаясь на Вас»⁵².

Тема висящего над М.И. Ростовцевым дамоклова меча необходимости финансовой помощи родне звучит рефреном во многих письмах из Мэдисона: «Вы не можете себе представить, в какой провинциальной глуши я сижу, чтобы зарабатывать деньги... на содержание своих родственников, так как на себя я ровно ничего не трачу. Тысячи верст до каких бы то ни было центров, и никакой возможности передвигаться за отсутствием денег и дороговизной сообщения... У меня решительно не хватает сил работать на 20 человек. Достаточно того, что я сам себя отправил в ссылку» (6 июля 1922 г.); «Все деньги съедают родственники и друзья, и так, очевидно, будет до конца дней моих, так как русская интеллигенция вымирать будет долго. Оказалась живучей, хотя со склонностью жить за чужой счет» (26 августа 1922 г.)⁵³.

По свидетельству Г.П. Струве, заседания «Братства Круглого Стола» в Берлине продолжались и в 1923 г., но бытовая неустроенность и неопределенность заставили Л.И. Страховского уехать в Бельгию: он стал учиться на историческом факультете Лувенского католического университета (1924–1928). В Лувене Л.И. Страховский получил степень доктора истории, стал преподавать как

⁴⁷ Babikov 2015, 129.

⁴⁸ Все поэтические сборники Л.И. Страховского не так давно переизданы в электронном виде и доступны в интернете: Страховский, Л.И. Ладья: собрание стихотворений. Сост. и коммент. А. Степанова. Б.м., 2017.

⁴⁹ Подробнее о литературном творчестве Л.И. Страховского в эмиграции см. Nosov 2020.

⁵⁰ Babikov 2015, 132, 137–142.

⁵¹ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 488.

⁵² The British Library. Mss. Funds. H. Williams Papers. Add. 54436 (письма М.И. Ростовцева). P. 25–25a.

⁵³ Bongard-Levin, Tunkina 1997, 487–489.

профессор русской истории, издал там исторический опус «L'empereur Nicolas 1er et l'esprit national russe»⁵⁴ и ряд литературных произведений в Брюсселе — «Мистерия: В восьми рассказах» (1927), второй поэтический сборник «У антиквара: Стихи» (1927).

К концу 1920-х годов Л.И. Страховский все же перебрался в США, где с 1928 г. стал личным ассистентом католического священника, профессора геополитики, основателя школы внешнеполитической службы (School of Foreign Service) Джорджтаунского университета в Вашингтоне Э. Уолша, вскоре стал лектором политической и дипломатической истории Европы, профессором новейшей истории Европы в том же университете (1936), затем профессором европейской истории университета штата Мэриленд (1937–1942).

В 1943 г. Л.И. Страховской был приглашен в Гарвардский университет, где преподавал русский язык и литературу (1943–1948). В.В. Набоков, в те же годы оказавшийся в США и безуспешно искавший постоянное место в каком-либо университете или колледже (в том числе с помощью М.И. Ростовцева), в октябре 1943 г. оказался конкурентом Л.И. Страховского при рассмотрении кандидата на кафедру русского языка, литературы и истории в колледже искусства и науки в г. Оберлин (штат Огайо). М.И. Ростовцев выдвинул на рассмотрение своего племянника и В.В. Набокова, подчеркнув в представлении последнего: «Сложный момент состоит в том, что он не историк и, очевидно, очень мало осведомлен в русской истории»⁵⁵. Между тем, Л.И. Страховский в том же году получил место в Гарварде. Один из его студентов по Гарварду Дж. Мойнаган, впоследствии исследователь творчества Набокова, вспоминал о Леониде Ивановиче как о талантливом, педантичном и эмоциональном человеке с богатым воображением: «Он, случалось, рыдал, рассказывая о казни своего любимого поэта Гумилева»⁵⁶.

По утверждению А. Бабикова, в США В.В. Набоков говорил о Л.И. Страховском с иронией: «Он никогда не упоминал о том, что состоял с Чацким в одном литературном объединении, имел с ним общих друзей, рецензировал его стихи. Уже будучи в Америке, когда он давно потерял Чацкого из виду (убедившись лишь в том, что поэта из него не вышло), Набоков узнал о новом его амплуа профессора словесности»⁵⁷. Так, 25 декабря 1943 г. он написал Роману Гринбергу из американского Кембриджа: «В Гарварде учительствует человек по фамилии Cross, знающий только середину русских слов и совершенно игнорирующий приставки и окончания. Из двух его сподручных один все сводит на Польшу, а другой, Леонид Страховский (в двадцатых годах, в Берлине, писавший стихи под акмеистов и подписывавшийся “Леонид Чацкий”), занимает студентов собственными поэмами, которые он их заставляет учить наизусть и все рассказывает о большом своем друге и сподвижнике Гумилеве (которого он вряд ли когда-либо видел), так что Гумилев стал в некотором роде посмешищем у студентов»⁵⁸. Через

⁵⁴ Wilcox, Strakhovsky 1928.

⁵⁵ Bongard-Levin 1997b, 295–296.

⁵⁶ Babikov 2015, 133.

⁵⁷ Babikov 2015, 133.

⁵⁸ Yangirov 2001, 481.

десятилетие после смерти Л.И. Страховского В.В. Набоков крайне сухо, с явным неодобрением написал о нем: «Мы встречались на литературных вечерах в Берлине полвека тому назад. Он сочинял стихи. Носил монокль. Был лишен чувства юмора. Он многословно, с драматическими подробностями рассказывал о своих фронтовых и гражданских приключениях»⁵⁹. «Крайне слабые» стихи Л.И. Страховского вызывали недоумение и у ряда современников: «Самое страшное для поэзии — стихи профессора (или профессоров, например, Страховского)», — писал 15 июля 1955 г. Ю. Терапиано в письме В.Ф. Маркову⁶⁰.

Став с годами видным историком-славистом, Л.И. Страховский издал в США ряд исторических трудов о событиях иностранной военной интервенции и Гражданской войны в Архангельске, участником которых являлся сам⁶¹, а также книгу об императоре Александре I как победителе Наполеона⁶², справочник по славяноведению⁶³, всего 13 книг, большей частью на английском языке, множество статей и обзоров в канадской, американской и английской прессе, а также в русской эмигрантской периодике — его стихи, статьи и рецензии появлялись в русских зарубежных журналах «Возрождение», «Грани», «Новый журнал» и т.д.

Последний период жизни Л.И. Страховский провел в Канаде, где преподавал как профессор русской истории и литературы в Департаменте славянских исследований Торонтского университета (1950—1963). Здесь он издал книгу «Мнения американцев о России (1917—1929)»⁶⁴ и ряд других исследований. Леонид Иванович стал президентом Канадской ассоциации славистов (1956—1957) и был одним из основателей «Canadian Slavonic Papers» (1956), соредактором «Американского славянского и восточно-европейского обозрения», состоял членом торонтовской художественной галереи и лондонского Авторского клуба. В Торонто был издан третий поэтический сборник «Долг жизни: третья книга стихов» с посвящением «Памяти безукоризненного поэта, совершенного кудесника русского слова, дорогого и уважаемого Друга и Учителя Николая Гумилева» (1953). Л.И. Страховский также был основателем и до своей смерти оставался главным редактором первого в истории Канады русского толстого журнала «Современник: Журнал русской культуры и национальной мысли» (Toronto: Sovremennik Pub. Association, 1960—1980). Леонид Иванович был женат на Флоренс Страховской⁶⁵.

Практически неизвестные в России воспоминания о М.И. Ростовцеве «Дядя Миша», опубликованные Л.И. Страховским в парижской газете «Русская мысль», повествуют о его визитах в петроградскую квартиру академика и встречах с М.И. Ростовцевым в эмиграции. Воспоминания охватывают период с весны

⁵⁹ Babikov 2015, 134.

⁶⁰ Korostelev, Sheron 1998, 276.

⁶¹ Strakhovsky 1937; 1944 (2-е изд. 1971).

⁶² Strakhovsky 1949b.

⁶³ Strakhovsky 1949a.

⁶⁴ Strakhovsky 1961a.

⁶⁵ Florence C. Strakhovsky, URL: <https://www.geni.com/people/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87/6000000041188039190>; дата обращения: 04.06.2024.

1913 г. вплоть до середины 1940-х годов, когда М.И. Ростовцев тяжело заболел (1944)⁶⁶; вскоре Л.И. Страховский переехал из США в Канаду, и, видимо, поддерживал связь только с тетей С.М. Ростовцевой.

«ДЯДЯ МИША»

ПАМЯТИ М.И. РОСТОВЦЕВА

Еще мальчиком услышал я однажды, сказанное матерью: «Дядя Миша — ученый». И слова эти слова сразу залегли в память, а к неизвестному еще дяде Мише проникся и большим уважением, связанным даже с некоторой долей страха. Дядя Митя⁶⁷ (гвардеец) — строгий, дядя Федя⁶⁸ (тоже военный, но армейский) — веселый, дядя Павлик⁶⁹ (товарищ прокурора и младший из братьев моей матери) — совсем балагур, а вот дядя Миша — ученый.

В этом слове «ученый» был какой-то холодок. Я представлял себе дядю Мишу совсем не таким, каким он был изображен на фотографии, стоявшей в рамке на столике в нашей гостиной, а каким-то полубогом, согбенной спиной, обязательно с длинной курчавой бородой (как у Моисея Микель Анджело) и обладающего какой-то неизвестной, таинственной силой. «Ученый» — это ведь, должно быть, значит, что он все знает. Все! И от этого мурашки бегали по спине.

И годы спустя, когда приехал в Петербург весной 1913 года сдавать вступительные экзамены в Императорский Александровский Лицей и должен был остановиться у дяди Миши, впечатление детства было все еще со мной. С каким-то внутренним трепетом поднимался я по, казалось, бесконечным ступеням дома музыкального магазина Зингера на Морской улице под номером 34, где на последнем пятом этаже была квартира дяди Миши. «Высоко живет, как и полагается полубогу».

А встретил меня добродушный человек небольшого роста с волосами бобриком, подставивший мне свою выбритую щеку для поцелуя. Только глаза были острые,

⁶⁶ Письма Л.И. Страховского дяде американского периода хранятся в архивном фонде М.И. Ростовцева в библиотеке особых коллекций Дьюкского университета, но ознакомиться с ними мне не удалось.

⁶⁷ Ростовцев Дмитрий Иванович (31.08. 1867—1937), старший брат М.И. Ростовцева, служил в лейб-гвардии Павловском полку (1914—1916) в Санкт-Петербурге (шефом которого был Николай II), причислен к Министерству Императорского двора (с 28.07.1914) с оставлением в списках полка, исправляющий должность управляющего Канцелярией Дворцового коменданта (1915—1916), генерал-майор (06.12.1916, за отличие) с зачислением по гвардейской пехоте, генерал для особых поручений при Дворцовом коменданте (1916—1917). С 1920 г. жил с семьей (жена и трое малолетних детей) на собственной даче в Цихиздзири (ныне Кобулетский муниципалитет Аджарии, Грузия). Вынужден был подрабатывать игрой на скрипке; семья выживала за счет приусадебного участка и сдачи комнат дачникам на летний период, а также за счет денежных переводов брата из США. Неоднократно подвергался арестам и ссылке, погиб в 1937 г.

⁶⁸ См. прим. 41.

⁶⁹ Ростовцев Павел Иванович (1880—?) служил по ведомству Министерства юстиции: товарища прокурора (с 1915 г.) Оренбургского окружного суда (1907—1916) сначала в чине титулярного советника (на 1912—1913 г.) как товарищ прокурора «по камере», затем коллежского асессора (на 1916—1917 г.), осуществляя прокурорский надзор в суде. Дальнейшая судьба неизвестна.

пронзительные, так, казалось, видят все до самой глубины души. Таким образом оказалось, что дядя Миша, хотя и ученый, но человеческий, простой и добрый.

После поступления в Лицей, где я был живущим, я часто приходил в «отпуск» к дяде Мише на Морскую 34. Бывало, пройдя по огромной гостиной, в которой целиком могла бы поместиться современная квартира, я входил в кабинет и заставлял дядю Мишу за работой. После обычного поцелуя я садился в огромное, низкое, кожаное кресло, стоявшее сбоку, у письменного стола и ждал, когда дядя Миша кончит писать.

За окнами вечерело. На столе горела лампа под зеленым стеклянным абажуром. С левой стороны белела стопка бумаги с слегка отогнутыми полями, а справа такая же стопка, покрытая мелким убористым почерком. В книжных шкапах и на книжных полках чуть поблескивали золотом корешки книг.

Было тихо и просторно в большом кабинете, как во храме. Изредка заглушенно доносились звуки наигрываемых инструментов из музыкального магазина внизу. И эти неясные звуки, казалось, были неотъемлемой частью кабинета-храма. Частью ритуала, в котором дядя Миша был «великим жрецом».

В Лицее преподаватели словесности и русской истории давали мне большую свободу. Я даже читал рефераты перед своим собственным классом. Дядя Миша всем этим очень интересовался. Но когда я решил прочесть реферат у преподавателя латинского языка, Алексея Федоровича Каля⁷⁰, которого дядя Миша знал, то он, наконец, принял меня всерьез. Я обсуждал с ним тему для реферата и мы, в конце концов, остановились на Пергамском храме.

Дядя Миша достал снимки для волшебного фонаря и, просматривал их со мной, «натаскивал» меня, объясняя детали, указывая на особенности и заражая меня своим восхищением от этого замечательного памятника эллинистической культуры. После реферата я должен был подробно ему рассказать, как все прошло, и получил его одобрение. Как я был горд! Ведь я получил похвалу от ученого, и не просто ученого, а видного, с мировой славой и при этом моего дяди. Может быть, подсознательно это и было первым толчком много лет спустя направившим меня на путь историка.

У дяди Миши я встречал многих выдающихся представителей ученого мира, литературы и русской общественности. Иногда при встрече с членами кадетской партии, к которой дядя Миша принадлежал, я чувствовал, что дядю Мишу слегка смущал мой лицейский мундир, но зато однажды моя форма явилась плюсом. Когда великий князь Константин Константинович (К.Р.)⁷¹ готовил к постановке

⁷⁰ Каль Алексей Федорович (1878–1948), латинист, музыковед, пианист, преподаватель по классу фортепиано; магистр теории и истории искусств (1903), преподаватель классических языков в 6-й петербургской гимназии (1903–1908), Александровском лицее, приват-доцент по кафедре истории и теории искусств (история музыки) историко-филологического факультета Петербургского-Петроградского университета (1904–1918), председатель правления Санкт-Петербургской народной консерватории (1908–1918). Умер в Калифорнии.

⁷¹ Константин Константинович (Романов; поэтический псевдоним К.Р.; 1858–1915), великий князь, государственный и военный деятель, организатор науки, поэт, композитор, музыкант; президент Имп. АН (1889–1915), председатель Имп. Русского археологического общества (1892–1915).

в Эрмитажном театре свою драму «Царь Иудейский»⁷², он приезжал к дяде Мише советоваться о костюмах, бутафории и декорациях, дабы все было исторически верно. Раз великий князь засиделся в кабинете у дяди Миши в мой «отпускной» день. Мне пришлось ждать в гостиной.

Выходя из кабинета, великий князь заметил меня и после того, как дядя Миша представил меня, очень ласково начал со мной беседовать. Причиной этому был мой лицейский мундир, так как сын великого князя, Олег Константинович⁷³, убитый в самом начале войны талантливый поэт, как его отец, был воспитанником Лицея, и Лицей, и лицеисты были дороги великому князю. На дядю Мишу это внимание великого князя ко мне производило впечатление.

После февральской революции, когда Лицей закрылся, потому что он не мог дольше существовать в качестве привилегированного учебного заведения, а стать общедоступным он не захотел, я поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков и начал изучать китайский и японский языки, так как тогда я все еще думал о дипломатической карьере. Но верность мою Лицею я сохранил и даже в университете продолжал носить лицейскую серую тужурку с красными петлицами. Дяде Мише это не нравилось, и он все меня убеждал, чтобы я заменил красные петлицы синими. Но я отнекивался, говоря, что денег нет, а когда дядя Миша деньги предложил, то я стал дело тянуть. В конце концов, я так петлиц и не переменял даже при большевиках и верность Лицею сохранил.

После отъезда дяди Миши из России⁷⁴ я попал на Мурман и провел почти два года на Севере, участвуя в гражданской войне. Только уже находясь в лагере в Финляндии в 1920 году, узнал я случайно, что дядя Миша находится в Англии, в Оксфорде. Я ему писал, и он меня вызволил.

По приезде в Англию я некоторое время провел у него в Оксфорде. Он тогда был накануне своего отъезда в Соединенные Штаты⁷⁵. Несколько лет спустя, когда я был студентом Лувэнского университета в Бельгии и к высшему удовольствию дяди Миши на историческом факультете, я опять с ним свиделся, когда он приехал на торжества 500-летия Лувэнского университета в 1925 году. А когда

⁷² М.И. Ростовцев с 1911 г. активно консультировал великого князя при написании текста, составлении научного комментария и театральной постановке драмы «Царь Иудейский» в Эрмитажном театре: премьера состоялась 9 января, текст опубликован в конце октября 1914 г. (Романов, К.К. (К.Р.). *Царь Иудейский: драма в 4-х действиях и 5-ти картинах*. СПб., 1914). Подробнее см. Zuev 1997.

⁷³ Олег Константинович Романов (1892–1914), князь императорской крови, четвертый сын вел. кн. Константина Константиновича, выдержал экзамены за курс кадетского корпуса (1910) и поступил в Александровский лицей, который закончил с серебряной медалью (1913), произведен в корнеты лейб-гвардии гусарского полка (1913), принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном фронте (1914), смертельно ранен в кавалерийском бою, за храбрость награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, скончался от раны в госпитале в Вильно.

⁷⁴ Под предлогом заграничной командировки от РАН и Петроградского университета М.И. и С.М. Ростовцевы в конце июня 1918 г. покинули Россию на пароходе, через Швецию и Норвегию добрались до Великобритании, с конца августа 1918 г. обосновались в Оксфорде. См. Tunkina 1997, 92.

⁷⁵ М.И. и С.М. Ростовцевы на пароходе покинули Великобританию 18 августа 1920 г. и переселились в США.

три года спустя, и я переселился в Соединенные Штаты, я уже дядю Мишу опять видел часто в его уютной, такой профессорской, квартире в Нью Хэвене.

Последние годы его жизни он был очень болен, да и мне пришлось переехать в Канаду, и мы не видались. Но теперь, когда его больше нет, я храню, как драгоценность, одно из его последних писем, в котором он похвалил одну из моих исторических книг, сказав, что она «написана интересно, а местами даже блестяще».

Много времени ушло со времени моего реферата о Пергамском храме, но теперь я твердо знаю, что дяде Мише-ученому я обязан не только за первый толчок на пути историка, но и за постоянное «подталкивание» на этом пути, дяде Мише — брату моей матери — за человечность и доброту, неизменные на протяжении всех этих долгих лет. Спасибо тебе, дядя Миша.

Леонид Страховский⁷⁶

Литература / References

- Akhmatova, A. 1965: [Mandelstam (Pages from the Diary)]. In: R.N. Grinberg (ed.), *Vozdushnye puti. Al'manakh [Airways. The Almanac]*. Vol. IV. New York, 23–43.
Ахматова, А. Мандельштам (листки из дневника). В сб.: Р.Н. Гринберг (ред.), *Воздушные пути. Альманах*. Т. 4. Нью Йорк, 23–43.
- Babikov, A. 2015: [On the History of the Berlin «Brotherhood of the Round Table». An Unknown Review by Nabokov]. *Novyy zhurnal [New Journal]* 281, 128–146.
Бабилов, А. К истории берлинского «Братства Круглого стола»: Неизвестная рецензия Набокова. *Новый журнал* 281, 128–146.
- Bongard-Levin, G.M. (ed.) 1997a: *Skifskiy roman [Scythian Novel]*. Moscow.
Бонгард-Левин, Г.М. (ред.). *Скифский роман*. М.
- Bongard-Levin, G.M. 1997b: [M.I. Rostovtzeff and Vladimir Nabokov]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman [Scythian Novel]*. Moscow, 290–299.
Бонгард-Левин, Г.М. М.И. Ростовцев и Владимир Набоков. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 290–299.
- Bongard-Levin, G.M., Litvinenko, Yu.N. (eds.) 2003: *Parfyanskiy vystrel [Parthian Shot]*. Moscow.
Бонгард-Левин, Г.М., Литвиненко, Ю.Н. (ред.), *Парфянский выстрел*. М.
- Bongard-Levin, G.M., Bukharin, M.D., Tunkina, I.V. (eds.) 2003: [Scythian World of M.I. Rostovtzeff and E.H. Minns]. In: G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko (eds.), *Parfyanskiy vystrel [Parthian Shot]*. Moscow, 477–544.
Бонгард-Левин, Г.М., Бухарин, М.Д., Тункина, И.В. (ред.). Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.), *Парфянский выстрел*. М., 477–544.
- Bongard-Levin, G.M., Tunkina, I.V. (eds.) 1997: [M. Rostovtzeff's Letters to A. Tyrkova-Williams and H. Williams]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman [Scythian Novel]*. Moscow, 461–500.
Бонгард-Левин, Г.М., Тункина, И.В. (ред.). Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 461–500.
- Butorov, N.V. 2009: *Prozhitoe (1905–1920) [Memoirs (1905–1920)]*. Moscow.
Буторов, Н.В. *Прожитое (1905–1920)*. М.
- Ivanov, G.V. 1950: [Three Poets]. *Vozrozhdenie. Literaturno-politicheskie tetradi [Renaissance. Literary and Political Monthly Review]* 9, 198–199.
Иванов, Г.В. Три поэта. *Возрождение. Литературно-политические тетради* 9, 198–199.
- Kaznina, O.A. 1997: *Russkie v Anglii: russkaya emigratsiya v kontekste russko-angliyskikh literaturnykh svyazey v pervoy polovine XX veka [Russians in England: Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Relations in the First Half of the 20th Century]*. Moscow.

⁷⁶ Strakhovsky 1953, 4.

- Казнина, О.А. *Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века*. М.
- Korostelev, O.A., Sheron, Zh. (eds.) 1998: [«...This Epoch has been Imprinted in Our Memory Forever...». Letters from Yu.K. Terapiano to V.F. Markov (1953–1966)]. In: V. Alloy (ed.), *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* [*The Past: A Historical Almanac*]. Issue 24. Saint Petersburg, 240–378.
- Коростелев, О.А., Шерон, Ж. (ред.): «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда». Письма Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову (1953–1966). В сб.: В. Аллой (гл. ред.), *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 24. СПб., 240–378.
- Kreid, V. 1989: [Leonid Strakhovsky. About Gumilyov (1886–1921)]. In: V. Kreid (ed.), *Nikolay Gumilyev v vospominaniyakh sovremennikov* [*Nikolai Gumilev Remembered by Contemporaries*]. Paris–New York–Düsseldorf, 200–202.
- Крейд, В. Леонид Страховский. О Гумилеве (1886–1921). В сб.: В. Крейд (ред.), *Николай Гумилев в воспоминаниях современников*. Париж–Нью Йорк–Дюссельдорф, 200–202.
- Malikova, M.E. (ed.) 2007: [Gleb Struve's Letters to Vladimir and Vera Nabokov]. *Russkaya literatura: istoriko-literaturnyy zhurnal* [*Russian Literature: Historical and Literary Journal*] 1, 215–236.
- Маликова, М.Э. (ред.). Письма Глеба Струве Владимиру иере Набоковым. *Русская литература: историко-литературный журнал* 1, 215–236.
- Mukhachev, Yu.V., Sorokina, M.Yu. 2011: *Russkoe nauchnoye zarubezh'e. Biobibliograficheskiy spravochnik* [*Russian Scientists Abroad: A Biobibliographic Reference Book*]. Moscow.
- Мухачев, Ю.В., Сорокина, М.Ю. (ред.). *Российское научное зарубежье. Биобиблиографический справочник*. М.
- Murzanov, N.A. 2011: *Slovar' russkikh senatorov 1711–1917. Materialy dlya biografii* [*Dictionary of Russian Senators 1711–1917. Materials for Biographies*]. Ed. by D.N. Shilov. Saint Petersburg.
- Мурзанов, Н.А. *Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. Материалы для биографий*. Изд. подг. Д.Н. Шилов. СПб.
- Nosov, N.N. 2020: [L.I. Strakhovsky: Between Symbolism and Acmeism (Based on Foreign Publications)]. *Observatoriya kul'tury* [*Observatory of Culture*] 17/4, 426–437.
- Носов, Н.Н. Л.И. Страховский: между символизмом и акмеизмом (по зарубежным публикациям). *Обсерватория культуры* 17/4, 426–437.
- Strakhovsky, L.I. 1928: *L'Empereur Nicolas Ier et l'esprit national russe*. Louvain.
- Strakhovsky, L.I. 1937: *The Origins of the American Intervention in North Russia (1918)*. Princeton.
- Strakhovsky, L.I. 1944: *Intervention at Archangel: The Story of Allies Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918–1920*. Princeton.
- Strakhovsky, L.I. 1949a: *A Handbook of Slavic Studies*. Cambridge (MA).
- Strakhovsky, L.I. 1949b: *Alexander I of Russia: The Man Who Defeated Napoleon*. New York.
- Strakhovsky, L.I. 1953: [Uncle Misha: M.I. Rostovtzeff in memoriam]. *Russkaya mysl'* [*Russian Thought*] 20 мая, 4.
- Страховский, Л.И. Дядя Миша: памяти М.И. Ростовцева. *Русская мысль* 20 мая, 4.
- Strakhovsky, L.I. 1961a: *American Opinion about Russia, 1917–1929*. Toronto.
- Strakhovsky, L.I. 1961b: [In the Junior Year: Memories from the Lyceum]. *Sovremennik* [*The Contemporary*] 4, 77–80.
- Страховский, Л.И. На младшем курсе: воспоминания о лицее. *Современник* 4, 77–80.
- Strakhovsky, L.I. 1969: *Craftsmen of the Word. Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam*. Westport (CT).
- Struve, G. 1982: [From my Memories about Russian Literary Circle in Berlin]. In: L. Rzhevskiy (ed.), *Tri yubileya Andrey Sedykh: Al'manakh* [*Three Anniversaries of Andrei Sedykh: Almanac*]. New York, 189–194.
- Струве, Г. Из моих воспоминаний об одном русском литературном кружке в Берлине. В сб.: Л. Ржевский (ред.), *Три юбилея Андрея Седых: Альманах*. Нью-Йорк, 189–194.
- Tunkina, I.V. 1997: [M.I. Rostovtzeff and the Russian Academy of Sciences]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman* [*Scythian Novel*]. Moscow, 84–123.
- Тункина, И.В. М.И. Ростовцев и Российская академия наук. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 84–123.
- Tunkina, I.V. 2016: [Tyrkova-Vil'yams Ariadna Vladimirovna]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [*Great Russian Encyclopedia*]. T. 32. Moscow, 600.

- Тункина, И.В. Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна. В кн.: *Большая российская энциклопедия*. Т. 32. М., 600.
- Tunkina, I.V. 2020: [M.I. Rostovtzeff. The Kinship Context. Pt. 1. The Rostovtzeffs and the Lunacharskies]. In: *Bosporskiy Fenomen: Bosporskoe tsarstvo M.I. Rostovtseva (vzglyad iz 21 veka). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Bosporan Phenomenon: Mikhail Rostovisev and the Bosporan Kingdom (Looking Back from the 21st Century). Proceedings of the International Conference]*. Pt. 1. Saint Petersburg, 7–33.
- Тункина, И.В. М.И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 1. Ростовцевы и Луначарские. В сб.: *Боспорский феномен: Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб., 7–33.
- Tunkina, I.V. 2024: [M.I. Rostovtzeff. The Kinship Context. Pt. 2. The Monakhovs – the Roshchins – the Nikitins – the Voskresenskies]. In: A.A. Trofimova, N.C. Jizhina, A.M. Butyagin (eds.), *Dni antikovedeniya v Peterburge: 150 let so dnya rozhdeniya Rostovtseva [The Days of Classical Studies in Saint Petersburg. Dedication to Michael I. Rostovtzeff's 150th Anniversary]*. Saint Petersburg, (forthcoming).
- Тункина, И.В. М.И. Ростовцев: родственный контекст. Ч. 2. Монаховы – Рошины – Никитины – Воскресенские. В сб.: *Дни антиковедения в Петербурге: 150 лет со дня рождения М.И. Ростовцева*. СПб., (в печати).
- Wes, M.A. 1988: The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 37/2, 207–221.
- Wes, M.A. 1990: *Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context*. (Historia. Einzelschriften, 65). Stuttgart.
- Yangirov, R. (ed.) 2001: [Friends, Butterflies and Monsters: The Correspondence of Vladimir and Vera Nabokov with Roman Grinberg (1942–1967)]. In: V. Alloy (ed.), *Diaspora: Novye materialy [Diaspora: New Materials]*. Issue 1. Paris–Saint Petersburg, 477–556.
- Янгиров, Р. (ред.). Друзья, бабочки и монстры: из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1945–1967). В сб.: В. Аллой (ред.), *Диаспора: Новые материалы*. Вып. 1. Париж–СПб., 477–556.
- Zuev, V. 1997: [M.I. Rostovtzeff and Great Prince Konstantin Konstantinovich]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman [Scythian Novel]*. Moscow, 233–247.
- Зуев, В.Ю. М.И. Ростовцев и великий князь Константин Константинович. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 233–247.

DOI: 10.31857/S0321039124020091

ЧТО ПЕЧАТАЛОСЬ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 1939 ГОДУ: ОТЗЫВ В.П. ВОЛГИНА НА ВЫПУСКИ ЖУРНАЛА И ЕГО ОБСУЖДЕНИЕ

М. Н. Кириллова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия*

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

В статье предлагается публикация отзыва академика В.П. Волгина на номера журнала «Вестник древней истории» за 1939 год, а также фрагменты стенограммы заседания с его обсуждением. «Вестник древней истории» в конце 1930-х годов представлял собой уникальное специализированное научное издание, работа над которым носила отпечаток характерных для того времени особенностей научной жизни. Публикуемые документы позволяют судить об этих особенностях, а также о восприятии журнала историками, в том числе других специальностей.

Ключевые слова: советская наука о древности, Вестник древней истории, ИИ АН СССР, В.П. Волгин, А.В. Мишулин, А.Б. Ранович

WHAT WAS PUBLISHED IN THE *JOURNAL OF ANCIENT HISTORY* IN 1939: THE REVIEW OF V.P. VOLGIN AND ITS DISCUSSION

Maria N. Kirillova

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

The article offers a publication of a review by academician V.P. Volgin on the issues of the *Journal of Ancient History* for the year 1939 and some fragments of the meeting transcript with its discussion. In the late 1930s the *Journal of Ancient History* was a unique specialized

scientific historical edition and its preparation bore the imprint of the features of scientific life typical for that time. The published documents make it possible to analyze these features, as well as the perception of the journal by the historians of those times, including specialists of different periods.

Keywords: Soviet Classical studies, *Journal of Ancient History*, Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union, V.P. Volgin, A.V. Mishulin, A.B. Ranovich

Для конца 1930-х годов «Вестник древней истории» был абсолютно уникальным научным изданием. Это был единственный специализированный исторический журнал¹, причем в ту эпоху, когда их создание и финансирование едва ли рассматривалось государством как приоритетная задача². Формирование и популяризация в 1930-е годы первой выдержанной в духе марксизма концепции всеобщей и отечественной истории требовали развития совершенно других проектов, прежде всего написания учебников для школ и вузов, а также многотомных обобщающих научно-популярных изданий³. Выполнение этих работ касалось как Института истории АН СССР в целом⁴, так и сектора древней истории в частности⁵. Разумеется, особенности организации науки этого периода и характерные для 1930-х годов методологические поиски не могли не сказаться на содержании журнала, которое даже при беглом ознакомлении тематически и организационно отличается от выпусков последующих десятилетий.

В этой связи примечателен документ, хранящийся в Архиве РАН, в фонде Отделения истории и философии АН СССР. Это отзыв на номера «Вестника древней истории» за 1939 г. Обстоятельства появления этого документа следующие: в ходе подготовки реформы структуры институтов АН СССР, Президиум АН запросил отчет о качестве подготовленных и готовившихся в 1939 г. научных изданий, такой отчет предстояло дать и Институту истории. Академик-секретарь Отделения общественных наук, известный советский философ-марксист Абрам Моисеевич Деборин попросил об отзыве непосредственно на номера «Вестника» Вячеслава Петровича Волгина, академика с 1930 г., постоянного секретаря АН СССР в 1930–1935 гг., по роду научных интересов – специалиста по истории французской общественной мысли XVIII–XIX вв. Несмотря на то, что Волгин был далек от истории древности, выбор Деборина понятен: Волгин, руководивший в то время подготовкой многотомника «Всемирная история», был знаком

¹ Из существовавших в это же время изданий «Исторический журнал» носил научно-популярный характер, «Историк-марксист» не публиковал специальных исследований отдельных сюжетов: «таких статей, которые являются частью общего вопроса», см. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 1. Л. 86.

² О причинах появления специального журнала, в числе которых не последнюю роль играла личная заинтересованность собственника И.В. Сталина см. Кагурук 2017, 770–772.

³ О подготовке «Всемирной истории» см. Кагурук, Крих 2018; 2019; о томе, посвященном древней истории и подготовленном в рамках аналогичного проекта «История СССР», см. Kirillova 2022a.

⁴ См., например, отчет директора ИИ АН СССР Б.Д. Грекова: АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 1. Л. 4.

⁵ См. отчет А.В. Мишулина о работе сектора: АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 2. Л. 1.

и с современным ему состоянием советской науки о древности, и с коллективом занимавшегося подготовкой «Вестника» сектора. Как можно заключить из отзыва, у Волгина было определенное представление о том, что и как следовало публиковать в посвященном истории древности журнале, более того, его конкретные предложения действительно повлияли на структуру журнала.

Отзыв сохранился в бумагах секретариата Отделения в двух экземплярах: в рукописном⁶ и перепечатанном на машинке⁷. Более того, стенограмма заседания Бюро отделения от 25 января 1940 г., на котором отчитывался сектор древней истории, позволяет даже судить о том, как он был озвучен и какую ответную реакцию встретил со стороны главного редактора А.В. Мишулина и других сотрудников Института истории, в том числе занимавшихся подготовкой «Вестника». Отзыв Волгина и его обсуждение позволяют судить о том, как журнал воспринимался коллегами-историками в контексте современного им развития исторической науки, какие особенности и проблемы возникали при издании журнала, также эти свидетельства уточняют влияние отдельных личностей на развитие науки о древности.

Прежде чем дать характеристику содержания публикуемых источников, остановимся на некоторых аспектах работы над «Вестником» в конце 1930-х годов. Благодаря архивным документам мы знаем не только, какими в итоге получились номера «Вестника» за 1939 г., но и какими они задумывались. Содержание журнала в общих чертах планировалось заранее, что было необходимо как для включения его издания в план работы института, так и с точки зрения его практической реализации. Воля редакции компенсировала немногочисленность специалистов по древней истории, как в стране, так и в Институте истории. Его сектор древней истории состоял из шести человек, которые, помимо подготовки журнала, были заняты написанием учебников и соответствующих томов «Всемирной истории». Так, в 1939 г. нужно было сдать в печать два тома и начать готовить статьи для еще трех⁸. В этих условиях не приходилось говорить о системном притоке новых статей, которых было бы достаточно, чтобы заполнить все четыре номера в год, поэтому большую роль при выполнении плана и, как следствие, в сохранении издания должна была сыграть его редакция. В стенограмме заседания ученого совета Института истории АН СССР от 28 октября 1938 г. А.В. Мишулин описал готовящиеся номера следующим образом:

Что касается плана работы на 1939 год, то редакция имеет пока только общую наметку, пока не собран материал и поэтому я не могу сейчас доложить об издании в 1939 году журнала, а сообщу только о первом номере «Вестника древней истории». Он будет в основном посвящен проблеме истории древних славян, квалификации текстов по древним славянам VI века, а также взаимоотношению древнеславянской варварской периферии с Восточно-Римской империей. Второй номер предполагается посвятить изучению истории Испании. Третий номер мы предполагаем посвятить изучению древней Галлии. Относительно четвертого

⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 8. Л. 4–5 об.

⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 8. Л. 1–3.

⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 2. Л. 1.

номера еще нет ясной договоренности, но я имел разговор с Б.Д. Грековым, и он со своей стороны может предоставить материал по истории образования первых славянских государств, о начатках государственности древних славян⁹.

В первом и четвертом номерах за 1939 г. материалов по истории древних славян в самом деле довольно много, приложение второго номера посвящено древней Испании, которая в то время была областью научных интересов самого Мишулина, однако никаких материалов, посвященных древней Галлии, в третьем номере представлено не было. В целом говорить о сколько-нибудь выдержанной тематике того или иного номера довольно трудно, хотя и можно заключить, что представленный план был в общих чертах реальным.

Обратимся к замечаниям из отзыва Волгина. В первую очередь он отмечает «небольшое количество статей по большим, принципиальным вопросам истории древнего мира». Для понимания сути этого замечания следует рассмотреть его исторический контекст. В 1930-е годы была предпринята первая серьезная попытка сформулировать советский взгляд на отечественную и мировую историю, иными словами – по крайней мере в общих чертах договориться о правилах применения марксистских категорий к историческим явлениям. Большую роль в формировании основных положений советской исторической науки сыграла серия обсуждений и докладов в ГАИМК¹⁰: она позволила определиться с хронологическими границами основных формаций, синхронизировать европейскую историю и историю народов СССР, без чего невозможно было бы организовать преподавание этих предметов в средних и высших учебных заведениях. Разумеется, историки-марксисты не считали, что все теоретические вопросы были решены в стенах ГАИМК окончательно и бесповоротно¹¹, к тому же, после разгрома этой структуры¹² идеи его сотрудников могли и не вызывать большого доверия. В этой связи неудивительно, что Волгин в одном из первых замечаний указывает на отсутствие в «Вестнике» работ, в которых история классической древности получала бы марксистское осмысление, и работ, посвященных большим теоретическим сюжетам.

Как уже отмечал С.Г. Карпюк, защитной функцией при формировании номера обладали передовицы, в которых расставлялись «правильные» идеологические акценты, снимающие эту обязанность с авторов статей¹³. Как видно из публикуемого отзыва, действительно интересующийся марксизмом Волгин не мог этого не заметить и не отметить в качестве слабой стороны журнала. С точки

⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 13–14.

¹⁰ Formozov 2006, 162–184; Skvortsov 2015, 199–200.

¹¹ См., например, возражения В.П. Волгина К.Б. Радеку на совещании по плану Института истории АН СССР: «...мне вообще странно представить себе, что такое законченный или незаконченный марксист. Например, историк Египта Древнего или Переднего Востока и т.д. Я совершенно уверен, что даже то, что будет признано весьма широким кругом товарищей с марксистской точки зрения совершенно удовлетворительным в 1937 г., в 1945 г. будет уже считаться давно пройденной ступенью, будет подвергаться самой жесткой критике. Так развивается наука, тов. Радек, как Вы это прекрасно знаете...» (Bukharin, Krikh 2020, 200).

¹² См., например, Pankratova 2019.

¹³ Карпюк 2021, 31.

зрения Волгина, «от общей, программной постановки “проблем марксистского изучения истории” пора уже переходить к самому марксистскому исследованию намеченных проблем». Между тем в конце 1930-х годов среди специалистов по истории древности было не так много тех, кто мог оригинально применить марксистскую методологию к конкретным источникам. Как правило, в этот период «марксизм» исследователя часто выражался в выборе сюжета, а именно, раскрытии классовой или национально-освободительной борьбы¹⁴. По словам А.Б. Рановича, организовать присутствие статей, посвященных теоретически значимым проблемам древней истории, было непросто: «Авторы очень неохотно берутся за статьи по общетеоретическим вопросам». Тем не менее, работа над томами «Всемирной истории» обозначила ряд теоретических расхождений между авторами и редакторами томов, и предложение Волгина сводилось к вынесению полемики на страницы журнала¹⁵. В этот период имела место дискуссия между В.В. Струве, автором концепции рабовладельческой формации на Древнем Востоке, и Н.М. Никольским, отстаивавшим с начала 1930-х годов свою идею о феодальной формации¹⁶. Это яркое и эмоциональное противостояние, упоминающееся в обсуждении отзыва Волгина, в известной степени уникально и, конечно, нашло отражение на страницах «Вестника»¹⁷. Действительно сложные марксистские построения в истории советской науки в более позднее время оставят исследователи, которые в 1930-е годы были довольно молоды, например, И.М. Дьяконов¹⁸ и Е.М. Штаерман. Конец 1930-х годов к продолжительным теоретическим дискуссиям в известной степени не располагал.

Иной проблемой, которую отмечает Волгин, было отсутствие системы в рубрике «Приложение». С точки зрения Волгина, целесообразно было бы оставить ее для публикации перевода источников, не относя туда доклады и тематически подобранные материалы. Однако позволим себе предположить, что достаточного количества переводов не набиралось: в конце 1930-х годов они не поступали от авторов, а заказывались редакторами. Так, в первых номерах за 1940 г. приводятся переводы С.П. Кондратьева¹⁹. Ввиду разной тематики переводов создается впечатление, что они были подготовлены специально под рубрику «Приложения», и это предположение подтверждается публикацией, посвященной юбилею С.П. Кондратьева: «Он перевел для приложений “ВДИ” ряд важнейших источников»²⁰. Тематика приложений, а именно военное дело и история Индии, скорее всего были выбраны главным редактором и автором вступительных статей А.В. Мишулиным. Ему, как отметил С.Б. Крих, в целом было свойственно

¹⁴ Об этом более подробно на примере «Истории СССР» см. Kirillova 2022a, 149–158.

¹⁵ Конфликтная ситуация возникла с разделом о крито-микенской цивилизации за авторством Б.Л. Богаевского, в котором крито-микенское общество трактовалось как позд-непервобытное, в результате чего раздел был отвергнут. См. Karpyuk, Krikh 2019, 144–145.

¹⁶ Об этом см. Krikh 2018.

¹⁷ Nikol'skiy 1938a; 1938b.

¹⁸ Об искреннем интересе И.М. Дьяконова к марксистской теории и ее применению к историческому процессу уже в студенчестве см. Diakonoff 1995, 275–276.

¹⁹ Kondrat'ev 1940a; 1940b; 1940c.

²⁰ Editorial 1947.

ориентироваться на актуальную политическую конъюнктуру²¹. Неоднократно выраженный²² в приложениях интерес к военному делу на рубеже 1930–1940-х годов легко объясним: обращение к источникам по истории древней Индии могло быть вызвано разворачивавшейся там на фоне второй мировой войны борьбой за независимость, история древней Испании – гражданской войной. В этой связи примечателен поднятый А.Д. Удальцовым при обсуждении отзыва Волгина вопрос о публикации перевода текста Авиена, также подготовленного С.П. Кондратьевым: с точки зрения Удальцова, такой сложный источник бессмысленно было публиковать без должного комментария, на что главный редактор возражал, что «редакция не может проделать научную работу за институт, поэтому мы даем источник как таковой»²³.

Содержание «Вестника» привело Волгина к непростому вопросу, что такое вообще древняя история. Он обращает внимание на то, что в 1939 г. статей по классическим сюжетам истории древности, опубликованных в «Вестнике», было меньше, чем на тему «периферийных явлений», но относит это на счет свойственного «Вестнику» превалирования частного над общим, а также на размытые хронологические рамки опубликованных материалов. Действительно, если мы обратимся к содержанию журнала, то в нем была представлена история древнего и средневекового Востока, результаты работы археологических экспедиций, причем далеко не только археологов-классиков, статьи, посвященные истории древних славян, – в целом, на этом фоне статьи по истории древних Греции и Рима терялись.

Самым простым ответом на вопрос о причине публикаций таких разнообразных материалов было бы то, что исторических журналов в целом было немного, работы в них публиковались в основном обобщающего теоретического характера, и «Вестник» использовался для публикаций представителями разных, мало-мальски близких специальностей. Так ситуация виделась самому Волгину. Судя по всему, у Волгина древняя история ассоциировалась прежде всего с классической историей древних Греции и Рима и более-менее привычными для нее хронологическими рамками. В то же время оформление исторической концепции советского марксизма уже привело к выходу понятия «древность» за географические и хронологические пределы античности и классического Востока, включению в него обществ древнего Китая и древней Индии в рамках общего понятия «Древний Восток»²⁴. С учетом этого понятны осторожные возражения Мишулина, считавшего, что в некоторых регионах «древность» может продлеваться и до XX в.

Что касается «периферийных явлений» на страницах «Вестника», то сам Волгин не мог отрицать их научную новизну. В самом деле, исследование древних памятников Закавказья было и актуальной научной задачей ввиду их неизученности, и в то же время задачей доступной, что было немаловажно в условиях изолированности СССР от других стран. В этой связи примечательны свидетельства Б.Б. Пиотровского, египтолога по образованию: отчасти под впечатлением

²¹ Krikh 2015, 181.

²² См. также приложение к номеру 3/4 за 1940 г.

²³ Хотя изучение текста Авиена как источника по истории древней Испании должно было входить в круг научных интересов самого Мишулина.

²⁴ Ladynin 2019, 784–788.

от развития кавказской археологии, отчасти под непосредственным влиянием Н.Я. Марра, он в 1930-е годы переключается на изучение Урарту, что действительно оказалось очень перспективной темой²⁵. Более того, в самом первом номере «Вестника» «периферийным» явлениям, т.е. древности на территории СССР, вообще придавалось особое идеологическое значение: пафос первой передовицы основателя журнала А.С. Сванидзе не в последнюю очередь был обращен против «буржуазной науки», узурпировавшей понятие «древность» для обществ древней Европы. «Вестник древней истории» должен был, в противовес «буржуазной» науке, деколонизировать древность: «Наш журнал ставит своею целью изучение проблем древней истории. Мы интересуемся проблемами древней истории всех стран и народов Востока, Запада, Севера и Юга. ... Мы будем считать своим долгом изучение проблем древней истории в первую очередь с точки зрения родины»²⁶. Иными словами, «периферийные сюжеты» в связи с различными обстоятельствами должны были занимать существенное место на страницах журнала. Волгин, историк-марксист, не занимавшийся историей древности, оказывается от этих процессов далек.

Текст отзыва и относящихся к его обсуждению фрагментов стенограммы воспроизводится по машинописным оригиналам, исправлены очевидные опечатки, отсутствующие по смыслу слова и сокращения раскрыты в квадратных скобках.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, 1939 г., № 1–4.

«Вестник древней истории» в основных чертах сохранил в 1939 г. ту физиономию серьезного научного журнала, которую редакция сумела ему придать в предыдущем году. Можно лишь выразить сожаление, что другие отделы исторической науки не имеют до сих пор подобных периодических изданий. Журнал сумел обеспечить сотрудничество наших научных сил в области изучения древней истории. В 1939 г. в нем были помещены статьи акад[емиков] Жебелева²⁷, Джавахишвили²⁸, Манандяна²⁹, покойного акад[емика] Успенского³⁰ и многих других

²⁵ Piotrovsky 1995, 306; 2008, 306.

²⁶ Svanidze 1937, 7.

²⁷ Zhebelev 1939. Жебелёв, Сергей Александрович (1867–1941) – российский и советский историк-античности, филолог-классик, археолог и эпиграфист, академик АН СССР (1927). В конце 1930-х годов Жебелёв оказался очень востребован как специалист: в 1939 г. он был занят редактированием II–VI томов «Всемирной истории», а также оказался формальным главой сектора древней истории в Москве, см. Ananiev, Bukharin 2021, 492–493. В конце 1930-х годов в «Вестнике» издавались и другие статьи Жебелёва: так, в 1938 г. была переиздана его работа о восстании Савмака – об истории публикаций этой статьи см. Kirillova 2022b.

²⁸ Dzhavakhishvili 1939. Джавахишвили (Джавахов), Иван (Иванэ) Александрович (1876–1940) – грузинский и советский историк, специалист по истории Грузии, академик АН СССР (1939). Ученик Н.Я. Марра. Один из основателей Тбилисского университета (ныне Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили).

²⁹ Manandyan 1939. Манандян, Яков Амазаспович (1873–1952) – армянский и советский историк, специалист по истории древней и средневековой Армении. Академик АН СССР (1939), АН Армянской ССР (1943).

³⁰ Uspenskiy 1939. Успенский, Федор Иванович (1845–1928) – российский и советский византист, академик Императорской АН (1900), затем Российской АН и АН СССР.

авторитетных историков. Наряду с этим имеются статьи крупных зарубежных специалистов (Нафтали Льюис³¹, А. Эванс³²). Эту практику привлечения хороших работ иностранных авторов необходимо расширить. Это содействует укреплению международных связей и международного авторитета советской науки. В то же время журналу удалось создать своего рода постоянный актив сотрудников, систематически обслуживающих его из номера в номер. Без этого, конечно, журнал не мог бы развиваться как журнал и представлял бы лишь периодические сборники более или менее авторитетных статей.

Журнал имеет четыре отдела: Статьи; Критика и библиография, Хроника, Приложения.

Первый отдел составляет достаточно разнообразно. Как недостаток его комплектования можно отметить очень небольшое количество статей по большим, принципиальным вопросам истории древнего мира. Само собою разумеется, я не против статей на узкие темы: освещение частных вопросов приводит в конце концов к постановке и разрешению больших проблем. Такие статьи должны быть в журнале, но все же наряду с ними желательно видеть на его страницах также обсуждение более общих вопросов. Журнал их иногда ставит: в 1939 г.³³ были статьи: «Маркс об античности»³⁴, «Первоначальное христианство и его историческая роль»³⁵, «Проблемы марксистского изучения древней истории»³⁶. Но большинство статей этого порядка не носят характера исследовательских работ. Мне кажется, что от общей, программной постановки «проблем марксистского изучения истории» пора уже переходить к самому марксистскому исследованию намеченных проблем. Это тем более важно, что очень многие из проблем истории древнего мира вовсе с марксистской точки зрения не исследованы, по другим среди историков, почитающих себя марксистами, существуют весьма значительные разногласия. Зачастую о существовании таких проблем читатель узнает из отделов «Критики» и «Хроники», — но не из отдела статей. Мало ли вопросов всплывает как дискуссионные при составлении соответствующих томов «Всемирной истории». Почему бы наиболее важные из них не обсудить в «Вестнике» в форме двух—трех дискуссионных статей? Я думаю, что на эту сторону дела редакции

Опубликованная в 1939 г. статья представляла собой главу из неопубликованной 2-й части II тома «Византийской истории». Согласно редакционному примечанию, издание «Византийской истории» было прервано в связи со смертью Ф.И. Успенского. Стоит отметить, что византистика после 1917 г., а особенно в условиях «социалистического наступления» конца 1920-х годов в целом переживала непростые времена: «подлинной агонией старого „Византийского временника“ можно назвать появившиеся в 1917–1928 гг. три „рахитичных“, по выражению Ф.И. Шмита, выпуска, да и те — благодаря самоотверженным усилиям Ф.И. Успенского и его «правой руки» во все эти годы — В.Н. Бенешевича» (Medvedev 2006, 194).

³¹ Lewis 1939. Льюис, Нафтали (1911–2005) — американский папириолог.

³² Evans 1939. Эванс, Артур Джон (1851–1941) — британский историк и археолог, первооткрыватель минойской цивилизации.

³³ В оригинальном тексте опечатка — указан 1913 г.

³⁴ Ranovich 1939a.

³⁵ Ranovich 1939b.

³⁶ Editorial 1939.

следует обратить внимание. В связи с этим нужно указывать на недостаточное число статей, касающихся греческих обществ и Рима. Периферийные явления освещаются в «Вестнике» больше. Конечно, здесь больше неизученного, но пренебрегать тем, что более изучено, отнюдь не следует по указанным выше причинам.

В отделе «Критики и библиографии» заслуживают внимания не только критические статьи, но и информационные обзоры. Эти обзоры надо особенно приветствовать: они очень облегчают работу исследователя по поискам необходимого ему материала.

Несколько неопределенный характер носят в журнале «Приложения». Здесь можно найти доклады на сессиях АН (акад. Грекова³⁷, Державина³⁸, проф. Мишулина³⁹ и др.), и переводы из древних авторов (Аппиан, Плутарх, Прокопий), и статьи из «Истории СССР» (Рыбаков)⁴⁰. Мне представляется, что «Приложения» нужно оставить только для одного вида материала — перевода первоисточников, весь остальной материал следует разносить по другим рубрикам. Если доклад дается в сжатом изложении — ему место в Хронике, если в полном, а иногда расширенном, то почему его не считать статьей (с указанием в сноске).

Неясны хронологические рамки «Древней истории» в «Вестнике». Иногда древность заходит в нем не только в IX—XII вв., но даже в XVIII—XIX («К истории Ингушии»⁴¹). Впрочем, при недостаточном числе исторических журналов к этому приходится относиться терпимо. Все же этот вопрос следовало бы обсудить и решение его уточнить.

В. Волгин.

АРАН. Ф. 457. ОП. 1 (1939). Д. 8. Л. 1–3.

³⁷ Grekov 1939. Греков, Борис Дмитриевич (1882–1953) — советский историк и организатор науки, специалист по истории средневековой Руси, академик АН СССР (1935), директор Института истории в Ленинграде (1936–1938) и Москве (с 1938), Института истории материальной культуры (1943–1946), Института славяноведения (1947–1951), академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР. Греков сыграл ключевую роль в формировании в 1930-е годы концепции феодализма в древней Руси, которая предполагала необходимость обоснования наличия на территории СССР рабовладельческих обществ, см. Kirillova 2022c.

³⁸ Derzhavin 1939. Державин, Николай Севастьянович (1877–1953) — советский филолог-славист и историк, академик АН СССР (1931), активный сторонник «учения о языке» Н.Я. Марра.

³⁹ Мишулин, Александр Васильевич (1901–1948) — советский историк-антиковед, с 1938 г. — заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР и главный редактор «Вестника древней истории». Мишулин по понятным причинам много публиковался в «Вестнике», однако здесь, очевидно, Волгин высказывается против приложения, посвященного славянам: Mishulin 1939.

⁴⁰ Rybakov 1939. Рыбаков, Борис Александрович (1908–2001) — советский и российский историк и археолог, специалист по истории восточных славян в древности и Киевской Руси, академик АН СССР (1958), затем РАН. В конце 1930-х годов — научный сотрудник ГИМ и ИИМК АН СССР.

⁴¹ Krupnov 1939. Крупнов, Евгений Игнатьевич (1904–1970) — советский историк и археолог, специалист в области древней и средневековой археологии Северного Кавказа, в конце 1930-х годов научный сотрудник ГИМ (1929–1951) и ИИМК АН СССР (с 1937 г.). Статья, вызвавшая недовольство Волгина, представляет собой краткий очерк истории Ингушетии с бронзового века до конца Кавказской войны. Примечательно, что название «Ингушия» было выбрано автором под влиянием теорий Н.Я. Марра (Krupnov 1939, 77).

ИЗ СТЕНОГРАММЫ

Продолжение заседания Бюро Отделения истории и философии по отчету Института Истории. 25/I-1940.

акад. ВОЛГИН: <...> Теперь я перехожу к «Вестнику древней истории», в отношении которого я имел специальное поручение ознакомиться и дать рецензию. «Вестник древней истории» в 1939 г. в основном сохранил те черты, которые редакции удалось придать ему в 1938 г. Я считаю, что в 1938 г. вам удалось придать журналу определенный облик и в общем этот облик остается и в 1939 г. с некоторыми улучшениями. Вчера мы говорили об «Исторических записках»⁴², в связи с этим нужно сказать, что если бы подобный журнал мы имели по другим разделам истории, мы могли бы чувствовать себя на вершине блаженства. Древняя история здесь находится в положении весьма и весьма привилегированном. Журнал обеспечил сотрудничество всех можно сказать квалифицированных работников в области древней истории, это несомненно. В 1939 г., не говоря о всех прочих, были статьи акад. Жебелёва, акад. Джавахишвили, акад. Манандяна, покойного академика Успенского, были статьи и крупных зарубежных специалистов — в этом году Льюиса и Эванса, в прошлом году была статья Грозного⁴³ и в 1940 г. его статья будет⁴⁴. Эту практику нужно всячески развивать, это содействует авторитету наших научных органов, нашей советской науки, это укрепляет международные научные связи. Журналу грозила бы опасность быть просто сборником хороших или может быть средних статей, если бы дело ограничилось широким кругом разных лиц в Советском Союзе и за границей, работающих на журнал. Принципиально существенно, чтобы внутри журнала удалось создать такой спаянный коллектив сотрудников, в основном, конечно, сотрудников сектора, но и некоторых других сотрудников, которые бы систематически обслуживали журнал из номера в номер. Без такого постоянного кадра журнал не справился бы со своими задачами.

Теперь о том, что я считал бы по нашему журналу желательным. Все, что я буду говорить дальше, не столько является упреком потому, что я сам прекрасно понимаю, как иную задачу трудно выполнить, сколько пожеланием, которое необходимо будет учесть в дальнейшем.

Во-первых, относительно отдела статей. Нужно сказать, что этот отдел составляет достаточно разнообразно и недостатком его комплектования нужно отметить очень небольшое количество статей по многим принципиально основным вопросам истории древнего мира. Я отнюдь не против узких тем, освещение

⁴² «Исторические записки» — на момент обсуждения сборник, издававшийся Институтом истории. Накануне, 24 января, участниками заседания бюро велись споры о превращении его в журнал, публиковавший бы только работы по истории СССР. Это предложение вызвало решительные возражения со стороны специалистов по всеобщей истории, в том числе самого Волгина. См. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 2. Л. 81–87.

⁴³ Грозный, Берджих (до получения Чехословакией независимости и иногда после — Фридрих) (1879–1952) — австрийский и чехословацкий востоковед, лингвист, филолог, известный прежде всего дешифровкой хеттского. Грозный много сотрудничал с «Вестником» и в 1937, и 1938 г.; помимо статей, в первом номере журнала были напечатаны впечатления о поездке Грозного в СССР (Hrozny 1937).

⁴⁴ В 1940 г. вышло целых две статьи Грозного (Hrozny 1940a; 1940b).

очень мелких частных вопросов зачастую является необходимым предварительным условием для возможности постановки более широких вопросов, такие статьи должны быть в журнале, как сейчас, так и впредь в большом количестве, но все же наряду с ними желательно видеть в журнале обсуждение более общих вопросов. Иногда журнал ставит такие вопросы, например, в 1939 г. была статья «Маркс об античном первоначальном христианстве и его исторической роли», но эта статья более общего характера, она не является уже исследовательской статьей. Исключение составляет статья т. Рановича «О первоначальном христианстве», которая хотя и не дана как некоторое специальное исследование, но носит на себе отпечаток большого специального исследования, которое тов. Ранович сдал на 15 листах⁴⁵. Много статей носит программный характер, нужно делать то-то и то-то и т.д. Конечно, также программные статьи необходимы, но мне кажется, что все-таки пора бы уже нам от разговора о том, что нужно заняться тем-то и тем-то, перейти к делу, просто заняться этим, перейти от программы марксистского исследования к самому марксистскому исследованию. Тем, конечно, тут неограниченное количество. Я просмотрел статьи Машкина⁴⁶ в «Историке-марксисте»⁴⁷, он намечает целый ряд тем весьма актуальных, весьма существенных и отнюдь не решенных. Когда я развернул книгу Сергеева⁴⁸, то увидел, что первая страница посвящена эллинизму, там говорится, что эллинизм новый этап, что нужно обратить внимание на изменение социальных отношений, но когда прочитываешь эту страницу, то чувствуешь, что ничего не ясно, изменения, очевидно, были, но как они происходили, что такое эллинизм все-таки не ясно, и эту неясность трудно отнести за счет Сергеева, по-видимому этот вопрос еще не доработан. Таких вопросов очень большое количество, и такие вопросы в порядке дискуссии должны быть обязательно вытасканы на страницы журнала, иначе получается впечатление от первого отдела не совсем благоприятное, очень много мелочей, которые занимают внимание, но ведущего, основного не видно. Зачастую о существовании таких больших проблем читать узнает из отдела критики и библиографии, где волей-неволей дается критика автора советского или иностранного, его точка зрения противопоставляется другая точка зрения, а в отделе статей этого нет.

Я считал бы очень целесообразным ввести в «Вестнике древней истории» дискуссионные вопросы, которые встают в связи с составлением соответственных томов «Всемирной истории». Почему этого не сделать? Я думаю, что это было бы полезно, путем обмена мнений можно было бы многое уточнить до того, как это будет зафиксировано во «Всемирной истории».

⁴⁵ Ранович 1941. Ранович, Абрам Борисович (1885–1948) — советский историк, специалист по истории раннего христианства и эллинизма. Старший научный сотрудник Института истории АН СССР с 1938, с 1937 г. — заместитель главного редактора «Вестника древней истории».

⁴⁶ Машкин, Николай Александрович (1900–1950) — советский историк античности, специалист по истории древнего Рима. Заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ (с 1943 г.), сектором древней истории (с 1948 г.).

⁴⁷ Mashkin 1935 и, скорее всего, в большей степени Mashkin 1939.

⁴⁸ Имеется в виду учебник В.С. Сергеева «История древней Греции» (М., 1939.). Сергеев, Владимир Сергеевич (1883–1941) — советский историк античности, заведующий кафедрами истории древнего мира МГУ и МИФЛИ (1934–1941).

В связи с этим стоит, а может быть, и не в связи, я не вполне уверен, господство периферийных тем, т.е. тем, касающихся глухих уголков, забытых [уголков] древнего мира. Следовательно, у нас мало тем по Афинам, по Спарте, по Риму. Вообще большая дорога, основная дорога исторического процесса древности, она меньше у нас представлена, чем такие отдаленные уголки. Конечно, и это известные оправдания имеет потому, что одни явления больше освещены в предшествующей литературе, другие меньше, нужно на них обратить внимание, но нет ли здесь перегиба и не связан ли этот перегиб с тенденцией частного от общего.

В отделе критики и библиографии заслуживает внимания не только критический обзор, но и информационный обзор, их я считаю в высокой степени полезными, их нужно очень приветствовать и нужно стараться, чтобы журнал со своим развитием никак не жертвовал этой стороной дела потому, что даже для работников, живущих в крупных центрах, это очень полезно, а для работников, живущих вне крупных центров, просто незаменимо.

Теперь дальше. Несколько неопределенный характер носит раздел, которые именуется — «приложение». Здесь получается нечто вроде смеси. Здесь вы найдете переводы из первоисточников, доклады на сессиях Академии Наук и некоторые статьи, которые и не определить, почему они сюда попали. Я считаю, что здесь нужно будет провести линию за то, чтобы эти приложения посвящать исключительно переводам первоисточников и, конечно, комментариям к ним и вводным статьям, которые необходимы. Нужно сосредоточить здесь все вокруг первоисточников, доклады на сессиях или статьи сепаратного характера могут быть перенесены в первый раздел. Почему сюда не поместить скажем, доклад Державина или ряд других докладов, которые здесь напечатаны.

С МЕСТ. Доклад сперва печатается, а потом делается.

акад. ВОЛГИН. Я не против того, чтобы они печатались, но почему они в приложении, чем предполагаемый доклад отличается от статьи, которая не предполагается в качестве доклада.

С МЕСТ. Если материалы о древних славянах перенести в главную часть, то получится сборник.

акад. ВОЛГИН. Я не согласен. Это, конечно, непринципиально, но мне кажется, что приложения нужно уделить исключительно первоисточникам.

Теперь последнее замечание. Не совсем ясны хронологические рамки древней истории в «Вестнике древней истории» или вернее совсем неясны. Что такое древняя история? Это не хронологическое понятие и не понятие социально-экономической формации. Неясно, что это такое. Я почему уделю этому последнее место? Мне кажется, что при скудности наших исторических журналов нам трудно противостоять против того, чтобы «Вестник древней истории» не помещал статьи по древней истории СССР, «Вестник древней истории»⁴⁹, снисходя к остальным, помещает иногда статьи по древней истории СССР с IX по XII век, с IX и XII веком я примирился, но когда я нашел статью, в которой трактуется о XVIII и XIX веке, я совсем смутился.

т. МИШУЛИН. Об Австралии XX века можно говорить.

⁴⁹ В стенограмме неточность — журнал назван «Вестником древнего мира».

акад. ВОЛГИН. Придется тогда уже все пересмотреть и всех нас включить сюда. Я думаю, что при данной нашей ситуации настаивать на большом разделении не приходится, но не следует перегибать палку, в область новой и новейшей истории вдаваться не следует. Вот все мои замечания по поводу «Вестника древней истории».

Общий вывод. Несмотря на все замечания, вернее эти все замечания по общему характеру свидетельствуют о том, что «Вестник древней истории» очень хороший, очень полезный орган, таких нужно поделывать другим нашим секторам.

<...>

т. РАНОВИЧ. <...> Теперь я хочу сказать несколько слов относительно журнала «Вестник древней истории».

До сих пор журнал считается органом Института истории, но мы фактически не имеем никакого научного руководства со стороны нашей научной общественности. Если действительно удастся поставить вопрос о плане на будущий год на обсуждение Отделения, мы получим более конкретное задание, которым мы в дальнейшем будем руководствоваться. Я согласен с В[ячеславом] П[етровичем], что нужно отказаться от такой постановки, что мы только говорим, что нужно поставить такие-то и такие-то проблемы, а фактически очень редко ставим общетеоретические вопросы. Но дело в том, что эти общетеоретические вопросы очень трудно организовать, авторы очень неохотно берутся за статьи по общетеоретическим вопросам. Даже те вопросы, которые возникают в связи с составлением тома, должны быть вынесены на страницы журнала. Я думаю, что это указание нужно принять к исполнению.

В отношении хронологии нужно сказать, что мы действительно заведомо нарушаем наши границы, но я думаю, что вы согласны, что мы — хорошие правонарушители — все-таки дали целый ряд статей, которые были помещены в нашем журнале, [статей,] оказывающих большое влияние, во всяком случае известное влияние на развитие научной мысли.

Что касается приложения по древним славянам, то оно было задумано как положительное явление. В этих статьях, которые были собраны все вместе, был разработан ряд новых вопросов, которые дали много нового. Было не так, что помещение этих статей послужило основанием для созыва специальной сессии для их обсуждения. В дальнейшем, конечно, если будет журнал, специально посвященный истории СССР, отпадет необходимость и надобность помещения в нашем журнале этих статей, мы во всяком случае стараемся держаться в рамках древней истории, но вместе с тем уделяется место и для истории СССР.

Затем относительно библиографии и хроники. Вы, вероятно, заметили, что этот раздел в этом году занимает у нас большее место, чем он занимал в первое время. Сообщения читателей, сведения о новых открытиях, о новых статьях, конечно, очень важны. Очень жаль, что мы в этом году имеем меньше возможностей помещать статьи крупных иностранных ученых, но я думаю, что если Отделение нам поможет, если будет некоторая финансовая поддержка⁵⁰, мы сумеем

⁵⁰ Примечательно, что самый ранний документ, в котором упомянут журнал, — это выписка из протокола заседания политбюро ЦК ВКП(б) об отпуске средства журналу в размере 4000

впредь кое-что сделать в этом отношении, нам особенно важно было бы заручиться сотрудничеством такого ученого, как Грозный, так как у нас в СССР таких специалистов нет, а освещение этой специальности очень интересно.

Вот все, что я хотел сказать.

<...>

А.Д. УДАЛЬЦОВ⁵¹. Я хочу сказать несколько слов по поводу журнала «Вестник древней истории», при этом я вполне согласен с вами и с теми замечаниями и пожеланиями по поводу этого журнала, которые были высказаны Вячеславом Петровичем. Я поэтому не буду повторяться и не буду также повторять указания на все те большие достоинства, которые имеет этот журнал. Остановлюсь несколько на критической стороне дела. Я считаю, что было бы еще лучше, если бы редакция более активно проводила свою редакторскую работу. Прежде всего нужно отметить, что наряду со всеми интересными статьями, помещенными в журнале, которые выясняют вопрос, все-таки иной раз проскальзывают такие статьи, которые несколько запутывают даже вопрос. Я не могу не указать в этом отношении [на] статью Шолпо⁵² по поводу арийского переселения в Индию⁵³. Эта статья весьма невысокого качества, она, несомненно, должна быть подвергнута очень большой работе со стороны редакции. Хотя редакция по отношению к ней и проявляла большую работу, но это касалось главным образом введения и конца, который не встречает возражений, а середина, которая не перерабатывалась редакцией, возбуждает со стороны специалистов, в частности я беседовал с акад. Баранниковым⁵⁴, большие возражения. Он считает, что лучше было бы, если бы такая статья не была написана, там имеются фактические ошибки, а кроме того, с чисто редакционной точки зрения она неудовлетворительна, там нет разрешения вопроса, скорее запутан вопрос, там всюду противоречия, на одной странице утверждается то, что на другой отрицается и, таким образом, читатель несомненно запутается. С другой стороны, мне кажется, что в некоторых случаях, в особенности, когда высказываются индивидуальные точки зрения, как например, в статьях акад. Струве⁵⁵ и Никольского⁵⁶, нужно со стороны редакции

долл. на закупку литературы и оплату гонораров иностранным ученым, см. Кагрук 2017, 773.

⁵¹ Удальцов, Алексей Дмитриевич (1883–1959) — советский историк-медиевист, член-корреспондент АН СССР (1939), заведующий сектором истории средних веков Института истории АН СССР (1938–1946).

⁵² Шолпо, Николай Александрович (1903–1941) — советский востоковед, по роду своих научных интересов египтолог, ученик В.В. Струве. В рамках работы над томами «Истории культуры» и «Всемирной истории» был привлечен к написанию текстов по истории древней Индии, см. Bukharin 2023.

⁵³ Sholpo 1939.

⁵⁴ Баранников, Алексей Петрович (1890–1962) — советский филолог, индолог, специалист по древним, средневековым и современным языкам Индии. Академик АН СССР (1939), директор Института востоковедения АН СССР (1938–1940).

⁵⁵ Струве, Василий Васильевич (1889–1965) — советский историк, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935).

⁵⁶ Никольский, Николай Михайлович (1877–1959) — советский историк, специалист по раннему христианству и древней Передней Азии. Академик АН БССР (1931), член-корреспондент АН СССР (1946). Примечательно, что в опубликованной переписке А.Б. Рановича

в виде каких-нибудь редакционных примечаний высказывать свою точку зрения потому, что читатель, сталкиваясь с различными взглядами, — иногда это бывает в одном и том же номере, — не знает, на какой точке зрения остановиться. Может быть, нужно указать: в дискуссионном порядке — это показало бы, что это не есть точка зрения самой редакции.

Затем другое замечание, касающееся тех приложений, о которых говорил В[ячеслав] П[етрович]. Эти приложения имеют большую ценность и большой интерес, здесь вводятся в наш научный обиход такие источники, которые вообще раньше не появлялись, или которые появлялись, но уже требуют своего нового переиздания. Мне кажется, что все-таки для нашего читателя было бы необходимо, чтобы эти источники снабжались определенными вводными статьями в более развернутом виде, чем это иногда делается в некоторых статьях внутри самого журнала, которые бы знакомили с данными источниками и давали бы критику; кроме того, давали бы и некоторые комментарии к целому ряду частей, которые без этого будут непонятны для читателя не специалиста. Несомненно, что все-таки эти переводы имеют в виду не специалиста, а читателей, которые занимаются отдельными вопросами истории. Если, например, будет напечатана работа Авиена⁵⁷ без всяких комментариев, она будет совершенно непонятна для неискушенного читателя. Это очень сложный источник, его нужно было комментировать для того, чтобы читатель смог сам подходить к этому. В одном из номеров по Авиене была напечатана общая статья без всяких комментариев, это, конечно, совершенно недопустимо тем более, что и статья неясная и точка зрения редакции, как же, в конце концов, расценивать этот источник и к какому времени относить тот первоисточник, на основании которого это было составлено, я не получил ясного представления. Вот все мои замечания.

<...>

т. МИШУЛИН. <...> Что касается журнала, то те указания, которые были сделаны, нужно будет учесть и может быть чаще отражать точку зрения редакции. Когда редакция не может решить вопрос, тот или другой дискуссионный вопрос, делать сноски, что печатается статья в целях дискуссии.

Теперь последнее замечание. Был издан текст Авиены, впервые по-русски, этот источник очень важный, но своеобразный. Печатать его с комментариями — это значит засесть на год, на два для комментирования этого источника. Поэтому редакция ограничилась тем, что издала текст. Можно было пойти по другому пути — опубликовать имеющиеся комментарии на этот текст Шультена⁵⁸. Но есть другая точка зрения относительно этого источника. Нужно будет первоисточники, которые впервые предлагаются по-русски, сначала опубликовать, а потом, возвращаясь к оригиналам и работая над этим текстом, при учете современного

большинство писем принадлежит именно Н.М. Никольскому (Klyuev, Metel' 2018, 75–144). Несмотря на сходство некоторых их подходов, склонить Рановича к выступлениям против Струве ему все-таки не удалось, см. Ladynin 2020, 235–237.

⁵⁷ Kondrat'ev 1939.

⁵⁸ В стенограмме очевидная ошибка: «Шульца». Должен был иметься в виду комментарий А. Шультена к изданию, с которого был подготовлен перевод Кондратьева: Schulten 1922.

состояния в науке этого вопроса, давать свой комментарий. Редакция не может проделать научную работу за институт, поэтому мы даем источник, как таковой. Текст этот дает представление о восточном побережье Испании с указанием городов, событий и т.д. Им можно пользоваться, но для того, чтобы установить точку зрения на происхождение этого источника, нужно учесть всю историографическую литературу. Эту работу мы не можем сделать. Мы пытаемся организовать научно-исследовательские вопросы по боевым проблемам, но по таким вещам, как текст Авиены, предложишь комментарий и пожалуй в историю вляпаешься.

АРАН. Ф. 457. Он. 1 (1940). Д. 2. Л. 15, 19, 24, 25, 29, 30, 36.

Литература / References

- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2021: [S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (on the Materials from the Archives). Part IV. S.A. Zhebelev – Honored Scholar of the RSFSR]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/2, 491–508.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Часть IV. С.А. Жебелёв – заслуженный деятель науки РСФСР. *ВДИ* 81/2, 491–508.
- Bukharin, M.D. 2023: [Soviet Atlantis: the Harappan Civilization in Soviet Oriental Studies in the 1920-s and 1950-s (to the 100th Anniversary of the Discovery of the Indus Valley Civilization)]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [On-Line Journal of Education and Science “History”] 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024493-1-1/>; accessed on: 21.03.2024.
- Бухарин, М.Д. Советская Атлантида: Харалппская цивилизация в советском востоковедении 1920–1950-х гг. (к 100-летию открытия цивилизации долины Инда). *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024493-1-1/>; дата обращения: 21.03.2024.
- Bukharin, M.D., Krikh, S.B. 2020: [Historian of the Orient in an Era of Change: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Science of the Academy of Sciences of USSR in July 1936]. *Vostok (Oriens)* 6, 196–206.
- Бухарин, М.Д., Крих, С.Б. Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток (Oriens)* 6, 196–206.
- Derzhavin, N.S. 1939: [On the Ethnogenesis of the Most Ancient Peoples of the Dnieper-Danube Basin (to the Formulation of the Question)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 279–289.
- Державин, Н.С. Об этногенезе древнейших народов днепровско-дунайского бассейна (к постановке вопроса). *ВДИ* 1, 279–289.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [The Book of Memories]. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Dzhavakhishvili, I.A. 1939: [The Main Historical and Ethnological Problems of the History of Georgia, the Caucasus and the Middle East of the Ancient Era]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 30–49.
- Джавахишвили, И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. *ВДИ* 4, 30–49.
- Editorial 1939: [Problems of Marxist Studies on Ancient History]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 3–9.
- Проблемы марксистского изучения древней истории. *ВДИ* 3, 3–9.
- Editorial 1947: [To the 75th Anniversary of the Birth and the 50th Anniversary of the Pedagogical Activity of S.P. Kondrat'ev]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 220.
- К 75-летию со дня рождения и 50-летию педагогической деятельности С.П. Кондратьева. *ВДИ* 1, 220.
- Evans, A.J. 1939: [Cretan Linear]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 10–39.
- Эванс, А.Дж. Критское линейное письмо. *ВДИ* 3, 10–39.

- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki* [Russian Archeologists in Totalitarian Russia: Historiographical Studies]. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки*. М.
- Grekov, B.D. 1939: [The History of the Ancient Slavs and Rus' in the Works of Academician V.G. Vasilevskiy]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 338–351.
- Греков, Б.Д. История древних славян и Руси в работах акад. В.Г. Василевского. *ВДИ* 1, 338–351.
- Hrozný, F. 1937: [In the Five Soviet Republics]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 14–23.
- Грозный, Ф. В пяти советских республиках. *ВДИ* 1, 14–23.
- Hrozný, B. 1940a: [Prehistoric Destinies of Western Asia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 24–45.
- Грозный, Б. Доисторические судьбы Передней Азии. *ВДИ* 3, 24–45.
- Hrozný, B. 1940b: [Proto-Indian Writings and Their Interpretation]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 15–34.
- Грозный, Б. Протоиндийские письма и их расшифровка. *ВДИ* 2, 15–34.
- Karpyuk, S.G. 2017: [“Vestnik Drevney Istorii”: The Beginning]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 769–777.
- Карпюк, С.Г. «Вестник древней истории»: начало. *ВДИ* 77/3, 769–777.
- Karpyuk, S.G. 2021: «Sovetskaya drevnost'» istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet Antiquity”: A History of Science and Society in 1930s–1960s]. Moscow.
- Карпюк, С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2018: [Work on «The World History» before World War II: Searching for a Management Model]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/4, 1011–1034.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1011–1034.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2019: [Work on the World History Before World War II: The Fruits of Efforts]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/1, 136–151.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий. *ВДИ* 79/1, 136–151.
- Kirillova, M.N. 2022a: [Ancient History in the “History in the USSR”] In: S.G. Karpyuk (ed.), «Sovetskaya drevnost'»: lyudi, uchrezhdeniya, knigi i nauka o drevnosti v SSSR [Soviet Antiquity: Persons, Institutions, Books, and the Study of Ancient World in the USSR]. Moscow, 124–183.
- Кириллова, М.Н. История древности в «Истории СССР». В кн.: С.Г. Карпюк (ред.), «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР. М., 124–183.
- Kirillova, M.N. 2022b: [How it Came to the “Ancient History of the USSR”? Nikolay Marr’s Theory and the Problem of Periodization of Soviet History in the 1930s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [On-Line Journal of Education and Science “History”] 13/4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021222-3-1/>; accessed on: 21.03.2024.
- Кириллова, М.Н. Как у истории СССР появился «древнейший период»? Марризм и проблема периодизации советской истории в 1930-е гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 13/4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021222-3-1/>; дата обращения: 21.03.2024.
- Kirillova, M.N. 2022c: [The Story of Zhebelev’s Best Known Article Told by its Author. An Afterword to the Article “Last Paerisades and the Scythian Revolt on Bosporus”] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 82/2, 473–484.
- Кириллова, М.Н. История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». *ВДИ* 82/2, 473–484.
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich. Dokumenty i materialy* [Abram Borisovich Ranovich. Documents and Materials]. Omsk.
- Клюев, А.И., Метель, О.В. (сост.). *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Kondrat'ev, S.P. 1939: [Rufius Festus Avienius. The Description of the Sea-cost (of Spain)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 227–237.
- Кондратьев, С.П. (пер.). Руф Фест Авиен. Описание морского берега (Испании). *ВДИ* 2, 227–237.

- Kondrat'ev, S.P. 1940a: [Flavius Vegetius Renatus. The Short Description of Military Science]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 231–293.
Кондратьев, С.П. (пер.). Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела. *ВДИ* 1, 231–293.
- Kondrat'ev, S.P. 1940b: [Arrianus. India]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 230–263.
Кондратьев, С.П. (пер.). Арриан. Индия. *ВДИ* 2, 230–263.
- Kondrat'ev, S.P. 1940c: [Pseudoarrianus. The Voyage Around the Eritrean Sea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 264–281.
Кондратьев, С.П. (пер.). Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря. *ВДИ* 2, 264–281.
- Krikh, S.B. 2015: [A.V. Mishulin and His Spartacus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 178–189.
Крих, С.Б. А.В. Мишулин и его Спартак. *ВДИ* 1, 178–189.
- Krikh, S.B. 2018: [The Story of Defeat: Academician Nikolai Nikolskii and the Struggle for Understanding of the Social System of the Ancient Near Eastern Societies]. *Vostok (Oriens)* 1, 13–22.
Крих, С.Б. История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ. *Восток (Oriens)* 1, 13–22.
- Krupnov, E.I. 1939: [On the History of Ingushiya]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 77–90.
Крупнов, Е.И. К истории Ингушии. *ВДИ* 2, 77–90.
- Ladynin, I.A. 2019: [The Concept of the “Ancient Orient” in Russian and Soviet Scholarship of the Twentieth Century]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 79/3, 772–796.
Ладынин, И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX вв. *ВДИ* 79/3, 772–796.
- Ladynin, I.A. 2020: [A.B. Ranovich and the Soviet Research of Antiquity in the 1930s–1940s: New Evidence (Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy. Sost., predisl. i primech. A.I. Klyueva, O.V. Metel'; nauch. red. S.B. Krikh. Omsk, 2018)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 80/1, 233–247.
Ладынин, И.А. А.Б. Ранович и советская наука о древности 1930–1940-х годов: новые материалы. (Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Сост., предисл. и примеч. А.И. Ключева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018). *ВДИ* 80/1, 233–247.
- Lewis, N. 1939: [From the History of Roman Oppression in Egypt: μερισμός ἀναγεχωρηκότων]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 19–33.
Льюис, Н. Из истории римского гнета в Египте: μερισμός ἀναγεχωρηκότων. *ВДИ* 1, 19–33.
- Manandyan, Ya.A. 1939: [The Circular Route of Pompeius in the Transcaucasia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 70–82.
Манандян, Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье. *ВДИ* 4, 70–82.
- Mashkin, N.A. 1935: [The Movement of Agonists (from the History of Roman Africa in the 4th Century)]. *Istoriik-Marksist [Marxist Historian]* 1 (41), 28–52.
Машкин, Н.А. Движение агонистиков (из истории римской Африки IV века). *Историк-марксист* 1 (41), 28–52.
- Mashkin, N.A. 1939: [Controversial Problems in the History of the Ancient World]. *Istoriik-Marksist [Marxist Historian]* 4 (74), 77–84.
Машкин, Н.А. Спорные вопросы истории древнего мира. *Историк-марксист* 4 (74), 77–84.
- Medvedev, I.P. 2006: *Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii [Petersburg Byzantine Studies. Pages of History]*. Saint Petersburg.
Медведев, И.П. *Петербургское византиноведение. Страницы истории*. СПб.
- Mishulin, A.V. 1939: [Ancient Slavs and the Fate of the Eastern Roman Empire]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 290–307.
Мишулин, А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. *ВДИ* 1, 290–307.
- Nikol'skiy, N.M. 1938a: [On the Construction of the History of the Ancient East]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 314–332.
Никольский, Н.М. О построении истории древнего Востока. *ВДИ* 3, 314–332.
- Nikol'skiy, N.M. 1938b: [Community in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 314–332.

- Ancient History*] 4, 72–98.
- Никольский, Н.М. Община в древнем Двуречье. *ВДИ* 4, 72–98.
- Pankratova, E.G. 2019: [“The Terrorist Organization GAIMK” (1936): A Review of the Materials of the Investigation File]. In: P.G. Gaidukov, I.V. Tunkina, I.A. Sorokina (eds.), *Ocherki istorii otechestvennoy Archaeology [Essays on the History of Russian Archeology]*. Issue 5. Moscow, 263–276.
- Панкратова, Е.Г. «Террористическая организация ГАИМК» (1936 год): обзор материалов следственного дела. В сб.: П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина, И.А. Сорокина (отв. ред.), *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. 5. М., 263–276.
- Piotrovsky, V.B. 1995: *Stranitsy moyu zhizni [The Pages of my Life]*. Saint Petersburg.
- Пиотровский, Б.Б. *Страницы моей жизни*. СПб.
- Piotrovsky, V.B. 2008: [Memories of V.B. Piotrovskiy. 1927–1932.] In: Yu.Yu. Piotrovskiy, E.Yu. Solomakha, E.M. Yakovleva (ed.), *Boris Borisovich Piotrovsky. Materialy k biografii [Boris Borisovich Piotrovsky. Biography Materials to the Biography]*. Saint Petersburg, 306–343.
- Пиотровский, Б.Б. Воспоминания Б.Б. Пиотровского. 1927–1932 гг. В кн.: Ю.Ю. Пиотровский, Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева (сост.), *Борис Борисович Пиотровский. Материалы к биографии*. СПб, 306–343.
- Ranovich, A.B. 1939a: [Marx on the Antiquity]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 15–20.
- Ранович, А.Б. Маркс об античности. *ВДИ* 2, 15–20.
- Ranovich, A.B. 1939b: [Original Christianity and Its Historical Role]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 31–46.
- Ранович, А.Б. Первоначальное христианство и его историческая роль. *ВДИ* 2, 31–46.
- Ranovich, A.B. 1941: *Ocherk istorii rannekhristsianskoy tserkvi [Essay on the History of Early Christian Church]*. Moscow.
- Ранович, А.Б. *Очерк истории раннехристианской церкви*. М.
- Rybakov, B.A. 1939: [Antes and Kievan Rus’]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 319–337.
- Рыбаков, Б.А. Анты и Киевская Русь. *ВДИ* 1, 319–337.
- Schulten, A. 1922: *Fontes Hispaniae Antiquae I. Avieno. Ora maritima (Periplo massaliota del siglo VI. a. de J.C.) junto con los demás testimonios anteriores al año 500 a. de J.C.* Barcelona.
- Sholpo, N.A. 1939: [On the Problem of the “Aryan” Conquest of Ancient India]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 40–48.
- Шолпо, Н.А. К проблеме «арийского» завоевания древней Индии. *ВДИ* 3, 40–48.
- Skvortsov, A.M. 2015: [Role of GAIMK in the Development of Soviet Classical Studies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University. History]* 66, 297–201.
- Скворцов, А.М. Роль ГАИМК в становлении советского антиковедения. *Вестник Челябинского государственного университета. История* 66, 297–201.
- Svanidze, A.S. 1937: [Our Tasks]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 5–13.
- Сванидзе, А.С. Наши задачи. *ВДИ* 1, 5–13.
- Uspenskiy, F.I. 1939: [The Significance of Svyatoslav’s Campaigns in Bulgaria]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 92–96.
- Успенский, Ф.И. Значение походов Святослава в Болгарию. *ВДИ* 4, 92–96.
- Zhebelev, S.A. 1939: [Parthenon in the “Parthenon” (On the Cult of Athena the Virgin)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 47–56.
- Жебелёв, С.А. Парфенон в «Парфеноне» (к истории культа Афины Девы). *ВДИ* 2, 47–56.

DOI: 10.31857/S0321039124020103

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИК И ТЕКСТ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА ГРИГОРИЯ МАКСИМОВИЧА
БОНГАРД-ЛЕВИНА»

(Москва, 20–22 декабря 2023 г.)

20–22 декабря 2023 г. состоялась четвертая конференции Российской ассоциации антиковедов «Историк и текст», организованная Отделом сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН и посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося исследователя-востоковеда академика Г.М. Бонгард-Левина (1933–2008). Возглавив в 1988 г. журнал «Вестник древней истории», Григорий Максимович в 1989 г. основал в ИВИ РАН Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, научным руководителем которого оставался до конца своих дней. В работе конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Краснодар, Красноярска, Магнитогорска, Нижнего Новгорода, Самары, Ставрополя, Сургута; в общей сложности было представлено более 80 докладов.

Пленарное заседание (председатель — А.И. Иванчик) открылось докладом *Н.Н. Казанского* (Санкт-Петербург) «Текст “Илиады” как исторический источник». В основу доклада легло предположение о том, что наряду с традиционными фольклорными особенностями, текст поэмы проявляет черты, свойственные авторскому произведению. Докладчик упомянул свое наблюдение над текстом «Илиады» (II. III. 369), где сюжет учитывает детали вооружения, после 1450 г. до н.э. не использовавшиеся. В II. III. 369 героический эпизод содержит явные черты ионийского вольнодумства. Точно так же в тексте клятвы Агамемнона, навлекающего на себя Эриний в случае ложной клятвы (II. IX. 121–132), обнаруживаются, помимо реалий, находящихся параллели в пилосских табличках микенского времени, намеки на события после Троянской войны в Микенах, где Эринии проявляют небывалую активность. Последнее позволило автору доклада осторожно поставить вопрос об историософии Гомера и отметить, что в ее основе могли лежать этические оценки.

Н.П. Гринцер (Москва) в докладе «Литературный и исторический контекст “Филоклетета” Софокла» сопоставил сюжет трагедии с его непосредственным литературным прототипом — с IX песнью «Илиады». Параллели определяются не только сходством ситуации (посланники ахейского войска уговаривают героя вернуться на войну), но и общностью некоторых ключевых мотивов. В частности, именно в контексте «Илиады» становится понятна особая роль темы Ахилла у Софокла

и фигура Неоптолема, которого можно сравнить с гомеровским Патроклом. Показательно, что Филоктет с Неоптолемом перед самым финалом трагедии намекаются отказаться от войны и уплыть на родину; точно так же Ахилл в конце IX песни собирается покинуть Троию. На фоне этого параллелизма еще более резким и неоправданным выглядит отказ Филоктета от своего решения. Докладчик объясняет эту непоследовательность политическим подтекстом драмы Софокла: «Филоктет» отсылает к посольству спартанцев в Афины в 410 г. с предложением заключить мир. Согласно сохранившимся историческим свидетельствам, афиняне сначала склонялись к завершению войны, и лишь после вмешательства Клеофона отказались от этого.

Выступление *А.И. Иванчика* (Москва) «О творческом методе Геродота: источники и их использование» было посвящено вопросу об источниках исторических и этнографических сведений Геродота и о методах его обращения с ними. Анализ фрагмента, в котором Геродот излагает четыре версии происхождения скифов, заимствованные из разных источников (IV. 5–7), и его сопоставление с другими пассажами позволяют сделать ряд выводов, относящихся ко всему его сочинению. Для Геродота несущественно различие между устным и письменным прозаическим источником. При этом он крайне редко называет по имени автора своего источника, по большей части ограничиваясь указанием на его происхождение («эллины», «скифы», «афиняне» и т.д.), считая эти рассказы общим мнением этих групп. Поэтические тексты Геродот считает более персональными; при этом к Гомеру и другим авторам раннего эпоса он относится с недоверием, а сообщения более поздних поэтов ценит выше. Если разные версии одного события несовместимы, Геродот излагает их одну за другой, часто указывая на ту, которую предпочитает. Можно заключить, что Геродот достаточно точно передает сообщения своих источников, и устных, и письменных, однако то, насколько они отражают историческую реальность, зависит в большой мере от характера самих источников.

В докладе «К интерпретации “Махабхашьи”» *А.А. Вигасин* (Москва) обратился к основным памятникам древнеиндийской лингвистики, которые служат важными историческими источниками: «Аштадхьяи» Панини, варттики Катьяны и, главное, «Махабхашья» Патанджали. Для датировки санскритских текстов первостепенное значение имеют упоминания греков (явана). «Аштадхьяи», где говорится о «греке» и «гречанке» (или «жене грека», яванани), не может быть датирована ранее рубежа IV–III вв. до н.э. Слова Катьяны о «греческом письме», возможно, указывают на монетные легенды индо-греческих царей II в. до н.э. Патанджали рассматривает греков и шаков как народы Индии, живущие за пределами Арьяварты (очевидно, в Пенджабе). Характеристика греков и среднеазиатских скифов в качестве ритуально чистых шудр не позволяет датировать «Махабхашью» ранее рубежа нашей эры. Цитируемое указание на завоевательные походы греческого царя не является доказательством того, что Патанджали был современником Менандра. Фрагмент с упоминанием «алчных Маурьев» нельзя рассматривать в качестве воспоминания о недавнем прошлом, скорее, речь должна идти об отражении бытовавших в начале нашей эры легенд о Чандрагупте и Чанакье. Ту же традицию представляет фрагмент «Артхашастры», в котором идет речь об эксплуатации религиозных суеверий посредством изготовления культовых изображений и устройства фальшивых чудес.

Следующий доклад *В.Д. Кузнецова* и *С.Н. Остапенко* (Москва) был посвящен средневековой истории и археологии Фанагории («Средневековая Фанагория: новые открытия»). Из-за малочисленности письменных источников и ограниченного объема исследований слоев средневекового времени на городище и некрополе этот период недостаточно изучен. На нижнем плато городища на большой площади в 2000 м² (раскоп «Нижний город») в рамках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в содружестве с Музеем-заповедником «Фанагория» были начаты археологические исследования, дающие возможность изучать слои V–IX вв. К настоящему моменту уже получены важные результаты, которые, в частности, позволяют разделить средневековую историю Фанагории на два больших периода: византийский (V – середина VI вв.) и «хазарский» (последняя треть VII – конец IX вв.). Основным критерием для такого деления служит катастрофа, которая постигла город в промежутке между 545 и 554 гг. – о ней сообщает Прокопий Кесарийский (*Goth.* VII. 5). В огне пожара погибла древнейшая на территории России синагога, просуществовавшая до этого в течение полутысячи лет. В результате тотального разрушения город прекратил свое существование более чем на сто лет. Жизнь в нем возобновилась только в последней трети VII в. С этого времени в Фанагории заметно усилилось влияние Хазарского каганата, что сказалось и на материальной культуре. Фанагория погибает в результате вражеского нападения примерно на рубеже IX–X вв.

Завершила работу пленарного заседания *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург) докладом «Л.И. Страховский и его воспоминания о М.И. Ростовцеве “Дядя Миша”». Младшая сестра М.И. Ростовцева Татьяна Ивановна (1875–?) вышла замуж за чиновника Министерства внутренних дел, в конце жизни – сенатора И.М. Страховского (1866–1921), расстрелянного большевиками по делу Таганцева. Их единственный сын Л.И. Страховский (1898–1963) учился в Александровском лицее, а затем на историко-филологическом факультете Петроградского университета, но учебу прервали две революции и Гражданская война. Он примкнул к Белому движению, в 1919 г. эвакуировался с англичанами в Великобританию, но осенью 1920 г. вернулся в Крым в армию барона П.Н. Врангеля. С конца 1920 г. Л.И. Страховский оказался в эмиграции в Лондоне, затем в Берлине, где организовал литературный кружок «Братство Круглого Стола», в который входили Г.П. Струве, В.В. Набоков и др., и с 1922 г. стал печататься под псевдонимом Леонид Чацкий. Позже он закончил Лувенский католический университет в Бельгии, получил степень доктора и стал преподавать как профессор русской истории. К концу 1920-х годов Страховский перебрался в США, где продолжил преподавание. Ему принадлежат воспоминания о Ростовцеве с рассказом о визитах в петроградскую квартиру академика и встречах с ним в эмиграции.

В первый день конференции состоялось заседание двух тематических секций. Работу секции «История древнего Востока» (председатели – И.А. Ладынин, А.А. Немировский, М.С. Апенко) открыл доклад *Т.А. Сафина* (Москва) «Система земельных пожалований в государстве Шан и древнем Китае: возрождая дискуссию о неевропейском феодализме», в котором автор обратился к вопросу о том, в каких категориях стоит рассматривать земельные пожалования эпохи Шань и Чжоу. Докладчик обратил внимание на то, что древнекитайские практики

земельных пожалований часто сравнивают с феодализмом, хотя эти сравнения порой носят упрощенный характер и не учитывают дискуссию о феодализме в медиевистике. А между тем некоторые проблемы, с которыми сталкивается исследователь земельных пожалований в древнем Китае, характерны и для дел сугубо европейских. *Б.У. Китинов* (Москва) в докладе «Религия в ойратской политике Цинской династии: конструирование этнонимов» рассказал о хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи интересном документе, который наглядно подтверждает использование цинскими властями религиозного фактора в политике по отношению к их давним соперникам — ойратам. Они использовали религиозный дискурс этнонима «джунгар» в целях дискредитации ойратов перед буддийским миром, обвинив их в переходе в ислам. По мнению докладчика, слово «тхомкар», которым в документе названы как джунгарские правители, так и все джунгары, — это производное от тибетских *‘thom pa* (среди ряда значений — «одурманенный») и *dkaṅ wa* («белый») слово *‘thom dkaṅ* («одурманенные белым», «впавшие в белое»), и его следует понимать как обозначение либо еретиков, либо мусульман (ставших мусульманами).

В докладе *Б.Е. Александрова* (Москва) «Названия профессий и ремесел в клинописном корпусе из Эмара» рассматривался вопрос о роли ремесла в экономике Эмара — важного центра в долине Среднего Евфрата эпохи поздней бронзы. До сих пор основное внимание исследователей было сосредоточено на вопросах государственного строя, правовых отношений, землеустройства, торговли, религиозных практик, что было обусловлено характером источников. Докладчик же обратил внимание на то, что ремесло также играло существенную роль в экономике Эмара, собрав все упоминания ремесленников и их профессий в эмарском клинописном корпусе и предложив их предварительный анализ. Доклад *О.В. Поповой* (Москва) «Пребенда вавилонских садовников: особенности корпуса текстов» был посвящен пребенде садовников, зафиксированной в нескольких нововавилонских городах: Уруке, Сиппаре, Борсиппе и Вавилоне. Эта пребенда связана с содержанием садов-*akītu*, находившихся за пределами городской стены. Частных архивов пребендариев-садовников (*rab banê*) найдено не было, что отчасти связано со спецификой пребенды. При изучении их функции и статуса приходится прибегать к документам разных жанров из храмовых и частных архивов. В докладе автор рассказала об особенностях пребенды *rab banê* и о корпусе текстов, позволяющих ее изучать.

Э.В. Рунг (Москва) в докладе «А существовал ли кодекс законов в Ахеменидской империи?» поставил под сомнение распространенное мнение, что в древней Персии отсутствовал кодекс законов, сопоставимый, например, с законами Хаммурапи, законами Драконта и Солона в Афинах или законами XII таблиц в Риме. Автор, во-первых, указал на роль персидского царя Дария I в кодификации местного права в Египте и, возможно, в Месопотамии и в греческих полисах Малой Азии, а во-вторых, привел свидетельства источников в пользу существования некоего «собрания законов персов и мидян», на которые ориентировались цари при принятии своих решений и в соответствии с которыми велось судопроизводство в древней Персии. Доклад *А.В. Сафронова* (Москва) «Дворцовый переворот в Персии 465 г. до н.э. глазами египетских жрецов» был посвящен анализу

фрагмента «Стелы сатрапа» (IV в. до н.э.), где говорится о каре для чужеземного правителя Хшериши, конфисковавшего имущество храма Хора в Буто. Исходя из гипотезы, что Хшериша — это Ксеркс, автор предположил, что глагол *wdj*, употребленный составителями стелы для описания некоего наказания для этого царя, означает «свергать», что совпадает с сообщениями античных авторов об убийстве Ксеркса и его сына Дария во дворце в августе 465 г. А египетские жрецы, узнавшие об этом, приписали потерю царем трона и его гибель воле бога Хора, покаравшего нечестивца.

В докладе «Некоторые замечания к гипотезе Х. Гедике относительно начального этапа маршрута бегства Синухета» *Р.А. Орехов* (Москва) на основе предложенной австрийским египтологом (Goedicke, Н. 1957: *The Route of Sinuhe's Flight. Journal of Egyptian Archaeology* 43, 77–85) версии «бегства» Синухета, приближенного Сенусерта I, испугавшегося дворцовой смуты, которая должна была разразиться после внезапной смерти Аменемхета I, определил, где именно могли располагаться топонимы, упомянутые в начале повести, постаравшись конкретизировать их местоположение. *И.А. Ладынин* (Москва) посвятил доклад «К идентификации персонажей ливийского времени в египетском логосе Геродота: царь Асихис (Hdt. II. 136)» возможным историческим прототипам царя, который, согласно Геродоту, ввел ряд норм, связанных с долговым правом. У Диодора Сицилийского аналогом этого царя является, видимо, Сасихис, второй великий законодатель Египта (Σάσιχιν — Diod. I. 94). По мнению докладчика, для интерпретации этих свидетельств важно упоминание в них долгового законодательства, вызывающее ассоциацию с деятельностью царя XXIV династии Бокхориса (ср. Diod. I. 65. 94); кроме того, форму имени «(С)асихис» можно сопоставить с Хоровым именем основателя XXIV династии Тefнахта *si'-ht* («сведущий утробой»). Таким образом, этот персонаж Геродота скорее мог отражать реминисценции о Тefнахте.

Доклад *А.А. Немировского* (Москва) «Завершение “Египтиак” Манефона и вопрос о его лояльности македонской власти» был посвящен вопросу, был ли Манефон Севеннитский, автор труда по истории Египта, лояльным по отношению к македонской власти. По мнению докладчика, Манефон на самом деле не поддерживал новую македонскую власть. Список династии по Манефону оканчивался на Нектанебе II, однако в Эпитоме Манефона содержится информация о XXXI династии. Автор предположил, что в самом тексте Манефона эти цари действительно были описаны, но оставались без династии (т.е. были узурпаторами). Примечательно, что в таком случае узурпатором оказывается признан и Александр Македонский. Таким образом Манефон хотел завуалированно показать, что не считает новых македонских царей легитимными. В докладе «О закономерностях в проведении синодов египетского жречества» *М.С. Апенко* (Москва) обратил внимание на то, что эти собрания жрецов всегда проходили в первые годы правления того или иного царя и были связаны с предоставлением им особых почестей — введением династического культа. Следующий синод, через несколько лет после первого, был приурочен к некоему достижению царя и расширял предоставляемые ему почести. Исключением в данном случае оказывается правление Птолемея V, что было вызвано конкретной ситуацией, в частности, его юным возрастом, а не изменениями в политике этого царя.

Доклад *В.В. Бельского* (Москва) «Видения библейского пророка Захарии как источник по ранней истории второго иерусалимского храма» был посвящен изучению фиксирования исторической информации в 1–6 главах соответствующей библейской книги. Автор отметил, что видения Захарии не претендуют на точное воспроизведение исторических фактов, а представляют события, осуществление которых является предметом ожиданий пророка. Необходимо также учитывать, что древнеизраильское пророчество было неразрывно связано с актуальной для пророка исторической ситуацией, а пророческая речь являлась призывом к ее изменению. Таким образом, в докладе были выявлены особенности субъективного отражения исторической реальности в изучаемом библейском тексте посредством анализа его жанра, структурных характеристик, прагматической цели его создателей.

Заседание секции «Археология, нумизматика, эпиграфика I» (председатели — *А.И. Иванчик, С.Ю. Сапрыкин, С.В. Смирнов*) открылось докладом *Д.В. Журавлева, П.В. Гурьевой, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишиной* (Москва) «Кипрские фигурные сосуды из собрания ГИМ: взгляд изнутри», который был посвящен изучению коллекции кипрских древностей, собранной графом *А.С. Уваровым*. Среди них особое место занимает серия редких фигурных сосудов эпохи средней и поздней бронзы. В НИЦ «Курчатовский институт» было проведено рентгеномографическое исследование этих сосудов, позволившее определить особенности их внутреннего строения и уточнить технологию их изготовления.

В докладе «Свинцовый архив Мирмекия: новые прочтения и новые тексты» *А.П. Бехтер* (Санкт-Петербург) представила несколько неопубликованных текстов, а также проанализировала прочтения и интерпретации свинцового письма-опистографа, найденного на городище Мирмекий в 2017 г. Первый из неопубликованных документов, палеографически близкий письму Орея, принадлежит к IV в. до н.э., второй — к первой четверти III в. до н.э. Содержание двух фрагментированных документов не может быть полностью восстановлено, однако наличие глаголов в форме императива (ῥῆε, παρόλαβε) и личных имен (Сократ, Артемидор) позволяет с уверенностью отнести указанные объекты к жанру деловых писем. Деловая переписка, представленная во всех документах, свидетельствует о весьма активной деятельности жителей Мирмекия в IV–III вв. до н.э.

Доклад *С.Ю. Сапрыкина и Н.И. Винокурова* (Москва) «Новые данные о династической истории Боспора в конце III — первой половине II в. до н.э. (стол-трапеца из Артезиана с остатками греческой надписи)» был посвящен неопубликованному мраморному столу-жертвеннику с остатками двух греческих надписей. Первая являлась посвящением за Перисада III, сына Левкона II, Аполлону Врачу от имени жреца, возможно, по имени Поликрат, сын Кратиппа. Вторая надпись свидетельствует о постройке (или ремонте) храма при царе Аспурге предположительно Фокионом, жрецом Бога Героса Внемлющего. В это время плита стола использовалась как закладка храма или ограды теменоса храма. После разрушения поселения в ходе боспоро-римской войны 45–49 гг. н.э. вторая надпись была сбита, а стол использовался в качестве убранства алтаря вплоть до разрушения его при землетрясении в конце III в. н.э. *Ф.В. Шелов-Коведяев* (Москва) в докладе «ΕΥΠΟΣΙΑ и ΔΙΑΜΟΝΗ в ольвийской эпиграфике» проанализировал значения

обозначенных понятий, раскритиковав различные интерпретации этих лексем, в первую очередь — трактовку последней как параллельной латинскому выражению *pro aeternitate*. Многочисленные примеры лапидарных текстов показывают, что *εὐλοοῖα* означает обеспеченность водными ресурсами (как и *εὐλοσιᾶρχης* изначально обозначал магистрата, ответственного за снабжение полиса водой). *Διαμονή* встречается в надписях (за редчайшими региональными исключениями, происходящими, главным образом, из Сирии и Северной Африки) в составе устойчивой формулы *αἰώνιος/ἄϊδιος διαμονή*. Тем самым, *διαμονή* есть не синоним латинского *aeternitas* (за идею вечности отвечают прилагательные *αἰώνιος/ἄϊδιος*), но термин, охватывающий следующие значения: 1) власть, господство, контроль; 2) продолжительность, несменяемость; 3) сохранность, стабильность. Доклад *Н.В. Завойкиной* (Москва) «Надгробие 334 г. н.э. из окрестностей Фанагории» был посвящен случайно обнаруженной весной 2023 г. в окрестностях городища Фанагория массивной плите с греческой эпитафией. Она сообщает, что некто (имя утрачено) поставил надгробие своей супруге. Особый интерес вызывает вторая часть эпитафии, в которой прописано наказание за порчу надгробия в виде денежного штрафа. Подобное встречается впервые в надписях Боспора.

В докладе *Д.В. Журавлева, А.М. Камышианова, Н.П. Конотопова* (Москва) «О некоторых результатах работ Боспорской археологической экспедиции ГИМ в 2019–2023 гг.» были представлены результаты работ экспедиции за последние пять лет. Завершены работы на архаическом поселении Голубицкая 2, где был открыт комплекс третьей четверти VI в. до н.э.: полуземлянка и несколько хозяйственных сооружений с печами. Начаты исследования укрепленного городища Красный Октябрь 1, где был открыт уникальный керамический производственный комплекс первой половины I в. н.э., включающий в себя несколько печей различных конструкций, обожженные площадки, склад глины и т.п. На Семибратнем городище выполнена магнитная разведка, позволившая по-новому оценить перспективы дальнейшего исследования этого памятника: выявлены новые системы рвов, оборонительных стен, общественные и жилые постройки.

Е.В. Захаров (Москва) представил доклад «К вопросу о составе сплава электра монет Кизика и древнегреческих ювелирных изделий V–IV вв. до н.э.». Принято считать, что электровые монеты, чеканившиеся в VII–IV вв. до н.э., изготовлены из природного или искусственного сплава золота и серебра, который античные авторы называли электром или «белым золотом». Исследования сплава электровых монет, произведенные за последние два столетия, показали, что количество золота и серебра в нем не было постоянным и колебалось от 69 до 16%. В докладе был проведен анализ соотношения золота и серебра в монетах Кизика и ювелирных изделиях, хранящихся в фондах ГИМа и обнаруженных в Херсонесе Таврическом.

В докладе *А.В. Безрукова* (Магнитогорск) и *В.В. Улитина* (Краснодар) «Военно-политические факторы и греко-варварская торговля: проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников (на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала)» было показано, насколько репрезентативны разные группы источников по данному кругу вопросов. Первая группа проблем связана с отражением информации, касающейся определенных товаров, динамики торговли, видов военно-политических факторов и динамики военно-политических

событий. Вторая группа — проблемы, связанные с точностью датировки событий военно-политического характера на основе археологического материала. Третья группа — проблемы локализации и этнокультурной атрибуции. Четвертая группа — проблемы выявления причин изменений в торговле.

Доклад *С.В. Смирнова, Е.В. Захарова* (Москва) и *Е.А. Кувшиновой* (Санкт-Петербург) «Монеты государства Селевкидов из российских музейных собраний: итоги проекта» был посвящен результатам совместного проекта Российской академии наук, Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа, начатого в 2017 г. К концу 2023 г. завершена основная часть проекта, в ходе реализации которого и подготовки каталога коллективом авторов были изучены коллекции 24 российских музеев, проведена работа по выявлению и определению монет государства Селевкидов, дана дополнительная уточняющая атрибуция. Всего в планируемом издании будет представлено более 2000 селевкидских монет, многие из них публикуются впервые. Издание дополнит история крупнейших музейных собраний селевкидских монет в России.

Работа секции завершилась докладом *Д.Б. Меркина* (Москва) «Великие Дидеи в контексте политики Рима по отношению к греческим праздникам», который был посвящен анализу сведений о дидимейском культе в I—III вв. н.э. На основании данных эпиграфики и нумизматики можно сделать вывод, что популярность венковых игр в святилище выросла в эпоху Марка Аврелия и Коммода из-за придания им статуса *εἰσελαστικῆς ἀγῶνης*. Победители на таких играх, помимо других почестей, получали право на торжественный въезд в родной город и специальное пособие. Однако почетные надписи победителей из Милета и Дидим показывают, что победа на играх была важна не только для профессиональных спортсменов из других городов, но и для местных элит: для юных атлетов из Милета победа на играх в дальнейшем становилась важным шагом в их административной карьере.

Во второй день конференции, 21 декабря, работало четыре тематических секции. В первой половине дня заседания проходили в секциях «История древней Греции и эллинистических государств» и «История древнего Рима I». Секция «История древней Греции и эллинистических государств» (председатели: О.Л. Габелко, Е.И. Соломатина, Е.Н. Бузурнюк) открылась докладом *И.Е. Сурикова* (Москва) «Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли». Напомнив слушателям о политических и историософских дискуссиях IV в. до н.э., в контексте которых обычно трактуется легенда об Атлантиде, излагаемая Платоном в диалогах «Тимей» и «Критий», докладчик обратил внимание на то, как через изображение «развращенной морем» Атлантиды (напоминает демократические Афины времен Перикла) и ее сравнение с идеализируемыми «древнейшими Афинами» (четко укладываются в параллель с классической Спартой — консервативной, сухопутной и не демократической) проявилась олигархическая и лаконофильская система взглядов. Кто был тот Критий, в уста которого ее вложил Платон? Традиционное отождествление его с известным олигархом конца V в. до н.э. Критием, в 404—403 гг. до н.э. возглавлявшим режим «Тридцати тиранов» в Афинах, наталкивается на серьезные и непреодолимые хронологические трудности. Докладчик предложил видеть в персонаже платоновских диалогов другого Крития (сына Леаида), деда «тирана», который стал известен благодаря эпиграфическим данным.

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Религиозная “экспертиза” и военные конфликты: об особенностях военной мантики в древней Греции в эпоху классики» рассматривалась практика гаданий в военной сфере. Особое внимание в докладе было уделено гаданиям по внутренностям жертвенных животных, которые обычно проводились перед началом военного предприятия, при пересечении войском границ собственного государства или непосредственно перед вступлением в сражение. Популярность именно этого вида гаданий, не зафиксированного в гомеровских поэмах и появившегося под влиянием ближневосточных практик, широко засвидетельствована в исторических сочинениях эпохи классики — трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта, сообщения которых находят параллели в аттической трагедии, а также в вазописи. Эти свидетельства позволяют изучить структуру и основные компоненты данного ритуала, рассмотреть бытовавшие способы толкования божественных знамений, а также отметить особенность этого вида военной мантики у древних греков, в частности ее относительную простоту в сравнении с ближневосточными образцами.

Доклад *Е.Н. Бузурнюк* (Москва) «Женские собрания в комедиях Аристофана: женское пространство и нарушение сценической иллюзии» был посвящен разбору сцен с участием только женских персонажей в «женских» комедиях Аристофана — «Лисистрате», «Женщинах на празднике Фесмофорий» и «Женщинах в народном собрании». Во всех этих комедиях женщины собираются вне частного пространства дома, чтобы принять политическое или общественно значимое решение, такие «женские» собрания конструируются по модели «мужских» и следуют процессуальному порядку народного собрания. Однако, по мнению докладчика, женские собрания изображены иначе, чем «мужские». Хотя в комедиях женщины выходят в общественное пространство, сцены женских собраний остаются закрытыми для зрителей, которые не становятся соучастниками драматического действия, оставаясь лишь наблюдателями. Открытое пространство, стирающее границу между зрителями и драматическим действием, и закрытое, т.е. не вовлекающее зрителей в исполнение отведенной им драматической роли, маркируются поэтом с помощью нарушения или, наоборот, поддержания сценической иллюзии.

Д.А. Баранов (Воронеж) в докладе «“Кавнийское восстание” и Ликия: свежий взгляд на один эпизод Пелопоннесской войны» представил краткий обзор результатов интерпретаций ликийских текстов в научной литературе последних лет. Было отмечено существенное пополнение западной историографии работами, выводящими на принципиально новый уровень понимание содержательной составляющей текстов. Особое внимание докладчик уделил тексту «династической хроники» правителей Ксанфа (*TAM I 44*) и отображенным в нем историческим реалиям. «Стела надписей» («Inscribed Pillar Tomb», «Хроника Гарпагидов/Куприллидов») содержит бесценные сведения, подтверждающие и дополняющие нарративную традицию, относящуюся к описанию событий Пелопоннесской войны, деятельности персидского сатрапа Тиссаферна на Юго-Западе Малой Азии и характера взаимоотношений ликийцев с греческим и персидским миром в последней трети V в. до н.э. В результате обзора новых интерпретаций этого документа автор выдвинул новую версию событий восстания в Кавне, которая уточняет хронологию похода Зопира, показывает роль ликийцев в политике персидских царей

на Юго-Западе Малой Азии и формирует новый взгляд на давние предположения В.В. Шеворошкина о содержательной части текста стелы.

Доклад *О.В. Осиповой* (Москва) «“История” Фукидида как образец для эллинистической историографии: новое исследование рецепции древнегреческих исторических сочинений» был посвящен обзору одного из новейших исследований древнегреческих исторических сочинений как произведений художественной литературы (Kurpios, M. *The Reception of Thucydides in the Theory and Practice of Hellenistic Historiography*. Wien, 2021). На примере анализа Марчином Курпесом трактатов Дионисия Галикарнасского, в которых рассматриваются достоинства «Истории» Фукидида, важные для эллинистической историографии, в докладе была показана специфика авторского подхода к исследованию рецепции и интертекстуальности.

В докладе *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) «О предполагаемом мирном договоре между Антигонидами и Эакидами после гибели Пирра» была представлена точка зрения автора о том, с кем из сыновей Пирра после его гибели мог заключить договор Антигон Гонат. Согласно распространенному в исторической литературе мнению, после разгрома и гибели Пирра в Аргосе осенью 272 г. до н.э. его наследник Александр II, находившийся в это время в Эпире, заключил мирный договор с победителем, Антигоном Гонатом. Однако если подобный договор, о котором в источниках не сохранилось информации, действительно был подписан, то Гонат, по мнению докладчика, мог заключить его с другим сыном Пирра — Геленом, который попал в плен в Аргосе и позднее был с почестями освобожден македонским царем. Гелен, единокровный брат Александра II, был отправлен Гонатом в Эпир вместе с останками Пирра и частью его капитулировавшей армии. Дальнейшая судьба Гелена неизвестна; в источниках он более не упоминается. Нападение Александра II на Македонию во второй половине 260-х годов до н.э. позволяет допустить, что он не имел личных обязательств перед Антигоном Гонатом и не заключал с ним ранее мирного договора.

В докладе *Е.М. Берзон* (Москва) «Астрономический дневник за 35-й год СЭ в контексте селевкидской истории 270-х годов до н.э.» была предложена интерпретация некоторых событий, отраженных в одном из астрономических дневников, датируемом 35-м годом селевкидской эры, или 277/6 г. до н.э. (*AD IV*, 276). В записях, относящихся к шестому месяцу (сентябрь 277 г.), упоминается некий поход «во вражескую землю». В тексте также сообщается, что в восьмом месяце этого года (ноябрь 277 г.) царица Стратоника лично посетила Вавилон и устроила в городе празднество. Упомянутый в дневнике поход можно соотнести с одной из анатолийских кампаний Антиоха I — в контексте войны с Северной лигой или, что более вероятно, с галатами. Приезд же Стратоники в Вавилон и проведенные ею мероприятия, возможно, связаны с событиями апреля 278 г. (*AD I*, 277 A, obv. 6) и осени 278 г. (*BCNP* 17). Приезд царицы не только демонстрировал внимание центральной власти к локальным проблемам, но и должен был в некоторой степени их нивелировать. Примечательно, что в данной ситуации Стратоника действует как самостоятельный актер — именно как *basilissa*, а не «жена царя», и это уникальное свидетельство в клинописных источниках эпохи эллинизма. Кроме того, эти данные позволяют уточнить датировку Илионского декрета (*OGIS* 219), который, вероятно, был издан в 276 — первой половине 274 г. до н.э. В надписи говорится о

восстановлении царем Антиохом мира и порядка, а также о пребывании царской четы в областях «по эту сторону Тавра», что и приходится на указанный период.

О.Л. Габелко (Москва) в докладе «ΚΤΙΣΤΗΣ: о возможном происхождении одного тронного эпитета эллинистических монархов» обратился к рассмотрению почетных эпиклес царей как чрезвычайно показательному элементу идеологического оформления эллинистической монархии. Использование официальных тронных эпитетов засвидетельствовано во многих династиях эллинистического мира и вроде бы не имеет более или менее четко выраженной этнической подосновы. Между тем, почетное прозвище «Ктист» засвидетельствовано для четырех монархов: Митридата I Понтийского, Антиоха I Коммагенского, одного из парфянских царей (Орода II?) и Архелая I Каппадокийского, имевших очевидное иранское происхождение. Так как эта эпиклеса не была непосредственно связана с основанием какого-либо города, она, по мнению докладчика, в каждом конкретном случае могла отражать определенные персидского-ахеменидские идеологемы и нести своеобразную семантическую и политико-пропагандистскую нагрузку. Доклад *О.А. Давыдовой* (Москва) «Отождествлялась ли Береника II с Артемидой? Об одной статуэтке в Британском музее» был посвящен проблеме идентификации и отождествлению одного артефакта, а именно известняковой статуэтки, найденной при раскопках храма Аполлона на Кипре в 1873 г. По сходству лица с изображениями на монетах исследователи сочли, что статуэтка представляет Беренику II, но так как царица изображена с луком и колчаном стрел, она была отождествлена с греческой богиней Артемидой. Однако основной чертой культа царицы являлся, прежде всего, ее образ матери и покровительницы семьи, что не соотносится с функциями богини-девственницы. Кроме того, на данный момент статуэтку можно считать единственным свидетельством такого отождествления. Следовательно, либо статуэтка изображает не Беренику II, либо в данной ипостаси царица отождествлена с иной богиней.

Завершил работу секции доклад *А.В. Зибеева* (Сургут) «Греческие авторы о чуме до VI в.: описания Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского». Докладчик обратился к до сих пор дискуссионному в исторической науке вопросу об известности такой болезни, как чума, населению Средиземноморья в классической античности. Хотя недавние исследования микробиологов показали, что бактерия *Yersinia pestis*, вызывающая чуму, уносила человеческие жизни еще в бронзовом веке, анализ греческих нарративных источников позволяет предположить, что чума была в целом незнакома греческим и латинским авторам вплоть до II в. н.э. Исключением считаются описания Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского с подробным перечислением симптомов раннее неизвестной болезни, которая сопровождалась появлением бубонов и страданиями больных.

Заседание работавшей параллельно секции «История древнего Рима I» (председатели — М.Н. Кириллова, Л.Л. Кофанов, Е.В. Ляпустина) было открыто докладом *А.В. Логинова* (Москва) «*Ἐνέχυρασις* в древнегреческом праве и римский институт *ignominiae*», в котором были выделены общие черты этих институтов. И тот, и другой можно считать мерами, применявшимися с целью обеспечить исполнение обязательства, причем принудительно, зачастую даже с помощью насилия. И *Ἐνέχυρασις*, и *ignominiae* могут осуществляться публичной

властью в общественных интересах; с ними может быть связано и возникновение частнопроводного института залога как в греческом, так и в римском праве. Также заслуживает внимания возможная связь ἐνέχυρασις и pignoris capio с жертвоприношениями.

А.И. Черкасов (Ставрополь) в докладе «Диодор Сицилийский о Самнитских войнах: к вопросу о первоисточниках», подчеркнув компилятивный характер труда Диодора, изначально предполагающий многообразие источников «Исторической библиотеки», предостерег от экстраполяции выводов из отдельных частей повествования на всю работу в целом. Исходя из того, что все выводы по конкретным эпизодам должны ограничиваться только изучаемыми отрывками, и сосредоточившись на отдельных событиях Самнитских войн, докладчик представил результаты внутреннего и сравнительного анализа 14 повествовательных блоков в книгах XIX–XX и (частично) XVI и XXI, придя к выводу, что в описании Самнитских войн Диодор не придерживался одного основного источника, а попеременно использовал ранних и поздних анналистов, а также в некоторых местах греческих авторов.

В докладе «Культурное взаимодействие в Лации VIII–III вв. до н.э. по данным Тита Ливия» *Л.М. Шмелева* (Казань) обратила внимание на то, какое отражение в труде историка нашли процессы заимствования римлянами у других италийских племен, а позже и у греков, идей, обрядов и ритуалов, прежде всего в политической сфере (обряд объявления войны, идея союза общин вокруг храма Дианы). Также по сочинению Ливия можно проследить культурные связи с разными регионами Италии. *Н.А. Филянов* (Москва) в докладе «Цицерон, Союзническая война и *leges de civitate* 91–90/89 гг. до н.э.» подробно разобрал сведения античных авторов о предоставлении латинам и италикам прав римского гражданства как о причине и итоге Союзнической войны, уделив особое внимание сведениям Цицерона (*Balb.* 21, 50; *Brut.* 304; *Cluent.* 197; *Fam.* XVI. 22. 1; *Phil.* III. 32; XII. 27), а также рассказам Валерия Максима, Псевдо-Аврелия Виктора и Плутарха о диалоге между Катонам Младшим и Кв. Поппедием Силоном (*Val. Max.* III. 1. 2; *De vir. ill.* LXXX. 1; *Plut. Cat. Min.* 1–2). Проведенный анализ показал, что отношение римских сенаторов к предоставлению латинам и италикам римского гражданства неоднократно менялось как в ходе самой войны, так и под влиянием законопроектов М. Ливия Друза (*rogatio Livia de sociis [et nomine Latino?] civitate danda* 91 г. до н.э.), Кв. Вария Гибриды (91/90 г. до н.э.), Кальпурния (90 г. до н.э.) и Юлия (90/89 г. до н.э.). В докладе также оспаривались некоторые гипотезы, выдвинутые в этой связи Х. Муритсеном. По мнению автора доклада, «позиция Катона» относительно стремления италиков к римскому гражданству восходит непосредственно к Цицерону и отражает его представления о целях италиков в период Союзнической войны.

Т.А. Бобровникова (Москва) представила доклад «Тени, лемуры, ларвы», в котором рассмотрела представления о неупокоенных духах как о приносящих вред живым людям злобных демонических существах, бытовавшие в древнем Риме, и постаралась прояснить их генезис. Основными источниками исследования послужили пассажи из Плавта, Вергилия, Горация, Плиния Младшего, Персия, Светония, а также комментарии Помпония Порфириона к Горацию. Важную дополнительную информацию дали выявленные при археологических раскопках и опубликованные магические тексты на древнегреческом и латинском языках. В результате

исследования было установлено существование двух категорий мертвых, порождавших неуспокоенных духов: это лишенные правильного погребения и умершие до срока. Кроме того, в докладе шла речь о том, какой вред живым могли причинить подобные духи, а также о способах магической защиты от этих демонов, применявшихся в древнем Риме.

Оживленное обсуждение вызвал доклад *Л.Л. Кофанова* (Москва) «Женские *potina* в Риме эпохи Республики и Принципата». Как известно, подвластные дочери в римских семьях эпохи Республики и Принципата, как правило, не имели личных имен, но носили родовое имя отца, стоящее в женском роде. Выходя замуж, такая женщина сохраняла за собой отцовское родовое имя, но если в результате брака переходила под власть мужа и становилась членом его рода, прежнее отцовское родовое имя становилось ее личным именем, к которому добавлялось родовое имя мужа, стоящее в именительном или родительном падеже. Т. Моммзен связывает этот обычай с брачным ритуалом, когда невеста, переступая порог дома жениха, на вопрос, кто она, отвечала: «Поскольку ты Гай, то я Гайя» (Plut. *QR*. 30). Согласно Дж. Франчози, обычай перехода жены из отцовского рода в род мужа при браке *cum manu* и присвоения ей родового имени мужа строго соблюдался в республиканском Риме. Это подтверждается данными из некрополя IV — начала II вв. до н.э. латинского города Пренесте. Исчезновение этого обычая связывают с постепенным отмиранием браков *cum manu* (*confarreatio*, *coemptio*, *usus*), нередко датируемым II в. до н.э. — I в. н.э. Однако данные юридических источников II — начала III вв. н.э. прямо указывают на продолжение существования браков, заключавшихся посредством *confarreatio* и *coemptio*, а также власти мужа над женой в течение всего периода Принципата. Возникает вопрос, а сохранилась ли традиция присваивать подвластным женам имена мужского рода? Ответить на это еще предстоит в будущих исследованиях. Доклад *А.В. Короленкова* (Москва) «Марий и законодательная деятельность во время его трибуната» был посвящен *lex Maria de suffragiis ferendis* и его трибунскому вето на проект хлебного закона. Инициированный Марием закон о голосовании, по мнению докладчика, способствовал подкупу избирателей, и при его проведении он вовсе не ссорился с сенатом и знатью, как это изображает Плутарх, а заручился поддержкой весьма влиятельных людей. Наложив вето на зерновой закон, Марий, судя по всему, выступил против сокращения хлебных дотаций, каковое этот проект, надо думать, и подразумевал.

Во второй половине дня начала свою работу секция «Археология, нумизматика, эпиграфика II» (председатели — Д.Д. Беляев, А.В. Сафронов, Л.Г. Елисеева, С.А. Коваль). Открыла работу секции *Л.С. Баюн* (Москва) докладом «Лувийско-хурритские этноязыковые контакты и культурные влияния в Юго-Восточной Анатолии II—I тыс. до н.э.», в котором говорилось о продолжительном этноязыковом взаимодействии изначально не родственных групп населения на обширных территориях Юго-Восточной Анатолии, следы которого обнаруживаются в эгейском мире. При этом наряду с заимствованием технических терминов неиндоевропейского происхождения особый интерес представляют художественные образы и мифологические представления, которые могли переходить из одной традиции в другую в исходной языковой форме. Как один из возможных примеров такого перехода в докладе приводилось предположительное восстановление хурритского

причастия *har-ubad-(e) «непроходимый», «непреодолимый», которое могло стать источником гомеровского имени $\chi\acute{\alpha}\rho\upsilon\beta\delta\iota\varsigma$ «водоворот», «залив».

Е.Ю. Чепель (Москва) в докладе «Анахоресис в римском Египте: новый папирусный документ из коллекции Г.Ф. Церетели в Тбилиси» представила неопубликованный папирус из Национального центра рукописей Грузии в Тбилиси, в котором содержится заявление об анахоресисе (уходе) несовершеннолетнего деревенского жителя комы Каранис в Фаюме, с последующим внесением его в списки для освобождения от уплаты подушного налога (лаографии). Это первый подобный документ среди греческих папирусов из Египта. Новый источник будет подробно рассмотрен в контексте анахоресиса как социально-экономического явления в римском Египте.

В докладе «Аттическая расписная керамика из Елизаветинских курганов: раскопки Н.И. Веселовского 1912–1917 гг.» *Т.В. Рябова, А.Е. Петракова и А.Г. Букина* (Санкт-Петербург) рассмотрели некоторые произведения аттической расписной керамики из Елизаветинских курганов (Краснодар), в которых были погребены представители эллинизированной скифо-меотской знати IV в. до н.э. Некоторые из ваз были введены в научный оборот впервые. *Е.В. Приходько* (Москва) выступила с докладом «Вступления к малоазийским оракулам по пяти и семи астрагалам об этом виде мантического искусства», который был посвящен 21 надписи II – начала III в. н.э. из пограничных областей Юго-Западной Малой Азии – Писидии, Памфилии, Фригии, Ликии и Киликии, содержащим текст оракулов по пяти или семи астрагалам. Данные надписей разной степени сохранности – единственный источник по этому типу прорицаний; у восьми надписей текст оракула предваряют короткие вступления. На основании анализа содержащейся в них информации в докладе удалось прийти к следующим выводам: прямоугольная колонна с вырезанным на ней текстом оракула по пяти астрагалам и с венчающей ее статуей Гермеса была прорицалищем под открытым небом. Возле этой колонны незримо обитал оракул, т.е. вещий дух места, который контролировал падение брошенных астрагалов. Гермес, почитавшийся покровителем астрагальных оракулов, выступал здесь не как независимое божество, а как исполнитель воли Аполлона, отдавшего ему под контроль мантику по жребиям.

В докладе *А.А. Зедгендзе* (Москва) «“Древний Херсонес” Страбона: картография» для реконструкции первоначальной планировки укрепления на перешейке Маячного мыса на северо-западной оконечности Гераклейского полуострова, с которым отождествляется упомянутый Страбоном (VII. 4. 2) «Древний Херсонес», были привлечены карты Гераклейского полуострова XVIII–XX вв., отражающие состояние исследуемой территории до масштабных разрушений XX в. *А.В. Сазанов* (Москва) в докладе «Комплексы второй четверти II в. н.э. городища Батарейка I и история Боспора этого времени» проанализировал керамические комплексы городища Батарейка I, образовавшиеся в результате гибели крепости на памятнике (амфорная тара в башне и синхронная ей круговая столовая и кухонная посуда в помещении II), и на основании анализа материалов из слоя пожара предположил, что разрушение крепости произошло в 123/124 г. н.э. во время войны между боспорским царем Котисом II и скифами, закончившейся победой правителя Боспора. *В.С. Тимофеев* (Москва) в докладе «Новый взгляд на

арамейскую надпись из Гиеноса (г. Очамчыра, Республика Абхазия)» представил палеографический анализ арамейской надписи, найденной на городище Гиенос в 2019 г. и первоначально прочитанной как начало алфавитария. Опровергая это чтение, автор предложил несколько новых вариантов интерпретации этой надписи, выполненной арамейским письмом неизвестного извода.

Завершивший работу секции доклад *Д.Д. Беляева и А.В. Сафронова* (Москва) «Общинные структуры у древних майя Западного региона в позднеклассический период: эпиграфические свидетельства» был посвящен классическому периоду I тыс. н.э., для которого общинные структуры майя известны исключительно по археологическим данным (письменные источники, описывающие общину и общинные институты у майя, датируются концом XV – XVI вв.). Благодаря прогрессу, достигнутому в чтении иероглифических надписей майя в последние годы, было показано, что распространенные в текстах «тителы происхождения» типа ах... (букв. «тот, кто из такого-то места») могут обозначать не отдельных индивидов (военачальников или владетелей), а коллективы (букв. «те, кто из...», т.е. «люди из такого-то места»). Проанализировав употребление таких коллективных «тителов происхождения» в иероглифических надписях VII–VIII вв. городов Западного региона области майя, авторы доклада выдвинули гипотезу, что обозначаемые ими социальные группы в обществе майя позднеклассического периода могли представлять собой городские общинные коллективы различного ранга. Упоминания «людей из ...» в военных контекстах свидетельствуют, что городские общины могли быть самостоятельными участниками военно-политической борьбы, а не находились всецело под контролем царской администрации.

Параллельно работала секция «Античная наука, история науки и рецепция античной и древней ближневосточной истории» (председатели – Е.В. Ляпустина, А.В. Иванова, С.Г. Карпюк), объединившая доклады по трем весьма широким направлениям науки, связанным с античностью, ее изучением и восприятием. В открывшем заседании докладе «“Глазами историка”: научные и научно-популярные тексты С.Л. Утченко 1960-х годов» *С.Г. Карпюк* (Москва) сопоставил научное творчество С.Л. Утченко и его научно-популярные работы (статьи в журнале «Новый мир», книга очерков) эпохи оттепели. Кроме того, была показана роль зарубежных поездок в формировании взглядов ученого.

А.В. Подосинов (Москва) предложил оригинальную тему: «Место географической дисциплины в образовательных институтах античности». В своем докладе он задался вопросами, кто, где, как, когда (на каком уровне) преподавал и изучал в регулярном порядке географию как отдельную научную или прикладную дисциплину. Откуда школьник, читающий и заучивающий наизусть Гомера (в Греции) или Вергилия (в Риме) мог почерпнуть сведения о сотнях топонимов и этнонимов, упомянутых этими и другими авторами? О географии и картографии как части географии, как науке и ее месте среди других наук, в частности, астрономии и геометрии, сохранилось не так много свидетельств. В докладе были собраны данные о преподавании географии в «средней» и «высшей» школе. Итоги исследования таковы: география как наука сама по себе не преподавалась в средней школе, но преподавалась в рамках комментирования читаемых классических авторов. Учителя должны были пользоваться различными пособиями, комментариями и схолиями,

которые были в широком употреблении в Греции и Риме, начиная с эллинистического времени. Можно предполагать, что высшее образование включало в себя и занятие географией, входившей в цикл геометрической и астрономической дисциплин. Но следует признать, что источники дают слишком мало материала для однозначных выводов и работа над этой темой должна быть продолжена.

Именно географической литературе был главным образом посвящен доклад Д.А. Щеглова (Санкт-Петербург) «“Эффект Матфея” в античной литературной традиции?» Автора заинтересовал вопрос о том, как был сформирован весьма узкий круг влиятельных античных географов, которые наиболее часто упоминаются в современных изложениях истории античной литературы. Наиболее известными являются так называемые «большие географы» (Страбон, Птолемей, Стефан Византийский и — с оговорками — Павсаний и Плиний) и еще около 20 тоже несомненно значимых авторов, хотя мы знаем о еще 200—250 авторах, которых так или иначе относят к числу античных географов. Попытки ранжировать этих авторов по значимости предпринимали уже сами античные географы. Сравнение составленных ими списков достойных упоминания предшественников дает двоякий результат. С одной стороны, списки (например, те, что дают Эратосфен, Агафархид, Псевдо-Скимн, Авиен, Маркиан) демонстрируют больше различий, чем сходств, а источники, считающиеся наиболее надежными, например, Эратосфен и Страбон, имеют серьезные пробелы и охватывают менее 50% имен, которые они могли бы упомянуть. С другой стороны, наблюдается устойчивая цепочка преемственности, так как известные авторы склонны выбирать своими предшественниками не менее известных авторов. Точно так же авторы, которых мы полагаем второстепенными, — это те, о ком упоминают только второстепенные источники. Этот эффект неравного распределения внимания источников между предшествующими авторами важно учитывать при составлении общей картины развития литературной традиции.

Следующая группа докладов была посвящена антиковедению XX в. О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) обратился к теме «Вопросы истории Пергамского царства в трудах М.И. Ростовцева», рассмотрев, как тот характеризовал историю и важнейшие институты Пергамского государства в своих трудах по истории эллинизма. Историю царства Атталидов Ростовцев делит на два периода, которые определяются характером власти правителя и особенностями государственных институтов — *dynasteia* и *basileia*, хотя достаточных оснований называть Филетера и Эвмена I династами нет. По мнению Ростовцева, в царстве Атталидов сложилась система административно-территориального деления, напоминающая египетскую времени Птолемея с некоторыми местными вариациями. Отмечая большую роль городов, прежде всего, Пергама, историк основательно характеризует полисные институты. В целом вся картина развития городского строя и политики Атталидов в отношении городов, как ее представляет Ростовцев, предполагает очень высокую степень централизации власти в руках Атталидов и вмешательство короны в городские дела. Между тем, политика Атталидов в отношении полисов была более гибкой. Общая позиция Ростовцева в оценке политического строя Пергамского царства состоит в том, что в государстве Атталидов сложилась достаточно четко структурированная, централизованная система управления

со стройным и унифицированным административно-территориальным делением страны, с жестким контролем царской власти над всеми частями государственной системы и областями государства. Фактический материал во многом не подтверждает такой вывод, что нисколько не умаляет заслуг ученого в исследовании Пергамского царства и всего эллинистического мира.

В докладе «Что рассказал “Скифский роман” о рождении *SEHRE* М.И. Ростовцева» *Е.В. Ляпустина* (Москва) обратилась к удостоенному Государственной премии Российской Федерации за 2000 год фундаментальному изданию, инициатором и ответственным редактором которого был Г.М. Бонгард-Левин. Вышедшая в 1997 г. книга, в которой собраны архивные материалы и исследования о жизни и трудах М.И. Ростовцева, продолжает служить надежным инструментом научного поиска. Именно с его помощью в докладе была прослежена история самого известного шедевра Ростовцева — *The Social and Economic History of Roman Empire* — от очерка «Рождение Римской империи» (Петроград, 1918), экземпляр которого Михаил Иванович взял с собой, покидая Россию, до увесистого тома, вышедшего в Оксфорде в 1926 г. на английском языке с посвящением Джону Андерсону (1870–1952), роль которого, описанная Ростовцевым в предисловии к книге, становится еще более понятной благодаря материалам, введенным в оборот Г.М. Бонгард-Левиным в «Скифском романе». *С.В. Кузьминых* (Москва) и *Е.В. Детлова* (Красноярск) представили обзорный доклад «Германский археологический институт в переписке с археологами и востоковедами России и СССР (по материалам архива DAI)». Его задачей было дать общее представление об объеме и составе корреспонденции русских и советских археологов, отложившейся в персональных фондах руководителей и членов администрации DAI с последнего десятилетия XIX в. до начала 1980-х годов. Самым обширным в этом плане является эпистолярный фонд Т. Виганда, в арсенале которого переписка с М.И. Ростовцевым, Н.Я. Марром, О.Ф. Вальдгауером, Г.И. Боровкой, К.В. Тревер, Ф.И. Шмитом. По самым приблизительным подсчетам количество русских и советских археологов и востоковедов, которые состояли в переписке с Институтом, насчитывает 24 человека, при этом степень их активности была разной: от одного до двух-трех десятков писем. Число тех, чьи имена фигурируют в переписке, трудно подсчитать даже приблизительно. Степень изученности и введения этих материалов в научный оборот сильно разнится. Авторы доклада призвали к их детальной проработке, изучению и публикации.

Завершающая часть заседания секции была отведена рецепции античности в художественной культуре современности. *В.А. Митарчук* (Москва) посвятил свой доклад «Античность и древний Восток в творчестве Николая Васильевича Гоголя» тому, какое отражение нашла древность как в текстах Гоголя—преподавателя всемирной истории (в лекции по древней всеобщей истории, в сочинении о преподавании всемирной истории), так и в именах знаменитых российских мыслителей и персонажей их произведений. В докладе «Каноническое право в литературе: соборование Базарова» *Е.В. Сильвестрова* (Москва) обратила внимание на то, как в романе «Отцы и дети» соборуют Евгения Базарова перед смертью. Тургенев пишет: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди...». Вместе с тем, при соборовании используется не миро, а елей, и другое название

соборования — елеосвящение. Возникает вопрос, совершил ли автор романа ошибку, перепутав таинства елеосвящения и миропомазания, или же в данном случае можно говорить о сознательном смешении этих таинств в тексте. В любом случае, упоминание святого мира в соборовании, совершенном над Базаровым, заслуживает внимания исследователя. Заключительный доклад *А.В. Ивановой* (Москва) «Влияние творчества Мари Рено на современные романы об античности» был посвящен обзору основных тем романов английской писательницы Мари Рено, действие которых разворачивается в историческом или мифологическом пространстве древней Греции, и тому, как изменилось восприятие греческой культуры в современной художественной литературе, обращающейся к тем же героям и декорациям. По мнению докладчика, современные авторы, хотя и упоминают творчество Мари Рено как один из источников вдохновения, не придерживаются такой же тщательности в отображении материальной культуры и исторического контекста описываемого периода, и, с одной стороны, отдают предпочтение мифологическим временам, допускающим большую вольность, а с другой стороны, уделяют большее внимание именно психологическому состоянию своих героев, чтобы сделать их ближе и понятнее читателю.

В третий, и последний, день конференции, 22 декабря состоялись заседания двух секций. Работу секции «История древнего Рима II» (председатели — М.Н. Кириллова, А.Е. Барышников) начал *Я.Ю. Межеричский* (Москва) докладом «О социально-психологическом и культурном фоне римско-германских войн (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.)». Попытка Рима завоевать часть Центральной Европы и учредить там провинцию Большая Германия в итоге провалилась. Среди причин неудачи справедливо указывают на суровую природу края, экономические и финансовые трудности. И все же не до конца понятно, каким образом хуже вооруженным и постоянно враждующим между собой варварам удавалось противостоять сильнейшей армии империи. Однако поступающий археологический материал позволяет изменить представление о древних германцах как о дикарях, поскольку свидетельствует о сравнительно развитой культуре земледелия, скотоводства и ремесла. Этим объясняется значительная плотность населения и в целом значительный военный потенциал германцев. Но решающим оказалось нежелание «диких германцев» покориться «цивилизованным» завоевателям. Полученные археологические данные предоставляют возможность нового прочтения давно известных текстов. С одной стороны, античные авторы транслируют укоренившиеся в коллективном сознании римлян клише о диких варварах, а с другой, (пусть и скупой) делятся своими непосредственными наблюдениями и впечатлениями. Анализ текстов показывает, что самым труднопреодолимым препятствием для достижения взаимопонимания были штампы и предрассудки культурного и расового характера и принципиальная несовместимость римско-средиземноморской и германской систем жизненных ценностей.

В докладе *А.Е. Барышникова* (Нижний Новгород) «Время угнетенных? К вопросу о новых подходах в изучении римского империализма» рассматривались новейшие публикации, в которых авторы пытаются интерпретировать римский империализм с опорой на концепт «субальтерна». Этот термин восходит к «Тюремным тетрадам» Антонио Грамши, а теперь стал важной частью теоретического аппарата

постколониальных исследований и деколонизационного дискурса. Насколько он применим к проблемам, которые стоят перед теми, кто занимается историей древности (и, в частности, изучением римского империализма), вопрос открытый, и вряд ли у кого-то, включая автора доклада, есть на него ответ. Однако популярность концепта (и наследия Антонио Грамши) в новейшей гуманитаристике, его появление в названиях научных конференций и текстах публикаций вдохновляют на обсуждение его потенциальной ценности.

Два доклада были посвящены наследию римских землемеров. В первом из них *И.А. Гвоздева* (Москва) рассмотрела «Конфликты и компромиссы в римском землеустройении». В римском земельном праве конфликты были классифицированы в контroversиях, помещенных в *Corpus agrimensorum Romanorum*. Юлий Фронтин называл 15 видов споров, его последователь Гигин Старший выделил 7 главных земельных тяжб. В агрименсуре компромиссное решение споров достигалось введением права использования отрезков от межевания (*ius subsecivorum*). В судебной же процедуре применялась специальная часть преторской формулы — *adiudicatio*, предполагавшая «присуждение» искомой части *ager* истцу, но также и «возмещение» ответчику земельного пространства в соответствующей части *ager colonicus*. Тему продолжила *М.Н. Кириллова* (Москва) докладом «Ориентация римских колоний: теория и практика». Наиболее распространенной системой римского межевания была лимитация: деление площади колонии на квадраты дорогами-лимитами, пересекавшимися под прямым углом. Согласно предписаниям трактатов землемеров, главные дороги должны были быть ориентированы по сторонам света: главный *декуманус* с Востока на Запад, а *кардо* — с Севера на Юг. Очевидно, такая жесткая связь со сторонами света должна быть обусловлена некими религиозными представлениями. И действительно, римские землемеры возводят лимитацию к учению этрусских жрецов; более того, распространенности этой практики у этрусков можно найти археологические подтверждения. Однако как обстояли дела непосредственно у римлян? У самих землемеров не раз встречаются указания, что направление лимитов может видоизменяться в зависимости от особенностей рельефа, как и было в случае с первыми приморскими колониями. Также упоминается, что *декуманусом* может служить дорога, проходящая через территорию колонии. Изучение ориентации римских колоний эпохи Республики и Империи демонстрирует многочисленные отклонения от правила ориентирования *декумануса* по линии Восток—Запад. Автор доклада обратилась к астроархеологическим исследованиям лимитаций и проанализировала выдвинутые на их основании гипотезы о причинах несоблюдения ориентации лимитов по сторонам света.

Н.В. Бугаева (Москва) в докладе «“Необычная биография в необычное время”: Марк Сергий Сил» предприняла попытку рассмотреть основные события жизни претора 197 г. до н.э. Марка Сергия Сила. Вдохновенный рассказ Плиния Старшего об этом человеке, прадеде Катилины, оставляет некоторые места его биографии не совсем ясными. В каких именно событиях Второй Пунической войны принимал участие Сил? Каким образом он пользовался знаменитой железной рукой? Чем завершилась попытка коллег Сергия по претуре отстранить его от жертвоприношений? Известная монета, отчеканенная в 116/115 г. до н.э. потомком героя, рассматривается в контексте памяти членов *gens Sergia* о своем выдающемся

представителе; при этом анализируются детали изображения, призванные подчеркнуть впечатление о Силе как о победителе фортуны. Также в докладе были сформулированы предположения, как использовал в своей пропаганде образ прадеда самый известный представитель патрицианского рода Сергиев — Катилина. *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) выступила с докладом «“Брундизийский путь” Горация: к проблеме политического подтекста». Путешествие Горация, описанное в 5-й сатире I книги, связано с одной из самых драматических страниц в истории второго триумvirата, хотя из самого текста невозможно себе представить, что в тот момент Рим находился на грани новой гражданской войны. Относительно политического подтекста этого произведения в историографии давно ведутся дискуссии, начиная с вопроса о том, какая именно дипломатическая миссия Мецената легла в основу рассказа о его путешествии в компании поэтов. В последнее время исследователи пытаются усмотреть (на взгляд автора доклада, не всегда убедительно) политический подтекст и аллюзии в некоторых сценах сатиры, среди которых, например, шутовской поединок Кикирра и Сармента, любовное фиаско Горация на вилле близ Тривика. Соответствующие объяснения предлагаются и для внезапного финала *iter Brundisinum*, который вызывает разочарование у многих историков.

Темой доклада *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) стала «Человеческая природа как фактор истории в труде Кассия Диона» и изучение подходов автора к трактовке причинно-следственных связей. Видел ли Дион закономерности, скрывающиеся за мотивами государственных деятелей? Как он понимал движущие силы истории? В какой степени он следовал традиционным моралистическим схемам, характерным для римских историков? Как показывают современные исследования, Дион, придерживаясь восходящей к Фукидиду традиции, полагал, что действия людей повторяются при определенных условиях, а их поведение предсказуемо и определяется такими базовыми свойствами человеческой природы, как страх, своекорыстие и жажда власти. Вместе с тем, отмечается специфика воззрений Диона. Например, в отличие от Фукидида и Аристотеля, которые считали равенство граждан ключевым фактором политической стабильности, он утверждает, что человек по свойству своей природы не терпит над собой власти себе подобных и ищет не равной доли в управлении полисом, а господства над другими людьми (fr. 5.12; fr. 7.3). На этом основании делается вывод, что концепт ἀνθρωπεῖα (ἀνθρωπίνη) φύσις или τὸ ἀνθρώπινον (ἀνθρώπειον) понадобился Диону главным образом для объяснения причин междоусобной борьбы в Риме, упадка и крушения Республики, а также для обоснования превосходства монархического правления. При этом следует отметить, что принципат, с точки зрения автора «Римской истории», не стал панацеей от интриг, заговоров, мятежей и гражданских войн, которые Дион связывает не только со спецификой правления конкретных императоров, но и с общими закономерностями поведения людей.

В докладе «Автор трактата *Historia Augusta* о себе самом» *И.А. Миролубов* (Москва) напомнил, что сборник императорских биографий, известный в отечественной науке как «История августов» или «Авторы жизнеописаний августов», до сих пор остается одним из самых сложных для изучения текстов классической древности. Нерешенными остаются вопросы времени написания и авторства этого сочинения. В современной науке преобладающей является точка зрения Г. Дессау,

согласно которой за шестью псевдонимами, которыми подписаны биографии, скрывается один автор. Не ставя перед собой цели определить личность этого автора, докладчик сосредоточился на тех сведениях, которые тот сам о себе сообщил. Задача по выявлению таких сведений усложняется тем, что автор, человек с богатой фантазией и чувством юмора, преподносит информацию о себе по большей части в пространных отступлениях, где он ведет полемику с самим собой (от лица различных «авторов», чьими именами он подписывает разные биографии). Вместе с тем, сведения эти разнообразны и касаются вопросов государственной, общественной, экономической и религиозной сторон жизни в Поздней Римской империи. Как отметил в своем докладе «Структура *Vita Severi* Мария Максима» Е.А. Гуськов (Москва), в эпоху поздней античности Марий Максим был одним из самых читаемых авторов. Несмотря на то, что ни одна из его работ не дошла до нашего времени, он оказал огромное влияние на античную нарративную традицию. Следы его творений присутствуют во многих позднеантичных исторических сочинениях. В докладе был представлен опыт реконструкции структуры одного из самых объемных, по мнению исследователей, произведений Максима — «Жизнеописания Севера». Оно занимало, вероятно, центральное место в созданном Максимом корпусе императорских биографий как по своему объему, так и с точки зрения авторского замысла.

В завершение работы секции выступил А.Г. Арлианский (Москва) с докладом «Потомки триумвира Марка Антония в Мавретании, Эмесе, Пальмире и Флоренции». По линии знаменитого триумвира принцепсам Римской империи родственниками приходились монархи постэллинистических государств Средиземноморья, что подтверждается античными нарративными свидетельствами, а также эпиграфическими и нумизматическими источниками. Потомки дочери триумвира Клеопатры Селены (*PIR*² II. C 1148) стали членами правящих родов клиентских царств Мавретании, Эмесы и Пальмиры. Благодаря браку правнучки триумвира мавретанской принцессы Друзиллы (*PIR*² III. D 196) с представителем эмесского царского дома Сампсигерамидов наследники этой династии, потомки Марка Антония, со временем утратившие царский титул и сохранившие статус верховных жрецов, известны вплоть до царицы Пальмиры Зенобии (*PIR*² VII. S 504), которая прямо называла себя потомком царицы Египта Клеопатры VII и триумвира Марка Антония (*SHA. Trig. tyr.* XXVII. 1). Потомки Зенобии принадлежали к римской аристократии (*Eutrop. Brev.* IX. 13. 2) и были известны на протяжении III–IV вв. (*CIL* VI. 1516). Поздние источники сообщают также о родственной связи царицы Зенобии и флорентийского епископа св. Зенобия (начало V в.), и эта точка зрения разделяется рядом исследователей.

Работавшая параллельно секция «История поздней античности и раннего средневековья» (председатели — М.А. Ведешкин, Н.А. Виноградов, О.А. Давыдова) была открыта докладом А.А. Евдокимовой (Москва) «Грамматическая школа в Византии и ее влияние на эпиграфические источники разного типа». Одним из важных итогов деятельности грамматиков стало описание византийской системы акцентуации, которая начиная с X в. активно применялась в разных письменных источниках. Однако изучение эпиграфических памятников различных типов показало, что введение ее принципов не было повсеместным, и параллельно с ней

употреблялись и другие системы акцентуации. Так как существовал разрыв между тем, как писались слова и как они читались, ряд орфографических ошибок, как и неточности в акцентуации, можно объяснить самоспеллингом писцов и тем, как их обучали в школе. На примерах из надписей на фресках, на предметах прикладного искусства и из лапидарных надписей в докладе было показано влияние принципов, сформулированных грамматиками Византийской империи, на живые тексты.

В докладе «Позднеантичный экфрасис: чаша Сидония и кольцо Авита» *Е.В. Литовченко* (Белгород) продемонстрировала, как интеллектуалы поздней античности, взращенные в риторической традиции, применяли полученные навыки в литературной переписке. Это было сделано на примере экфрасиса — одного из риторических упражнений, состоявшего в описании предмета искусства в художественном тексте. Два подобных описания присутствуют в письмах двух позднеантичных аристократов и церковных деятелей Сидония Аполлинария и Авита Вьеннского. В одном из своих писем Сидоний повествует о серебряной чаше, предназначенной для подарка королеве Рагнахильде (*Sid. Ep.* 4. 8. 4–5); экфрасис Авита — это описание епископского кольца-печатки, которое он желает заказать (*Avit. Ep.* 87). Текст Сидония, признанного мастера стиха, поэтический; более скромный литературный талант Авита позволил ему выразить свои мечты о кольце в прозе. В докладе детальные изображения этих двух предметов были рассмотрены как аллюзии на классический экфрасис, каковым считается описание щита Ахилла (*Hom. Il.* 18. 478–609). В то же время более поздний текст Авита вполне может расцениваться и как подражание Сидонию, старшему товарищу, которого Авит считал образцом изысканной словесности.

Доклад *В.А. Конюхова* (Москва) «*Sacerdos* и *pontifex* у Тертуллиана: от языческого жреца до христианского епископа» был посвящен терминологии для обозначения христианских священников. Тертуллиан, один из ключевых раннехристианских авторов, именовал их различным образом, причем помимо специфически церковных терминов (*episcopus*, *presbyteros*) использовал и более общее *sacerdos*, а также нетривиальное *pontifex*. На основе проведенного анализа докладчик сформулировал выводы о том, как Тертуллиан воспринимал формирующиеся христианские священство и епископат, в каком контексте рассматривал их жреческий характер и какой историко-культурный горизонт нашел отражение в этих воззрениях африканского апологета. *И.Е. Ермолова* (Москва) представила доклад «Формирование представления о прошлом в Риме IV в н.э.», в котором показала, как Аммиан Марцеллин, последний римский историк, отражает типичные для римской историографии приемы и установки. Он выражает восхищение Римом, прославляя его военные успехи и роль политических деятелей в расширении территории государства, а затем в укреплении его обороноспособности. При чтении его труда создается впечатление, что почти все римские завоевания были результатом ведения справедливых войн — в полном соответствии с представлениями, сформулированными еще Цицероном. Аммиан Марцеллин не разделяет историю Рима на республиканский и имперский периоды, не затрагивает внутренние противоречия, тем самым значительно сглаживая изображение римского прошлого. Разделяя теорию морального упадка римского общества, которую из века в век транслировали

многие римские историки, Аммиан Марцеллин однако отдает должное и героическим деяниям некоторых своих современников, и прежде всего императора Юлиана.

В докладе «Об одном эпизоде взаимоотношений между Константином I и римской аристократией: случай Бассиана» *Е.С. Зайцева* (Екатеринбург) проанализировала матримониальную стратегию Константина, выдавшего во время путешествия в Италию в 315 г. свою сводную сестру Анастасию замуж за сенатора Бассиана, выходца из рода Анициев, брат которого, Сенецион, был высокопоставленным чиновником на Востоке, подконтрольном Лицинию. В докладе значение этого брачного союза рассматривалось в контексте взаимоотношений между Константином и Лицинием, а также Константином и западной аристократией, представителями которой были оба брата, которые в конце концов оказались вовлечены в заговор против императора. *М.А. Ведешкин* (Москва) представил доклад «Император Юлиан, папа Евсевий и сенатор Волузиан: деконструкция одного агиографического сюжета», в котором подверг анализу легенду о столкновении императора Юлиана и римского папы Евсевия, представленную во второй части «Сирийского романа о Юлиане». Согласно этому произведению, Юлиан, узурпировавший власть и отвергнувший христианство, приезжает в Рим, где сталкивается с папой Евсевием и едва ли не всей христианской римской знатью, возглавляемой неким Волузианом. Получив отпор и не добившись покорности римлян, отказавшихся признать его императором, опозоренный Юлиан уезжает на Восток. Однако этот сюжет полон анахронизмов: Юлиан никогда в жизни не был в Риме, а Евсевий умер задолго до его правления (ок. 310 г.). Да и едва ли староримская сенаторская аристократия, преимущественно еще сохранявшая в середине IV в. приверженность язычеству, стала бы выступать против религиозной политики нового августа. Тем не менее, анализ данного сюжета, по мнению докладчика, позволяет рассмотреть его «второе дно», в котором можно обнаружить отголоски реальных политических конфликтов середины IV в.

Доклад *Н.А. Виноградова* (Москва) «Послание Иоанна Антиохийского к Фирму Кесарийскому: к проблеме формирования церковно-политических «партий» перед Эфесским собором» был посвящен одному из эпизодов основного внутрицерковного конфликта V–VII вв., известного как «христологический спор». В его основе лежали различия во взглядах на природу Христа ведущих богословских школ Востока, наложившиеся на обострившееся в конце IV в. соперничество наиболее влиятельных епископских кафедр, прежде всего Александрийской и Константинопольской. На начальном этапе противостояния, в преддверии Эфесского собора 431 г., оформлявшиеся церковно-политические «партии» активно искали сторонников из числа представителей высшего духовенства. В докладе было подробно разобрано сохранившееся лишь в латинском переводе послание Иоанна Антиохийского к Фирму Кесарийскому, содержащее просьбу к кесарийскому епископу принять на приближающемся Соборе сторону «восточных». В письме Иоанн также критикует 12 анафематизмов Кирилла Александрийского и кратко обозначает свою позицию в христологическом споре. Некоторые детали рассматриваемого письма позволяют пролить свет на характер складывающихся церковно-политических «партий» и особенности взаимоотношений епископов, имевших

разные точки зрения на вопросы христологического спора. В докладе «“Первая фаланга незримой битвы”: епископы и их роль в Церкви согласно трактату Юлиана Померия “О созерцательной жизни”» К.А. Владимиров (Белгород) подробно рассмотрел, как христианский писатель второй половины V в. обсуждает поведение и обязанности священнослужителей, особенно епископов. Он выделяет несколько принципов, которым должен следовать руководитель общины: это активная проповедь, примерное поведение, отказ от имущества в пользу Церкви и индивидуальный подход к нарушителям заповедей. Таких «истинных священников», для которых епископская кафедра — добродетель и бремя, а не способ нажиться на церковном имуществе или заполучить земную славу, Померий удостоивает всяческих похвал, подчеркивая, что именно таким путем и следует приблжаться к «созерцательной жизни» — сходному с положением ангелов посмертному состоянию абсолютного совершенства и истинной близости к Богу.

А.С. Куприн (Москва) в докладе «Цитирование писем папы Григория Великого у Беда Достопочтенного (HE. I. 23–32) в сравнении с цитированием ветхозаветных пророков у Гильды (DEB 34–64)» отметил, что оба автора латинских прозаических сочинений, Гильда Премудрый и Беда, часто цитируют чужие тексты. В отличие от Гильды, чей круг чтения был ограничен, Беда пользовался гораздо большим кругом источников. Оба автора используют разные способы цитирования, но у Беда заметно сходство с цитированием Библии, особенно пророческих книг. Однако Беда цитирует тексты целиком, в отличие от Гильды, который разбивает их на фрагменты. Текстуальные функции цитирования в указанных сочинениях не эквивалентны (у Гильды цитируемый текст служит материалом для формулировки инвективы, в то время как у Беда — историческим документом), однако их сближает высокая степень авторитетности цитируемого текста.

В докладе Д.А. Ильговой (Москва) «Уровни визуальности в древнеирландском стихотворении *Pangur Bán*» визуальная структура древнеирландской поэзии рассматривается как важный аспект формирования культуры, где значительную роль играют материальные объекты, такие, как манускрипты. Такое исследование подразумевает анализ многоуровневой интермедиальной структуры текста (по О.Э. Ханзен-Леве). В древнеирландской литературной традиции часто сочетаются вербальные, визуальные и материальные аспекты. Примером такого синтеза служит рукопись начала IX в. *Reichenau Primer (Codex St. Pauli)*. Манускрипт содержит в основном латинские гимны и грамматические тексты с добавленными пояснениями на древневерхненемецком, а также таблицы склонения греческого языка, астрономические таблицы и древнеирландские стихи, среди которых *Pangur Bán*. В докладе было показано, что это стихотворение отражает развитие визуальной структуры древнеирландской поэзии, которое выражается в доместикации пространства (на вербальном уровне), в использовании аллитераций (на аудиальном уровне), в построении рукописного текста в манускрипте (на материальном уровне) и возможности индивидуальной интерпретации (на синестетическом уровне).

Завершила секцию Е.А. Буздалина (Москва) с докладом «Бревиарии как жанр исторических сочинений в поздней античности». Эпоха поздней античности характеризовалась развитием новых жанров в историографии, таких как хроники, церковные истории и бревиарии. Однако существует неопределенность в определении

этих жанров из-за многочисленных коротких нарративов и различных терминов для них. Проблемы также вызывает фрагментарность информации о первоначальных названиях произведений и изменчивость в рукописях. Термин «бreviarius» (*breviarius*) широко используется для обозначения кратких сочинений поздней античности, но их ключевые особенности зачастую остаются на периферии научного исследования из-за их краткости и предвзятых представлений об их ограниченном информационном содержании и достоверности. Бrevиарии выделяются источником разнообразия и предварительной обработкой. Они часто содержат количественные данные в хронологии и могут использоваться для образовательных целей.

Проходившие в течение трех дней заседания конференции — и пленарное, и все восемь секционных — вызвали большой интерес публики и сопровождались оживленными дискуссиями, в которых не только сталкивались мнения, но и высекались искры новых замыслов. Во время дружеского общения, продолжившегося и после завершения работы, все были едины в том, что четвертая конференция «Историк и текст» упрочила возникшую в 2017 г. традицию и стала залогом проведения следующей, пятой конференции.

Mikhail S. Apenko,

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

М.С. Апенко,

младший научный сотрудник

Olga A. Davydova,

E-mail: davydova.olga96@mail.ru

ORCID: 0009-0003-7593-5310

О.А. Давыдова,

младший научный сотрудник

Liubov G. Eliseeva,

E-mail: liubovgelseeva@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5448-6788

Л.Г. Елисеева,

младший научный сотрудник

Anna V. Ivanova,

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2396-8615

А.В. Иванова,

младший научный сотрудник

Sergey A. Koval,

E-mail: straserg@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1190-7049

С.А. Коваль,

младший научный сотрудник

Elena V. Lyapustina,

E-mail: elenatemp@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7333-8588

Е.В. Ляпустина,

к. и. н., старший научный сотрудник

Dmitriy B. Merkin,

E-mail: dimamerkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6906-7938

Д.Б. Меркин,

младший научный сотрудник

Elena I. Solomatina,

E-mail: solomatina_elena@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6671-0257

Е.И. Соломатина,

научный сотрудник

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124020119

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА. ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Ю. М. Свойский¹, С. В. Ольховский², Е. В. Романенко³,
А. В. Зайцев⁴, А. П. Гирич⁵, А. П. Глотова⁶

^{1, 3, 4, 5, 6}Лаборатория RSSDA, Москва, Россия

^{1, 4, 5, 6}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^{2, 4, 5}Институт археологии Российской Академии наук, Москва, Россия

¹E-mail: rutil28@gmail.com

²E-mail: uwiaran@gmail.com

³E-mail: eromanenko@yandex.ru

⁴E-mail: antinanqo@gmail.com

⁵E-mail: girichap20@gmail.com

⁶E-mail: anastasia.pavlovna.g@gmail.com

¹ORCID: 0000-0001-6256-4299

²ORCID: 0000-0001-8729-1880

³ORCID: 0000-0001-5138-9202

⁴ORCID: 0000-0003-4653-4174

⁵ORCID: 0000-0003-3916-0733

⁶ORCID: 0000-0003-2770-3657

Клейменные сосуды, изготовленные в Средиземноморье и Причерноморье в V–I вв. до н.э., являются одной из наиболее информативных категорий археологических находок и при этом широко представлены на памятниках Северного Причерноморья. Однако значительную часть найденных амфорных клейм не удастся использовать для датировки археологических комплексов вследствие плохой сохранности, затрудняющей их прочтение и идентификацию. Описанный в статье комплекс методов позволяет существенно улучшить достоверность идентификации амфорных клейм путем внедрения цифрового документирования и применения математических алгоритмов визуализации поверхности для создания контрастных изображений. Кроме того, в статье изложены подходы к созданию современного цифрового корпуса амфорных клейм, который способен существенно упростить идентификацию и введение клейм в научный оборот, их полиграфическую и электронную публикацию, а в перспективе – стать инструментом для массовой статистической обработки.

Данные об авторах. Юрий Михайлович Свойский – руководитель лаборатории RSSDA, инженер Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; Сергей Валерьевич Ольховский – заведующий Центром подводного археологического наследия ИА РАН; Екатерина Васильевна Романенко – руководитель лаборатории RSSDA; Антон Витальевич Зайцев – младший научный сотрудник Института цифровых гуманитарных инициатив ФГН НИУ ВШЭ, лаборант Центра подводного археологического наследия ИА РАН, сотрудник лаборатории RSSDA; Анна Павловна Гирич – лаборант Центра подводного археологического наследия ИА РАН, сотрудник лаборатории RSSDA; Анастасия Павловна Глотова – сотрудник лаборатории RSSDA, лаборант Школы лингвистики НИУ ВШЭ.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-02058.

Ключевые слова: амфорные клейма, база данных, цифровое документирование, фотограмметрия, мультимасштабный интегральный инвариант, корпус амфорных клейм

AMPHORA STAMPS: PROBLEMS OF DOCUMENTATION, PUBLICATION, DIGITISATION

Yurii M. Svoiskiy¹, Sergey V. Olkhovskiy², Ekaterina V. Romanenko³,
Anton V. Zaytsev⁴, Anna P. Girich⁵, Anastasia P. Glotova⁶

^{1, 3, 4, 5, 6} *RSSDA Laboratory, Moscow, Russia*

^{1, 4, 5, 6} *HSE University, Moscow, Russia*

^{2, 4, 5} *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail:* rutil28@gmail.com

² *E-mail:* uwiaran@gmail.com

³ *E-mail:* eromanenko@yandex.ru

⁴ *E-mail:* antinanqo@gmail.com

⁵ *E-mail:* girichap20@gmail.com

⁶ *E-mail:* anastasia.pavlovna.g@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-02058

Stamped vessels made in the Mediterranean and Asia Minor in the first millennium BC are one of the most informative categories of archaeological finds and are widely represented at the sites of the Northern Black Sea region. However, a significant part of the amphora stamps found in excavations cannot be used for dating archaeological compounds due to the state of preservation, which makes them difficult to read and identify. The sequence of methods described in the article can significantly improve the reliability of identification of amphora stamps by introducing digital documentation and using mathematical surface visualization algorithms to create contrasting images. In addition, the article details approaches to creating a modern digital corpus of amphora stamps, which can significantly simplify the identification and introduction of stamps into scholarly use, their publication in print and online, and in the future become a tool for mass statistical analysis.

Keywords: amphora stamp, database, digital documentation, photogrammetry, multi scale integral invariant (MSII), corpus of amphora stamps

...хотя в области греческой амфорной эпиграфики имеются серьезные достижения, осуществленные группой специалистов в течение последних десятилетий, ее настоящее положение не может считаться удовлетворительным, как в количественном, так и в качественном отношениях.

И. Гарлан, Н. Баду, 2011 г.

Практика клеймения керамической тары, широко распространенная в Средиземноморье и Причерноморье в V—I вв. до н.э., предоставила современным исследователям широкие возможности для изучения торговых связей между полисами Ойкумены. На протяжении не менее 500 лет сотни тысяч клейменных сосудов привозились даже в весьма отдаленные регионы и оказывались в составе археологических комплексов различных культур и периодов. При этом клейменные амфоры являются одной из наиболее информативных категорий археологических предметов: существующие классификации определяют регион

их производства, а также датировку с точностью до 10–20 лет. Так как продолжительность бытования керамических сосудов, в отличие от монет, в большинстве случаев не превышала нескольких лет, уверенно идентифицированное клеймо имеет относительно узкую дату и является убедительным аргументом для датировки всего сопутствующего материала. Повсеместное использование клейменных сосудов в качестве весьма точного хронологического маркера осложнено рядом обстоятельств: многие клейма сложно прочесть частично или полностью из-за затертости, сколов и дефектов производства; прочтением и дешифровкой клейм занимается очень мало специалистов; опубликованные иллюстрации клейм, особенно поврежденных, не дают достаточного представления о предмете и нередко становятся темой научных споров; общедоступной эталонной базы амфорных клейм пока еще не существует.

Вышеуказанные обстоятельства привели к тому, что значительную часть найденных в ходе археологических раскопок амфорных клейм не удастся идентифицировать методом визуального осмотра и использовать в качестве хронологического маркера изучаемых комплексов, а также и ввести в научный оборот ввиду затруднительности воспроизведения в публикации. Кроме того, идентификации существенной части даже опубликованных клейм нередко становятся предметом дискуссии ввиду сомнений в корректности их прочтения при крайней затрудненности внешней верификации.

Принципиально изменить эту ситуацию возможно путем внедрения современной методики цифрового документирования амфорных клейм и разработки базы данных, содержащей аналитический инструментарий и набор информативных иллюстраций для каждого клейма. Подобная база данных предоставит исследователю удаленный доступ к полной информации о клейме, в том числе и той, которую невозможно получить при визуальном осмотре оригинала клейма.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Более десяти лет назад Ивон Гарлан и Натан Бадуд опубликовали статью «Греческие амфорные клейма: от сбора материала к публикации»¹. В этой работе они обобщили состояние дел в области изучения амфорных клейм, обозначили основные проблемы этой специальной дисциплины и предложили ряд практических шагов для их преодоления. Эта статья и по сей день не утратила своей актуальности, если не сказать злободневности.

И. Гарлан и Н. Бадуд преимущественно сосредоточились на двух проблемах: на качестве иллюстративных материалов (и вообще документирования) и на доступе к этим материалам (в том числе на создании корпусов амфорных клейм и, в частности, на информатизации этого процесса).

Рассматривая проблему качества иллюстративных материалов, авторы детально описали существующие практики документирования, подробно изучив технику создания рисунков, графитовых протирок и фотографий наилучшего возможного качества. Они справедливо отметили архаичность рисунка, ограниченность

¹ Garlan, Badoud 2011. В транскрипции фамилии второго автора в этой статье, опубликованной в переводе с французского, допущена ошибка — «Боду» вместо правильного «Бадуд».

возможностей графитовой протирки на некоторых сериях клейм, сложность получения качественных фотографий, и предложили ряд мер по улучшению этих методов. Кроме того, они отметили «появление относительно недавно сканеров, способных преобразовывать объекты в цифровую форму в трех измерениях» и предположили перспективу «получения вполне стандартизированных изображений» и «возможность автоматизировать процесс идентификации штампов и гравиров»². Эта перспектива не стала реальностью: из-за недостаточной детальности моделирования сканеры так и не вошли в практику документирования амфорных клейм, и стандартными методами так и остались рисунок, графитовая протирка и фотография. Таким образом, в последние десятилетия методы документирования амфорных клейм оставались в состоянии стагнации.

При этом несовершенство традиционных методов публикации амфорных клейм является «узким местом», мешающим их полноценному использованию для датировки археологических комплексов. Желая избежать ошибок, вызванных неточным воспроизведением изображения в публикации, специалисты предпочитают работать с оригиналами клейм в музейных фондах, что подразумевает осмотр клейма и собственноручную подготовку иллюстрации одним из традиционных методов — фотофиксацией, рисунком, графитовой протиркой. На практике многие клейма могут быть полноценно идентифицированы лишь после передачи в музей, нередко — лишь спустя много лет после поступления в фонды. Соответственно потенциал клейм зачастую не удается своевременно использовать при подготовке научных отчетов и публикаций об исследованных археологических памятниках.

Это вполне соответствует ситуации, описанной И. Гарланом и Н. Баду: «На сегодняшний день лишь меньшая часть обнаруженных клейм (мы осмелимся сказать — одна десятая) хорошо или плохо опубликована. К тому же эти публикации столь рассеяны по множеству изданий и столь разнородны, что легко ускользают от библиографических описаний и плохо согласуются между собой. Отсюда явный дефицит информации, связанный не только с нехваткой специалистов или отказом некоторых музейных бюрократов и некомпетентных раскопщиков разрешить доступ к тому, что они рассматривают в качестве «своего» материала, но и из-за отсутствия методологической рефлексии и издательской политики»³.

В этой же работе И. Гарлан и Н. Баду отметили, что большие надежды на улучшение ситуации связаны с информатикой, однако пока они не оправдываются:

Дело в том, что информатика остается средством того же качества, что чернила и бумага, она подчинена научному проекту, в котором не участвует. <...> Весьма досадно, что в нашей дисциплине столь часто смешиваются цели и средства, представляя информатизацию как самоцель: информатизация служит ширмой для тех, кто обещает то, чего никогда не сделает. Если более четверти века различные размышления по этому поводу не дали ощутимых результатов, то это говорит о том, что настоящие, систематически упускаемые из виду проблемы лежат в другой плоскости. Они касаются главным образом трех факторов:

²Garlan, Badoud 2011, 423.

³Garlan, Badoud 2011, 411–412.

- объективные трудности в организации корпуса большого объема в плане юридическом (право публикации), экономическом (финансирование проекта) и научном (утверждение специалистами результатов проведенных исследований над выборкой в десятки, а то и сотни тысяч экземпляров);
- процесс накопления материала из раскопок некоторых поселений, длящийся порою более века, разлагает дисциплину и естественным образом становится предметом обсуждения некоторых «певцов» информатизации;
- университетская практика, придающая большое значение индивидуальным публикациям в ущерб участию в интернетных проектах⁴.

Эти формулировки по-прежнему остаются вполне точным описанием положения, сохраняющегося по сей день. Конечно, И. Гарлан и Н. Баду рассматривали информатизацию только как средство хранения накапливаемого материала и его трансляции посредством компьютерных сетей, а в отношении систематизации продолжали опираться на традиционные картотеки. Но они верно определили информатизацию как средство, а не как цель.

Следует отметить, что только в области систематизации данных за последние десять лет можно наблюдать существенный прогресс. Абсолютное большинство исследователей отказалось от картотек в пользу электронных таблиц, появились первые базы данных керамической эпиграфики. Эти базы данных, однако, по-прежнему основываются на иллюстративных материалах, полученных традиционными способами, что снижает их ценность и как базы эталонов, и как инструмента внешней верификации и идентификации.

ОБЩИЕ КОНТУРЫ РЕШЕНИЯ

Мы полагаем, что нам удалось найти решения для большинства *технических* проблем, сформулированных в 2011 г. И. Гарланом и Н. Баду, опираясь на результаты экспериментального исследования, выполненного на материале подводных раскопок в Керченском проливе. Эти проблемы в целом можно разделить на четыре группы:

- 1) проблемы документирования: как обеспечить воспроизведение амфорного клейма способом, обеспечивающим дискретность и точность копии, необходимой для исследования и публикации;
- 2) проблемы визуализации: как обеспечить надежное прочтение клейма, а также его воспроизведение таким образом, чтобы снизить субъективность интерпретации и одновременно создать возможность для верификации этой интерпретации;
- 3) проблемы систематизации: как обеспечить хранение данных о клеймах в настолько упорядоченном виде, чтобы поиск аналогий и эталонов в большинстве

⁴Garlan, Badoud 2011, 424–425. Следует добавить еще один институциональный фактор. Многие цифровые эпиграфические базы, созданные в последнее десятилетие, к настоящему времени прекратили свое существование из-за кончины их инициаторов, потери интереса к проекту или прекращения финансирования. По-видимому, стабильность существования подобного ресурса может быть обеспечена только в случае его развития на базе государственного научного учреждения и при условии постоянной его поддержки этим учреждением.

случаев не требовал существенного времени и не подразумевал сплошного просмотра публикаций;

4) проблемы доступа: как обеспечить исследователям доступ к массиву данных, ныне рассеянному во множестве публикаций и отчетов.

Развитие цифровых методов, недоступных еще десятилетие назад, позволяет достаточно просто решить большую часть названных проблем. На наш взгляд решение, в техническом смысле, заключается в комбинировании трехмерного моделирования, алгоритмической визуализации геометрии поверхности и управлении накапливающимся материалом посредством реляционной базы данных с веб-интерфейсом. В ходе обработки массива из 359 амфорных клейм, происходящих из подводных раскопок в Керченском проливе, этот подход был нами последовательно отработан на достаточно представительной выборке клейм преимущественно средней и плохой сохранности. Это позволило выявить и решить ряд ключевых проблем работы с материалом, в первую очередь связанных со спецификой обеспечения высокой точности и дискретности моделирования. Затем были исследованы различные методы визуализации геометрии поверхности и выполнен подбор оптимальных параметров математических преобразований. Это, в свою очередь, позволило определить набор рендеров (изображений, полученных на основе моделей), наиболее удобных как для прочтения легенды клейма, так и для полиграфической и электронной публикации клейма в целом. Одновременно с изучением способов документирования, визуализации и публикации клейма была начата работа по разработке способов цифровой систематизации данных, в том числе трехмерных, завершившаяся созданием пилотной версии базы данных. Возможность удаленного доступа к этой базе данных обеспечивает веб-интерфейс.

ЦИФРОВОЙ ОБРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛЕЙМА

Современные технологии позволяют создать цифровой образ клейма в виде трехмерной модели, геометрически точно воспроизводящей оригинал и не имеющей недостатков, обычных при традиционных методах документирования. Трехмерность при этом не является самоцелью: цифровой образ нужен для создания объемной копии клейма, к которой можно применить математические инструменты визуализации геометрии поверхности и тем самым улучшить его «читаемость» и «публикуемость». Этот же цифровой образ является основой для создания изображений (растровых рендеров), различным образом представляющих клеймо и суммарно формирующих основу для публикации и внешней верификации прочтения и идентификации.

Этим требованиям удовлетворяет не любая трехмерная модель. Успешность всех последующих операций может быть обеспечена только при высоком качестве моделирования. Так, в частности, трехмерная модель должна удовлетворять следующим базовым требованиям:

- быть размерной, т.е. допускать возможность выполнения измерений;
- иметь достаточно высокую дискретность;
- иметь достаточно высокую точность;
- корректно воспроизводить цвет поверхности.

Точность и особенно дискретность моделирования критически важны при работе с плохо сохранившимися клеймами, так как корректное воспроизведение геометрии клейма дает возможность использовать цифровые аналитические инструменты. Недостаточно детальная модель для этого непригодна: сглаживание рельефа поверхности приводит к тому, что анализировать становится нечего. Эмпирический опыт работы с клеймами из подводных раскопок в Керченском проливе показал, что для хорошо сохранившихся клейм дискретность (выраженная через средний размер полигона модели) в 0,02–0,01 мм в целом достаточна. Но для клейм плохой сохранности, в особенности подвергшихся внешним воздействиям механической, химической и биологической природы, наилучший результат достигается при дискретности $\approx 0,005$ мм. Дальнейшее увеличение дискретности не только увеличивает трудозатраты и затраты машинного времени при моделировании, но и ухудшает конечный результат, так как поверхность получается более «шумной» за счет воспроизведения геометрии зерен твердых минералов и деградации геометрии на зернах прозрачных и просвечивающих минералов, а также на чешуйках слюд. Допустимая погрешность в точности моделирования определена нами в 1‰, т.е. приемлемой считается погрешность в 1 мм на 1 м размера объекта, что соответствует 0,05 мм для 5-сантиметрового клейма. При использовании автоматически распознаваемого масштабного базиса такая точность выдерживается без особых затруднений и для большинства практических задач является избыточной. Цвет поверхности менее важен, однако его корректное воспроизведение представляется крайне желательным для публикационных целей, так как позволяет представить клеймо в привычном виде.

Сумма этих минимальных требований определяет выбор способа документирования клейм и соответствующее оборудование. Вышеописанные требования к точности блокируют, по крайней мере на современном этапе, возможность использования сканирующих систем, как лазерных, так и использующих подсветку структурированным светом. Причины заключаются в недостаточной точности и дискретности моделирования (для сканеров с подсветкой структурированным светом), плохом (и не корректируемом) воспроизведении цвета (для всех сканеров) и сильном «шуме» на фрагментах керамики, формовочная масса которых содержит прозрачные и просвечивающие минеральные зерна и чешуйки слюд. Поэтому оптимальным способом представляется моделирование фотограмметрическим способом — на основе цифровых фотоснимков. При фотографировании амфорного клейма эти фотоснимки располагаются в плоскости, субпараллельной плоскости клейма, центры фотографирования располагаются по сети 1×1 см. Для документирования одного клейма необходимо обычно 30–60 фотоснимков, в зависимости от его размера и сложности формы; наиболее трудоемки для съемки клейма, располагающиеся на криволинейных поверхностях, например на ручках синопских амфор. Высокая четкость исходных фотографий достигается применением корректно сконфигурированного и настроенного качественного фотооборудования, а также приемов съемки, обеспечивающих хорошую глубину резкости и стабильность камеры в момент срабатывания затвора. При документировании амфорных клейм мы использовали системную беззеркальную камеру Sony A7RIVA с полнокадровой матрицей высокого разрешения и макрообъектив Sony

SEL90M28G с фокусным расстоянием 90 мм и накамерным кольцевым осветителем. Эта конфигурация оборудования обеспечивает масштаб фотографирования 1:1,2–1:1,3. Камера устанавливалась на двухкоординатных макрорельсах, смонтированных на элевационном штативе. Управление срабатыванием затвора осуществлялось с компьютера, что существенно снижало вибрацию. Керамический фрагмент с клеймом при этом монтировался на элевационном столике. Дальнейшее развитие установки для документирования амфорных клейм предполагает роботизацию съемки (применение автоматизированных макрорельсов для перемещения камеры в горизонтальном направлении) с одновременным улучшением стабильности установки (применения тяжелого геодезического элевационного штатива, более устойчивого в сравнении с фотографическими).

Обычной проблемой большинства публикаций, как электронных, так и полиграфических, является «плавающий» от фотографии к фотографии баланс белого цвета, вследствие чего отдельные фотографии приобретают желтоватые или синеватые оттенки. Причина заключается в том, что клейма снимаются на разные фотоаппараты с различными настройками цветовой температуры (баланса белого), особенно плохие результаты получаются при съемке с включенной настройкой автоматического определения баланса белого. Проблема эта решается достаточно просто, посредством съемки в «сыром» формате камеры и последующей цветокоррекции по калибровочной мишени. Цветокоррекция исходных фотографий помогает также компенсировать до приемлемого уровня и проблему «шума», возникающего на прозрачных и просвечивающих минеральных зернах и чешуйках слюды, содержащихся в формовочной массе. Настройки фотографирования эволюционировали в ходе выполнения проекта, наилучшие результаты в съемках последних серий клейм были достигнуты при диафрагме $f/11$, чувствительности матрицы ISO 250 и выдержке $1/80$. Недостаток света (большая часть съемок выполнялась в плохо освещенных помещениях) компенсировался применением кольцевого осветителя.

Обработка результатов фотосъемки представляет собой достаточно сложный технологический процесс, требующий тщательного и последовательного выполнения всех операций и неукоснительного контроля качества на всех этапах, в первую очередь – на этапе проверки полноты и качества фотосъемки. Он состоит из одиннадцати операций, восемь из них автоматизированы:

- увязка фотоснимков (автоматизированная);
- масштабирование (автоматизированная);
- моделирование (автоматизированная);
- выравнивание модели;
- предварительная обрезка;
- экспортирование в обменный формат (автоматизированная);
- очистка (автоматизированная);
- окончательная обрезка;
- текстурирование (автоматизированная);
- колорирование (автоматизированная);
- формирование веб-модели (автоматизированная).

Результатом этого технологического процесса является цифровой образ амфорного клейма, состоящий из мастер-модели в формате фотограмметрического

программного обеспечения, текстурированной модели в формате OBJ с текстурой в формате JPG, колорированной модели в формате PLU и веб-модели в формате NXZ. Этот набор данных, удовлетворяющий указанным выше критериям в отношении свойств и характеристик точности и детальности, в настоящее время представляется достаточным для решения практических задач идентификации и публикации амфорного клейма⁵.

Следует отметить, что цифровой образ не только является исходным материалом для идентификации и публикации амфорного клейма, но и может быть применен для решения ряда частных задач его изучения. Так, например, две модели могут быть сопоставлены математически, с визуализацией различий между ними. Это позволяет, в частности, доказательно выявлять случаи внесения изменений в штамп или подтверждать принадлежность двух оттисков к одному и тому же штампу. Наиболее перспективным представляется применение этого метода на плохо сохранившихся клеймах.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Как указывалось выше, цифровой образ амфорного клейма воспроизводит объект с детальностью и точностью, достаточной для применения математических алгоритмов визуализации геометрии поверхности. Общая цель применения этих алгоритмов — сделать элементы клейма (легенда и/или эмблема) более контрастными по сравнению с фоном и, как следствие, более читаемыми. Эта цель может быть достигнута несколькими способами, часть из которых требует дополнительных преобразований исходной модели. В общем случае все способы математической визуализации геометрии поверхности основаны на принципе присвоения некоторого условного цвета элементу модели по определенному закону, применяемому одновременно ко всем элементам модели.

При выборе подхода к визуализации следует учитывать, что визуализация для исследовательских и для публикационных целей несколько отличается. При непосредственном изучении цифрового образа клейма (восстановление легенды, распознавание эмблемы) удобно использовать динамическую визуализацию, при которой исследователь может самостоятельно сформировать наиболее контрастное изображение, выбрав один из способов визуализации и настраивая его изменением одного или нескольких параметров. Публикация, напротив, традиционно строится на статических стандартизированных изображениях. Трехмерная полигональная модель вполне обеспечивает возможность формирования растровых рендеров — контрастных, точных и, в отличие от фотоснимка, не имеющих геометрических искажений. Подход к формированию рендеров для полиграфической и электронной публикации несколько различен. Ограничения полиграфического процесса требуют несколько более высокой контрастности изображения, некоторого снижения детальности (изображение полной детальности при печати становится «шумным»), а также некоторого осветления изображения (иначе при печати оно оказывается

⁵ Подробнее о процедуре сбора и обработки данных при документировании амфорного клейма см. Svoyskiy *et al.* 2023, 370–383.

темным). Электронная публикация не имеет этих ограничений, поэтому при формировании рендеров вполне допустимо формировать изображение с настройками контрастности, детальности и яркости, оптимизированными таким же образом, как и при непосредственном изучении клейма. Кроме того, в электронной публикации возможна реализация (хотя и ограниченная) динамического иллюстрирования объекта — посредством использования упоминавшихся выше веб-моделей. Веб-модель позволяет удаленно использовать по крайней мере часть возможностей работы с трехмерным цифровым образом — отключение и включение цвета, эмуляцию «косого света», измерение размеров отдельных элементов клейма.

Способы (и группы способов) математической визуализации геометрии поверхности можно свести к трем подходам к решению этой задачи:

- работа с непреобразованной моделью;
- работа с моделью, преобразованной в матрицу высот;
- работа с моделью, преобразованной в карту кривизны.

Применительно к эпиграфике вообще и керамической в частности эти подходы могут применяться как независимо, так и в комплексе, как правило последовательно. В общем случае изучение клейма по цифровому образу начинается с работы с непреобразованной моделью путем эмуляции «косого света» с разных направлений. Эмуляция бокового освещения поверхности выполняется посредством математического алгоритма, вычисляющего яркость поверхности в зависимости от направления падения света. Перпендикулярные вектору освещения участки поверхности при этом окрашиваются в светлые тона, чем больше угол между поверхностью и направлением вектора освещения, тем в более темный цвет окрашивается поверхность. Непреобразованная модель также дает возможность просмотра модели в естественных цветах и без цвета (с отключенной фотографической текстурой).

Работа с матрицей высот требует несколько более сложных преобразований. Она строится на основе трехмерной полигональной модели и представляет собой регулярную сеть ячеек с шагом в диапазоне 0,01–0,005 мм, каждому узлу которой присваивается значение высоты относительно условной плоскости, построенной субпараллельно поверхности амфорного клейма. Математическая визуализация матрицы высот выполняется посредством присвоения условных цветов узлам сети ячеек в зависимости от геометрии поверхности, определяемой высотой угловых узлов этой ячейки. Этот цвет может быть определен (1) высотой поверхности относительно плоскости, субпараллельной этой поверхности, (2) углом наклона поверхности и (3) направлением наклона поверхности. Алгоритмы присвоения цвета могут быть тонко настроены, а читаемость легенды дополнительно улучшена эмуляцией изменения направления освещения поверхности. Кроме того, матрица высот является удобным инструментом для надежного измерения глубины штампа и при необходимости построения поперечных профилей отдельных гаст литер легенды клейма.

Более перспективным, однако, представляется применение карт кривизны, получаемых благодаря присвоению условных псевдоцветов вогнутым и выпуклым участкам поверхности модели. Эксперименты с различными способами преобразования трехмерных моделей в карты кривизны показали, что наиболее

эффективным способом такого преобразования является алгоритм «мультимасштабного интегрального инварианта» (Multi Scale Integral Invariant, MSII), вычисляющий карту кривизны методом сферических сегментов. При этом для каждого узла модели рассчитывается вектор, элементы которого представляют собой значения кривизны для сфер разного радиуса, построенных с центром в каждом узле модели. Алгоритм требует рационального подбора параметров расчета, одновременно обеспечивающих достаточную контрастность изображения и приемлемые затраты машинного времени для преобразований. Опытным путем определено, что для типичного амфорного клейма средней и плохой сохранности наиболее универсальный результат дает преобразование с радиусом расчета 0,5 мм для 4 сфер.

Полученные векторы могут быть визуализированы различными способами. Применительно к керамической эпиграфике плохой сохранности наилучшие результаты обеспечивают три способа визуализации:

1) Расчет значения цвета по максимальному значению вектора, вне зависимости от того, для какой сферы он рассчитан (способ Feature Vector). В этом случае формируется усредненное (неоптимизированное) изображение, показывающее как более мелкие, так и более крупные детали. Такой способ расчета универсален и оптимален на первом этапе изучения клейма.

2) Расчет значения цвета относительно произвольно выбранного узла модели, расположенного рядом с литерами легенды и, одновременно, имеющего относительно низкое значение вектора кривизны (способ Feature Distance). В этом случае интенсивность цвета пересчитывается относительно наименее искривленной поверхности, что улучшает контрастность изображения на литерах легенды. Этот способ расчета представляет собой адаптацию к геометрии конкретного клейма и обеспечивает наилучшее прочтение литер.

3) Расчет значения цвета по максимальному значению вектора для одной сферы (способ Feature Element), при этом используется самая большая сфера. Такой вариант оптимален для визуализации относительно крупных форм рельефа поверхности. Мелкие детали (в основном связанные с разрушением менее стойких к выветриванию минералов формовочной массы) при этом теряются и при увеличении изображения относительно естественных размеров клейма рендер получается несколько размытым. Однако именно это изображение представляется оптимальным для публикации полиграфическим способом.

Для каждого из этих вариантов формируется нормальное и инвертированное изображения, так что в конечном итоге каждое клеймо получает 6 растровых рендеров карты кривизны⁶.

При подготовке публикации амфорных клейм оптимальным представляется применение двух подходов к подготовке иллюстративных материалов. Публикация единичного трудночитаемого клейма, важного для датировки конкретного слоя, либо сделанного ранее неизвестным штампом, совершенно индивидуальна и допускает (а часто и требует) применения обширного набора рендеров, сформированных различными способами. Массовая публикация (коллекция находок

⁶ Подробнее о способах математической визуализации геометрии поверхности см. Svoyskiy *et al.* (forthcoming).

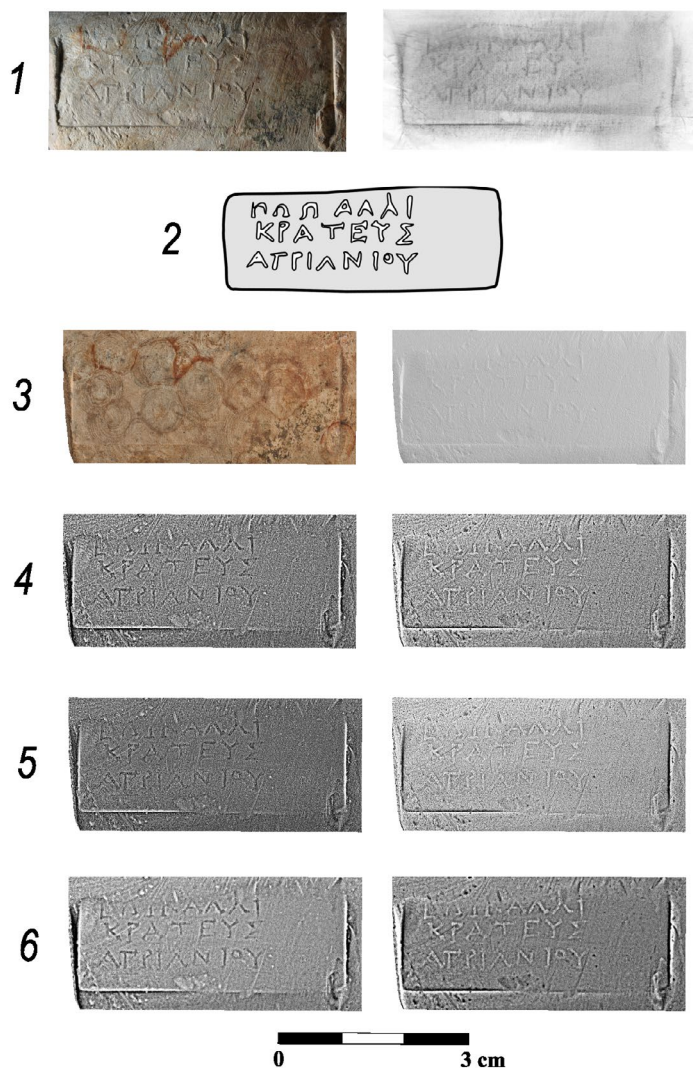

Рис. 1. Варианты визуализации и публикации на примере клейма ПАБ-17.279А.55.к.о.121 (модель SF0091, 18 млн. полигонов): (1) фотография (без цветокоррекции), графитовая протирка; (2) прорисовка; (3) поверхность модели клейма с текстурой и без текстуры. Шесть вариантов визуализации результатов расчета MSII, оптимизированных для публикации полиграфическим и электронным способами. Радиус расчета 0,5 мм, методы расчета Feature Vector (4), Feature Distance (5), Feature Element (6), нормальное (слева) и инвертированное (справа) представление © Ю.М. Свойский, С.В. Ольховский, Е.В. Романенко, А.В. Зайцев, А.П. Гирич, А.П. Глотова

из одного памятника, раскопа или слоя, массив эталонов) требует иного подхода, основанного на единообразном представлении клейм и быстром формировании большого количества иллюстраций. Это предопределяет определенную стандартизацию процесса подготовки изображений и универсализацию настроек формирования рендера увеличенной контрастности. Общие требования к массиву иллюстративных материалов мы формулируем следующим образом:

- иллюстрации должны быть как «естественными», так и «контрастными»;
- иллюстрации должны быть легко сопоставляемы с ранее опубликованными материалами, созданными традиционными способами (графитовая протирка, зарисовка, прорисовка по фотографии, монохромная фотография);
- иллюстрации для полиграфической публикации должны быть оптимизированы (увеличение контрастности, осветление);
- иллюстрации для электронной публикации должны обеспечивать возможность быстрой загрузки;
- веб-модель рассматривается как «динамическая» иллюстрация и является частью электронной публикации.

Опыт работы с массивом амфорных клейм из подводных раскопок в Керченском проливе позволил определить минимальный набор иллюстративных материалов для публикации. Базовый вариант состоит из трех рендеров: (1) рендер модели клейма в естественном виде (с включенной фотографической текстурой), (2) рендер модели клейма с отключенной фотографической текстурой (без цвета), (3) рендер модели клейма с усиленной «контрастностью», рассчитанный способом Feature Vector для электронной публикации и способом Feature Element для полиграфической публикации. Электронная публикация допускает более широкий набор иллюстраций, однако он не должен быть избыточным. Расширенный вариант состоит из 8 рендеров: (1) рендер модели клейма в естественном виде, (2) рендер модели клейма с отключенной фотографической текстурой, (3) рендеры модели клейма с усиленной «контрастностью», рассчитанные способами Feature Vector, Feature Distance, Feature Element нормальные, (4) рендеры модели клейма с усиленной «контрастностью», рассчитанные способами Feature Vector, Feature Distance, Feature Element инвертированные (см. рис. 1). Кроме того, в расширенный вариант входит веб-модель.

Рендеры модели клейма с усиленной контрастностью при публикации обширных массивов клейм формируются в стандартизированном монохромном исполнении, этим обеспечивается единообразие восприятия данных. Однако при индивидуальной публикации плохо читаемых клейм, важных для датировки конкретного слоя, и в особенности сделанных ранее неизвестными штампами, возможно использование полихромных визуализаций, позволяющих еще более ярко и контрастно показать плохо различимые элементы легенды и эмблемы⁷.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ, ИЛИ О КОРПУСЕ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ БУДУЩЕГО

Логика развития эпиграфики, в том числе и керамической, в последние десятилетия позволяет предположить, что будущее — за динамически развивающимися цифровыми корпусами. Их главное преимущество по сравнению с традиционной печатной публикацией заключается в возможности постоянного пополнения и обновления. Это позволяет достаточно быстро вводить новые данные в научный оборот и одновременно оперативно исправлять ошибки, неточности

⁷ Подробнее о формировании полихромных рендеров см. Svoyskiy *et al.* (forthcoming).

и некорректные идентификации. Это не означает отказа от полиграфической публикации, — она по-прежнему останется удобным (хотя и технически ограниченным) способом периодической фиксации суммы накопленных знаний об амфорных клеймах. По нашему мнению, оптимальным представляется одновременное существование пополняемого цифрового корпуса фактического материала и периодически публикуемого полиграфическим способом справочника штампов, формируемого на основе актуальной версии цифрового корпуса.

В первую очередь цифровой корпус амфорных клейм является постоянно пополняемым справочником, с помощью которого археолог, обнаруживший амфорное клеймо сколь-нибудь хорошей сохранности, может его самостоятельно идентифицировать и тем самым уточнить датировку изучаемого слоя. Одновременно цифровой корпус, содержащий массив качественных иллюстративных материалов, является удобным инструментом изучения амфорных клейм как таковых. Различные инструменты управления данными (фильтрация, сортировка, группировка) помогают быстро находить аналоги и, тем самым, достаточно легко уточнять идентификации клейм плохой сохранности, в том числе по отдельным фрагментам. Это, в свою очередь, позволяет уточнить датировки археологических комплексов, в составе которых были найдены эти клейма. Следует отметить, что вновь выявленные клейма целесообразно документировать и включать в массив фактического материала еще до их идентификации, что существенно ускорит и идентификацию, и введение нового материала в научный оборот.

В практическом смысле это означает, что база данных должна реализовывать два способа систематизации данных, условно именуемых здесь «по клеймам» и «по штампам». Способ визуализации «по клеймам» позволяет просматривать весь накопленный фактический материал с сопроводительными метаданными и группировать его различными способами. Способ визуализации «по штампам» фактически представляет собой базу эталонов и должен оптимизироваться таким образом, чтобы обеспечить быструю и удобную идентификацию конкретного изучаемого клейма.

Применительно к исследованиям античной археологии Причерноморья, перспективной представляется также статистическая обработка накопленного в цифровом корпусе массива фактических данных, позволяющая оценить динамику изменений торговых связей региона с производственными центрами Греции и Малой Азии.

Для создания цифрового корпуса амфорных клейм в первую очередь должны быть решены три практических задачи скорее технического, чем научного характера: (1) достаточно быстрое накопление массива фактических данных, (2) обеспечение доступа к фактическим данным и (3) упрощение управления данными.

Накопление массива фактических данных. Под фактическими данными подразумеваются сведения о всех доступных экземплярах клейм, хранящихся в музейных коллекциях и/или описанных в отчетах и публикациях. Эти сведения представляют собой как результаты оцифровки (трехмерные модели и полученные на их основе растровые рендеры), так и метаданные (сведения о месте обнаружения клейма, месте его хранения), их формальные описания по стандартизированному формуляру и результаты идентификации.

Насколько важно и возможно оцифровать весь массив амфорных клейм, хранящихся в музейных коллекциях? Как указывалось выше, под оцифровкой в широком смысле понимается создание цифрового образа амфорного клейма в виде трехмерной полигональной модели, преобразование его алгоритмом интегрального инварианта и формирование растровых рендеров. Опыт показывает, что при должной организации технологического процесса группа из 3–4 специалистов при наличии одного комплекта оборудования для документирования и трех достаточно мощных графических станций, оптимизированных для моделирования и расчетов по алгоритму интегрального инварианта, может без особых затруднений оцифровывать до 200–250 клейм в неделю и обрабатывать до 2500 моделей в год. Такой темп обеспечивается частичной роботизацией съемки и автоматизацией обработки.

Распространено мнение, что нет смысла документировать и описывать все амфорные клейма, хранящиеся в музейных коллекциях. На наш взгляд это не так: обширный массив оцифрованных клейм, при условии его точной идентификации, может быть подвергнут разнородной статистической обработке (подробнее об этом см. ниже), сопоставлению посредством различных инструментов анализа как трехмерных моделей, так и записей базы данных, что позволит исключить дублирование и увеличит надежность базы эталонов. Безусловно, огромное число найденных к настоящему времени клейм предполагает расстановку приоритетов при их документировании. В первую очередь оцифровке подлежат следующие группы клейм:

- клейма хорошей сохранности, отобранные в качестве эталонных образцов;
- клейма плохой сохранности, ранее однозначно не идентифицированные либо признанные нечитаемыми;
- клейма, вновь выявленные в ходе археологических раскопок;
- клейма с памятников с неясной датировкой.

При таком подходе будет одновременно происходить накопление фактического материала, создание опорной базы эталонов и оперативное введение в научный оборот вновь выявленных амфорных клейм. Кроме того, результаты оцифровки клейм могут быть переданы в музеи в качестве страховых копий оригиналов, для каталогизации, экспозиционных и прочих задач.

Несомненно, что часть клейм, сведения о которых приведены в отчетах и публикациях, к настоящему времени утрачены и не могут быть оцифрованы. Тем не менее всю имеющуюся информацию об этих клеймах также следует внести в общую базу данных.

Обеспечение доступа к фактическим данным и упрощение управления данными. Обеспечение удобного доступа к фактическим данным, а также управление ими (в первую очередь для формирования выборок и сопоставления изображений) представляется исключительно важной задачей. Современное состояние развития информационных технологий позволяет ее решить посредством реляционной базы данных с удаленным доступом через компьютерные сети. Такая база данных состоит из серверного компонента (системы таблиц) и пользовательского интерфейса, позволяющего формировать запросы и воспроизводить транслируемую текстовую и визуальную информацию, в том числе трехмерные модели. Залогом

успеха реализации такой базы данных является качественная систематизация и единообразие описания фактического материала.

К настоящему времени в режиме открытого (посредством веб-технологий) доступа функционирует несколько пополняемых баз данных, аккумулирующих материалы керамической эпиграфики. Среди них можно выделить три специализированных: французскую «Corpus des matrices des timbres des éponymes et fabricants rhodiens» (12744 клейма) (URL: <http://www.amphoralex.org/>; дата обращения: 01.04.2024), испанскую CEIPAC (53837 надписей, в основном амфорных клейм) (URL: <https://romanopendata.eu/>; дата обращения: 01.04.2024) и отечественную «Керамические клейма Северного Причерноморья» (1203 клейма) (URL: <http://stampsofbosphorus.ru/>; дата обращения: 01.04.2024).

Главным достоинством «Corpus des matrices des timbres des éponymes et fabricants rhodiens» является проработанная система фильтрации поисковых запросов. Фактически лишь эту базу данных можно считать не только инструментом накопления материала, но и базой эталонов, тем более что каждый штамп в ней имеет уникальный идентификатор. Некоторые интерфейсные решения, например формат вывода результатов фильтрации, представляются сомнительными, но тем не менее именно эту базу данных пока следует считать наиболее подходящей для практических задач изучения амфорных клейм.

В реализации CEIPAC заслуживают внимания ГИС-интерфейс, вариативность форм вывода выборки, способ демонстрации связи клейма с типом носителя (как правило амфоры). При этом описания клейм в CEIPAC весьма лаконичны, возможности фильтрации и поиска ограничены, и в целом этот инструмент является скорее специализированным библиографическим указателем, чем полноценной базой данных амфорных клейм.

База данных «Керамические клейма Северного Причерноморья» заслуживает особого внимания как инструмент достаточного быстрого и последовательного введения в научный оборот новых материалов из раскопок, в том числе еще не переданных на музейное хранение. К сожалению, аппарат фильтрации данных в этой базе пока недостаточно развит.

Следует отметить, что все известные нам базы данных керамической эпиграфики ориентированы на представление и анализ оттиска как такового, без должного внимания к сосуду, на который он нанесен, производственному центру и месту находки. Эти данные обычно содержатся в текстовых описаниях, однако в рамках баз данных практически никак не визуализируются. Между тем обширный массив информации об амфорных клеймах может стать прекрасной источниковой базой, динамическая визуализация которой посредством графов (в сочетании с инструментами пространственного анализа и фильтрацией по датировке) станет удобным инструментом для анализа динамики торговых связей. Не менее перспективной представляется и визуализация связей вида «клеймо – фрагмент – сосуд», которая также может быть реализована посредством трехмерного моделирования фрагментов клейменых сосудов⁸ (рис. 2).

⁸ Некоторые из авторов этой статьи разработали и практически применили «революционную» методику документирования керамических фрагментов, обеспечивающую возможность быстрого моделирования большого числа небольших объектов в короткие сроки. Применение

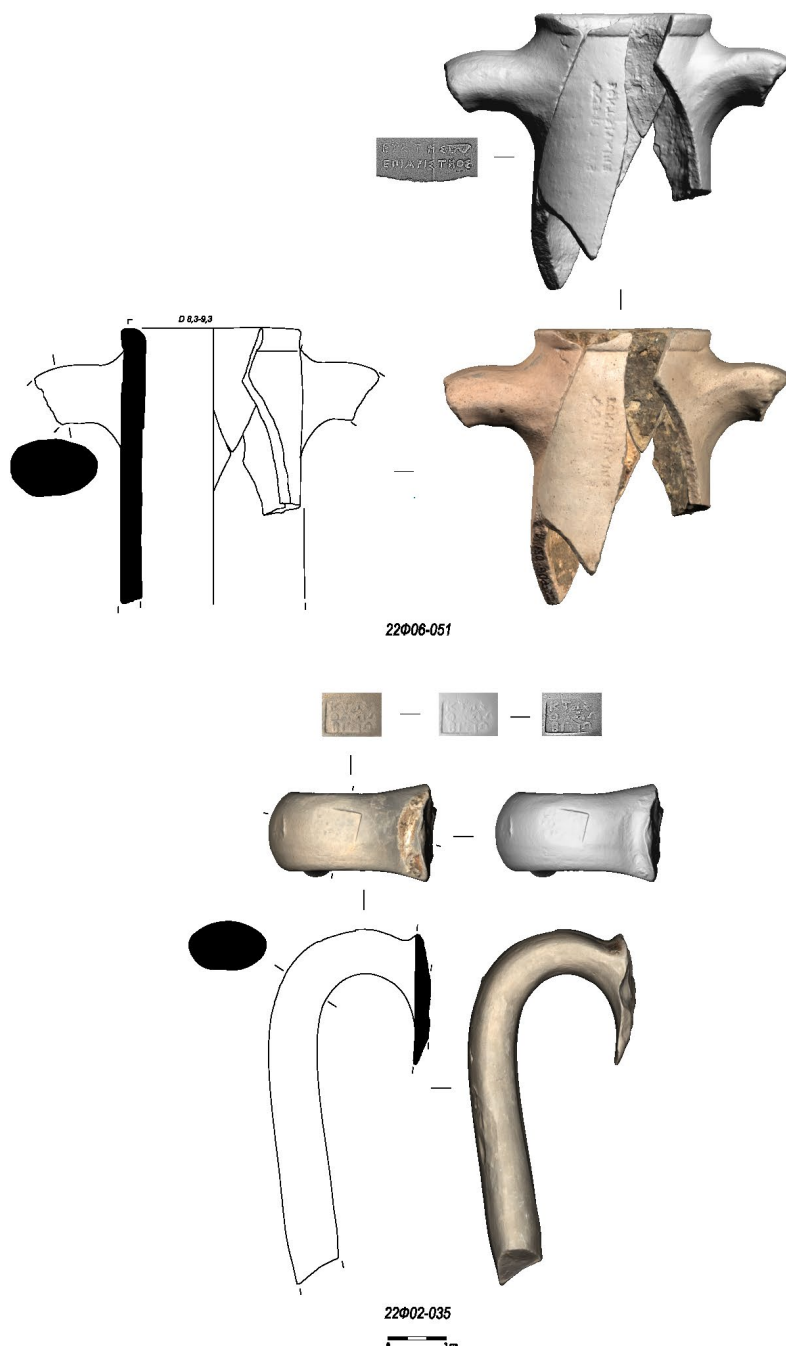

Рис. 2. Два фрагмента клейменных сосудов (22Φ06-051 и 22Φ02-035) из подводных раскопок в Керченском проливе. Чертежи построены по трехмерным моделям, сформированным при документировании сосудов револьверным способом и дополнены растровыми рендерами моделей клейм, преобразованными по алгоритму MSII. Способ визуализации Feature Element
 © Ю.М. Свойский, С.В. Ольховский, Е.В. Романенко, А.В. Зайцев, А.П. Гирич, А.П. Глотова

Еще одним общим недостатком всех вышеуказанных баз данных является способ формирования массива иллюстративных материалов, полностью основанный на традиционных технологиях (фотография, зарисовка, графитовая протирка). Именно эта проблема рассматривалась нами как ключевая при подготовке экспериментальной базы данных амфорных клейм⁹ из подводных раскопок в Керченском проливе. Поэтому на первом этапе наших исследований основные усилия были направлены на проектирование интерфейсного решения, позволяющего показать амфорное клеймо способом, обеспечивающим внешнюю верификацию прочтения легенды и распознавания эмблемы, а также точное определение размеров. Мы пришли к выводу, что в большинстве случаев достаточно трех «видов» — рендера модели клейма в естественном виде, рендера модели клейма с отключенной фотографической текстурой (без цвета) и рендера модели клейма с усиленной «контрастностью», рассчитанного способом Feature Vector. Эти три изображения сопровождает трехмерная модель, которая может быть использована для динамического просмотра (с управлением эмуляцией освещенности) и для измерения размеров¹⁰. При наличии такого функционала вынос масштабной шкалы на рендеры представляется излишним. Трехмерная полигональная модель управляется посредством интегрированного в веб-интерфейс просмотрщика 3DHOP (3D Heritage Online Presenter)¹¹.

Возможности электронной публикации позволяют расширить набор иллюстраций: базовая «карточка клейма» содержит 3 рендера, а при желании пользователь переходит на страницу, где приведены 8 рендеров — 2 базовых, на основе непреработанной модели (с текстурой и без), и 6 «контрастных», рассчитанных способами Feature Vector, Feature Distance, Feature Element, в нормальном и инвертированном виде. Сохраняется и возможность просмотра трехмерной модели клейма. Каждый рендер в репозитории базы данных хранится в двух вариантах: размером в 300 и 1000 пикселей по длинной стороне. По умолчанию на экран выводится малое изображение, но при нажатии на него загружается рендер высокого разрешения. Управление данными реализуется в двух режимах — визуальном (только изображения клейм в естественном виде) и табличном (реестр с изображениями). В обоих случаях возможно использование системы фильтрации данных.

ВЫВОДЫ

Опыт работы с массивом амфорных клейм из подводных раскопок в Керченском проливе показывает, что все *технические* проблемы, сформулированные в 2011 г. И. Гарланом и Н. Боду (документирование, визуализация, систематизация, организация доступа) успешно решаются с помощью описанного нами комплекса

этой методики на фрагментах с клеймами позволяет с небольшими трудозатратами сформировать массив трехмерных моделей.

⁹ Амфорные клейма, URL: <https://amphorastamps.rssda.su/>; дата обращения: 01.04.2024), в настоящее время база данных находится на стадии альфа-версии и продолжает дорабатываться.

¹⁰ Отметим, что вследствие геометрических aberrаций фотоснимка любая линейка на фотографии обеспечивает не более чем «примерный» масштаб, особенно при использовании относительно короткофокусных (нормальных и широкоугольных) объективов.

¹¹ Подробнее см. 3Dhop, URL: <https://3dhop.net/>; дата обращения: 01.04.2024.

методов. Документирование амфорных клейм фотограмметрическим способом, формирование иллюстративных материалов на основе трехмерных моделей, дополнительно обработанных алгоритмами математической визуализации геометрии поверхности, накопление фактического материала (в том числе графического) в реляционной базе данных, обеспечение удаленного доступа посредством компьютерных сетей формируют инструментарий, достаточный для создания современного общедоступного цифрового корпуса керамической эпиграфики.

Полезность и, более того, целесообразность создания такого корпуса вполне очевидны: он обеспечит накопление единообразно документированного и описанного фактического материала, станет постоянно пополняемым справочником и эталонной базой штампов, с помощью которого идентификация вновь найденных амфорных клейм (а значит, и датирование слоев, где они обнаружены) станет достаточно простой и быстро решаемой задачей. Цифровой корпус станет удобным инструментом и для исследователей амфорных клейм, а также снизит нагрузку на музейных сотрудников вследствие сокращения потребностей исследователей в доступе к оригиналам клейм, что также снизит риск их повреждения.

Таким образом, *технические* проблемы формирования цифрового корпуса амфорных клейм на сегодня можно считать решенными. Оставшиеся препятствия относятся к иным областям — институциональной, юридической, организационной, финансовой, отчасти психологической.

БЛАГОДАРНОСТИ

В документировании, фотограмметрической обработке, трехмерном моделировании, преобразовании моделей методом MSII, формировании растровых рендеров моделей, подготовке иллюстраций, помимо авторов статьи, принимали участие А.Н. Уральская, П.А. Мосалева, М.Д. Дынин, Д.В. Тронин, А.А. Зиганшина, А.А. Чернухина, М.А. Никитина, Е.Р. Бирюкова и А.В. Смокотина.

Авторы выражают благодарность А.Б. Колесникову, а также руководству и сотрудникам ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» Т.В. Умрихиной, Н.В. Быковской, Е.В. Болонкиной.

Литература / References

- Garlan, Y., Badoud, N. 2011: [De la collecte à la publication des timbres amphoriques grecs]. In: S.Yu. Monakhov (ed.), *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology]. Issue 15. Saratov, 411–425.
- Гарлан, И., Боду, Н. Греческие амфорные клейма. В сб.: С.Ю. Монахов (отв. ред.), *Античный мир и археология*. Вып. 15. Саратов, 411–425.
- Svoyskiy, Yu.M., Olkhovskiy, S.V., Romanenko, E.V., Zaytsev, A.V. 2023: [The Methodology of Large-scale Contactless Documentation of Amphora Stamps]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 270, 370–383.
- Свойский, Ю.М., Ольховский, С.В., Романенко, Е.В., Зайцев, А.В. О методике массового бесконтактного документирования амфорных клейм. *КСИА* 270, 370–383.
- Svoyskiy, Yu.M., Olkhovskiy, S.V., Romanenko, E.V., Zaytsev, A.V., Girich, A.P. 2024: [Application of the Multi Scale Integral Invariant in the Study of Amphora Stamps]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], (forthcoming).
- Свойский, Ю.М., Ольховский, С.В., Романенко, Е.В., Зайцев, А.В., Гирич, А.П. Применение алгоритма мультимасштабного интегрального инварианта при исследовании амфорных клейм. *Археология евразийских степей*, (в печати).

DOI: 10.31857/S0321039124020127

D. RAFFERTY. Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 243 p. ISBN: 978-3-515-12119-4

В последнее время немало внимания в историографии уделяется провинциальным командованиям в эпоху Римской республики¹. Одним из примеров этого является монография австралийского ученого Дэвида Рафферти о назначениях наместников в провинции в 123–52 гг.², основанная на его диссертации. В ней описывается система распределения консульских и преторских провинций со времени *lex Sempronia de provinciis consularibus* до *lex Pompeia de provinciis* с особым вниманием к периоду после Суллы как лучше освещенному в источниках. Своей задачей автор считает показать изменения, которые произошли по сравнению с Классической республикой. По его мнению, 123–52 гг. образуют в данном отношении единый период, поскольку Сулла, вопреки распространенной точке зрения, крупных изменений в систему назначения наместников не внес.

В первой главе книги (с. 27–46) рассматривается вопрос о переходе соответствующих магистратов в статус наместников (их автор называет *provincial imperator* или просто *imperator*). Их легитимность основывалась на избрании народом, а также на соблюдении необходимых при отъезде из Города ритуалов: они не только делали магистрата *iustus*, но и превращали его в легитимного командующего. Автор отмечает, что это была именно серия должным образом совершавшихся ритуалов, каждый из которых не являлся обязательным, причем отсутствовал конкретный момент, когда «не-император» становился «императором». Однако в эпоху Поздней республики эти ритуалы все чаще не исполнялись, что являлось одним из примеров политического разлада в те годы. И если в 177 г. консул Гай Клавдий Пульхр, когда приехал в провинцию, не проведя положенных при отбытии (*profectio*) ритуалов, встретил отказ проконсулов при требовании передать ему командование и вынужден был вернуться в Рим для соблюдения процедуры, то в 54 г. Аппий Клавдий Пульхр уехал в Киликию без проведения куриатного закона о своих полномочиях, и это, несмотря на высказывавшиеся сомнения, сошло ему с рук. Казалось бы, налицо «тестовый» случай для

Рецензия подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1).

¹ Vervaeke 2014; Drogula 2015; Morrell 2017.

² Здесь и далее все даты — до н.э.

lex curiata, но данный эпизод им не стал. Ситуации 177 и 54 гг. сильно различались. Аппию никто не смог помешать, авгуры оказались не в состоянии сослаться на авторитетное правило, хотя и успех Аппия прецедента не создал. Случаи 177 и 54 гг. показывают, насколько расплывчатым было государственное право и насколько все зависело от политической ситуации.

Суждения автора, думается, требуют поправок и дополнений. Момент, когда «не-император» становился «императором», не фиксируется в источниках, но это не значит, что у римлян не было конкретного мнения на сей счет — юридически, очевидно, это происходило по пересечении померия, фактически — по принятии командования на месте. Что же касается неисполнения обрядов как признака политического разлада в эпоху Поздней республики, то ничто не мешает предполагать такого неисполнения и в более ранние времена, просто если такие эпизоды не становились поводом для скандала, то они и не упоминались в источниках. Неопределенность в вопросе о том, насколько обязательны были ритуалы при *profectio*, подтверждается и примером 177 г. — если бы их исполнение являлось таковым, вряд ли Гай Клавдий решился бы пренебречь ими. Следует учесть, что он весьма агрессивно повел себя в провинции по отношению к проконсулам Манлию Вульсону и Юнию Бруту, без чего конфликт, очевидно, и не возник бы. Обращает на себя осведомленность Манлия, Юния и их подчиненных о том, что Клавдий не совершил положенных обрядов — несомненно, их известили об этом спутники Клавдия, среди которых могли находиться и его недоброжелатели. Иными словами, консул оказался скверным политиком, и в результате то, что могло не иметь последствий для других «императоров», для него обернулось конфузом. Что же касается Аппия Клавдия, то он повел себя более осмотрительно и конфликтных ситуаций не создавал, а потому в условиях правовой неопределенности избежал неприятностей.

Во второй главе (с. 47–60) Рафферти отстаивает идею, что к 90-м годам число преторских городских *provinciae* выросло до той точки, когда стало уже почти невозможно хоть кому-то из преторов уехать в провинцию (последние автор именует «вторичными», *secondary provinciae*). Правда, указывает ученый, на это можно возразить, что несколько городских *provinciae* могли передаваться одному и тому же магистрату, однако случаев такого рода известно очень мало. Зато уже до Союзнической войны появляются примеры того, что преторы принимали «вторичные» *provinciae* лишь после городских (первый такой случай — Марий, ставший наместником Дальней Испании после претуры). Всего Рафферти насчитывает до семи таких примеров, тогда как принятие преторами негородской провинции в начале магистратуры встречается в 122–91 гг. крайне редко. «Вторичная» преторская *provincia* являлась важной новацией, но в конституционном отношении мало что изменилось. Провинциальное управление не стало отдельной должностью, оторванной от магистратуры, это случится только в 52 г. с принятием закона Помпея.

В третьей главе (с. 61–72) обсуждается способность сената проявлять гибкость в решении вопросов управления империей в 122–52 гг. Закон Семпрония подразумевал, что консульские провинции должны назначаться заранее, однако отсюда отнюдь не следует, будто сенат лишился возможности реагировать на кризисные

ситуации — при необходимости он мог переназначить наместников или продлить полномочия тем из них, кто, как предполагалось, лучше справляется со своими обязанностями. Однако такие шаги предпринимались, конечно, не только по стратегическим, но и по внутривластным соображениям. Переназначения после выборов были уязвимы для вето, и потому следовало подавать такие меры как направленные на обеспечение интересов государства.

Рафферти сомневается в правильности мнения о том, что закон Семпрония затруднил назначение консулов на любую войну, которая могла начаться неожиданно — с середины II в. это уже было не так важно, Рим воевал теперь меньше, да и войны, как правило, носили менее масштабный характер. Кроме того, крупные конфликты во времена Поздней республики поддавались прогнозированию задолго до их начала.

Автор особо подчеркивает разницу между консульскими и преторскими провинциями. Учитывая, что консулы воспринимались как командующие, именно им могли передать преторскую провинцию в случае обострения военной ситуации. В целом преторские провинции имели более, так сказать, административный характер, и их наместников обычно не отзывали из-за дурного выполнения обязанностей, что случалось с проконсулами (прежде всего из-за неудачного ведения войны). В то же время им могли продлить полномочия, чтобы не дать возможности участвовать в консульских выборах (консулы, понятно, в таких ситуациях не оказывались).

Система назначения наместников, сложившаяся после закона Семпрония, достаточно исправно действовала в течение нескольких десятилетий, но в 50-х годах из-за внутривластной борьбы она стала давать сбои, что, в свою очередь, еще более осложняло положение в государстве.

Четвертая глава монографии (с. 73–86) посвящена процедуре жеребьевки (*sortitio*). Как следует из Цицерона, это был обычный способ распределения провинций. Если преторы всегда получали провинции по жребию, то консулам их могли дать по договоренности (*parare, comparare*) или раздавали поименно решением сената или народа (*nominatim* или *sine sorte*). Подобно заседаниям сената, *sortitio* должна была проводиться в *templum* и после ауспикации, т.е. все это относилось к юрисдикции авгуров, даже если процедура не являлась напрямую их делом. Вряд ли проводивший *sortitio* должен был обладать правом ауспий *optima lege*. Из сообщений Цицерона можно сделать вывод, что *sortitio* была методом по умолчанию для распределения консульских провинций. Источники не объясняют разницы между процедурой распределения провинций консулам и преторам, но, очевидно, по поводу предоставления их двум консулам было договориться проще, чем шести, а потом и восьми преторам. Кроме того, в отличие от консульской, жеребьевка для преторов была довольно сложной, им приходилось проходить ее дважды (сначала для распределения городских *provinciae*, а затем наместничеств), прежде всего из-за развития системы *quaestio* и необходимости для преторов принимать вторичные *provinciae*. Дополнительные сложности создавало и несовпадение между числом носителей империя и провинций. В то же время процесс несколько облегчало то, что все преторы уже, по-видимому, в 90-х годах до истечения срока магистратуры оставались в Риме.

В пятой главе (с. 87–100), исследуются различные вопросы, связанные с *ornatio*, или *ornatio provinciae* — выделением войск и денег наместнику провинции (сам термин *ornatio*, как отмечает автор, довольно редко встречается в источниках). Судя по Ливию, в эпоху Средней республики это обычно происходило в начале года, как правило, после решения о распределении провинций. Во времена Поздней республики ситуация изменилась: консульские провинции распределялись теперь еще до выборов, *ornatio* происходила, естественно, позже (для десигнатов, как следует из Цицерона, она не проводилась), причем из-за политического вмешательства (см. ниже) могла иметь место дополнительная задержка; отдельно от консульских проводилась теперь и *ornatio* преторских провинций. Разрыв во времени при принятии этих решений с точки зрения грамотного осуществления внешней политики вел к ухудшению ее уровня, и закон 52 г. мог быть помимо прочего реакцией на такой подход.

При продлении полномочий проконсулам обычно издавалось постановление *de ornandis provinciis*. Рафферти анализирует в связи с этим письмо Помпея сенату из «Истории» Саллюстия (II. 98М), которое, по мнению ученого, содержит несколько ключевых моментов, позволяющих лучше понять характер помощи командующим из Италии. Из него, полагает автор, следует, что армиям в Испании требовалась помощь не только деньгами и людьми, но и провиантом. Выделенных Помпею денег хватило на год, но больше ему не присылали, хотя провинцию дали на три года. Отсюда следует, что деньги должны присылать каждый год. И хотя письмо Помпея зачитали уже в начале 75 г., на его требования не отвечали как минимум до второй половины года (с. 92).

Не со всеми этими выводами можно согласиться. Утверждение, что Помпей получил провинцию на три года (также см. с. 77), основывается на недоразумении. Рафферти, не перепроверив текст подлинника, принимает точку зрения Ф. Вервата, который читает текст Саллюстия (*Hist.* II. 98. 2М) как *in triennium*³, тогда как в подлиннике говорится *per triennium*, т.е. что денег, которые сенат присылал в течение трех лет, хватило лишь на год (*a vobis per triennium vix annuus sumptus datus est*). Столь же неверно и мнение (также восходящее к Вервату), будто письмо Помпея отправил уже в начале 75 г. — тогда он не имел оснований писать о *triennium*.

Ornatio являлась важным политическим орудием, и трибуны, пытаясь добиться уступок от консулов, не раз налагали вето на касавшуюся их *ornatio*. О подобных случаях с преторами известно немного. Размышляя о возможных причинах этого, Рафферти, думается, упускает из виду такое очевидное объяснение, как весьма скромное внимание, которое античные авторы уделяют деятельности преторов. Также стоило бы уточнить, что от преторов в силу особенностей их полномочий вряд ли можно было добиться столь важных уступок, как от консулов. В то же время вполне резонно замечание, что закон Помпея 52 г. о провинциях позволял устранить опасность вето со стороны трибунов, коль скоро наместники должны были теперь отправляться в провинцию лишь через пять лет после своей магистратуры.

³ См. Vervaeke 2009, 421, 422, 431.

Тема шестой главы — отъезд и передача командования (*traditio imperii*) прежнего наместника его преемнику (с. 101–121). Как следует из Ливия, консулам вскоре после их вступления в должность назначали провинции, затем они председательствовали на Латинских играх, после чего могли ехать в провинцию. Но применительно к концу Республики таких случаев не наблюдается. Совсем немногие консулы покидали Рим в начале срока. Обычно это вызывалось чрезвычайной ситуацией. Т. Моммзен считал, что такое положение стало результатом закона Суллы, разделившего консульство и проконсульство, из-за чего консулы не могли покинуть Рим до истечения срока, однако Дж. Балсдон и А. Джованнини убедительно опровергли эту точку зрения. Обычно консулы покидали Рим примерно в ноябре, хотя ничто не мешало им сделать это уже весной. Наряду с уже предлагавшимися объяснениями (необходимость быть поближе к Городу на случай беспорядков, все большее вовлечение консулов в дела законодательства и др.) Рафферти видит причины этого в задержках с *ornatio provinciae*, в необходимости проведения консульских выборов, но главное — в общем политическом разладе и обусловленных им интригах. Что же касается преторов, то их задержки с отъездом зачастую обуславливались сложностями процедур по распределению провинций. Впрочем, сенат не рассматривал эти отсрочки как какой-то сбой.

Обсуждая вопрос о *traditio imperii*, автор возражает А. Джованнини, который считал, что власть консула над вверенной ему провинцией во времена Поздней республики начиналась со вступления в должность. Как полагает Рафферти, «магистраты обычно не имели права вмешиваться в [дела] провинций, даже тех, которые были назначены им, прежде чем прибывали туда лично для принятия контроля» над таковыми (с. 121). Наглядное подтверждение «физического» характера *traditio imperii* — встреча Лукулла и Помпея в 66 г., столь ярко описанная у Плутарха (*Помп.* 31. 3–6). Впрочем, такой порядок начал давать сбои в 50-х годах — Помпей, как известно, управлял испанскими провинциями через легатов.

В седьмой главе (с. 122–132) анализируются различные вопросы, связанные с отказом от провинциального командования, прежде всего — его причины, особенно если учесть, что наместничество, как считается, открывало возможности для славы и богатства. Однако «наши представления о римском нобилитете как занятом [преимущественно] войной и стремлением к личной славе требуют поправок. *SPQR* по-прежнему нуждался в магистратах для службы в провинциях, но новейшие исследования показали, что те, кто отказывался [следовать] чувству долга, в политическом отношении поступали правильнее, чем, те кто на него откликался. Для многих оставаться в Риме было куда удобнее» (с. 132). Помимо простого желания наслаждаться комфортом на загородных виллах, а не обременять себя обязанностями наместника, имелись и причины политического характера. Наместничество было чревато опасностью суда за вымогательство. Репутация хорошего правителя провинции немного давала преториям на консульских выборах — избирателей заслуги в этой сфере мало интересовали, а претории, отказывавшиеся от провинций, в итоге имели больше шансов стать консулами благодаря активному участию в политической игре, которую они могли вести, оставаясь в Риме. Последняя привлекала и многих консуляров, ярчайшим примером чего является Цицерон. Наконец, отказ от провинции не всегда был

добровольным. Любопытно, что источники сообщают о подобных отказах либо позитивно, либо нейтрально, хотя формально речь шла о нежелании магистратов выполнять свои обязанности. Однако в действительности это не удивляет, поскольку такой отказ нередко преподносился как проявление добродетели — Цицерон говорил о стремлении принести больше пользы государству, оставаясь при этом в Городе; Помпей таким образом прозрачно намекал, будто он, дважды триумфатор, более уже ничего не добивается; Лукцей декларировал свое нежелание оказаться причастным к разного рода махинациям, с которыми было связано управление провинцией. При этом Помпей и Цицерон дали понять, что не собираются принимать провинции, видимо, еще до *sortitio*. О процедуре отказа от провинции известно очень мало, но, как полагает автор, вопрос разрешался простым заявлением магистратов сенату и народу о нежелании принять управление провинцией.

Заключительная, восьмая глава посвящена *lex Pompeia de provinciis* (с. 133—153). Этот закон, пришедший на смену *lex Sempronia de provinciis consularibus*, полностью изменял систему провинциального управления, правда, не в смысле регулирования административной практики внутри самих провинций, а с точки зрения системы их распределения. В отличие от закона Семпрония он касался не только консулов, но и преторов. Последние, становясь наместниками, отныне получали исключительно *praetorium imperium*. Причины этого, как полагает Рафферти, крылись в стремлении предотвратить конфликт наместника с другими «императорами» (однако механизм предотвращения конфликтов с помощью такой меры, заметим, не вполне понятен) и усилить статусное различие между носителями империя. «Движение в сторону “стандартизированного” *praetorium imperium* могло быть способом утверждения превосходства носителей консульского империя (*consular imperatores*) над простыми обладателями преторского империя (*praetorian imperatores*)» (с. 137). Что же касается консулов, то, формально не теряя права командовать армиями и вести военные кампании, на практике они лишались такой возможности в условиях достаточного числа наместников из бывших преторов. В литературе не раз указывалось на сходство закона Помпея и августовской системы, при которой консулы лишились военного командования, но мнение, будто одно в ходе плавной эволюции вело к другому, как полагает Рафферти, неверно. В этот процесс властно вмешались гражданские войны, два десятилетия которых изменили взгляды римлян на их политическую систему и создали немало специфических прецедентов. Творцы закона, похоже, стремились превратить наместничество, своего рода приложение к должности претора или консула, в самостоятельную магистратуру. При этом сложность ситуации середины I в., как полагает автор, состояла не в дурном управлении империей. Скорее угрозу Республике создавали провинции и опасности, с ними связанные. Попытка отделить магистратуру от промагистратуры была попыткой Республики защититься от себя самой. Но началась гражданская война, и закон Помпея, несмотря на всю свою продуманность, не смог предотвратить падения Республики.

Завершают книгу пять приложений. В первом (с. 155—209) рассматриваются назначения наместников (независимо от того, приняли ли они провинции) в 122—91 и 81—52 гг., период Союзнической и гражданской войн по понятным

причинам не учитываются. Несмотря на дискуссионность некоторых моментов, ценность этой подборки очевидна. Во втором приложении (с. 210–213) Рафферти обосновывает и без того распространенную точку зрения, что Кв. Муций Сцевола отказался от провинции во время консулата, а не претуры, что, однако, вызывает сомнения, поскольку вряд ли консуляр П. Рутилий Руф в мирных условиях стал бы легатом пропретора⁴. В третьем приложении (с. 214–216) обсуждается провинциальный статус Крита и Кирены, которые, по мнению автора, до 52 г. не являлись территориальными *provinciae*. В четвертом (с. 217–219) излагаются соображения историографического характера по поводу греческой надписи из Кносса, содержащей перевод *lex de provinciis praetoriis*. В последнем, пятом приложении (с. 220–221) Рафферти высказывает замечания по поводу отношения Цезаря к закону Помпея 52 г. в *BC. I. 6*, указывая на его явную враждебность к нему.

Книга Рафферти — масштабное полотно, представляющее во многом новую картину эволюции назначения наместников от начала II в. до 50-х годов I в. до н.э. Его главный тезис об отсутствии масштабной реформы назначения наместников при Сулле звучит вполне убедительно, равно как и оценка *lex Pompeia de provinciis*. Заслуживает внимания и решение многих частных вопросов, а приложение о назначении наместников, несомненно, станет настольным пособием для всех, кто касается этого весьма часто затрагиваемого вопроса. Но кое-что, думается, требует поправок и/или уточнений. К приводившимся выше можно добавить и некоторые другие. Так, на с. 65 отмечается, будто консулы 78 г. Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катул давали понять, что не прочь использовать друг против друга армии, данные им для борьбы с повстанцами в Этрурии. Непонятно, однако, почему же тогда сенат продлил обоим полномочия на 77 г. и, что самое главное, оставил им командование. На с. 66 указывается: «То, что Серторий воспринимался как проблема, показала отправка Метелла Пия с консульской армией в 80 г. Поражения Домиция Кальвина и [Луция] Манлия в 79 и 78 гг. показали, что Метелл [Пий] не в состоянии в одиночку справиться с ситуацией». Между тем вполне вероятно, что Метелл Пий отправился в Дальнюю Испанию уже в качестве проконсула в 79 г. (в контексте изысканий Рафферти поправка немаловажная)⁵. И справляться с ситуацией Метелл должен был лишь в собственной провинции, тогда как Домиций Кальвин являлся наместником Ближней Испании. На с. 126 высказывается мнение, будто Асконий (14–15с) видел в отказе Сцевола от консульской провинции презрение последнего к мелочной погоне за триумфом его коллеги Красса и это стало чуть ли не первым случаем воспрепятствования стремлению обрести славу с помощью завоеваний. Однако Асконий не пишет именно о консульской провинции,

⁴ По мнению Ж. Феррари, согласие Рутилия Руфа стать легатом Сцевола-претория могло обуславливаться их *amicitia* и желанием первого помочь второму в его благородных планах явить достойный образец управления провинцией (Ferrary 2012, 167). Однако источниками это не подтверждается, да и случаев, когда консуляр был бы в Азии легатом наместника-претория (пусть и проконсула) в мирное время, ученый не приводит. К тому же требует объяснения, почему консуляра Рутилия привлекли к суду, тогда как преторий Сцевола (человек, к слову сказать, не столь знатный, как, например, Метеллы или Пизоны) этой участи избежал. Отметим, что статью Феррари Рафферти не использует.

⁵ Schulten 1926, 62–63; Spann 1987, 65.

и уж тем более текст источника не дает оснований видеть в отказе от нее противодействие Сцеволы неумемной *cupido gloriae*.

Но такого рода спорные пассажи можно найти практически в любой монографии. В целом же книга Дэвида Рафферти являет собой вполне добротное исследование, которое, несомненно, станет *reference book* для специалистов по политической истории Рима и его институтам II — середины I в. до н.э.

Литература / References

- Drogula, F.K. 2015: *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill.
- Ferrary, J.-L. 2012: Quelques remarques à propos de Q. Mucius Scaevola (cos. 95 av. J.-C.), et en particulier de la date de son gouvernement en Asie. *Athenaeum* 100/1–2, 157–180.
- Morrell, K. 2017: *Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire*. Oxford—New York.
- Schulten, A. 1926: *Sertorius*. Leipzig.
- Spann, Ph.O. 1987: *Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla*. Fayetteville.
- Vervaet, F.J. 2009: Pompeius' Career from 79 to 70 BCE: Constitutional, Political and Historical Considerations. *Klio* 91/2, 406–434.
- Vervaet, F.J. 2014: *The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE*. Stuttgart.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru
ORCID: 0000-0002-3628-2754

А.В. Короленков,

к. и. н., доцент
Государственного академического
университета гуманитарных наук
Москва, Россия

Acknowledgements: State Academic University for the Humanities, project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

DOI: 10.31857/S0321039124020136

M. MARREN. Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Evanston: Northwestern University Press, 2022. XII, 136 p. ISBN: 978-0-8101-4419-4

Открывая монографию, о которой здесь пойдет речь, мы ожидали найти в ней совсем не то, что в ней оказалось на самом деле. В принципе «Платон и Аристофан» — богатая тема, с точки зрения как исторической (можно, например, провести сравнительный анализ религиозных или политических взглядов двух авторов, либо рассмотреть свидетельства Платона о личности Аристофана), так и филологической (уж точно не окажется бесплодным поиск в диалогах основателя Академии аллюзий и реминисценций из пьес великого комедиографа). Но автор книги — не историк и не филолог, а философ, интересующийся совершенно иными вопросами.

Из всего видно, что Мэрайна Маррен очень хотела создать нечто подобное «Сократу и Аристофану» Лео Штрауса¹. Влияние, которое этот мыслитель оказал на нее², она подчеркивает уже в предисловии (с. XII), а затем на протяжении всей работы часто на него ссылается. Но чтобы писать как Штраус, нужно быть Штраусом — с его огромной эрудицией в области не только античной мысли, но и античной истории в целом, с его тонким мастерством философской экзегезы древнегреческих текстов³.

Что же касается уровня эрудиции самой М. Маррен, его вполне продемонстрирует пара примеров из ее книги. Говоря о стычке Кожевника и Колбасника во «Всадниках» Аристофана, она утверждает: «Эти перебранки, кажется, являются метафорой Аристофана, отражающей внутренние разногласия и борьбу за власть между олигархами» (с. 13). Но о каких олигархах можно говорить применительно к 420-м годам до н.э., а это — время наирадикальнейшей демократии, когда,

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00024.

¹ Strauss 1966.

² Лео Штраус и в целом остается весьма влиятелен, о нем нередко пишут, в том числе и в антиковедческой литературе (например, Amat 2019; Giorgini 2021). Из политических философов XX в. лучше всех знали античный материал и чаще всего к нему апеллировали, безусловно, он и Ханна Арендт. Кстати, представляет интерес сопоставление их взглядов (попытку такового см. в Zuckert 2009), которое оказывается контрастным, поскольку два мыслителя принадлежали к разным флангам идеологического спектра: Штраус — к правому, Арендт — к левому.

³ Один хороший образец такой экзегезы имеется и в русском переводе: Strauss 2006.

по суждению (несколько преувеличенному, вспомним критику этой системы Псевдо-Ксенофонтom в «Афинской политике») Э. Бэдиана⁴, в Афинах не было и следа олигархической оппозиции. В образе Кожевника-«пафлагонца» Аристофаном выведен — это ясно, как день⁵, — Клеон, ведущий демагог своих дней⁶. Его соперник («Колбасник», иногда фигурирующий также под личным именем Агосакрит) — персонаж вымышленный, но идея драматурга вполне ясна: показать «грядущего демагога», перед которым спасует и сам Клеон. Таким образом, «олигархами» у Маррен оказались крайние демократы. Это, подозреваем, может быть связано даже не с незнанием ею реалий тогдашней ситуации в афинском полисе, а с некоей подразумеваемой установкой (она четко прочитывается во многих нынешних западных исследованиях), согласно которой сторонник демократии не может быть отрицательным героем (а ее противник — положительным).

Второй пример относится тоже к «Всадникам». В двух неудачливых рабах старика Демоса уже античные комментаторы видели Никия и Демосфена. С этой точкой зрения можно соглашаться или не соглашаться, но уж никак нельзя принять то, что пишет М. Маррен: «Фемистокл, которого часто узнают в одном из рабов или слуг Демоса, не был аристократом» (с. 104). Уж не говорим о том, что мнение о незнатном происхождении Фемистокла давно устарело: он принадлежал к боковой ветви аристократического рода Ликомидов⁷. Но главное в ином: Фемистокл попал сюда непонятно каким образом. Занятно, что в других местах своей книги (с. 43, 51–52, 112) она, в общем-то, присоединяется к традиционной (хотя, конечно, гипотетичной и условной) идентификации двух рабов, о которых идет речь, как Никия и Демосфена. Возникшее в результате внутреннее противоречие никак не разъясняется и, похоже, осталось незамеченным самой исследовательницей. Разве это не признак поверхностного подхода к рассматриваемым проблемам? Работая так, трудно равняться с Лео Штраусом, чей анализ всегда отличался большой глубиной.

Основные мировоззренческие установки Л. Штрауса Маррен всецело разделяет. Имеем в виду прочную убежденность в том, что политика должна опираться на этические, а не прагматические принципы, и интенсивное отторжение любых форм тирании, явных и скрытых, прямых и косвенных⁸. В целом, говоря о книге Маррен, укажем, что одна важная особенность роднит ее с многим, что в последние десятилетия пишется на Западе о Платоне. Речь идет о коллизии между двумя трудно согласующимися чувствами: пиететом перед одним из величайших

⁴ Badian 1995, 81.

⁵ См. хотя бы Saldutti 2014, 17.

⁶ Достаточно указать хотя бы на то, что в одном месте комедии Кожевник, перечисляя свои заслуги упоминает «щиты из Пилоса» (τῶν ἀσπίδων τῶν ἐκ Πύλου, Aristoph. *Equ.* 846). Щиты эти были доставлены Клеоном в Афины буквально за несколько месяцев до постановки пьесы. См. Lippman *et al.* 2006.

⁷ Происхождение Фемистокла уже давно в достаточной мере разъяснено в литературе: Frost 1968; Connor 1972; Harvey 1980; Bicknell 1982.

⁸ См. интересную полемику А. Кожева и Л. Штрауса, публикуемую в качестве приложения к трактату последнего «О тирании» (Strauss 2006, 221–327). В отличие от «оппортуниста» Кожева, признающего, что тирания может быть эффективным строем, Штраус весьма ригористичен.

умов в истории человечества и необходимостью признать тот факт (крайне дискомфортный для адептов вышеупомянутой установки), что этот великий ум, мягко говоря, отнюдь не был другом демократии. Дж. Обер с полным основанием включает его в группу антидемократических «диссидентов», оппозиционных по отношению к практикам классических Афин⁹. В том же «Государстве» Платона, которое является главным предметом рассмотрения в рецензируемой монографии, хуже демократии оказывается только тирания, а в качестве наилучшего выдвигается строй откровенно тоталитарный (о чем прямо сказал Карл Поппер, у которого первый том «Открытого общества», в сущности, целиком представляет собой развернутую и жесткую критику Платона).

Ныне чаще идут по иному, нежели Поппер, пути — стараются доказать, что философ не был таким уж решительным врагом демократических порядков, видел в них и нечто позитивное¹⁰. Маррен избирает именно такую стратегию, утверждая, что нужно относиться к диалогам Платона прежде всего как к литературным произведениям и не считать, что их действующие лица всегда выражают точку зрения автора. Ведь мы же не приписываем, скажем, мысли Макбета Шекспиру¹¹ или мысли Раскольникова — Достоевскому (с. 15). Диалоги Платона вообще не нужно воспринимать «слишком буквально, слишком серьезно... слишком трагически» (с. 20), в них присутствует ирония; в этом плане они «комедийны» и могут быть сближены с комедиями Аристофана.

Сопоставление двух писателей, имена которых вынесены в заголовок, идет в книге как раз под этим углом. Взяв тот или иной тезис из «Государства», Маррен заставляет Аристофана как бы отвечать на этот тезис из прошлого, обнаруживая его несостоятельность путем доведения до абсурда. Подобный подход, уподобляющий драмам Аристофана «драмы» Платона, методологически обосновывается в главе 1 («Платон и комедия Аристофана», с. 5–26). Характерен следующий пассаж: «Крайне маловероятно, что сохранившиеся сочинения Аристофана отвечают на что-либо из написанного самим Платоном¹². Однако тот факт, что Платон в своих диалогах открыто изображает Аристофана, ясен, а то, что он менее открыто, но оттого не менее многозначительно пользуется Аристофановым искусством (отвечает на него, вторит ему, черпает из него), — по крайней мере вероятно» (с. 10).

Литературная техника Платона, указывает Маррен, предполагает развитие аргументации в действии, и само это действие может опровергать то, что говорится персонажами. Платона не следует воспринимать как эдакого учителя жизни: он не предписывает, а заставляет думать. Если прочитать многие рекомендации

⁹ Ober 1998, 156–247.

¹⁰ Например, Monoson 2000; Wallach 2001; Sørensen 2016. Критику подобного подхода см. в Rowe 2001.

¹¹ Пример взят как раз у Лео Штрауса, к которому, напомним, наш автор апеллирует постоянно.

¹² Маррен никак не затрагивает немало обсуждавшийся в свое время вопрос о том, не могут ли быть «Женщины в народном собрании», написанные в конце 390-х годов до н.э., пародийным откликом на какой-нибудь ранний вариант «Государства» Платона (см. Gutorov 1989, 136–139, со ссылками на предшествующую литературу).

относительно устройства наилучшего государства, вложенные в уста Сократа, в юмористическом духе, многое встанет на свои места: станут заметны различные нелепости, к которым приведет реализация этих рекомендаций (далее, в главе 2, эта мысль разъясняется, см. ниже). По мнению автора книги, Платон именно это и имел в виду.

В частности, как считает автор (с. 20–25), Платон осмеивает Главкона, одного из собеседников Сократа в «Государстве», за чрезмерную приверженность роскошному образу жизни. Сократ, мысленно строя свой идеальный полис, вначале изображает его небольшим и очень простым в плане повседневного быта, а Главкон выражает недовольство этим, говоря, что получается какое-то государство свиней (Plat. *Resp.* II. 372 a–d). Сократ тогда вынужден усложнить картину: «То, здоровое (ὑγιεινή) государство уже недостаточно, его надо заполнить кучей такого народа, присутствие которого в государстве не вызвано никакой необходимостью»¹³ (Plat. *Resp.* II. 373b). Перечисляются поэты, актеры, повара, цирюльники и т.п., и в конце концов войны, в которых тоже возникнет нужда (Plat. *Resp.* II. 373d–e). Отсюда – прямой переход к знаменитому описанию сословия этих воинов (стражей) и их воспитания.

Главкон известен и из других источников. В «Воспоминаниях» Ксенофонта (*Mem.* III. 6) он выведен как юноша, чрезвычайно стремящийся к политической деятельности, но при этом не имеющий никаких необходимых для нее знаний, что ему и ставит на вид Сократ. Но если Ксенофонт, говоря о Главконе, действительно мог позволить себе иронические нотки («его стаскивали с ораторской кафедры и осмеивали»: *Mem.* III. 6. 1), то от Платона такого можно ожидать меньше, чем от кого-либо, по одной простой причине: Главкон приходился ему родным братом¹⁴, и ровно ни из чего не следует, что между братьями была натянутость в отношениях или что-либо в подобном роде. Все это – к вопросу о том, что, когда автором книги является не историк (а в данном случае философ), он, витая в интересном мире идей, порой упускает из виду конкретных людей (и факты)¹⁵.

В главах 2–4 предпринимаются попытки сопоставления текстов Аристофана и Платона в связи с рядом конкретных вопросов. Вторая глава (с. 27–39) имеет заголовок «Коммунистический террор: “Государство”, книги V и VIII, и “Женщины в народном собрании”». Во введении ее содержание резюмируется так: «Я опираюсь на “Женщин в народном собрании” Аристофана, чтобы продемонстрировать ловушки коммунистической утопии в V книге “Государства”» (с. 4).

Ход мысли Маррен таков: и у Аристофана, и у Платона в соответствующих местах благие замыслы влекут за собой откровенные и уродливые нелепости.

¹³ «Государство» цитируется в переводе А.Н. Егунова.

¹⁴ Nails 2002, 154.

¹⁵ Пожалуй, имеет смысл упомянуть еще об одном, в чем-то похожем примере. Недавно Э. Ирвин предприняла попытку доказать, что Геродот на самом деле умер гораздо позже, чем обычно считается (Irwin 2021, 409–412). В частности, знаменитую выплату «отцу истории» огромной суммы в 10 талантов афинским народным собранием (Diyll. *FGrHist.* 73. F3) она, вопреки традиционной датировке, относит не к 440-м, а к 400-м годам до н.э. Ей даже не приходит в голову поразмыслить о том, в каком бедственном состоянии находились в 400-х годах до н.э. (в отличие от 440-х!) финансы Афин.

В «Женщинах в народном собрании», как известно, в Афинах вводится общность мужей, а завершается пьеса комичным и скабрёзным эпизодом, где безобразные старухи рвут друг у друга из рук красивого юношу.

У Платона тоже появляются безобразные старухи. Согласно его Сократу, в идеальном государстве «обнаженные женщины будут упражняться в палестрах вместе с мужчинами, и притом не только молодые, но даже и те, что постарше, — совершенно так же, как это делают в гимнасиях старики: хоть и морщинистые, и непривлекательные на вид, они все же охотно упражняются. — Клянусь Зевсом, это показалось бы смешным (γέλοϊον), по крайней мере по нынешним понятиям», — восклицает в ответ Главкон (Plat. *Resp.* V. 452a–b). И действительно, можно ли серьёзно относиться к этой абсурдной в глазах любого грека рекомендации? — ставит риторический вопрос Маррен (с. 33). Ясно, что нет. Стало быть, Платон не навязывает подобную норму, а косвенно показывает ее неприемлемость.

В том же свете, по мнению исследовательницы, надлежит рассматривать и фактическую отмену в сократовском/платоновском полисе института брака, взамен которого правителями-философами для деторождения организуются временные связи между мужчинами и женщинами (Plat. *Resp.* V. 460a–b). Иными словами, перед нами та же «коммунистическая» общность мужей (и жен). Главкон вновь удивленно спрашивает: «Но как же они станут распознавать, кто кому приходится отцом, дочерью или родственниками, о которых ты сейчас говорил?» (V. 461c–d). Ответ Сократа — в том духе, что все годящиеся по возрасту в отцы будут считаться отцами, в матери — матерями, а ровесники и ровесницы — братьями и сестрами (V. 461d–e). Случаи инцеста, таким образом, неизбежны (с. 34).

Маррен указывает на чрезвычайно близкую параллель (не ею, разумеется, впервые подмеченную¹⁶) из аристофановской комедии (Aristoph. *Ecccl.* 635–638):

<i>Блепир:</i>	Если этак вот будем мы жить сообща, как сумеет детей своих каждый Различать, расскажи!
<i>Праксагора:</i>	А зачем различать? Будут дети своими отцами Всех считать, кто по возрасту годен в отцы, кто постарше годочков на двадцать ¹⁷ .

Сходство настолько бросается в глаза, что и вправду трудно думать о чисто случайном совпадении. По выражению автора книги, «Платон рисует приглушенными красками то, что Аристофан выставляет напоказ» (с. 35). Иными словами, проводится все та же идея: читатели соответствующего места в «Государстве» должны были вспомнить «Женщин в народном собрании», запечатленную там клоунаду с промискуитетом — и сделать должные выводы.

Нужно отметить, что для Маррен и режим философов-правителей в трактате Платона, и режим женщин в драме Аристофана представляют собой виды коммунистической тирании, которая «подчиняет индивидуальность общему благу

¹⁶Ср. хотя бы Hertzler 1922, 100.

¹⁷«Женщины в народном собрании» цитируются в переводе Адр. Пиотровского. «Годочков на двадцать» — вольность переводчика, но мысль в целом ясна.

и отождествляет свободу с равенством» (с. 37). Притом аристофановский коммунизм по сюжету вырастает из полной демократии: женская власть учреждается большинством голосов в народном собрании (таким образом, демократия не гарантирует от тирании). В схеме деградации форм правления, нарисованной в «Государстве», тирания рождается именно из демократического устройства, от наилучшего режима она весьма далека. Но если читать Платона сквозь призму Аристофана, уверена Маррен, эти два устройства оказываются гораздо ближе друг к другу.

В главе 2 «Власть пресыщенной посредственности: VI книга “Государства” и “Всадники”» (с. 41–63) для сопоставления берется, как видим, другое известное произведение комедиографа. В последнем критикуются недостатки крайней демократии, которой манипулируют демагоги. Тут можно было вспомнить (Маррен, впрочем, этого не делает) об известной характеристике Аристотелем (*Pol. IV. 1292a4–36*) именно «крайней демократии» (ἡ δημοκρατία ἡ ἐσχάτη, *Arist. Pol. V. 1312b36*). Оценка ее Стагиритом просто убийственна, а в качестве едва ли не главного порока выдвигается именно засилье демагогов: «И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании»¹⁸.

Ту же самую, в сущности, мысль Аристофан высказывает посредством следующего художественного образа: Афины — это ойкос, хозяин которого — старик Демос, человек в целом и неплохой, но уж слишком доверчивый. Доверием его всецело завладевает наглый раб-пафлагонец («Кожевник», сиречь демагог Клеон), что влечет за собой массу пагубных последствий. Но когда «Кожевника» одолевает «Колбасник», в конце внезапно являющийся себя достойным мужем, Демос буквально возрождается.

Этому образу Маррен (с. 46–48) тоже находит параллель в «Государстве» (на сей раз менее очевидную, чем в случае с «Женщинами в народном собрании», и потому достаточно интересную: «Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося владельцем одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат (ὀπίκιωφον), а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем: каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству... Одолев благородного судовладельца (γενναῖον ναύκληρον) с помощью мандрагоры, вина или какого-нибудь иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть» (*Plat. Resp. VI. 488a–c*).

Именно глухота приписывается и Демосу в аристофановских «Всадниках», даже слово употреблено одно и то же: Демос назван (*Aristoph. Equ. 42–43*) γερόντιον ὀπίκιωφον (в переводе Адр. Пиотровского — «старикашка глухонький», но фигурирующий здесь суффикс не имеет уничижительного оттенка, так что лучше передать нейтральным «старичок»). В общем, в обоих случаях перед нами хотя и разные, но имеющие один и тот же смысл метафоры: народ развращают

¹⁸ «Политика» Аристотеля цитируется в переводе С.А. Жебелёва.

демагоги, на которых и лежит главная вина, сам же народ от нее в основном свободен, сознательного зла он не совершает. У Платона даже подчеркивается, что он благороден, *γενναῖος* (с. 47).

Но так ли это? Платон, указывает Маррен (с. 49–50), дает и еще один образ народа, называя его «огромным и сильным зверем» (*Resp.* VI. 493a), приравнивая к вожделям (*ἐπιθυμίῳν*, *Resp.* VI. 493b) которого, через это управляя им, учат софисты. А Демос «Всадников» тоже похож на зверя тем, что он полон вождельных. Он, в частности, постоянно говорит о еде¹⁹. «Колбасник» Агоракрит, потакающий ему, уподобляется платоновским софистам, о которых только что шла речь (с. 51). Кстати, не потому ли колбасник побеждает кожевника, что он, в отличие от последнего, может по своему ремеслу предложить хозяину продукты питания (хотя и сам не прочь стащить пищу у конкурента)?

Но уподобляется он также и платоновскому философу-правителю. А в общем — опять вырастает тиран. «Недостойный лидер, которого демос заслуживает», — такова у Маррен характеристика этого персонажа (с. 51). В «Государстве» менее ясно, чем во «Всадниках», что народ, наряду с теми, кто им манипулирует, тоже виновен в творящемся зле (с. 55). Но если вновь прочесть Платона сквозь призму Аристофана, картина окажется схожей. Дистанция между демократией и тиранией невелика, и ее нетрудно преодолеть (с. 61).

Далее следует глава 3 «Неудачи высокой политики: VI книга “Государства” и “Птицы”» (с. 65–81). Цель ее — критика самой идеи философа-правителя, столь важной для трактата Платона, да и в целом порядков в рисуемом его Сократом наилучшем полисе. В нем ради благих целей, ради воплощения идеала в жизнь народ отстранен от власти, а всем распоряжается узкий круг элиты, совершенно никому не подотчетный. Действительно, ничего менее демократичного нельзя и представить (но, повторим, из чего следует, что Сократ и Платон были демократами?²⁰).

Показательной Маррен считает фигуру аристофановского Писфетера. Он тоже вроде бы собирается построить в «Птицах» идеальный город. А завершает тем, что становится единоличным правителем, тем же тираном (с. 75; рано или поздно

¹⁹См. также Moreno 2007, 301. В книге А. Морено проблема «кормления демократии» рассмотрена в прагматическом аспекте.

²⁰Впрочем, Сократа в литературе сближают с демократией даже значительно чаще, чем Платона. По мнению такого видного специалиста как Г. Властос, только в платоновских диалогах среднего периода Сократ — элитистский мыслитель, а в ранних (где его образ более аутентичен) его взгляды вполне эгалитарны и никакого пренебрежительного снобизма по отношению к «бессмысленной черни» он не проявляет (Vlastos 1991, 48–49). В совсем недавней монографии об афинских судебных процессах конца V в. до н.э., где есть глава и о суде над Сократом (Joyce 2022, 170–179), всячески отрицается, что демос судил философа за его антидемократические убеждения, за близость к лидерам олигархических гетерий конца Пелопоннесской войны и т.п. Мы должны помнить, настаивает автор, что Сократ попал под суд по *ὑραφῇ ἁσέβειας* и, таким образом, с правовой точки зрения его процесс имел религиозный, а не политический характер. Формально это так, но против подобной позиции можно привести немало возражений. Сократ много лет исповедовал свои нетрадиционные религиозные взгляды, нимало их не скрывая, так почему же его «вдруг» решили судить за них? И ведь именно тогда, когда ввиду знаменитой амнистии 403 г. до н.э. ему нельзя было предъявить прямого политического обвинения.

читателю начинает бросаться в глаза, что автор рецензируемой книги так или иначе каждую главу сводит на тему тирании). Его сотоварищ Евелпид с определенного момента исчезает со сцены. Что же касается птиц — их в конце концов просто жарят и едят за их же «антидемократизм» (Aristoph. *Av.* 1583–1585: ὄρνιθές τινες / ἐλαγιστάμενοι τοῖς δημοτικοῖσιν ὀρνέοις / ἔδοξαν ἄδικεῖν). Писфетер кощунствует и против богов.

В связи со всем этим у Маррен появляется целая тирада против, как она выражается, «(псевдо-)метафизических обоснований политического элитизма» (с. 77). Для Платона (или его Сократа?) главным из таких обоснований служит, естественно, идея Блага. На ней зиждется власть философов-правителей. Такими вот соображениями, констатирует исследовательница, и прикрываются тираны.

В силу общей направленности книги, которая уже во многом стала ясной, не удивительно, что последняя (пятая), подытоживающая глава целиком посвящена тирании. Ее заголовок — «Не предмет для смеха: тирания в VIII и IX книгах “Государства”» (с. 83–94). Вот как сама Маррен определяет ее смысл: «Я доказываю, что тирания и самопознание диаметрально противоположны. На базе этого противопоставления я делаю вывод, что мы можем найти противоядие от тирании в познании себя, причем практика размышления о себе находит поддержку в комедии» (с. 4). Насколько оригинальны эти мысли (далее они получают развитие в заключении) — пусть судит каждый.

Кстати, тут автор начинает рассуждать о значении древнегреческой лексемы τύραννος, и мы встречаем очередную ошибку, причем довольно нелепую: оказывается, это слово «попало в античную Грецию с юго-запада Балканского полуострова (sic!) в середине VII века до н.э.» (с. 86). Юго-запад Балканского полуострова — это Мессения. Ясно, что Маррен под «Балканским полуостровом» Маррен имела в виду Малую Азию (тем более что далее, как положено, упоминаются Гигес, свидетельство Архилоха и т.п.). Но к чему акрибия в философской работе, где обсуждаются столь высокие материи?

Как известно, в «Государстве» описание форм правления дается в нисходящем порядке (причем каждая следующая рождается из предыдущей): наилучшее устройство, тимократия, олигархия, демократия, тирания. Если смотреть сквозь призму Аристофана, однако, получается, как утверждает Маррен, что власть философской элиты идеального полиса напрямую перерастает в тиранию. И Сократ в «Государстве» с его зачастую чудовищными предписаниями предстает какой-то тиранической личностью. Платон, по мнению автора (с. 88), не разделяет подобных установок, он ничего не навязывает, а заставляет ход мысли говорить самому за себя.

Какое качество роднит тирана и философа-правителя? Мрачная серьезность, а противоядием против нее может служить смех Аристофана — и Платона, который «поставил для нас нечто вроде трагикомедии» (с. 93). Кстати, в качестве типичного тирана почему-то рассматривается Писистрат (с. 91–92). Вот уж кого менее всего можно упрекнуть в мрачной серьезности, всем известны его многочисленные «тройки».

Так завершается последняя глава, а в заключении (с. 95–97) отчасти кратко повторяются основные тезисы, звучавшие в книге. «Комедии Аристофана

посвящены политическим проблемам и помогают нам понять комедию Платона, таким образом проливая новый свет на платоновскую политическую философию» (с. 95). В диалогах Платона с их «протеевской» природой ход аргументации идет против прямо высказываемых в них рекомендаций и опровергает эти рекомендации.

«Платоновская поэтическая философия не предлагает предписаний, как учебники и манифесты. Она разворачивается как театральное представление» (с. 96). Диалоги полифоничны и многомерны, они полны шуток и, если мы этого не замечаем, то упускаем самую их суть. Многие пассажи противоречивы, позволяют сделать диаметрально противоположные выводы. С одной стороны, идет защита идеи философа-правителя, а с другой — той же идее дается комедийная трактовка, демонстрирующая тираническую сторону политического элитизма; поэтому можно говорить об «освобождающей силе философии Платона» (там же). Комедия важна для понимания Платона потому, что она делает явной нелепость многих утверждений, которые иначе казались бы убедительными (с. 97).

Одним словом, Платон превращен в какого-то постмодерниста. Автор уже в самом начале (с. 4) оговаривает, что подобный подход к нему «сквозь призму комедии» может показаться легкомысленным, но зато он помогает и автору, и читателю лучше разобраться с собственными политическими взглядами, обнаружить смешное в них и дистанцироваться от этого смешного.

Подведем итоги. По ходу разговора о книге Маррен мы, как принято в рецензиях, называли ее монографией, исследованием. Называя вещи своими именами, она не является ни тем, ни другим. Это мировоззренческое эссе, некое интеллектуальное упражнение (чтобы не сказать — интеллектуальная игра), содержащее достаточно произвольные выводы и положения. Нам могут сказать, что в подобном духе писал ведь и тот же Лео Штраус, а тем не менее он пользуется заслуженным авторитетом. Но, как говорится, *quod licet Iovi...*

Литература / References

- Amat, D. 2019: Leo Strauss' Socrates and the Possibility of Philosophy in Our Time. In: C. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Socrates*. Leiden—Boston, 908—927.
- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79—106.
- Bicknell, P.J. 1982: Themistokles' Father and Mother. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 31/2, 161—173.
- Connor, W.R. 1972: Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 21/4, 569—574.
- Frost, F.J. 1968: Themistocles' Place in Athenian Politics. *California Studies in Classical Antiquity* 1, 105—124.
- Giorgini, G. 2021: The Philosopher and the City: Leo Strauss' Reading of Athenian Democracy. In: D. Piován, G. Giorgini (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Athenian Democracy: From the Late Middle Ages to the Contemporary Era*. Leiden—Boston, 368—398.
- Gutorov, V.A. 1989: *Antichnaya sotsial'naya utopiya: Voprosy istorii i teorii* [Ancient Social Utopia: Questions of History and Theory]. Leningrad.
- Гуторов, В.А. *Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории*. Л.
- Harvey, F.D. 1980: Neokles, Father of Themistokles. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 29/1, 110—111.

- Hertzler, J.O. 1922: *The History of Utopian Thought*. New York.
- Irwin, E. 2021: Date of Composition. In: C. Baron (ed.), *The Herodotus Encyclopedia*. Vol. 1: (A–D). Hoboken, 409–412.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*. Edinburgh.
- Lippman, M., Scahill, D., Schultz, P. 2006: *Knights 843–59, the Nike Temple Bastion, and Cleon's Shields from Pylos*. *American Journal of Archaeology* 110/4, 551–563.
- Monoson, S.S. 2000: *Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy*. Princeton.
- Moreno, A. 2007: *Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC*. Oxford.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Ober, J. 1998. *Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule*. Princeton.
- Rowe, C.J. 2001: Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy. *Journal of Hellenic Studies* 121, 63–76.
- Saldutti, V. 2014: *Cleone: Un politico ateniese*. Bari.
- Sørensen, A.D. 2016: *Plato on Democracy and Political technē*. Leiden–Boston.
- Strauss, L. 1966: *Socrates and Aristophanes*. New York–London.
- Strauss, L. 2006: *O tiranii [On Tyranny]*. Saint Petersburg.
- Штраус, Л. *О тирании*. СПб.
- Vlastos, G. 1991: *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*. Ithaca.
- Wallach, J.R. 2001: *The Platonic Political Art: The Study of Critical Reason and Democracy*. University Park.
- Zuckert, C.H. 2009: Twentieth Century Revivals of Ancient Political Thought: Hannah Arendt and Leo Strauss. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 542–556.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation,
project no. 23-28-00024

И.Е. Суриков,

д. и. н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
84/2 (2024), 502–536
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/2 (2024), 502–536
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124020143

СТАРОАССИРИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА О САРГОНЕ

*(Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий
И.С. Архипова, А.Ф. Успенского)*

ВВЕДЕНИЕ

Канеш (Кюльтепе) в центральной Анатолии — один из ключевых археологических памятников древнего Ближнего Востока. Расцвет города приходится на Староассирийский период — первые два века II тыс. до н.э., когда в Канеше находилась торговая колония, основанная выходцами из города Ашшур, будущей столицы Ассирии¹. Раскопки городища начались в конце XIX в. С 1948 г. и до настоящего времени они ведутся турецкими археологами². Среди находок, сделанных при раскопках, особое место занимают более 23000 клинописных табличек (из них опубликовано пока около трети), которые написаны на староассирийском диалекте аккадского языка и происходят главным образом из домашних архивов ашшурских купцов³. Подавляющее большинство из них составляют письма, договоры и хозяйственные документы. Крохотный корпус староассирийских

Работа выполнена в рамках проекта «Мотивы и сюжеты древневосточных письменных памятников в сравнительно-исторической перспективе» (грант РНФ № 21-18-00232).

Авторы выражают благодарность Л.Е. Когану за ряд ценных замечаний и предложений к работе.

¹ Новейший обзор истории Канеша и Староассирийского периода в целом см. в работе Barjamović 2022.

² Об археологическом памятнике и истории раскопок см., например, Kulakoğlu 2011.

³ Обзор староассирийского корпуса см., например, в Kouwenberg 2017, 1–10.

литературных текстов из Канеша включает одиннадцать заклинаний⁴, царскую надпись⁵, несколько школьных табличек⁶ и один уникальный текст о Саргоне Аккадском, которому и посвящена настоящая публикация⁷.

Табличка с инвентарным номером Kt j/k 97 была обнаружена в 1958 г. при раскопках дома, где жил один из ашшурских купцов, вероятно, по имени Ах-шалим. Он принадлежал к высшим слоям ашшурского общества: предметом одного из договоров, найденных в этом же доме, было олово в емкости с печатью царя Пузур-Ашшура (1877–1870 гг. до н.э.), а одним из свидетелей сделки выступал сын предыдущего царя⁸. Дом относится к слою Кюльтепе II и был разрушен вместе с остальным городом около 1836 г. до н.э. Соответственно, интересующая нас табличка была создана не позднее этой даты.

Текст на табличке был опубликован только в 1997 г., с турецким переводом⁹. К настоящему времени вышли четыре английских¹⁰, два немецких¹¹ и один французский¹² перевод с более или менее подробными комментариями, не считая работ, где рассматриваются отдельные трудные места произведения¹³. Стандартным, на наш взгляд, остается издание Я.Г. Дерксена 2005 г., содержащее, среди прочего, подробный обзор и критику более ранних переводов М. Ван Де Миропы, К. Хекера и Б. Фостера. Опубликованный в том же году перевод А. Кавиньо менее достоверен, а издание Б. Альстера и Т. Осимы 2007 г. демонстрирует скорее регресс в понимании текста. Тем не менее, обе эти работы содержат отдельные ценные предложения. Перевод М. Хауля, вышедший в 2009 г., был фактически выполнен в 2004 г.¹⁴ и не учитывает издания следующих лет.

Литературное произведение, дошедшее до наших дней на табличке Kt j/k 97, в современной науке обычно фигурирует под названием «Староассирийская легенда о Саргоне» (далее – «Легенда»). В нем рассказывается о деяниях основателя Староаккадской державы – Саргона Древнего (2334–2279 гг. до н.э.). Текст из 66 строк в композиционном отношении делится на шесть частей. Во вводной части приводится развернутая титулатура Саргона, содержащая, в частности, отсылки к его основным военным и политическим свершениям. Следующие четыре части повествуют о четырех прямо не связанных между собой эпизодах из жизни

⁴ Последнюю по времени публикацию этих текстов см. в работе Wasserman, Zomer 2022.

⁵ Надпись RIMA A.0.33.1, принадлежавшая царю Эришуму и посвященная храмовому строительству в Ашшуре, известна по двум копиям из Кюльтепе.

⁶ О них см. Hecker 1993; 1996. Обзор дискуссии о том, существовала ли в Канеше частная писцовая школа, см. в Barjamovic 2015, 65–71.

⁷ О социокультурном и архивном контекстах литературного корпуса из Кюльтепе см. Barjamovic 2015.

⁸ Dercksen 2005, 123.

⁹ Günbattı 1997 (= Günbattı 1998).

¹⁰ Van De Mieroop 2000; Foster 2005, 71–75; Dercksen 2005; Alster, Oshima 2007. Мы не учитываем отдельно перевод в монографии Б. Понграц-Ляйстен (Pongratz-Leisten 2015, 154–155), так как он, как отмечает сама автор, близко следует изданию Дерксена.

¹¹ Hecker 2001, 58–60; Haul 2009, 339–354.

¹² Cavigneaux 2005.

¹³ См. ссылки ниже в комментарии.

¹⁴ Haul 2009, ix.

Саргона – спортивной игре, царском пире, «блуждании во тьме» и унижении коренных жителей Малой Азии и прилегающих областей (подробнее об этих мотивах см. ниже). В заключительной, шестой, части текста в центре внимания оказывается связь Саргона с миром богов и заупокойным культом.

ЖАНРОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ «ЛЕГЕНДЫ»

«Легенда» принадлежит к довольно обширному корпусу месопотамских произведений, рассказывающих о подвигах Саргона. Содержательно и стилистически с ними тесно связаны также легенды о его внуке, царе Аккада Нарам-Сине (2254–2219 гг. до н.э.)¹⁵. Рукописи этих произведений датируются временем от собственно Староаккадского периода до середины I тыс. до н.э. В их сюжетах переплетаются отсылки к подлинным историческим событиям, известным прежде всего по надписям самих староаккадских царей, и очевидно фантастические и фольклорные мотивы. В жанровом отношении корпус достаточно разнороден: в нем встречаются как поэтические сочинения эпического или лирического рода, так и прозаические «письма» (очевидно, фиктивные). Большинство произведений написаны на гимно-эпической разновидности старовавилонского диалекта или на близко связанном с ней младовавилонском диалекте аккадского языка, однако в корпусе встречаются и единичные тексты на других аккадских диалектах, а также на шумерском и хеттском языках.

Даже с учетом гетерогенности корпуса «Легенда» заметно выделяется на фоне прочих произведений саргоновского цикла. Во-первых, это единственное сочинение, составленное на староассирийском (и вообще на ассирийском) диалекте аккадского языка. Во-вторых, поэтика «Легенды» – написанной, судя по всему, литературной прозой (см. ниже) – сближает ее скорее с царскими надписями, чем с эпическими произведениями. Кроме того, компилятивный характер «Легенды» противопоставляет ее другим произведениям о Саргоне и Нарам-Сине, как правило, имеющим единый сюжет. Наконец, не находит очевидных параллелей в других произведениях корпуса и предполагаемый комический пафос «Легенды».

В научной литературе о «Легенде» высказывались в этой связи самые разнообразные точки зрения о ее жанровой природе и о причинах, стоящих за ее составлением. Хекер, насколько мы можем судить, остается единственным исследователем, принимавшим произведение за копию подлинной надписи Саргона Аккадского. Ван Де Мieroop впервые, опираясь на устное предположение М. Ливерани, охарактеризовал наш текст как пародию на староаккадские царские надписи¹⁶. Позже сам Ливерани развил эту точку зрения в специальной работе¹⁷.

¹⁵ Стандартное издание аккадоязычных произведений корпуса (за исключением староассирийской «Легенды», опубликованной позднее) – Goodnick Westenholz 1997. Ссылки на издания шумероязычной легенды о Саргоне и хеттской версии одной из легенд о Нарам-Сине см. *ibid.*, 4–5.

¹⁶ Van De Mieroop 2000, 155–156. О пародии в месопотамской литературе в целом см. Jiménez 2017, 97–103. О типе литературной пародии, который подразумевает пародирование не одного конкретного текста, но целого жанра («general parody»), см. *ibid.*, 99.

¹⁷ Liverani 2010, 238–244.

К этому направлению мысли присоединился Фостер, определивший памятник как пародию на легенды саргоновского цикла¹⁸, в которой в сатирическом ключе переиначиваются знаменитые пассажи из надписей староаккадских царей¹⁹. Особое внимание он уделяет разного рода каламбурам и играм слов, с помощью которых составитель «Легенды» якобы высмеивает классический формуляр надписей²⁰. Однако конкретные примеры такого рода каламбуров, которые приводит Фостер, были признаны в позднейшей литературе крайне неубедительными или основанными на ошибочном прочтении текста²¹. Кавиньо также не отказывается полностью от пародийной интерпретации текста, однако обращает большее внимание на его уникальный характер и на особый интерес к историческому прошлому, который послужил, по мнению исследователя, толчком для составления памятника²². В целом гипотеза о пародийной природе нашего текста пользуется известной популярностью в ассириологической литературе, не посвященной специально «Легенде»²³.

Теория о «Легенде» как пародии на староаккадские царские надписи строится на следующих основаниях. Многие использованные в этом сочинении топосы обнаруживают параллели с пассажами из надписей (см. ниже), однако содержание этих топосов всегда оказывается гиперболизированным. Так, например, в два с лишним раза увеличено количество участников пира при дворе Саргона, а мотив многочисленных царских побед, одержанных в течение одного года, преобразен таким образом, что все они происходят в течение одного дня²⁴. Развивая эту идею, исследователи предполагают комический эффект и для тех эпизодов, которые не обнаруживают непосредственных параллелей в царских надписях: высмеиванием самохвального стиля надписей считается, например, история о пребывании Саргона во тьме или упоминание его прикосновения к «небесным зубцам»²⁵.

Многие суждения о комическом или пародийном характере «Легенды» неизбежно оказываются субъективными²⁶. В этой связи любопытны замечания Дж. Гудник Вестенхольц о фольклорной основе текста. Например, она указывает на то, что описания огромных пиршеств типологически характерны для эпических текстов, прославляющих деяния героя²⁷. В целом, по ее мнению, текст представляет собой не пародию, но произведение, сочетающее в себе черты эпического,

¹⁸ «Extraordinary parody on the Mesopotamian epic tradition of the Sargonic kings» (Foster 2005, 71). Сразу заметим, что само по себе это утверждение вряд ли может быть обосновано, поскольку подавляющее большинство произведений саргоновского цикла было письменно зафиксировано позже, чем староассирийская «Легенда».

¹⁹ Foster 2005, 71–72.

²⁰ Foster 2005, 71–72.

²¹ См. Dercksen 2005, 108, n. 3; Cavigneaux 2005, 59; Alster, Oshima 2007, 1, n. 5.

²² Cavigneaux 2005, 595–596.

²³ См., например, Lämmerhirt 2010, 320. Б. Кауэнберг (Kouwenberg 2015, 169–170) также полагает, что в «Легенде» преобладает комический элемент.

²⁴ Liverani 2010, 239.

²⁵ Liverani 2010, 239–241.

²⁶ Кроме прочего, это связано с тем, что панегирический текст a priori допускает и даже предполагает гиперболизацию описываемых событий.

²⁷ Goodnick Westenholz 2007, 23.

фольклорного и исторического нарратива. Однозначная жанровая идентификация такого памятника невозможна²⁸. Сравнительно близки к этим мыслям и выводы, к которым приходят Альстер и Осима. Они также отрицают пародийную природу текста, хотя и признают, что он изобилует «комическими преувеличениями». Вслед за Кавиньо они придают особое значение уникальности памятника и предполагают, что он был результатом литературной импровизации, включившей в себя более или менее разнородные элементы, отражающие интересы его составителя²⁹. Остроумным представляется типологическое сближение Легенды с таким памятником, как «История Александра Великого» Псевдо-Калисфена³⁰.

Наконец, принципиально иную функциональную интерпретацию «Легенды» предлагает Дерксен³¹. По его мнению, она была составлена для использования в рамках заупокойного культа обожествленного Саргона³². Он указывает на сведения о почитании Саргона и Нарам-Сина, содержащиеся в тексте о ритуале *kispum*³³, найденном в староавилонских архивах города Мари³⁴. Судя по всему, этот текст был составлен в эпоху правления Шамши-Адада, царя обширной державы на севере Месопотамии, включавшей в том числе и земли Ашшура. Вполне вероятно, что перечисление в списке поминаемых предков двух царей Саргоновского периода связано с желанием Шамши-Адада включить их в свою генеалогию. Дерксен предполагает, что схожие генеалогические построения, подразумевавшие заупокойный культ, могли бытовать и в более раннее время среди правителей Ашшура. В качестве косвенных аргументов в поддержку этой идеи он указывает на тот факт, что два староассирийских правителя XIX в. до н.э. носили имена великих царей Староаккадского периода — Саргона и Нарам-Сина.

Верификация толкования, которое предлагает Дерксен, в значительной степени осложнена неполнотой дошедших до наших дней данных. Так, практически ничего не известно сегодня о культе предков среди правителей Ашшура в Староассирийский период³⁵. Вызывает сомнения также вопрос о том, зачем было бы включать в «поминальное» произведение такие эпизоды, как история о «провинившемся поваре» (стк. 36–37), или по меньшей мере причудливые описания наказаний,

²⁸ Goodnick Westenholz 2007, 21–22, 26.

²⁹ Alster, Oshima 2007, 6–8.

³⁰ Alster, Oshima 2007, 8.

³¹ Derksen 2005, 121–123.

³² Строго говоря, текст «Легенды» не содержит никаких прямых свидетельств об обожествлении Саргона. Не подразумевает обязательного обожествления предков и ритуал *kispum* (см. литературу, указанную в следующем примечании).

³³ FM 3 4: 5–6. Литература о ритуале *kispum* обширна, см. недавние публикации с указанием более ранних работ: Jacquet 2011, 43–46; 2012; Stol 2017; Lange-Weber 2021. В староассирийских текстах, напротив, ритуал *kispum* до сих пор не засвидетельствован (ср. Derksen 2005, 121). О культе умерших предков в Староассирийский период см. Veenhof 2008; Michel 2008; 2009.

³⁴ Почитание обожествленных Саргона и Нарам-Сина также засвидетельствовано для Ниппура в эпоху III династии Ура, см. Derksen 2005, 116.

³⁵ В качестве параллели к своим построениям Дерксен (Derksen 2005, 122–125) приводит примеры почитания среднеассирийскими правителями своих царственных (но, впрочем, не обожествленных) предков.

которые наложил Саргон Древний на завоеванные им народы (стк. 50–62). Тем не менее, сильной стороной гипотезы Дерксена, несомненно, является тот факт, что она прекрасно согласуется с окончанием текста, в котором Саргон требует увеличения приносимых ему жертвоприношений (*šattukku*, стк. 66).

Нам представляется, что сегодня невозможно прийти к однозначным выводам относительно жанровой природы «Легенды». Каждая из перечисленных выше гипотез имеет как свои преимущества, так и значимые недостатки. Тем не менее, в ходе академической дискуссии были определены многие характерные черты этого текста. Упомянем лишь некоторые из них.

Несомненно, что за составлением «Легенды» стоял исключительный интерес к Саргоновскому периоду в истории Месопотамии. Составитель текста был, по всей видимости, знаком как с письменными памятниками, прославляющими царей III тыс. до н.э. (царские надписи, шумерские царские гимны), так и с фольклорной традицией, отразившейся позже в легендах саргоновского цикла. Нельзя исключить, что отдельные эпизоды должны были восприниматься аудиторией как комические, однако в целом образ Саргона в этом тексте вполне соответствует образу эпического героя, известного по позднейшим произведениям. Наконец, значима и выявленная неоднородность образности, топики и тематической структуры памятника, которая служит косвенным подтверждением идеи о «Легенде» как единичном тексте, другие рукописи которого вряд ли когда-либо будут обнаружены.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СИНОПСИС «ЛЕГЕНДЫ»

Титулатура и клятва Саргона

Эпитеты и титулы Саргона в начальной части «Легенды» обнаруживают параллели со староаккадскими царскими надписями и шумерскими царскими гимнами. Сообщение о том, что Саргон сразился с семьюдесятью городами в течении всего одного дня (стк. 8–9), напоминает царский эпитет Нарам-Сина «тот, кто выиграл девять битв за один год»³⁶, связанный с подавлением так называемого великого восстания против царя Аккада³⁷. Топос «одного года», подразумевающий совершение правителем какого-то трудоемкого действия в течение краткого периода, обрел большую популярность в царских надписях Ассирии и Вавилонии, начиная со Старовавилонского периода (при этом в староассирийских надписях он отсутствует). Напротив, обозначение пределов владений царя как «страны от восхода солнца до захода солнца» (стк. 5–7) не имеет дословного соответствия в саргоновских надписях — пределы завоеваний обычно обозначаются здесь с помощью конкретных топонимов, таких, например, как Верхнее море и Нижнее море или Элам и Субарту, также подразумевающих, впрочем, идею власти правителя над всем известным миром³⁸. В то же время точное соответствие — «от восхода солнца до захода солнца» — обнаруживается в шумероязычных надписях

³⁶ RIME 2.1.4.9: 6–8, RIME 2.1.4.11: 6–8, RIME 2.1.4.12: 6–7, RIME 2.1.4.13: 6–7, см. также RIME 2.1.4.10: 13–15.

³⁷ Franke 1995, 162–163 с указанием литературы.

³⁸ См., например, Kogan, Markina 2014a, 239.

Лугальзагеси, царя Урука и главного противника Саргона Аккадского³⁹. Наконец, мотив «разговора с богами» (стк. 3–4) объединяет «Легенду», в первую очередь, с шумерской царской литературой. Так, царь Шульги похвально тем, что беседует с богом солнца Уту⁴⁰, а царь Энесукукешдана в шумерской поэме «Энмеркар и Энесукукешдана» сообщает, что общается с богиней Инанной на рассвете⁴¹.

Следующие затем три части «Легенды» начинаются с клятвы, которая появляется один раз в расширенном виде, с эпитетами при именах богов («Клянусь Ададом, хозяином силы, и Иштар, хозяйкой битвы») и дважды в кратком виде («Клянусь Ададом и Иштар»). Бог Адад играет в тексте центральную роль⁴²: именно он называется источником могущества Саргона в начале «Легенды» (стк. 4), а в конце текста именуется царем (стк. 66, ср. обсуждение ниже)⁴³. Иштар же, возможно, появляется в «Легенде» под влиянием клятвенной формулы староаккадских царских надписей (см. ниже с прим. 48).

В формуле клятвы, представленной в нашем тексте, находит отражение топоним «искренности царского высказывания»⁴⁴: он подразумевает эксплицитное завершение от лица царя в том, что описание каких-либо исключительных событий правдиво, несмотря на их кажущееся неправдоподобие и на возможные сомнения аудитории. Первая известная реализация этого топоса обнаруживается в царских надписях староаккадского царя Римуша, также в виде клятвы:

«Он клянется Шамашем и Илабой: (это) не вымыслы, (это) истинно (так)!»⁴⁵

Такая же клятва, с небольшими отличиями, повторяется затем в царских надписях двух других царей Саргоновской династии — Маништушу⁴⁶ и Нарам-Сина⁴⁷.

³⁹ См. RIME 1.14.20.1: i 46 – ii 2, ii 12–16. Ср. также схожий пассаж в RIME 4.1.10.1001: 13–16, тексте, прославляющем, предположительно, царя I Династии Исины Энлиль-бани. В I тысячелетии фраза «от восхода солнца до захода солнца» встречается в «Саргоновской географии», описывающей пределы империи Саргона Древнего (см. Horowitz 1998, 72, стк. 43–44, ср. *ibid.*, 88–89), а также в «Хронике Вейднера», в которой это выражение применяется к странам, восставшим против власти основателя Староаккадской державы (Grayson 1975, 149, l. 52–53).

⁴⁰ Castellino 1972, 34 l. 42.

⁴¹ Attinger, Mittermayer 2020, 205, l. 32.

⁴² О культе Адада в Староассирийский период см. Schwemer 2001, 237–264. Зачастую Адад и Ашшур упоминаются в староассирийских документах вместе, образуя, по-видимому, пару наиболее почитаемых божеств, см. *ibid.*, 237–238.

⁴³ Упоминание Адада в начале и конце текста образует инклюзию, обеспечивающее композиционное единство текста.

⁴⁴ Мы используем обозначение, предложенное в работе Kogan, Markina 2014b, 226. Об истории этого топоса см., в первую очередь, Liverani 2010, 229–237, а также Ludwig 1990, 54–65; Lämmerhirt 2010, 148–150, 300–303, 320. Краткие замечания появляются обычно и в изданиях «Легенды», см, например, Dercksen 2005, 117–118.

⁴⁵ См. RIME 2.1.2.4: 73–78, RIME 2.1.2.6: 78–83, RIME 2.1.2.7: 37–42, RIME 2.1.2.8: 39–31. Перевод клятвы на русский язык приводится в работе Kogan, Markina 2014b, 213, стк. 72–77. О трудностях, связанных с синтаксическим толкованием аккадской клятвы, см. *ibid.*, 225–226.

⁴⁶ См. RIME 2.1.3.1: 47–52.

⁴⁷ См. RIME 2.1.4.2: viii 28 – viii 1. Этот сильно поврежденный пассаж не учтен в работе М. Ливерани. Примечательно, что в надписи Нарам-Сина упоминаются не Шамаш

Позже содержательно и структурно схожее изречение⁴⁸ появляется в шумерских гимнах, прославляющих царей III династии Ура и I династии Исины, Шульги⁴⁹ и Ишме-Дагана⁵⁰. Ср., например, в гимне Шульги:

«Что касается содержания моих песен, всех, какие есть, — (это) не ложь, (но это) правда» (гимн Шульги Е)⁵¹.

Наконец, по царским текстам I тыс. до н.э. известно еще несколько примеров клятвы в истинности описываемых событий, формуляр которой восходит, очевидно, к староаккадским царским надписям⁵².

Исследователи обычно предполагают, что клятва из «Легенды» представляет собой сокращенный вариант этого же формульного комплекса или своего рода аллюзию на него⁵³. Несмотря на очевидные расхождения — отсутствие эксплицитного утверждения истинности и отрицания лживости высказывания, упоминание других божеств, отличие в глагольном лице, — общая ориентация «Легенды» на топику староаккадских царских надписей делает эту гипотезу вполне убедительной. Существенно, что обсуждаемая формула никогда не встречается в дошедших до нас надписях самого Саргона. Возможно, мы имеем дело с анахронистическим выравниванием в культурной памяти Древней Месопотамии, в рамках которого с Саргоном Древним ассоциировался топос, изначально связанный с произведениями других царей Саргоновской династии⁵⁴.

и Илаба, как у Римуша и Маништушу, а Иштар-Аннунитум и, предположительно, Энлиль.

⁴⁸ О трудностях, связанных с грамматической интерпретацией шумерской формулы, см. Naayer 1983; Ludwig 1990, 202–203. Многие исследователи полагают, что шумерское изречение представляет собой кальку клятвенной формулы, известной по надписям староаккадских правителей. Нельзя исключить и обратное направление заимствования — теоретически его источником могли быть старошумерские царские тексты, сохранившиеся до наших дней в очень неполном виде (мы благодарим Р.М. Нуруллина за это замечание; некоторые примеры ориентации староаккадских правителей на старошумерские царские надписи см. в Franke 1995, 120–122, 126–128, 145–146).

⁴⁹ ETCSL 2.4.2.2: 316–319, ETCSL 2.4.2.5: 51–52. Заметим, что топос «царской искренности» появляется в гимнах Шульги и без привязки к интересующей нас здесь формуле, см. об этом Ludwig 1990, 54–65.

⁵⁰ ETCSL 2.5.4.1: 378–382. У Ишме-Дагана обсуждаемая клятвенная формула, вероятнее всего, является прямым заимствованием из гимнов Шульги — литературное и идеологическое подражание Ишме-Дагана Шульги хорошо известно, см. об этом Klein 1985, 7–19; 1990, 65–79.

⁵¹ ETCSL 2.4.2.5: 51–52.

⁵² Речь идет о следующих текстах: Бавианская надпись Синаххериба (RINAP 3/2 223: 23b–26; не учитывается в работе М. Ливерани), Цилиндр А Набополасара (Beaulieu 2003, 4–5; ср. Al-Rawi 1985, 5, l. 14–15), Крестообразный монумент Маништушу (Sollberger 1968, 62, l. 13'–16'; Al-Rawi, George 1994, 146, l. 28–36) и, наконец, Бехистунская надпись Дария I (von Voigtlander 1978, 42, l. 98–99). Для каждого из них характерно, по той или иной причине, подражание саргоновским царским надписям. Зачастую, наряду с воспроизведением клятвы, в этих текстах появляется также топос «одного года», впервые засвидетельствованный в надписях Нарам-Сина (ср. Liverani 2010, 236).

⁵³ Dercksen 2005, 117; Cavigneaux 2005, 598–599; Alster, Oshima 2007, 8; Liverani 2010, 239.

⁵⁴ Это же утверждение применимо и к появлению в «Легенде» топоса «одного дня», восходящего к надписям Нарам-Сина. В качестве другого примера можно указать на

Нетрудно заметить, что повторяющаяся клятва выполняет в тексте «Легенды» еще и важную композиционную функцию — она задает рамочную конструкцию, благодаря которой текст делится на несколько частей, каждая из которых связана с определенным эпизодом⁵⁵. Первое использование клятвы в тексте (стк. 11–13) помечает переход от вводной части, с титулатурой и развернутыми эпитетами Саргона, к первому эпизоду, в котором Саргон в ходе атлетического состязания ловит газель⁵⁶. Второй случай ее употребления (стк. 18–19) отделяет эпизод с газелью от описания царских пиров при дворе Саргона и истории о провинившемся поваре, а после третьей клятвы (стк. 40–41) повествователь обращается к событиям, связанным с путешествиями и, возможно, также завоеваниями Саргона⁵⁷. Не предваряется клятвой только заключительная часть произведения, однако содержащиеся здесь риторические вопросы («Зачем мне умножать слова на табличке? Разве Ану меня не *знает?*») ⁵⁸ вновь возвращают нас к теме искренности царского высказывания. Апелляция к божественному всезнанию во втором вопросе объясняет первый вопрос: рассказчик как бы утверждает, что дальнейшее изложение бессмысленно потому, что все излагаемое уже известно божеству⁵⁹. Кроме того, этот прием также указывает на истинность всего изложенного в предшествующем тексте: рассказчику не имеет смысла лгать, поскольку все им излагаемое уже известно божеству и может быть им «проверено».

Атлетический подвиг Саргона

Очень необычен первый эпизод «Легенды», в котором царь, демонстрируя свои атлетические качества, успевает поймать газель, пока в воде тонет кирпич, попутно надевая на себя змею взамен порвавшегося пояса. Общие содержательные параллели к этому эпизоду известны, в частности, из гимнов Шульги:

«Я — Шульги, газель *на бегу* я могу схватить!» (гимн Шульги В)⁶⁰.

бытовавшее в поздние эпохи истории Месопотамии представление о том, что два наиболее значимых правителя Староаккадского периода, Саргон и Нарам-Син, приходились друг другу отцом и сыном (в действительности Саргон был дедом Нарам-Сина), см. Powell 1991, 23. Примеры других типологически схожих анахронизмов см. в Alster, Oshima 2007, 7.

⁵⁵ Альстер и Осима (Alster, Oshima 2007, 4) предполагают, что схожее деление присутствует в произведении «Саргон — царь битвы!», однако эта гипотеза не подтверждается текстовыми данными.

⁵⁶ Этот переход коррелирует также со сменой повествователя — от третьего лица к первому.

⁵⁷ Исследователи обычно разделяют события, связанные с пребыванием Саргона и его войска во тьме и с его завоеваниями в Малой Азии (см., например, Dercksen 2005, 108), однако вполне вероятно, что с точки зрения составителя «Легенды» этот сегмент текста представлял собой единое тематическое целое — на это, по крайней мере, указывает отсутствие повтора клятвенной формулы. Заметим также, что Фостер и Ван Де Миrop в своих переводах относят клятвенную формулу к предшествующему ей тексту. Вслед за Дерксенom и другими переводчиками мы, однако, считаем, что собственно содержание клятвы следует за глаголом «клясться».

⁵⁸ О филологических трудностях в интерпретации этих строк см. комментарий.

⁵⁹ Ср. Liverani 2010, 241.

⁶⁰ Castellino 1972, 41 l. 109; ср. ETCSL 2.4.2.2: 108.

Мотив царя как выдающегося бегуна играет большую роль также в гимне Шульги А, где правитель всего за один день преодолевает расстояние от Ниппура до Ура и обратно⁶¹. Позже этот мотив был заимствован в гимны Ишме-Дагана⁶². В несколько преобразованном виде этот образ появляется и в Ветхом Завете⁶³:

«Бог препоясует меня силою, устрояет мне верный путь; делает ноги мои как олени, и на высотах поставляет меня»⁶⁴;

«Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов они были»⁶⁵.

Что касается микромотива использования змеи в качестве пояса, параллелей к нему в ближневосточной литературе до сих пор не обнаружено. Дж. Гудник-Вестенхолц указывает⁶⁶, однако, что он представлен в «Эпосе о Силамаке» народа фульбе (Западная Африка). Силамака, сын одного из вождей фульбе, уже с детства проявлявший героические качества, собирается выступить против царя Да Мозона. Для того, чтобы обрести магическую защиту в этом предприятии, он должен сделать себе пояс из змеи, которая обитает в роще деревьев-галамани. Никому из других воинов это не удастся, но Силамака ловит змею, помечает ее особыми знаками и изготавливает из нее пояс⁶⁷. О наличии микромотива «змея как пояс» в фольклорных традициях Индии и Индонезии свидетельствуют также данные указателя фольклорных мотивов Томпсона⁶⁸, ср. мотивы K1023.1.1 «Dupe allowed to guard “king’s girdle”: it is a snake, which bites him» (Индонезия) и A.123.10 «God (deity) girdled with snakes; on his forehead shines the moon» (Индия).

Царский пир

Топос, несомненно связанный с литературной ориентацией «Легенды» на староаккадский корпус царских надписей, — описание царских пиров во втором эпизоде произведения (стк. 19–28). Здесь подробно рассказывается о гигантских трапезах, устраиваемых при дворе Саргона. Описание это родственно более лаконичному пассажу из надписи самого Саргона Аккадского:

«5400 человек ежедневно ели перед ним хлеб»⁶⁹.

С одной стороны, царь похвастается здесь своей способностью устраивать постоянные пиры для огромного количества людей. С другой стороны, он

⁶¹ См. Klein 1981, 180–181.

⁶² Klein 1985.

⁶³ Demsky 2005, 91.

⁶⁴ Пс 17 : 33–34 (= 2 Цар 22 : 33–34); синодальный перевод.

⁶⁵ 2 Цар 1 : 23; синодальный перевод. Подробнее о мотиве исключительной скорости царя или героя в библейской, талмудической и греческой традициях см. Demsky 2005.

⁶⁶ Goodnick Westenholz 2007, 25.

⁶⁷ Biebuyck 1978, 340–341.

⁶⁸ Thompson 1955–1958.

⁶⁹ RIME 2.1.1.11: 41–44 (аккадская версия). Ср. в шумерской версии этой надписи: «13 отрядов (erin,) ежедневно едят перед ним хлеб» (RIME 2.1.1.11: 34–37). О природе числового расхождения двух версий см. Sommerfeld 2008, 233–235.

подчеркивает собственную близость к подданным, вероятно даже конкретнее, к своей дружине⁷⁰. Именно эта идея, предположительно, выражена с помощью употребленного здесь выражения «есть хлеб перед кем-либо», не имеющего точных соответствий в аккадском языке, но обнаруживающего любопытные параллели в Ветхом завете⁷¹. В «Легенде» активно задействованы оба упомянутых аспекта топоса из надписи Саргона. Во-первых, заметно гиперболизировано количество участников царского пира (их общее число — 11000)⁷². Во-вторых, в тексте эксплицитно упомянуты должности пирующих, из которых большую часть составляют воины.

Феномен царского пира с воинами и приближенными известен нам отнюдь не только по литературным памятникам. Многочисленные данные о таком явлении, как «царская трапеза» (акк. *naptan šarrim, paššūr šarrim*), происходят из дворцовых архивов старовавилонского Мари⁷³. Особенно любопытно эпистолярное свидетельство (письмо царя Шамши-Адада своему сыну Ясмах-Адду, наместнику Мари), в котором наглядно формулируется обязанность правителя устраивать пиршество для воинов (царское *noblesse oblige*, по удачному выражению Дж. Сассона):

«Пусть они (солдаты, обеспечивающие защиту города Мари) постоянно присутствуют перед тобой на пиру. Не подавай им ничего *неподобающего*, но пусть они пируют *изобильно!*»⁷⁴

Таким образом, описание царского пира в «Легенде» является, с одной стороны, гиперболизированной аллюзией на пассаж из надписи Саргона Аккадского, а с другой, апеллирует к хорошо известным читателю реалиям институализированной царской трапезы с войском.

Саргон на краю света

Третий эпизод «Легенды» основан на мотиве блуждания Саргона во тьме (стк. 41–46), который появляется, кроме нашего текста, в одной из

⁷⁰ О. Вестенхольц (Westenholz 1999, 68) с осторожностью предполагает, что под 5400 пирующими мужчинами имеются в виду «девять отрядов Аккаде», упомянутые однажды в надписи самого Саргона (RIME 2.1.1.3: 6–13) и, видимо, стоящие за упоминанием «девяяти военачальников Аккаде» в надписи Нарам-Сина (Wilcke 1997, ii 24). Косвенным указанием на то, что участниками пира Саргона были именно воины, является употребление в шумерской версии надписи лексемы *erīn*, «отряд», которая вряд ли могла использоваться по отношению к придворным.

⁷¹ См. об этом Kogan, Markina 2014a, 247; Kogan 2020, 380–381. Примечательно, что в двух из библейских пассажей, в которых появляется это выражение (4 Цар 25 : 27–30; Иер 52 : 31–34), речь идет об особом расположении, которое оказывал вавилонский царь Авель-Мардук плененному царю Иудеи, приглашая его, в частности, к участию в царском пиршестве.

⁷² О природе этой гиперболизации в связи с проблемой жанровой идентификации «Легенды» см. выше.

⁷³ См. об этих текстах и стоящих за ними реалиях Lafont 1985; Sasson 2004; Charpin 2013.

⁷⁴ ARM I 52: 32–35. Содержательно сходные пассажи встречаются в неопубликованном письме Шамши-Адада, которое цитируется в работе Ziegler 2008, 51–52.

старовавилонских саргоновских легенд, а также в так называемых исторических оменах аккадских гаданий⁷⁵:

«Забрел Саргон в страну Ута-рапашти. Лес, будто враг, на него ополчился, напустил мрак на свет небесный, потемнело солнце, на врага выступили звезды»⁷⁶;

«Знамение Саргона: когда он забрел (*вар.*: зашел) во тьму, но увидел свет (*вар.*: ему явился свет)» (старовавилонская версия омена);

«Знамение Саргона: когда он пошел в страну Мархаши и в скитании во тьме Иштар явила ему свет» (младовавилонская версия омена)⁷⁷.

Место, где происходит этот эпизод, — страна Мархаши, действительно существовавшая в III тыс. до н.э. в восточном Иране⁷⁸, — прямо указывается только в поздней версии омена. Другие тексты свидетельствуют о более ранней традиции, согласно которой Саргон оказался в темноте во время путешествия на край света. Так, Ута-рапашти в приведенном выше отрывке из старовавилонской легенды скорее всего связан с Ут(а)-напишти — пережившим всемирный потоп легендарным героем, который жил за мировым океаном⁷⁹. Наш текст также принадлежит к этой традиции: как отмечает Кавиньо, сердолик и ляпис-лазурь, которыми Саргон украсил мерило, выходя из темноты (стк. 44–46), происходят из сада драгоценных камней, находившегося на краю света согласно «Эпосу о Гильгамеше»⁸⁰. В поисках бессмертного Ут-Напишти Гильгамеш проходит «путь солнца» в полной темноте и выходит в сад, где на деревьях растут сердолик и ляпис-лазурь⁸¹. Кроме того, согласно «Вавилонской карте мира», произведению VIII или VII в. до н.э., за омывающим землю океаном, на севере у Великой Стены Неба и Земли, был расположен остров, «где не видно солнца»⁸². Мотив восхождения Саргона на Стену Неба и Земли также присутствует в легендах саргоновского цикла⁸³.

С «Эпосом о Гильгамеше», безусловно, сближает наш текст и упоминание о том, что Саргон разделил гору — предположительно, хребет Аманус (см. комментарий) — на две части (стк. 47–48). В V таблице канонической версии «Эпоса о Гильгамеше» сообщается о том, что во время битвы Гильгамеша и монстра Хувавы Кедровая Гора (в данном случае — Ливанские горы) раскололась на две части.

⁷⁵ Предсказания этого типа обычно представляют собой упоминание более или менее мифологизированных событий из жизни некоторых знаменитых царей Месопотамии.

⁷⁶ Goodnick Westenholz 1997, no. 6 ii 59–63. О ветхозаветной параллели к образу звезд как войска см. Kogan 2005, 735–736.

⁷⁷ Омены цитируются по Haul 2009, 215. Ниже не приводится фрагментарный омен TIM 9 48 iv 9'–11', близкий по содержанию к соответствующему пассажию из старовавилонской легенды, однако в сохранившейся части не упоминающий Саргона.

⁷⁸ Steinkeller 2014.

⁷⁹ George 2016. Ут-напишти, Саргон и Нур-Даган, царь Пурушханды (ср. ниже), вместе упоминаются в неясном контексте на оборотной стороне «Вавилонской карты мира» (Horowitz 1998, 23, l. rev. 10').

⁸⁰ Cavigneaux 2005, 599.

⁸¹ IX таблица (George 2003, 666–675).

⁸² Horowitz 1998, 20–25, l. obv. 18.

⁸³ Horowitz 1997.

Согласно одной из старовавилонских версий «Эпоса», причиной появления двух гор стал крик Хуавы:

«Сразил он чудище, стража леса,
От чьего крика Сариа и Ливан *раскололись*» (старовавилонская версия)⁸⁴;

«От (ударов) пяток их надвое земля распалась,
От круженья их Сирара и Ливан разломились⁸⁵» (каноническая версия)⁸⁶.

Как предположил Э. Джордж⁸⁷, в приведенных пассажах из «Эпоса о Гильгамеше» нашел отражение этиологический миф, возможно, левантийского происхождения, объясняющий возникновение двух горных цепей — Ливана и Антиливана. Ранним свидетельством о существовании схожего мифа можно считать, видимо, и текст «Легенды»⁸⁸. В «Легенде», вместе с тем, разделение Саргоном горы на две части с помощью мерил обозначается как «совершение раздела для страны» (ср. наш комментарий). Это сближает образ Саргона в «Легенде» с его описанием в «Саргоновской географии», где говорится о проведении этим монархом границ во всем мире:

«Когда Саргон, царь Вселенной, завоевал всю страну вплоть до небес, он провел в ней границы, пределы ее измерил»⁸⁹.

Завоевания Саргона

В стк. 50–62 в девяти эпизодах перечисляются города и области, чьих жителей Саргон подвергает различным манипуляциям с одеждой или прическами; в одном случае речь идет о нанесении увечья. Большинство из этих манипуляций унижительные: жители Тукриша уподобляются дикарям, одетым в шкуры⁹⁰, киприоты, амореи, лухмийцы и, возможно, киларийцы (см. комментарий к стк. 58) — женщинам, хударцы — рабам. В последнем эпизоде Саргон, наоборот, наделяет жителей сразу трех областей богатой одеждой (если верно принятое нами толкование текста, см. комментарий). Символическое значение действий по отношению

⁸⁴ George 2003, 262, l. 30'–31'.

⁸⁵ Или: «Когда кружились они, разломили Сирару и Ливан».

⁸⁶ George 2003, 608, l. 133–134.

⁸⁷ George 1990; 2003, 467–468.

⁸⁸ George 2003, 467.

⁸⁹ Horowitz 1998, 70, l. 30–31. В. Хоровитц (*ibid.*, 86) обращает внимание на то, что роль Саргона в этом отрывке отчасти напоминает роль бога Мардука, который создает части мироздания из тела убитой Тиамат в вавилонской поэме о сотворении мира «Энума Элиш» (см. Lambert 2013, 94, l. 137–146).

⁹⁰ Следует отметить, однако, что образ «дикаря в звериной шкуре» в прямом виде в месопотамской литературе не встречается. Отдаленной параллелью можно считать эпизод в «Эпосе о Гильгамеше», когда главный герой, оплакивая Энкиду, одевается в львиную шкуру и бежит в пустыню (VII 147 // VIII 91, см. George 2003, 642–643, 656–657). Не исключено также, что этот образ обыгрывается в имени царя луллубеев Иммашку — ср. акк. *immaški* «в шкуре» — в хурритском ритуале из Богазкея (KUB 27.38 об. IV 13'–14'), где упоминаются староаккадские правители и их противники (ср. Van De Mieroop 2000, 140–141).

к киларцам, жителям Канеша и хаттам⁹¹ не очевидно. Можно предположить, что эти образы вдохновлены скорее традиционными одеждами и прическами соответствующих народов, которые в большинстве случаев, хотя и не без исключений, описываются в издевательском ключе⁹². Рассказ о действиях Саргона в таком случае выполняет этиологическую функцию.

С географической точки зрения перечень упомянутых в этой части «Легенды» топонимов делится на две части. Первую составляют анатолийские топонимы: Худура⁹³, Килар⁹⁴, Канеш, Хатти⁹⁵ и Лухма⁹⁶. Вторую часть образуют широко известные в древности области, этнические общности и города конца III — начала II тыс. до н.э., расположенные на периферии Анатолии от северного Ирана до Восточного Средиземноморья: Тукриш⁹⁷, кутии, луллубеи⁹⁸, амореи⁹⁹, Хаххум¹⁰⁰ и Кипр¹⁰¹.

Строгой географической логики в перечислении не наблюдается, однако скорее всего не случайно то, что Канеш упоминается точно посередине. С точки зрения формы список также разнороден: ряд топонимов вводится предлогом *ša* с топикализирующим значением (амореи, киларцы, Канеш², хатты), тогда так в других случаях для этого используется *accusativus pendens*¹⁰² (Худура, Кипр, кутии, луллубеи, Хаххум); чередуются простые формы в ед. ч. и нисбы во мн. ч. (амореи, киларцы, лухмийцы), в одном случае употребляется генитивная именная группа («правитель Тукриша»).

Среди старовавилонских легенд о староаккадских правителях ближайшую — и, насколько нам известно, ранее не обсуждавшуюся — параллель к этой части произведения содержит текст АО 6702¹⁰³. Соответствующий пассаж сохранил-

⁹¹ Дерксен предполагает, что обривание макушки означает обращение в рабство (Dercksen 2005, 115), однако такой ритуал предполагал обривание половины головы или головы целиком за исключением определенных прядей волос (Reiner 2004, 479–480; Potts 2011; ср. также комментарий к стк. 52).

⁹² Cavigneaux 2005, 600. Ср. также упоминание о прическах иноземцев в «Саргоновской географии» (Horowitz 1998, 74–75, l. 57).

⁹³ Или Хутура; изредка упоминается в староассирийских источниках, контексты указывают на область Пурушханды (Аджемхьюка): Nashef 1982, 62; Dercksen 2005, 114.

⁹⁴ Единичные упоминания в староассирийских источниках, только в форме нисбы, локализация неизвестна: Nashef 1982, 71.

⁹⁵ Будущая центральная область Хеттской державы в бассейне Кызылырмака, упоминается начиная со Староассирийского периода (Nashef 1982, 57).

⁹⁶ Упоминается в одном староассирийском тексте (Dercksen 2005, 115) и, изредка, в хеттских источниках в связи с центральной частью южной Анатолии (Forlanini 2017, 251–252).

⁹⁷ В северо-восточном Иране; возможно, соответствует Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (Steinkeller 2014, 701–704).

⁹⁸ Оба народа жили в долинах северного Загроса, см. новейший обзор в Ziegler, Langlois 2022, 86–88, 114–117⁹⁸.

⁹⁹ В эту эпоху — западносемитское население Сирии и Восточного Средиземноморья, см. недавний обзор в Arkhipov 2022, 337–340.

¹⁰⁰ Город на Верхнем Евфрате, в области современного Самсата (Ziegler, Langlois 2016, 108–109).

¹⁰¹ В древней переднеазиатской традиции Алашия; это древнейшее упоминание острова в клинописных источниках.

¹⁰² Об этом явлении в аккадском см. Kogan 2008; Kogan, Worthington 2012.

¹⁰³ Goodnick Westenholz 1997, no. 6 iii 98 — iv 117.

ся, к сожалению, крайне фрагментарно, однако в нем тоже идет речь о девяти эпизодах, в которых Саргон побеждает различные области и города. Из географических названий в пассаже надежно сохранились лишь Субарту и Амурру (в староассирийской «Легенде» упоминается только Амурру). Насколько можно судить, Саргон и в этом тексте накладывает на побежденных унижительные наказания: в поврежденном контексте упоминаются *šimtum* «клеймо» (стк. ii 101; CAD Š/2 9)¹⁰⁴, *libšum* «одежда» (стк. ii 105; CAD L 181), *derretum* «поводок» (стк. ii 110; CAD D 160).

В более широком смысле наш перечень топонимов перекликается со списками дальних городов и стран в литературных произведениях, посвященных Саргону и Нарам-Сину¹⁰⁵. Если говорить о Саргоне, в общем виде мотив о его завоеваниях в Анатолии представлен в одной из старовавилонских легенд, где рассказывается о походе царя на город Пурушханда¹⁰⁶. Однако наибольшие сходжения обнаруживаются с текстом BM 79987, повествующим о восстании 17 царей против Нарам-Сина¹⁰⁷: в начале списка враждебных земель здесь также упоминаются кутии, луллубеи, Хаххум, Канеш и амореи. Далее, однако, следует еще 11 топонимов, в «Легенде» отсутствующих, в то время как специфически анатолийские города и области, за исключением Канеша, в старовавилонском произведении не упоминаются. Очевидно, на наш взгляд, что создатель «Легенды» был знаком с похожим списком побед Нарам-Сина, однако использовал его для рассказа о Саргоне и адаптировал перечень для канешской аудитории, добавив в него несколько анатолийских топонимов¹⁰⁸.

Окончание «Легенды»

У предложения «Адад — царь!» (акк.^d IŠKUR LUGAL), которым завершается «Легенда», обнаруживается два вида параллелей. С одной стороны, схожие сочетания известны по данным ономастики. Так, хорошо засвидетельствовано староассирийское имя *šarru(m)-Adad* «Царь — Адад!»¹⁰⁹, структура которого представляет

¹⁰⁴ [aškun²] i-na pa-ni-šu šī-im-tam «[поставил²] клеймо на его лице». Едва ли в этом контексте уместно слово *šimtum* «судьба» (так во всех изданиях произведения).

¹⁰⁵ В частности, в так называемой «Кутийской легенде» о Нарам-Сине (Goodnick Westenholz 1997, no. 22: 21–60) и в поздней «Саргоновской географии» (Horowitz 1998, 67–95).

¹⁰⁶ Goodnick Westenholz 1997, no. 9B, 11. Поход на Пурушханду приписывался также Нарам-Сину (*ibid.*, no. 22: 49–50). Никаких исторических подтверждений походам Саргона в Анатолию не существует. Даже Нарам-Син, насколько известно, не продвинулся в этом регионе далее долины Верхнего Тигра. См. новейший обзор завоеваний староаккадских царей: Michalowski 2020.

¹⁰⁷ Goodnick Westenholz 1997, no. 17 i' 1'–24'.

¹⁰⁸ Хеттская версия старовавилонской легенды о Нарам-Сине была адаптирована схожим образом: в перечень побежденных земель были включены анатолийские топонимы (Van De Mieroop 2000, 138–139). Этот список, однако, не содержит специфических параллелей со староассирийской «Легендой».

¹⁰⁹ Hirsch 1972, 3; Schwemer 2001, 241; Dercsen 2005, 117; Kryszat 2008, 116. Имя это хорошо засвидетельствовано и в других аккадских корпусах, см. Schwemer 2001, 1002. В целом, имя Адада, наряду с именами Ашшура, Иштар и Сина, представляет собой

собой синтаксическую инверсию по отношению к нашему предложению. Имя же *Adad-šarrum* «Адад — царь!» напротив, на сегодня в староассирийском ономастике не зафиксировано, хотя представлено, в частности, в старовавилонских и среднеассирийских текстах¹¹⁰. Трудно сказать, насколько это распределение случайно.

С другой стороны, структурно схожее изречение, с именем Ашшура вместо имени Адада, обладает большим символическим значением в тексте ассирийского «Коронационного ритуала»¹¹¹, известного как по среднеассирийским, так и по новоассирийским манускриптам:

«Носильщик[и] ст[авят себе на шею царский трон (и) отправляют]ся в храм божества. Они входят в [храм] божества (и) жрец Ашшура перед ними бьет [царя по щеке] и говорит так: «Ашшур — царь! Ашшур — царь!» [До] врат Анзу он говорит (так)»¹¹².

Смысл интересующего нас восклицания, сопровождаемого ритуальным оскорблением царя¹¹³, заключается в том, чтобы утвердить первенство божественной власти Ашшура над властью земного правителя, зависимое положение последнего. Это значение предложения эксплицитно прояснено, как обычно полагают, в так называемом «Коронационном гимне»¹¹⁴ Ашшурбанапала:

«Ашшур — царь! Воистину Ашшур — царь! Ашшурбанапал — [наместник] Ашшура, творение его рук»¹¹⁵.

Более того, сочетание типа «Ашшур — царь!» дважды встречается в староассирийских источниках — на печати правителя по имени Цилулу¹¹⁶ и в царской надписи Эришума¹¹⁷. В обоих случаях царский титул бога Ашшура противопоставлен менее значимому титулу правителя.

Нам представляется маловероятным, чтобы последовательность знаков ^dISKUR LUGAL в конце «Легенды» фиксировала имя автора этого текста или писца, его скопировавшего. Гораздо предпочтительнее считать, что предложение «Адад — царь!» играет в произведение приблизительно ту же роль, что и в ассирийском

один из самых распространенных теофорных элементов в староассирийской ономастике (Schwemer 2001, 238).

¹¹⁰ Hirsch 1972, 3; Schwemer 2001, 989. Как отмечает Г. Кришат (Kryszat 2008, 116), староассирийские имена типа «GN — царь! (*šarrum*)» могут включать в себя имена разных божеств, таких как Ану, Эа, Иштар или Син, однако никогда — имя Ашшура, за которым в ономастике закреплён титул *mal(i)kum*.

¹¹¹ См. об этом тексте Ermidoro 2017, xvii–xviii; Pongratz-Leisten 2017, lxxiii–lxxiii. Отметим, что название «Коронационный ритуал» условно, далеко не все исследователи убеждены в том, что этот памятник был связан именно с интронизацией, см., например, Radner 2002, 18 n. 196; Kryszat 2008.

¹¹² SAA 20 7: 26'–29'.

¹¹³ Это оскорбление, как известно, обнаруживается также в тексте вавилонского ритуала *akītum*, см., например, Pongratz-Leisten 2015, 438.

¹¹⁴ См. об этом тексте Livingstone 1989, xxii–xxiv.

¹¹⁵ SAA 3 11: 15.

¹¹⁶ RIMA A.0.27.1: 1–4.

¹¹⁷ RIMA A.0.33.1: 35–36 (предтекст поврежден). См. об этих пассажах Kryszat 2008, 115–116.

«Коронационном ритуале», «Коронационном гимне» Ашшурбанапала и староассирийских надписях — с помощью этого высказывания составитель подчеркивает, что, несмотря на изложенные в тексте исключительные деяния Саргона, божество сохраняет свое главенствующее положение по сравнению с «земным» правителем¹¹⁸. Апелляция к Ададу, а не к Ашшуру, может быть связана с неофициальным происхождением «Легенды», ориентацией на народную религию¹¹⁹. Наконец, в композиционном отношении обсуждаемая фраза близка к доксологии, помечает собой конец текста¹²⁰.

Любопытно, что имя Адада в конце текста соположено с именем Ану, появляющимся в одном из риторических вопросов (о них см. выше). Согласно наиболее распространенной в первой половине II тысячелетия традиции Ану был отцом Адада¹²¹. Особая ассоциация двух этих божеств отобразилась в храмовом строительстве царя Шамши-Адада в Ашшуре (первая четверть XVIII в. до н.э.): на месте старого храма Адада он построил новое святилище, в котором почитались одновременно и Адад, и Ану¹²². Наконец, бросается в глаза то, что в тексте вообще не фигурирует Ашшур, верховное и наиболее почитаемое божество города Ашшур и его жителей¹²³.

ПОЭТИКА «ЛЕГЕНДЫ»

Анализ поэтики «Легенды» затруднен из-за того, что, как и подавляющее большинство староассирийских текстов, она записана на табличке таким образом, что границы строк не соответствуют границам синтаксических сочетаний и предложений¹²⁴. Тем не менее, с определенной долей осторожности можно говорить о том, что памятник представляет собой образец литературной прозы, а не поэзии¹²⁵. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо форм гимно-эпического диалекта, характерного для аккадских поэтических текстов¹²⁶. В целом синтаксис «Легенды» хорошо соответствует стандартному синтаксису

¹¹⁸ По отношению к которому, тем не менее, также используется термин «царь» (стк. 1).

¹¹⁹ Dercksen 2005, 116–117.

¹²⁰ Ср. наш комментарий.

¹²¹ Schwemer 2001, 166–168.

¹²² Schwemer 2001, 241, 264–265, 601–608.

¹²³ О культе Ашшура см., например, Maul 2017.

¹²⁴ См. Kouwenberg 2017, 16. Таким способом а priori может быть записан и прозаический, и поэтический текст, и основную трудность представляет собой их различение. Ср., например, об этой проблеме в изучении хеттской поэзии в работе Nurullin *et al.* 2019, 180. Некоторые шумерские и аккадские тексты (прежде всего из периферийных по отношению к Месопотамии областей, таких как Угарит, Хаттуса или Мегиддо) записаны схожим образом, см. Alster, Oshima 2007, 4, п. 19.

¹²⁵ Так же Alster, Oshima 2007, 4, п. 19 (в остальных изданиях вопросы формальной поэтики не затрагиваются).

¹²⁶ Элементы гимно-эпического диалекта присутствуют в староассирийских заклинаниях из Канеша, где они обычно рассматриваются исследователями не с точки зрения поэтики, но как результат вавилонского влияния на староассирийскую традицию. Для Дерксена отсутствие в «Легенде» таких элементов свидетельствует, в первую очередь, о ее независимости от этого влияния, см. Dercksen 2005, 119–120.

староассирийских прозаических текстов, с глаголом в конце предложения¹²⁷, тогда как для аккадской поэзии характерен свободный порядок слов и тенденция избегать постановки финитной глагольной формы на последнюю позицию¹²⁸. В тексте «Легенды» не удастся выделить каких-либо устойчивых метрических закономерностей, действующих на протяжении всего текста¹²⁹. В частности, не соблюдается последовательно правило трохеического окончания, помечающего в аккадской поэзии и ритмизованной прозе конец стиха или периода (*clausula accadica*)¹³⁰. Немногочисленны и примеры поэтических созвучий, используемых для объединения и украшения текста¹³¹. Сравнительно сильно задействован в тексте прием параллелизма, в первую очередь в сфере синтаксиса и морфологии. Так, из нескольких типов синтаксически параллельных предложений состоят все описания наказаний, наложенных Саргоном на завоеванные народы (стк. 50–62). Начало второго эпизода (описание царских пиров в стк. 21–28) состоит из трех синтаксически параллельных предложений, в которых называется количество приближенных Саргона и их статус, а затем следует придаточное предложение, в котором сообщается, какой вид мяса они употребляют на царской трапезе. Здесь задействован также прием градации: в каждом следующем предложении сокращается количество упоминаемых участников пира, однако, по-видимому, увеличивается значение упоминаемых титулов и ценность подаваемой им пищи¹³².

ЯЗЫК И ОРФОГРАФИЯ «ЛЕГЕНДЫ»

Текст написан на староассирийском диалекте аккадского языка с некоторыми особенностями¹³³. Несмотря на очевидные содержательные параллели со старовавилонской традицией, бесспорный языковой вавилонизм в произведении всего один: префикс *li-* вместо ожидаемого *lu-* в форме *li-ša-ar-bi₄-ú* (стк. 66). Остальные орфографические и морфонологические особенности текста в той или иной степени укладываются в рамки варьирования внутри староассирийского корпуса:

- запись *mĭ-lt* (стк. 38, 39) для числительного *meʾat* «сто»¹³⁴;
- чередование стяженных и нестяженных форм с **wa-* в анлауте: *wa-ar-ki-im* (стк. 32, 35), *wa-ša-i-a* (стк. 44) vs. *ur-de₈-a* (стк. 40)¹³⁵;

¹²⁷ См. Kouwenberg 2017, 698.

¹²⁸ См. об этом Jiménez 2017, 75; ср. Hecker 1974, 107–108.

¹²⁹ Согласно традиционной точке зрения, аккадская метрика была тонической: стихи в поэтическом тексте содержали равное или близкое количество ударных групп (обычно три или четыре), см. об этом Jiménez 2017, 72–74 с указанием более ранних работ.

¹³⁰ О *clausula accadica* см. Jiménez 2017, 75–76 с указанием литературы.

¹³¹ Можно с осторожностью обратить внимание, например, на звуковую анафору на сочетание фонем /a/ и /s/ в стк. 13–17: *šabītam* <...> *šarʾam* <...> *šabītam ašbat*.

¹³² См. об этом Derksen 2005, 112; Goodnick Westenholz 2007, 23–25.

¹³³ См. обзоры: Derksen 2005, 120; Kouwenberg 2017, 9, n. 25.

¹³⁴ За ней может стоять стяженная форма *mēt*, как в некоторых старовавилонских диалектах. Такая же запись встречается, однако, в одном староассирийском письме (ср. Kouwenberg 2017, 276).

¹³⁵ Нестяженные формы, совпадающие с вавилонскими, широко распространены в староассирийском корпусе наряду со стяженными (Kouwenberg 2017, 76–78).

- полное написание удвоенной согласной: *ša-tù-uk-ki* (стк. 66)¹³⁶;
- плепе-написание краткой /i/ в ауслауте: *a-dí-i* (стк. 27), *aš-bu-tù-ni-i* (стк. 65)¹³⁷.

В целом текст отличается аккуратной и последовательной орфографией¹³⁸: в частности, почти всегда выписывается мимация¹³⁹. К писцовым ошибкам можно отнести разве что лишнюю энклитику *-ma* в месте смены лица рассказчика в стк. 5, пропуск союза *ša* в стк. 26 и нерегулярную гармонию гласной в форме *um-mi-ni-a* в стк. 43 (см. комментарий); не исключено также, что ошибками объясняются трудные и темные места в стк. 29, 59 и 62 (см. комментарий).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

¹LUGAL : LUGAL-ke-en₆ : LUGAL ²A-ké-de₈-e : ri-bi₄-tim : LUGAL ³da-num : ša iš-tí : i-le-e ⁴e-ta-wu-ni : ⁴ISKUR : da-nu-tám ⁵i-dí-šu-ma : iš-tù : ší-it ⁶ša-am-ší-im : a-dí e-ra-áb ⁷ša-am-ší-im : ma-tám : aš-ba-at-ma ⁸i-na U₄-mì-im : iš-té-en₆ ⁹a-na 70 a-lá-né : kà-kà-am : a-dí-in ¹⁰ru-ba-e-šu-nu : ú-ša-bi₄-it : ù a-le-šu-nu ¹¹ú-ḥa-li-iq : ⁴ISKUR : be-el : e-mu-qí-im ¹²ù iš₈-tár : be-lá-at : ta-ḥa-zi-im ¹³at-ma : ša-bi₄-tám : a-mu-ur-ma : li-bi₄-tám ¹⁴a-na na-ri-im : a-dí-ma : i-na ¹⁵lá-sà-mì-a : mu-sà-ri : i-bi₄-tí-iq-ma ¹⁶ša-ar-a-am : áš-ta-kà-an-ma : al-sú-ma ¹⁷ša-bi₄-tám : aš-ba-at : li-bi₄-tám ¹⁸i-ma-e : ú-šé-li : ⁴ISKUR ù iš₈-tár ¹⁹a[t-ma] : 1 [I]i-im GU₄.ḪI.A : 6 li-me-/e ²⁰UDU.ḪI.A : ù-mì-ša-ma : lu ú-ṭa-ba-aḥ ²¹7 li-me-e : qá-[r]a-du-a : ša i-ra-/tim ²²ù-mì-ša-ma : ma-aḥ-ri-a : e-ku-lu-ni ²³3 li-me-e : lá-sí-mu-ú-a ²⁴ša : ar-kà-tim : e-ku-lu-ni ²⁵1 li-im : ša-qí-ú-a ²⁶<ša> U₄-mì-ša-ma : mu-ḥa-am ²⁷ša kur^{ur}-sí-na-tim : a-dí-i ²⁸ša-ba-im : e-ku-lu-ni ²⁹NESAG.DU-i iq-re-e-ma ³⁰7 li-me-e : qá-ra-du-a ³¹i-ra-tim : e-ku-lu : a-na ³²wa-ar-ki-im : i-ir-tum : ³³lá ik-šu-ud-ma : a-lá-áp-šu ³⁴ku-ša-ma-ni-a-am : ša ku-sí-i-šu ³⁵iṭ-bu-ùḥ-ma : a-na wa-ar-ki-im ³⁶i-ir-tám : i-dí-in : nu-ḥi-tí-mi ³⁷gu₅-ur-na-am : ú-ri-ir-ma ³⁸a-na ar-ni-šu 1 me-et GU₄.ḪI.A ³⁹2 me-et UDU.ḪI.A : iṭ-bu-ùḥ-/ma ⁴⁰ur-de₈-a : ú-ša-ki-il₅ : ⁴¹ISKUR ⁴²ù iš₈-tár : at-ma : MU.7.ŠÈ ITI.KAM ⁴³ù ša-pá-tám : i-na i-ki-il₅-tim ⁴⁴qá-du : um-mì-ni-a : lu ú-ší-ib ⁴⁵i-na wa-ša-i-a : ša NA₄.GUG ⁴⁶ú NA₄.ZA.GÌN : qá-nu-a-am ⁴⁷lu ar-ku-ús-ma : a-na ma-tim ⁴⁸lu ú-za-iz : ša-du-a-am : ḥu-ma-nam ⁴⁹a-ši-ni-šu : am-ḥa-sú-ma : ki-ma ⁵⁰sí-ki-tim : i-ba-ri-šu-nu : ša-al-/mì ⁵¹ú-ša-zi-iz : ru-ba-am ⁵²ša-tù-uk-ri-iš : maš-kam : ú-lá-bi₄-iṣ ⁵³ḥu-du-ra : bi₄-bi₄-na-tim qá-qá-da-/tí-šu-nu ⁵⁴áš-ku-un : a-lá-ší-am : ki-ma ⁵⁵sí-ni-iš-tim : qá-qá-da-tí-šu-nu ⁵⁶ak-tù-um : ša a-mu-ri-e ⁵⁷ki-ma a-pì-šu-nu : ša-ma-ṭim ⁵⁸i-ša-ar-šu-nu : aq-tí-i : ša ki-lá-ri-/e ⁵⁹i-ma-ar-ší-im : qá-qá-da-tí-šu-nu ⁶⁰ar-ku-ús ša NI-UM kà-ni-ší ⁶¹sú-tù-ḥi-šu-nu ú-ší-ir ⁶²ḥa-tim : qá-ba-al-tí : qá-qá-da-tí-šu-nu : ú-ša-ag-li-ib : lu-ùḥ-mì-e ⁶³tù-dí-tám : ú-dí-id : qú-ti-tám : lu-lu-am : ù ḥa-ḥa-am šú-ba-té-šu-nu ú-ša-/ri ⁶⁴zi-qé ša-ma-e : i-qá-té-a : al-pu-ut : mì-na-am i-DUB-pì-im ⁶⁵lu-ša-am-i-id : a-nu-um : lá i-de₈-a-ni :

¹³⁶ Такие написания характерны для старовавилонского, однако изредка встречаются и в староассирийском (Kouwenberg 2017, 27–29).

¹³⁷ Эта черта необычна как для староассирийского (ср. Kouwenberg 2017, 23), так и для старовавилонского. См. также комментарий к стк. 65 ниже.

¹³⁸ Это свидетельствует против идеи Кавиньо о том, что текст был сочинен и записан в порядке импровизации (Cavigneaux 2005, 596–597).

¹³⁹ О возможном исключении см. комментарий к стк. 59; также без конечного *-m* написан предлог *qá-du* в стк. 43 (ср. Kouwenberg 2017, 441).

ki-ma LUGAL a-na-ku-ni ⁶⁵*ma-tám e-li-tám ù ša-áp-li-tám aš-bu-tù-ni-i* ⁶⁶*ša-tù-uk-ke li-ša-ar-bi₄-ú* : ^dISKUR : LUGAL

ПЕРЕВОД

¹Царь Саргон, царь ²Аккаде-столицы, ³могучий ²царь, ³что ⁴говорит ³с богами, — ⁴Адад ⁵дал ему ⁴могущество. ⁷Я завоевал страну ⁵от восхода ⁶солнца до захода ⁷солнца. ⁸За один день ⁹я дал бой семидесяти городам, ¹⁰пленил их правителей, а их крепости ¹¹разрушил.

¹³Клянусь ¹¹Ададом, хозяином силы, ¹²и Иштар, хозяйкой битвы: ¹³я увидел газель, ¹⁴бросил ¹³кирпич ¹⁴в реку, на ¹⁵бегу у меня порвался пояс, ¹⁶я подпоясался змеей, побежал дальше и ¹⁷схватил газель, ¹⁸я вытащил ¹⁷кирпич ¹⁸из воды.

¹⁹Клянусь ¹⁸Ададом и Иштар: ²⁰каждый день я забиваю ¹⁹тысячу быков и шесть тысяч ²⁰баранов. ²¹Семь тысяч — мои витязи, что ²²каждый день передо мной едят ²¹грудинку, ²³три тысячи — мои гонцы, ²⁴что едят *вырезку*, ²⁵тысяча моих кравчих ²⁶каждый день ²⁸досыта едят ²⁶мозг ²⁷из голяшек. ²⁹*Мой первый воин устроил пир*: ³⁰семь тысяч моих витязей ³¹ели грудинку. ³²Последнему грудинки ³³не хватило: ³⁵он забил ³³своего ³⁴*кушаманского* ³³быка, ³⁴что был у него под седлом, ³⁵и последнему ³⁶дал грудинку. Мой повар ³⁷пересушил *финики* — ³⁸за свою провинность ³⁹он забил ³⁸сто быков ³⁹и двести баранов и ⁴⁰накормил моих слуг.

⁴¹Клянусь ⁴⁰Ададом ⁴¹и Иштар: ⁴³я с войском оставался ⁴²в темноте ⁴¹семь лет и месяц ⁴²с половиной. ⁴⁴Выходя, ⁴⁶я обвязал ⁴⁵мерило ⁴⁴сердоликом ⁴⁵и ляпис-лазурью и ⁴⁷совершил раздел ⁴⁶для страны: ⁴⁷гору Хуман ⁴⁸я разделил ⁴⁸на две части и вместо ⁴⁹межевого кола ⁵⁰воздвиг ⁴⁹между ними свое изображение.

⁵⁰Правителя ⁵¹Тукриша я одел в шкуру. ⁵²Худурцам на головах ⁵³сделал ⁵²*рабские пряди*. ⁵³Киприотам ⁵⁵покрыл ⁵⁴головы, ⁵³как ⁵⁴женщине. ⁵⁵Что до амореев, ⁵⁶вместо того чтоб оторвать им носы, ⁵⁷я отрезал им члены! Что до киларцев, ⁵⁹я повязал ⁵⁸им головы тесемкой. ⁵⁹Что до ... Канеша, ⁶⁰я распустил им ... ⁶¹Что до хаттов, я велел выбрить им макушки. Лухмийцев ⁶²заколол булавкой. Кутиям, луллубеям и хаххийцам я *богато отдал* одежды.

⁶³Трех *небесных зубцов* я рукой коснулся! Зачем ⁶⁴мне умножать слова ⁶³на табличке? ⁶⁴Разве Ану меня не *знает*? Поскольку я царь ⁶⁵и завоевал Верхнюю страну с Нижней, ⁶⁶пусть мне увеличат жертвоприношение. Адад — царь!

КОММЕНТАРИЙ¹⁴⁰

2. Аккаде-столицы. — Акк. *a-ke-de₈-e ri-bi₄-tim*. Это словосочетание встречается также в прологе «Законов Хаммурапи» (стк. IV 52). Слово *ribitum*, изначально «главная улица» (CAD R 317), приобрело также значения «центр города, город (в противоположность пригородам)» и «главный город, столица»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Чтения и интерпретации из ранних работ (включая издание Хауля), обоснованно отклоненные в издании Дерксена, ниже специально не комментируются.

¹⁴¹ Durand 1991; Charpin 1991; Birot 1993, 203; Dercksen 2005, 111–112 (староассирийские вхождения). Ср. схожий семантический переход в современном южноаравийском языке мехри: *raḥbēt* «город», изначально «большая улица, площадь», дословно «широкое

9–10. Обращает на себя внимание использование двух разных основ мн.ч. от существительного *ālum* «город, укрепленное поселение» (CAD A/1 379) в двух разных значениях: *a-lá-né* /*ālānē*/ «города» vs. *a-le-šu-nu* /*ālēšunu*/ «их (городов) крепости». Общее значение противопоставления форм мн.ч. с суффиксом *-ān* и без него в аккадском языке, в частности в староассирийском диалекте, остается неизвестным¹⁴².

Выражение *kakkam tadānum* «давать бой», дословно «давать оружие», контекстуально ясно и хорошо соотносится с метонимическим значением «сражение», широко засвидетельствованным для *kakkum* (CAD K 55). В то же время за пределами нашего текста идиома, насколько это удалось установить, не встречается.

Следует отметить, что анатолийские правители обозначаются в тексте как *rubāʾum* (стк. 10 и 50): это слово считается базовым староассирийским экспонентом значения «царь»¹⁴³, хотя достаточно широко употребляется в старовавилонском, как правило, в Северной Месопотамии и долине р. Дияла¹⁴⁴. Базовое староаккадское и старовавилонское слово со значением «царь», *šarrum* (в этом тексте переданное шумерограммой LUGAL), используется применительно к Саргону и богу Ададу.

Примечательно употребление глагола *šabātum* в D-породе для выражения множественности объектов действия; ср. схожий узус глагола *tabāḫum* в стк. 20¹⁴⁵.

16. *Змеей*. — Акк. *ša-ar-a-am*. Верная интерпретация формы независимо предложена в издании Дерксена и, с более подробным обоснованием, в вышедшей годом позже заметке В. Майера¹⁴⁶.

17–18. *Я вытащил кирпич из воды*. — Акк. *li-bi₄-tām i-ma-e ú-šé-li*. Образ кирпича, брошенного в воду и вынутого из нее, в других месопотамских текстах не встречается¹⁴⁷. Слово *libittum* специфически обозначает необожженный кирпич (CAD L 176); Дерксен предполагает, что размывание кирпича в воде служило для отсчета времени¹⁴⁸, однако, насколько мы знаем, такая практика в месопотамских источниках не упоминается. По мнению Кавиньо, речь идет о своего рода троеборье, включающего в себя бросок кирпича, бег за газелью и плавание¹⁴⁹.

место» (Kogan 2015, 96). Слово *ribītum* происходит от корня *rbʾ* «быть большим» (CAD R 320); распространенная ранее этимология, возводящая слово к корню *(ʔ)rbʾ* «четыре» (> «перекресток»: *AHW*. 964), не объясняет значения «главная улица».

¹⁴² Kogan, Loesov 2009, 131; Kouwenberg 2017, 169.

¹⁴³ Kogan 2006, 199.

¹⁴⁴ В форме *rubūm*: CAD R 395; Charpin 2004, 233.

¹⁴⁵ Об этом грамматическом явлении см., например, Kouwenberg 2010, 274–277.

¹⁴⁶ Dercksen 2005, 112; Mayer 2006.

¹⁴⁷ В аккадских юридических и ритуальных текстах засвидетельствовано символическое бросание в воду комков земли (акк. *kirbānum*) и, реже, других предметов (см. пассажи в CAD K 402, N/2 17–18), однако эта практика вряд ли имеет прямое отношение к интересующему нас пассажи из «Легенды». В не до конца понятном отрывке из «Старовавилонского диалога между отцом и сыном» упоминается бросание кирпича (*libittum*) в сладкое блюдо (*mersum*) — возможно, как парагон бессмысленного деструктивного действия: «О Путти, кто таков, что в сладость бросил кирпич, | И что тому, кто добро совершил, оплатил злом?» (Foster, George 2020, 44, l. 32'–36').

¹⁴⁸ Dercksen 2005, 117.

¹⁴⁹ Cavigneaux 2005, 599.

24. Вырезку. — Акк. *ar-kà-tim*. Ранние издания связывают форму с *warkatum* «задняя часть» (CAD A/2 274), однако Дерксен указывает, что в староассирийском для этого слова ожидалась бы форма */urkātīm/*, и идентифицирует */arkātīm/* как косв.п. мн.ч. от *ariktum*, субстантивированного прилагательного ж.р. «длинная (часть)» (CAD A/2 283)¹⁵⁰. В качестве обозначения мясного отруба слово, насколько нам известно, представляет собой *haraḫ legomenon*, перевод «вырезка» условный¹⁵¹.

26. Мозг. — Акк. *tu-ḫa-am*. Значение «костный мозг» для слова *tuḫḫum* в этом контексте предложено М. Столом¹⁵² и принято в изданиях Дерксена, Кавиньо и Альстера и Осимы (в последнем — с подробным комментарием)¹⁵³.

29. Мой первый воин. — Акк. NISAG.DU-*i* /ašarēdī/. Мы с осторожностью принимаем чтение слова, предложенное Альстером и Осимой¹⁵⁴. Шумерограмма NISAG.DU более нигде не встречается, однако оба элемента действительно позволяют связать ее со словом *ašarēdum* «впереди идущий, первый (по рангу, качествам и т.п.)»: обычно оно записывается как SAG.KAL, однако в лексических списках встречаются также написания NE.SAG и IGI.DU¹⁵⁵. В пользу этого чтения также говорит возможное противопоставление между «первым» (*ašarēdum*) и «последним» (*warkūm*) воинами в стк. 29 и 32¹⁵⁶. Персонаж, называемый *ašarēdum*, упоминается в двух других легендах саргоновского цикла, где обращается к Саргону от лица войска¹⁵⁷. Во второй из них он назван «первым воином Саргона», что перекликается с выражением «мой (т.е. Саргона) первый воин» в нашем тексте¹⁵⁸.

Устроил пир. — Акк. *iq-re-e-ma*. Такое употребление глагола *qerūm*, обычно значащего «приглашать», более не засвидетельствовано (CAD Q 242), однако отсутствие прямого дополнения в тексте исключает базовое значение. Ср. в этом ключе «avait fait une invitation» у Кавиньо; у Дерксена и Альстера и Осимы компромиссные переводы «invited (them)» и «invited (all these)»¹⁵⁹.

¹⁵⁰ Dercksen 2005, 112.

¹⁵¹ Ср. «loins» (Dercksen 2005, 112), «sirloin(—steaks)» (Alster, Oshima 2007, 12).

¹⁵² Stol 2000, 628.

¹⁵³ Dercksen 2005, 112; Cavigneaux 2005, 597, n. 8 (без ссылки на М. Стола); Alster, Oshima 2007, 13, 17–18. О библейских параллелях к представлению о костном мозге как о деликатесе см. Goodnick Westenholz 2007, 24.

¹⁵⁴ Alster, Oshima 2007, 13–14. В предшествующих работах первый знак идентифицирован не был (не считая ранней гипотезы Дерксена, от которой он отказался в своем издании «Легенды»: Dercksen 2005, 113).

¹⁵⁵ См. обзор в CAD A/2 416.

¹⁵⁶ Alster, Oshima 2007, 13–14.

¹⁵⁷ Goodnick Westenholz 1997, no. 6: 10 (*a-ša-re-du-um*); 9B: 7 (*a-ša-<re>-ed* LUGAL.GI-en). Эта параллель отмечается у Альстера и Осимы (Alster, Oshima 2007, 14) со ссылкой на устное сообщение Дж. Гудник-Вестенхольц.

¹⁵⁸ Интерпретация графемы *-i* как притяжательного суффикса 1 л. ед.ч. впервые предложена Хекером (Hecker 2001, 58). Дерксен (Dercksen 2005, 109) относит знак к глагольной форме (*i-iq-re-e-ma*), однако такое решение в свете принятой нами гипотезы представляется менее привлекательным, несмотря на наличие других нестандартных племенаскриптов в тексте (см. Введение).

¹⁵⁹ Cavigneaux 2005, 597; Dercksen 2005, 109; Alster, Oshima 2007, 10.

33–34. *Своего кушаманского быка, что был у него под седлом.* — Акк. *a-lá-áp-ši KU-ša-ma-ni-a-am ša ku-sí-i-ši*. Последовательность *KU-ša-ma-ni-a-am* мы вслед за Дерксом понимаем как нисбу от иначе не засвидетельствованного топонима Кушаман (чтение условное, первая согласная может читаться как /g/, а вторая и/или третья могут быть удвоенными). Большинство издателей оставляет форму без перевода; Альстер и Осима предлагают чтение *UDU¹ ša-ma-ni-am* «восемь овец», которое противоречит правилам синтаксиса числительных, и бессмысленный перевод «ox and eight sheep belonging to his throne»¹⁶⁰. Слово *kussûm*, с базовым значением «стул», может также означать «трон» и «седло» (CAD K 587). Дерксен справедливо отказывается от перевода «трон», принятого в ранних изданиях, так как речь в этом предложении идет не о царе. В то же время его собственный перевод «ox ... that belonged to his travel seat» и комментарий «The ox ... serves as a draught animal for a traveling chair» не вполне проясняют связь между быком и «дорожным сиденьем»-*kussûm*¹⁶¹. По всей видимости, речь в пассаже идет именно о седле, как переводит Кавиньо («sa selle», со знаком вопроса)¹⁶². В то же время быки никогда не упоминаются в месопотамских источниках в качестве верховых животных. Возможно, автор текста использовал здесь заведомо неправдоподобный, гротескный образ, соответствующий общему духу произведения.

37. *Пересушил финики.* — Акк. *gu₅-ur-na-am ú-ri-ir-ma*. Глагол *erêrum* означает «быть сухим, высыхать» в основной породе (АНw. 238) и «высушивать» в D-породе (CAD U-W 247). В словарях приводятся только младовавилонские примеры, однако сегодня известно и старовавилонское вхождение (в основной породе)¹⁶³:

wa-di ša-ad-da-aq-di-im i-na i-ir-ti-ka e-ru-úr-ma A.ŠÀ-li iḫ-ta-li-iq «В прошлом году у уже¹⁶⁴ иссыхал *напротив тебя*¹⁶⁵, и мое поле погибло»¹⁶⁶.

Несмотря на это, издатели «Легенды», начиная с Хекера, предпочли переводы, связанные с предполагаемым значением «быть горячим» или «поджарить»¹⁶⁷. Они, однако, основаны исключительно на гипотезе о происхождении *erêrum* от семитского корня *ḥrr* «быть горячим»¹⁶⁸. Такая этимология, со сдвигом значения «быть горячим» > «высыхать (при нагревании)», вполне возможна, однако

¹⁶⁰ Alster, Oshima 2007, 9–10, 14.

¹⁶¹ Derksen 2005, 109, 113.

¹⁶² Cavigneaux 2005, 597.

¹⁶³ Кауэнберг правильно относит форму *e-ru-úr* в этом тексте к глаголу *erêrum*, однако считает ее морфологически нерегулярным стативом 3 л. ед.ч. (Kouwenberg 2010, 63). Напротив, форма *iḫ-ḫa-ra-ar-ru* в FM 6 16: 14 (о быках!) едва ли относится к этому глаголу, contra Kouwenberg 2010, 493.

¹⁶⁴ О *wadi* «уже» см. Kouwenberg 2013, 331–338.

¹⁶⁵ То есть поле автора письма, расположенное рядом с полем адресата, не получало воду. О выражении *ina irtí-*, дословно «на груди», со значением «напротив», в том числе о полях, см. CAD I–J 187; дополнительное старовавилонское вхождение: AbB 9 251: 4–5.

¹⁶⁶ Ellis 1972, no. 66: 7–9.

¹⁶⁷ Hecker 2001, 58 («machte ... (zu) heiß»); Derksen 2005, 109 («let ... burn»); Cavigneaux 2005, 597 («fit griller»); Alster–Oshima 2007, 10 («scorched»). Верный перевод у Хауля («verdörte»: Haul 2009, 343).

¹⁶⁸ Эта этимология для *erêrum* была предложена В. фон Зоденом (АНw. 238); о рефлексах **ḥrr* в других семитских идиомах см. DUL 364.

синхронно для аккадского глагола значения «быть горячим» или «гореть» не засвидетельствованы.

Вместе с Дерксоном мы отклоняем предложенную Гюнбатты и принятую во всех остальных изданиях эмендацию *ku-ur-<si>-na-am*, так как несколькими строками выше это слово пишется через знак *kur*. Существительное *gurnum* «(продукт) посредственного качества» обычно употребляется в аппозитивной конструкции и характеризует медь, шерсть, финики, масло или пиво (CAD G 139). В то же время в недавно опубликованных старовавилонских текстах имеются два примера самостоятельного употребления слова:

ki-ma a-na ta-ma-ar-tim gur-nu-um i-ba-šu-ú ú-la ti-de-a «Вы не знаете, что для гостинцев имеются (только?) посредственные продукты?» (de Boer 2021, no. 18: 8–10)¹⁶⁹;

a-na gur-ni-im ŠE-im ù SIKI^{bi.a} ša tu-še₂₀-eš-šú-ú-šu-ú-ma «За? ... посредственного качества, зерно и шерсть, которые ты ему выдал ...» (MSCT 16 87: 78–79)¹⁷⁰.

С синтаксической точки зрения эти вхождения представляют собой несомненную параллель к рассматриваемому пассажиру: слово употребляется не как приложение, но как самостоятельное существительное. В то же время они едва ли проясняют значение термина: если в первом случае можно предположить, что речь идет о собирательном понятии «продукты посредственного качества» (не подходящие для подарков?), то во втором пассаже имеется в виду конкретный продукт, идущий в одном ряду с зерном и шерстью.

Дерксен переводит *gurnum* как «mediocre (meat)», вероятно, потому что выше речь идет о мясе, однако за пределами нашего текста слово *gurnum* никогда не характеризует мясо. Предлагаемый нами гипотетический перевод «финики» основывается на том, что из всех продуктов питания, квалифицируемых как *gurnum*, только финики подвергались термической обработке, при которой их можно было бы пересушить¹⁷¹. Возможно, слово *gurnum* стало обозначать определенный сорт фиников (изначально — посредственного качества?).

42–43. *Я с войском оставался в темноте.* — Акк. *i-na i-ki-il₅-tim qá-du um-mi-ni-a lu ú-ší-ib*. Верный перевод «темнота» для слова *ikiltum* предложил уже Гюнбатты (см. также введение)¹⁷². Последовательность *um-mi-ni-a* начиная с первого издания, как правило, понимается как форма слова *umtānum* «войско» (CAD U–W 102)¹⁷³.

¹⁶⁹ Чтение *gur-nu-um* (вместо *ra-nu-um* в издании) предложено М. Беранже (URL: www.archibab.fr/T18700; дата обращения: 10.05.2024).

¹⁷⁰ Соседние строки повреждены, и общий смысл не вполне ясен.

¹⁷¹ Landsberger 1967, 53–54.

¹⁷² Günbatti 1997, 136, 139. Эта интерпретация необоснованно отклоняется в ранних переводах, однако принимается в последних изданиях: Derksen 2005, 113; Cavigneaux 2005, 599; Alster, Oshima 2007, 14.

¹⁷³ Günbatti 1997, 136. Некоторые издатели подвергают это толкование сомнению на основании того, что во втором слого ожидался бы гласный /ā/; вместо этого форма связывается со словом *umti'ānum* (CAD U–W 108) и предлагается экстравагантный перевод «мои кредиторы» (Van De Mieroop 2001, 151; Cavigneaux 2005, 599; Haul 2009, 349).

44–47. Я обвязал мерило сердоликом и ляпис-лазурью и совершил раздел для страны. — Акк. *ša NA₄.GUG ù NA₄.ZA.GÌN qá-nu-a-am lu ar-ku-ús-ma a-na ma-tim lu ú-za-iš.*

По нашему мнению, *ú-za-iš* «совершил раздел» указывает на разделение горы Хуман на две части, о котором говорится далее (см. следующий комментарий). Насколько можно судить, Дерксен воздерживается от содержательной интерпретации этого пассажа¹⁷⁴. В остальных изданиях «Легенды» предполагается, что предметом разделения (точнее, раздачи) являются драгоценные камни, украшавшие жезл¹⁷⁵. Представляется логичным, однако, что жезл служит орудием, а не предметом раздела: такое значение для слова *qanûm*, буквально «тростник», хорошо засвидетельствовано (CAD Q 89), а в шумерской литературе встречаются упоминания мерил в сочетании с веревкой, украшенной ляпис-лазурью¹⁷⁶.

Употребление глагола *zâzum* «делить» в D-породе и без прямого дополнения необычно¹⁷⁷, однако находит параллель в недавно опубликованном старовавилонском письме:

ma-ti-ma ú-ul a-ta-ar-ma ʾeʾ-ri-iš-[tam] ú-ul a-za-aš ki-ma a-na-ku ú-za-aš-zu ša-nu-tum is-qé-ti-ia ú-pa-sà-sú «Я больше никогда не буду делить пахотную землю. Когда я произвожу раздел, другие люди отменяют мои решения» (ARM 33 119: 4'–6').

Под «страной», для которой совершается раздел, может теоретически иметься в виду как регион горы Хуман, так и вся империя Саргона в целом, которая в начале текста обозначается как «страна от восхода солнца до захода солнца» (стк. 5–7), а в конце — как «Верхняя и Нижняя страна». В свете приведенной во вступительной статье параллели из «Саргоновской географии» и общей логики текста «Легенды» нам кажется более вероятной вторая из этих возможностей. Примеры на схожее употребление лексемы *mātum* см. в CAD M/1 415–417. В любом случае упоминание «страны» в бенефактивной роли при земельном разделе остается малопонятным в содержательном отношении.

47. Гору Хуман. — Акк. *ša-du-a-am hu-ma-nam*. Гора с таким названием в других источниках не встречается, однако его трудно отделить от формы *ha-ma-na-am* в одной из старовавилонских саргоновских легенд¹⁷⁸. Эта форма, в свою очередь, скорее всего представляет собой вариантное написание названия хребта

Однако спорадическое уподобление долгого /ā/ следующему гласному (при регулярном уподоблении краткого /a/) отмечается и в других староассирийских текстах (Dercksen 2005, 113).

¹⁷⁴ «I did make a distribution for the land; I divided the Ḥumānum mountain in two parts» (Dercksen 2005, 109, без комментария).

¹⁷⁵ Van De Mieroop 2000, 151; Hecker 2001, 59; Cavigneaux 2005, 597; Alster, Oshima 2007, 10, 15; Naul 2009, 343. Два альтернативных объяснения предлагает Фостер: предметом раздачи могли быть либо драгоценные камни, либо мясо, упоминавшееся выше (Foster 2005, 73).

¹⁷⁶ Dercksen 2005, 113.

¹⁷⁷ D-порода этого глагола не засвидетельствована в староассирийском и помимо текста, который цитируется ниже, лишь однажды встречается в старовавилонском (см. CAD Z 83).

¹⁷⁸ Goodnick Westenholz 1997, no. 7: i 11'.

Аманус (акк. *Amanum*), который упоминается в надписях Нарам-Сина как северо-западный предел его завоеваний¹⁷⁹. О мотиве разделения горного хребта на две части см. во вступительной статье.

48. Разделил. — Акк. *am-ḥa-sú-ma*. В большинстве изданий форма *am-ḥa-Zu* не комментируется. У Хекера и Дерксена форма переводится без учета окончания на *-и*. Судя по переводам, Ван Де Мieroop понимает форму как субъюнктивную, а Фостер и Кавиньо — как ассеверативную при клятве¹⁸⁰. Альстер и Осима анализируют форму как *amḥassu* (с аккузативным суффиксом), однако не поясняют его функцию¹⁸¹. Подробный комментарий формы имеется у Хауля, который рассматривает все три интерпретации значения и предпочитает ассевератив, справедливо исключая субъюнктив, так как в тексте отсутствует подчинительный союз; что касается местоименного суффикса, с его точки зрения, анафора к стоящему непосредственно перед глаголом прямому дополнению *ša-du-a-am ḥu-ma-nam* маловероятна¹⁸².

Однако, на наш взгляд, ассеверативное значение у этой формы практически исключено, так как остается без объяснения выбор ассевератива на *-и* именно в этом случае: в остальном тексте либо ассевератива при клятвах нет, либо в этой функции используется проклитика *lū*. Наиболее простым решением нам представляется анализ формы как *amḥassu* (с аккузативным суффиксом, «разделил его/ее»). Источником анафоры в этом случае оказывается *ša-du-a-am ḥu-ma-nam* «гора Хуман»: необходимость в местоименном суффиксе можно объяснить тем, что именная группа находится в позиции *accusativus pendens* (ср. дискуссию выше на стр. 515).

49. Мое изображение. — Акк. *ša-al-mi*. Принятый во всех изданиях перевод «моя статуя» неточен, так как слово *šalmum* может обозначать как круглую скульптуру, так и стелу с барельефом (CAD S 78).

52. Рабские пряди. — Акк. *bi₄-bi₄-na-tim*. М. Стол первым указал на то, что слово *bibinnatum* также употребляется в одной из надписей Нарам-Сина, где обозначает прическу, которую носили рабы¹⁸³. Эта интерпретация была в общем виде принята в изданиях Дерксена, Кавиньо и Альстера и Осимы¹⁸⁴. Более точный перевод слова сопряжен с определенными трудностями. Традиционно оно связывается со словом *bibēnum*, в лексических списках, по всей видимости, означающим «висок» (АНw. 124): соответственно, предполагается метонимия «висок» > «прядь волос на виске»¹⁸⁵. Следует, однако, отметить, что в надписи Нарам-Сина слово *bibinnatum*

¹⁷⁹ Ср. Dercksen 2005, 113–114.

¹⁸⁰ Van De Mieroop 2001, 147; Foster 2005, 74; Cavigneaux 2005, 597; во всех трех случаях без комментариев.

¹⁸¹ Alster, Oshima 2007, 15.

¹⁸² Haul 2009, 350.

¹⁸³ Stol 2000, 626. Подробнее о староаккадском вхождении см. Kogan 2011, 34, n. 4.

¹⁸⁴ Stol 2000, 626 («a slave mark»); Dercksen 2005, 109 («a slave mark»); Alster, Oshima 2007, 10 («slave-marks»); Cavigneaux 2005, 597 («tresses»).

¹⁸⁵ Gelb, Kienast 1990, 241; Stol 2000, 626; Foster 2005, 75; Cavigneaux 2005, 600, n. 15; EDA I 394. Слово *bibēnum* встречается также в младовавилонских физиогномических оменах, где обозначает часть носа — возможно, крыло носа по аналогии с виском головы (АНw.

употреблено в единственном числе, а не в двойственном, что ожидалось бы для прядей на висках; формальные различия между основами *bibinn-* и *bibēn-* требуют объяснения; прочие данные о прическах рабов в Месопотамии указывают скорее на прядь волос на затылке¹⁸⁶.

56. Вместо того чтоб оторвать им носы. — Акк. *ki-ma a-pè-šu-ni ša-ma-ṭim*. Большинство издателей переводят глагол как «отрезать»¹⁸⁷, тогда как словари и собранные в них контексты однозначно указывают на значение «отрывать» (АНw. 1155, CAD Š/1 308)¹⁸⁸. Верный перевод у Альстера и Осимы¹⁸⁹. Изувечивание носа было распространенным наказанием в древней Передней Азии (CAD A/2 185–186).

57. Я отрезал им члены. — Акк. *i-ša-ar-šu-ni aG-Dí-i*. Такое понимание пассажа предложено Столом¹⁹⁰ и принято авторами последующих изданий за исключением Кавиньо, который отнес форму *i-ša-ar-šu-ni* не к слову *išarum* «пенис» (CAD I–J 226), а к слову *išrum*, обозначающему разновидность пояса (CAD I–J 261)¹⁹¹. Это предположение поддержал Кауэнберг, указав на то, что в остальных случаях речь в этой части «Легенды» речь идет о предметах одежды или прическах¹⁹². Сильным контраргументом является, однако, бесспорное упоминание носов в этом же предложении и, соответственно, параллелизм между частями тела. Схожий параллелизм, на наш взгляд, обнаруживается в Среднеассирийских законах (§ 15):

«Если человек застал мужчину со своей женой (...) то, если муж убьет свою жену, он может убить также и мужчину, но если он отрежет своей жене нос, он может обратить мужчину в евнуха (...)»¹⁹³.

Глагольная форма *aG-Dí-i* вызывает затруднения. На первый взгляд она соответствует аккадскому глаголу *qatûm* «кончаться» (CAD Q 177), который, однако, в основной породе является непереходным. Дерксен предлагает для него переходное значение *ad hoc*¹⁹⁴, тогда как Стол и Кауэнберг указывают соответственно на западносемитские глагольные корни *qt^c* и *gd^c*, оба со значением «отрезать»¹⁹⁵.

58. Тесемкой. — Акк. *i-mar-šî-im*. Как принято в большинстве изданий, речь очевидным образом идет о тесемках-*maršum*, которые упоминаются в староассирийских текстах в одних контекстах с расческами и головными уборами (CAD M/1 296)¹⁹⁶. Возможно, такие тесемки носили исключительно женщины, хотя

124). На основании связи с носом Кавиньо (там же) предполагает, что слово могло обозначать усы, однако усы, насколько известно, никогда не служили рабским атрибутом.

¹⁸⁶ Potts 2011, 191–192.

¹⁸⁷ У Кавиньо необычный перевод «écraser» (Cavigneaux 2005, 598, без комментария).

¹⁸⁸ Глосса «to cut off» появляется в CAD исключительно для значения «урезать земельный участок», дословно «оторвать поле».

¹⁸⁹ Alster, Oshima 2007, 10 («tearing off»).

¹⁹⁰ Stol 2000, 629.

¹⁹¹ Cavigneaux 2005, 600–601.

¹⁹² Kouwenberg 2015, 169.

¹⁹³ Roth 1997, 158.

¹⁹⁴ Dercksen 2005, 114–115.

¹⁹⁵ Stol 2000, 629; Kouwenberg 2015, 169.

¹⁹⁶ Начиная с Günbattı 1997, 137, 140.

указания на этот счет в текстах отсутствуют. Идея Альстера и Осимы о том, что здесь слово обозначает вожжи («reins»), представляется надуманной¹⁹⁷.

59. Что до ... Канеша. — Акк. *ša NI UM kà-ni-ší*. Если упоминание Канеша в этой строке вызывает мало сомнений (см. введение)¹⁹⁸, то предшествующие топониму знаки NI UM не поддаются надежному толкованию. Вслед за Хекером, Дерксом и Кавиньо мы оставляем их без перевода. В других изданиях последовательность понимается как *ša-ni-um* с переводами со значением «кроме того»¹⁹⁹, однако *šanūm* «второй» в им.п.м.р. никогда не употребляется в этом значении; кроме того, не объясняется появление этого выражения в середине перечисления.

60. Распустил их ... — Акк. *Zu-Du-ḫi-šu-nu ú-ší-ir*. Возможно, речь снова идет о типе прически, ср. *pertam wuššurum* «распускать волосы» (CAD U—W 312). За пределами этого текста слово не встречается. Традиционное отождествление со староаккадским словом *su-tu-uḫ-ḫa-tim* (CAD Š/3411), также гапаксом с неясным значением²⁰⁰, маловероятно ввиду разной природы первого согласного — *š в староаккадском слове и *s/s/z в староассирийском. Наконец, не исключено, что форма родственна аккадскому слову *ištuḫḫu* «кнут»²⁰¹. Если это слово действительно имеет индоевропейское анатолийское происхождение от основы на *st-*, как предполагал А. Салонен²⁰², это объяснило бы колебания в огласовке первого слога (аккадский язык не допускает консонантные кластеры в начале слова). Однако значение «кнут» едва ли подходит к контексту; сдвиг значения «кнут» > род прически («косичка»?) теоретически возможен, но эта гипотеза требует еще одного допущения.

61. Макушки. — Акк. *qá-ba-al-tí qá-qá-da-tí-šu-nu*, дословно «середину их голов». Насколько нам известно, это словосочетание более не засвидетельствовано в аккадском корпусе, где в этом значении обычно используется родственное выражение *qabal qaqqadim* (CAD Q 8).

62. Заколол булавкой. — Акк. *tù-dí-tám ú-dí-id*. Кауэнберг убедительно показал, что форма *ú-dí-id* относится к редкому глаголу *wadādum* D «закалывать булавкой»²⁰³, после чего ее ранние интерпретации утратили значение.

¹⁹⁷ Alster, Oshima 2007, 14–15.

¹⁹⁸ Вопреки сомнениям Дерксена (Dercksen 2005, 109, 115). При этом запись *kà-ni-ší* действительно представляет определенную проблему: нисба *kanišum* требовала бы падежного окончания, ср. *a-mu-ri-e* (стк. 55), *ki-lá-ri-e* (стк. 57), *lu-uḫ-mi-e* (стк. 61). Гюнбатты предложил эмендацию *kà-ni-ší-<e>* (Günbatti 1997, 135). Нельзя исключить и показатель генитива *-i/e* (без мимации), несмотря на то что в староассирийских текстах этот топоним никогда не имеет падежных окончаний (Nashef 1982, 65–69). Косвенной параллелью к такой записи может служить форма *ka-ni-šum*^{ki} с показателем номинатива в одном из старовавилонских произведений саргоновского цикла (Goodnick Westenholz 1997, no. 17: i' 7'). Однако во всех прочих случаях мимация в падежных окончаниях в тексте выписана.

¹⁹⁹ Günbatti 1997, 137 («diğer taraftan»); Van De Mieroop 2000, 148 («again»); Alster, Oshima 2007, 11 («in addition»).

²⁰⁰ Начиная с Günbatti 1997, 141.

²⁰¹ Л.Е. Коган, устное замечание.

²⁰² Salonen 1950, 108–109.

²⁰³ Kouwenberg 2015, 167–168.

Кутиям. — Акк. *qú-tí-tám*. Общая интерпретация слова практически не вызывает сомнений²⁰⁴, в первую очередь благодаря параллели в старовавилонской саргоновской легенде (см. Введение). В то же время женский род нисбы остается без объяснения²⁰⁵. Альстер и Осима возвращаются к ранней идее о том, что слово согласовано с упомянутой выше булавкой («a Gutian brooch»)²⁰⁶, однако это предполагает крайне необычный порядок слов, при том что в остальном тексте инверсия и схожие поэтические приемы не используются (см. также Введение).

Богато отделил одежды. — Акк. *šú-ba-té-šu-nu ú-ša-ri*. Глагол *šarûm* D «делать богатым» (CAD Š/2 131) по-прежнему лучше других подходит к контексту в морфологическом и семантическом отношениях²⁰⁷, несмотря на то что все остальные действия Саргона с одеждой и прическами разных народов носят деструктивный характер. По остроумному предположению Л.Е. Когана (устное сообщение), форма *ú-ša-ri* может принадлежать глаголу **šūrûm* «оголять», образованному в породе Š от прилагательного *egûm* «голый» (CAD E 320). Однако такой глагол в аккадском более не встречается; при деривации глагола от адъективного корня ожидалась бы скорее порода D; в ассирийском нормальной была бы форма *ušēri*, а не *ušāri*; наконец, употребление такого глагола по отношению к одежде, а не частям тела предполагает дополнительный сдвиг значения («задирать»?).

63. Трех небесных вершин. — Акк. *3 zi-qí ša-ma-e*. Начало строки повреждено, и большинство издателей, начиная с Гюнбатты, восстанавливают там цифру 13 (у Хекера — 4), однако, как указывает Дерксен, для этого нет ни палеографических, ни содержательных оснований²⁰⁸. Из целого ряда лексем, которые могут стоять за последовательностью ZI-KI²⁰⁹, наилучшим образом соответствует контексту редкое слово *ziqqum* «зубец, зазубренный край», появляющееся в описании стен храма в старовавилонском гимне и в описании зубов в младовавилонском физиогномическом тексте (CAD Z 128). Такая интерпретация принята у Гюнбатты и Альстера и Осимы²¹⁰. Переводы со значением «столпы, опоры» в остальных изданиях восходят к неверному пониманию лексемы в АНw. 1531 («Pfosten»). Прямых параллелей к мотиву «трех небесных зубцов» в месопотамской космической географии не обнаруживается. Дерксен осторожно сравнивает их с тремя «небесными путями» — участками звездного неба в поздней астрономической

²⁰⁴ Dercksen 2005, 109, 115; Cavigneaux 2005, 598.

²⁰⁵ Предположение Дерксена о том, что речь идет о неизвестной по другим источникам царице кутиев (Dercksen 2005, 115), остается спекулятивным. Возможно, писец ошибся, написав знак DAM вместо ожидаемого AM под влиянием формы *tù-dí-tám* в той же строке.

²⁰⁶ Alster, Oshima 2007, 11, 16 (с предшествующей литературой).

²⁰⁷ Так в большинстве изданий начиная с Van De Mieroop 2000, 148. Дерксен предположил, что знак IM, читаемый в конце стк. 63, в действительности относится к стк. 62, и идентифицировал глагольную форму как *ú-ša-ri-im* «slit open» (Dercksen 2005, 115). Палеографически это возможно, однако, как недавно показала Н. Циглер (Ziegler 2016, 125), *šarātum* в действительности означает «пилить», что едва ли применимо к одежде. Хауль предлагает эмендацию *ú-ša-ri-*<i>**» «zerriss» (Haul 2009, 344–345, 353).

²⁰⁸ Dercksen 2005, 115 (с обзором дискуссии); аргументы Дерксена безосновательно отклоняют Альстер и Осима (Alster, Oshima 2007, 16).

²⁰⁹ См. обзор: Dercksen 2005, 115–116; Alster, Oshima 2007, 16.

²¹⁰ Gūnbatti 1997, 137, 141 («zirve»); Alster, Oshima 2007, 11 («mountain tops»).

литературе, а Альстер и Осима усматривают связь со «стеной Неба и Земли» в вавилонских легендах саргоновского цикла²¹¹.

Рукой. — Акк. *i-qá-tf-a*. Или «руками», формы ед. и дв.ч. в этой позиции омографичны.

63–64. *Зачем мне умножать слова на табличке?* — Акк. *mì-na-am i-tur-pì-im lu-ša-am-i-id*. Похожие риторические вопросы встречаются в староассирийских письмах²¹²:

mì-nam ma-da-tim-lu-lá-pì-ta-ku-um «Зачем мне писать тебе много?» (ATHE 39: 18–19);

mì-na-am lu-ša-am-i-sí-na «Зачем мне умножать их²¹³?» (TC 3 107: 46).

Оба примера подтверждают, что *mīnat* следует понимать как вопросительное наречие «зачем», а не как вопросительное местоимение «что». В пассаже «Легенды» отсутствие прямого дополнения — ср. восстановленное в переводе «слова» — несколько необычно, но два других примера также указывают на его стертый характер: в первом оно выражено прилагательным без существительного, а во втором — местоимением без антецедента.

Что касается общего смысла риторического вопроса, большинство издателей сходится во мнении, что он задается от лица Саргона и указывает на то, что судить о человеке нужно по делам, а не по словам. Другое толкование у Кавиньо: с его точки зрения, вопрос задает писец, размышляя о том, что лучше написать в последних строках таблички²¹⁴. Эта остроумная гипотеза, однако, не учитывает посыл похожих высказываний в письмах.

Разве Ану меня не знает? — Акк. *a-nu-um lá i-TÍ-a-ni*. Глагольная форма в разных изданиях анализируется как *lā iddi'anni* «не оставил меня»²¹⁵ или *lā ide'anni* «не знает меня»²¹⁶. Оба прочтения опираются на параллели²¹⁷, и сделать окончательный выбор нам не представляется возможным. В переводе мы отдаем предпочтение второму толкованию, так как бог неба Ану в месопотамской мифологии этого периода предстает как *deus otiosus*, не вмешивающийся в человеческие дела²¹⁸; кроме того, эта интерпретация хорошо соответствует топосу об истинности царского высказывания, который широко представлен в произведении (см. вступительную статью). Вслед за Дерксом мы понимаем предложение как

²¹¹ Dercksen 2005, 116; Alster, Oshima 2007, 16–17.

²¹² На первую параллель указывает Дерксен (Dercksen 2005, 116), на вторую — Кауэнберг (Kouwenberg 2017, 573).

²¹³ В тексте нет антецедента местоименного суффикса мн.ч. ж.р. *-šina*, однако с большой вероятностью подразумевается *awātum* «слова».

²¹⁴ Cavigneaux 2005, 596.

²¹⁵ Günbatti 1997, 137; Hecker 2001, 60 (с модальной интерпретацией «soll mich nicht verwerfen», которая, однако, невозможна с претеритом); Alster, Oshima 2007, 11, 17.

²¹⁶ Van De Mieroop 2000, 148, 155; Foster 2005, 74; Dercksen 2005, 110, 116; Haul 2009, 345, 353; Cavigneaux 2005, 598.

²¹⁷ Божество «не бросает» человека: CAD N/1 78–79 (в частности в староассирийском, о боге Ашшуре); божество «знает» человека: CAD I–J 28. Однозначно неоправданны эмендации последовательности *a-nu-um*, предлагаемые Кавиньо (Cavigneaux 2005, 601) и О. Вестенхольцем (см. Alster, Oshima 2007, 17).

²¹⁸ Edzard 2004, 579.

риторический вопрос, продолжающий мысль о том, что Саргон достаточно знаменит без лишних славословий.

64–65. *Поскольку я царь и завоевал Верхнюю страну с Нижней.* — Акк. *ki-ma LUGAL a-na-ku-ni ta-tám e-li-tám ù ša-áp-li-tám aš-bu-tu-ni-i*. Придаточное предложение издатели и комментаторы относят либо направо, к *ša-tu-uk-ki li-ša-ar-bi₄-ú* «пусть мне увеличат жертвоприношение»²¹⁹, либо налево, к *a-nu-um lá i-dī-a-ni* (с разными переводами)²²⁰. Если относить глагольную форму к *idûm* «знать», несколько более предпочтительным представляется первый вариант, так как сочетание прямого дополнения и изъяснительного придаточного при этом глаголе, насколько нам известно, более нигде не встречается²²¹.

Адад — царь! — Акк. ^dİŠKUR LUGAL. С палеографической точки зрения эти два слова могут относиться либо к концу стк. 65, либо к концу стк. 66²²². Первая точка зрения, хотя ее и придерживается большинство исследователей, создает труднопреодолимые синтаксические проблемы, поэтому мы принимаем предложение Дерксена. О смысле этого восклицания см. во вступительной статье.

Литература/References

- Alster, B., Oshima, T. 2007: Sargonic Dinner at Kaneš: The Old Assyrian Sargon Legend. *Iraq* 69, 1–20.
- Al-Rawi, F. 1985: Nabopalassar's Restoration Work on the Wall Imgur-Enlil at Babylon. *Iraq* 47, 1–13.
- Al-Rawi, F., George, A. 1994: Tablets from the Sippar Library. III. Two Royal Counterfeits. *Iraq* 56, 135–148.
- Arkipov, I. 2022: The Middle East after the Fall of Ur: From Assur to the Levant. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. II: *From the End of the Third Millennium BC to the Fall of Babylon*. Oxford, 310–407.
- Attinger, P., Mittermayer, C. 2020: Enmerkara and Ensukukešdāna. In: J. Baldwin, J. Matuszak (eds.), *Mu-zu an-za₃-še₃ kur-ur₂-še₃ he₂-gal₂: Altorientalische Studien zu Ehren von Konrad Volk*. Münster, 191–261.
- Barjamovic, G. 2015: Contextualizing Tradition: Magic, Literacy and Domestic Life in Old Assyrian Kanesh. In: P. Delnero, J. Lauinger (eds.), *Texts and Contexts: The Circulation and Transmission of Cuneiform Texts in Social Space*. (Studies in Ancient Near Eastern Records, 9). Berlin–Boston, 48–86.
- Barjamovic, G. 2022: Before the Kingdom of the Hittites: Anatolia in the Middle Bronze Age. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. II: *From the End of the Third Millennium BC to the Fall of Babylon*. Oxford, 497–565.
- Beaulieu, P. 2003: Nabopalassar and the Antiquity of Babylon. *Eretz Israel* 27, 1–9.
- Biebuyck, D. 1978: The African Heroic Epic. In: F. Oinas (ed.), *Heroic Epic and Saga*. Bloomington–London, 336–367.
- Biro, M. 1993: *Correspondance des gouverneurs de Qatunân*. (Archives royales de Mari, 27). Paris.
- Boer, R. de 2021: *The Ikūn-piša Letter Archive from Tell ed-Dēr*. Leuven–Paris–Bristol.

²¹⁹ Günbatti 1997, 137; Hecker 2001, 60; Dercksen 2005, 110.

²²⁰ Van De Mieroop 2000, 148; Foster 2005, 74; Cavigneaux 2005, 598; Alster, Oshima 2007, 11; Haul 2009, 345, 353; Kouwenberg 2017, 725. Plene-написание *aš-bu-tu-ni-i* может передавать вопросительную интонацию, однако сам Кауэнберг отмечает, что такие написания в ауслауте в староассирийском встречаются и в утвердительных предложениях (*ibid.*, 23, 724; см. также вступительную статью).

²²¹ Кауэнберг приводит лишь отдаленно похожие примеры, с другими глаголами и па-
ратаксисом (Kouwenberg 2017, 736, n. 38).

²²² Так только у Дерксена (Dercksen 2005, 110).

- Castellino, G.R. 1972: *Two Šulgi Hymns (BC)*. Roma.
- Cavigneaux, A. 2005: Les soirées sargoniques des marchands assyriens. In: A. Kolde, A. Lukinovich, A.-L. Rey (eds.), *Κοινωναίῳ ἀνδρῶν. Mélanges offerts à André Hurst*. Genève, 595–602.
- Charpin, D. 1991: *rebîtum* “centre”. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 4, 84.
- Charpin, D. 2004: Histoire politique du Proche-Orient amorrite (2002–1595). In: P. Attinger, W. Sallaberger, M. Wäfler (eds.), *Mesopotamien: die altbabylonische Zeit*. Fribourg–Göttingen, 25–480.
- Charpin, D. 2013: Les usages politiques des banquets d’après les archives mésopotamiennes du début du deuxième millénaire av. J.-C. In: C. Grandjean, Ch. Hugoniot, B. Lion (eds.), *Le banquet du monarque dans le monde antique*. Tours–Rennes, 31–52.
- Demsky, A. 2005: Shulgi the Runner: Sumerian – Talmudic Affinities. In: Y. Sefati, P. Artzi, C. Cohen, L. Eichler, V. Hurowitz (eds.), *“An Experienced Scribe Who Neglects Nothing”: Ancient Near Eastern Studies in Honor of J. Klein*. Bethesda, 85–97.
- Dercksen, J.G. 2005: Adad is King! The Sargon Text from Kültepe (with an Appendix on MARV 4, 138 and 140). *Jaarbericht Ex Oriente Lux* 39, 107–129.
- Durand, J.-M. 1991: Agade *rebîtum*. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 1, 24–25.
- Edzard, D.O. 2004: Altbabylonische Literatur und Religion. In: P. Attinger, W. Sallaberger, M. Wäfler (eds.), *Mesopotamien: die altbabylonische Zeit*. Fribourg–Göttingen, 485–640.
- Ellis, M. de J. 1972: Old Babylonian Economic Texts and Letters from Tell Harmal. *Journal of Cuneiform Studies* 24, 43–69.
- Ermidoro, S. 2017: The Nature and Content of the Corpus. In: S. Parpola (ed.), *Assyrian Royal Rituals and Cultic Texts*. (State Archives of Assyria, XX). Winona Lake, xv–xxx.
- Forlanini, M. 2017: South Central: The Lower Land and Tarhuntašša. In: M. Weeden, L.Z. Ullmann (eds.), *Hittite Landscape and Geography*. Leiden–Boston, 239–252.
- Foster, B. 2005: *Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature*. 3rd ed. Bethesda.
- Foster, B., George, A. 2020: An Old Babylonian Dialogue Between a Father and His Son. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 110, 37–61.
- Franke, S. 1995: *Königsinschriften und Königsideologie: Die Könige von Akkade zwischen Tradition und Neuerung*. Münster.
- Gelb, I.J., Kienast, B. 1990: *Die altakkadischen Königsinschriften des dritten Jahrtausends v.Chr.* Stuttgart.
- George, A. 1990: The Day the Earth Divided: A Geological Aetiology in the Babylonian Gilgameš Epic. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 80, 214–219.
- George, A. 2003: *The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. I. Oxford.
- George, A. 2016: Ūt(a)-napišti(m). *Reallexikon der Assyriologie* 14/7–8, 512–513.
- Goodnick Westenholz, J. 1997: *Legends of the Kings of Akkade: The Texts*. Winona Lake.
- Goodnick Westenholz, J. 2007: Notes on the Old Assyrian Sargon Legend. *Iraq* 69, 21–27.
- Grayson, A.K. 1975: *Assyrian and Babylonian Chronicles*. Locust Valley.
- Günbatti, C. 1997: Kültepe’den Akadlı Sargon’a âit bir tablet. *Archivum Anatolicum* 3, 131–155.
- Günbatti, C. 1998: Kültepe’den Akadlı Sargon’a âit bir tablet. In: S. Alp, A. Süel (eds.), *Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology, Çorum, September 16–22, 1996*. Ankara, 261–279.
- Haayer, G. 1983: Enigmata Sumerologica. In: I. Seybold (ed.), *Meqor Haġġim. Festschrift für Georg Molin zu seinem 75. Geburtstag*. Graz, 121–125.
- Haul, M. 2009: *Stele und Legende: Untersuchungen zu den keilschriftlichen Erzählwerken über die Könige von Akkade*. Göttingen.
- Hecker, K. 1974: *Untersuchungen zur akkadischen Epik*. Kevelaer–Neukirchen-Vluyn.
- Hecker, K. 1993: Schultexte vom Kültepe. In: M.J. Mellink, E. Porada, T. Özgüç (eds.), *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and Its Neighbors. Studies in Honor of Nimet Özgüç*. Ankara, 281–291.
- Hecker, K. 1996: Schultexte aus Kültepe: ein Nachtrag. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 1, 20–21.
- Hecker, K. 2001: Ein Selbstpreis Sargons. In: O. Kaiser (ed.), *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments, Ergänzungslieferung*. Gütersloh, 58–60.
- Hirsch, H. 1972: *Untersuchungen zur altassyrischen Religion*. Osnabrück.
- Horowitz, W. 1997: The Great Wall of Sargon of Akkad. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 3, 98.

- Horowitz, W. 1998: *Mesopotamian Cosmic Geography*. Winona Lake.
- Jacquet, A. 2011: *Documents relatifs aux dépenses pour le culte*. (Florilegium Marianum, XII). Paris.
- Jacquet, A. 2012: Funerary Rites and Cult of Ancestors during the Amorite period: The Evidence of the Royal Archives of Mari. In: P. Pfälzner, H. Niehr, E. Pernicka, A. Wissing (eds.), *(Re-)Constructing Funerary Rituals in the Ancient Near East. Proceedings of the First International Symposium of the Tübingen Post-Graduate School "Symbols of the Dead" in May 2009*. Wiesbaden, 123–136.
- Jiménez, E. 2017: *The Babylonian Disputation Poems. With Editions of the Series of the Poplar, Palm and Vine, the Series of the Spider, and the Story of the Poor, Forlorn Wren*. Leiden–Boston.
- Klein, J. 1981: *Three Šulgi Hymns*. Ramat-Gan.
- Klein, J. 1985: Šulgi and Išmedagan: Runners in the Service of the Gods (Sumerian Religious Texts 13). *Beer-Sheva* 2, 7–38.
- Klein, J. 1990: Šulgi and Išmedagan: Originality and Dependency in Sumerian Royal Hymnology. In: J. Klein, A. Skaist (eds.), *Bar-Ilan Studies in Assyriology Dedicated to Pinhas Artzi*. Ramat-Gan, 65–136.
- Kogan, L. 2005: Comparative Notes in the Old Testament (I). *Babel und Bibel* 2, 731–737.
- Kogan, L. 2006: Old Assyrian vs. Old Babylonian: The Lexical Dimension. In: G. Deutscher, N.B.C. Kouwenberg (eds.), *The Akkadian Language in Its Semitic Context. Studies in the Akkadian of the Third and Second Millennium BC*. Leiden, 177–214.
- Kogan, L. 2008: Accusative as Casus Pendens? A Hitherto Unrecognized Emphatic Construction in Early Akkadian Royal Inscriptions. *Revue d'assyriologie et d'archéologie proche-orientale* 102, 17–26.
- Kogan, L. 2011: On Some Orthographic Oppositions in the Old Babylonian Copies of the Sargonic Royal Inscriptions (I). *Bibliotheca Orientalis* 68, 33–56.
- Kogan, L. 2015: *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Boston–Berlin.
- Kogan, L. 2020: Three Philological Notes on Sargonic Royal Inscriptions. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millennium: Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. Leiden–Boston.
- Kogan, L.E., Loesov, S.V. 2009: [Akkadian Language]. In: A.G. Belova, L.E. Kogan, S.V. Loesov, O.I. Romanova (eds.), *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow, 113–178.
- Коган, Л.Е., Лезов, С.В. Аккадский язык. В сб.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лезов, О.И. Романова (ред.), *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки*. М., 113–178.
- Kogan, L.E., Markina, E.V. 2014a: [Akkadian Sources of the Sargonic (Old Akkadian) Dynasty. I. Inscriptions of Sargon of Akkad]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 230–250.
- Коган, Л.Е., Маркина, Е.В. Аккадские источники Саргоновской (Староаккадской) династии. I. Надписи Саргона Аккадского. *ВДИ* 3, 230–250.
- Kogan, L.E., Markina, E.V. 2014b: [Akkadian Sources of the Sargonic (Old Akkadian) Dynasty. II. Inscriptions of Rimush]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 219–256.
- Коган, Л.Е., Маркина, Е.В. Аккадские источники Саргоновской (Староаккадской) династии. II. Надписи Римуша. *ВДИ* 4, 219–256.
- Kogan, L., Worthington, M. 2012: Accusative Casus Pendens. Some Further Examples. *Babel und Bibel* 6, 487–492.
- Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. Winona Lake.
- Kouwenberg, N.J.C. 2013: Review of: Wasserman, N. Most Probably: Epistemic Modality in Old Babylonian, 2012. *Babel und Bibel* 7, 321–351.
- Kouwenberg, N.J.C. 2015: Sargon's *tūdittum*, or How to Make Fools of Your Enemies. In: İ. Albayrak, H. Erol, M. Çayır (eds.), *Cahit Günbattı'ya Armağan. Studies in Honour of Cahit Günbattı*. Ankara, 165–170.
- Kouwenberg, N.J.C. 2017: *A Grammar of Old Assyrian*. Leiden–Boston.
- Krýszat, G. 2008: "Aššur ist König". Das mittelassyrische Königsritual im Lichte assyrischer Identitätsfindung. In: D. Prechel (ed.), *Fest und Eid. Instrumente der Herrschaftssicherung im Alten Orient*. Würzburg, 109–119.
- Kulakoğlu, F. 2011: Kültepe-Kaneš: A Second Millennium B.C.E. Trading Center on the Central Plateau. In: S.R. Steadman, G. McMahon (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia 10,000–323 B.C.E.* Oxford, 1012–1030.

- Lafont, B. 1985: Le *šābum* du roi de Mari au temps de Yasmah-Addu. In: J.-M. Durand, J.-R. Kupper (eds.), *Miscellanea babilonica: Mélanges offerts au Maurice Birot*. Paris, 161–180.
- Lambert, W.G. 2013: *Babylonian Creation Myths*. Winona Lake.
- Landsberger, B. 1967: *The Date Palm and Its By-products According to the Cuneiform Sources*. Graz.
- Lange-Weber, S. 2021: *Das Totenmahl in Syrien im 2. Jahrtausend v. Chr. Eine Untersuchung zur Bedeutung, Symbolik und Tradition eines altorientalischen Konzepts in philologischer, archäologischer und religionsgeschichtlicher Perspektive am Beispiel von Mari, Qatna und Ugarit*. Wiesbaden.
- Lämmerhirt, K. 2010: *Wahrheit und Trug: Untersuchungen zur altorientalischen Begriffsgeschichte*. Münster.
- Liverani, M. 2010: “Untruthful Steles”: Propaganda and Reliability in Ancient Mesopotamia. In: S. Melville, A. Slotsky (eds.), *Opening the Tablet Box: Near Eastern Studies in Honor of Benjamin R. Foster*. Leiden–Boston, 229–244.
- Livingstone, A. 1989: *Court Poetry and Literary Miscellanea*. (State Archives of Assyria, III). Helsinki.
- Ludwig, M.-Ch. 1990: *Untersuchungen zu den Hymnen des Išme-Dagan von Isin*. Wiesbaden.
- Maul, S.M. 2017: Assyrian Religion. In: E. Frahm (ed.), *A Companion to Assyria*. Hoboken, 336–358.
- Mayer, W.R. 2006: Sargons Märchen-Gürtel. *Orientalia* 75, 182–183.
- Michalowski, P. 2020: The Kingdom of Akkad in Contact with the World. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. I. *From the Beginnings to Old Kingdom Egypt and the Dynasty of Akkad*. Oxford, 686–764.
- Michel, C. 2008: Les Assyriens et les esprits de leurs morts. In: C. Michel (ed.), *Old Assyrian Studies in Memory of Paul Garelli*. Leiden, 181–198.
- Michel, C. 2009: Femmes et ancêtres. Le cas des femmes d’Aššur. In: F. Briquel-Chatonnet, S. Farés, B. Lion, C. Michel (eds.), *Femmes, cultures et sociétés dans les civilisations méditerranéennes et proche-orientales de l’Antiquité*. Lyon, 27–39.
- Nashef, Kh. 1982: *Die Orts- und Gewässernamen der mittelbabylonischen und mittlassyrischen Zeit*. Wiesbaden.
- Nurullin, R., Roudik, N., Molina, M., Sideltsev, A., Skulacheva, T. 2019: The Most Ancient Verse in the World (Sumerian, Akkadian, Hittite): Quantitative Analysis. In: P. Plecháč, B.P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel, R. Kolár (eds.), *Quantitative Approaches to Versification*. Prague, 173–182.
- Pongratz-Leisten, B. 2015: *Religion and Ideology in Assyria*. Boston–Berlin.
- Pongratz-Leisten, B. 2017: The Assyrian State Rituals: Re-invention of Tradition. In: S. Parpola (ed.), *Assyrian Royal Rituals and Cultic Texts*. (State Archives of Assyria, XX). Winona Lake, xxxi–lxxv.
- Potts, D.T. 2011: The *abuttu* and the Alleged Elamite ‘Slave Hairstyle’. In: L. Vacín (ed.), *U₄ DU₁₁-GA-NI SÁ MU-NI-IB-DU₁₁*. *Ancient Near Eastern Studies in Memory of Blahoslav Hruška*. Dresden, 183–194.
- Powell, M.A. 1991: Narām-Sîn, Son of Sargon: Ancient History, Famous Names, and a Famous Babylonian Forgery. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 81, 20–30.
- Radner, K. 2002: *Die neuassyrischen Texte aus Tall Šeh Hamad*. Berlin.
- Reiner, E. 2004: Runaway – Seize Him. In: J.G. Dercksen (ed.), *Assyria and Beyond. Studies Presented to Mogens Trolle Larsen*. Leiden, 475–482.
- Roth, M. 1997: *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*. 2nd ed. Atlanta.
- Salonen, A. 1950: Some Akkadian Etymologies. *Journal of Near Eastern Studies* 9, 108–110.
- Sasson, J.M. 2004: The King’s Table: Food and Fealty in Old Babylonian Mari. In: C. Grotanelli, L. Milano (eds.), *Food and Identity in the Ancient World*. Padova, 179–215.
- Schwemer, D. 2001: *Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen*. Wiesbaden.
- Sollberger, E. 1968: The Cruciform Monument. *Jaarbericht Ex Oriente Lux* 20, 50–70.
- Sommerfeld, W. 2008: Große Zahlen in den altakkadischen Königsinschriften. *Archiv für Orientforschung* 35, 220–237.
- Steinkeller, P. 2014: Marhaši and Beyond: The Jiroft Civilization in a Historical Perspective. In: C.C. Lamberg-Karlovsky, B. Genito (eds.), ‘My Life is like the Summer Rose’. *Maurizio Tosi e l’Archeologia come modo di vivere. Papers in Honour of Maurizio Tosi for His 70th Birthday*. Oxford, 691–707.
- Stol, M. 2000: Review of: J. Black et al., *A Concise Dictionary of Akkadian*, Wiesbaden, 1999. *Bibliotheca Orientalis* 57, 625–629.

- Stol, M. 2017: Ghosts at the Table. In: D. Kertai, O. Nieuwenhuys (eds.), *From the Four Corners of the Earth. Study in Iconography and Cultures of the Ancient Near East in Honor of F.A.M. Wiggermann*. Münster, 259–282.
- Thompson, S. 1955–1958: *Motif-index of Folk-literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-books, and Local Legends*. Revised and enlarged ed. Bloomington–Indianapolis.
- Van De Mieroop, M. 2000: Sargon of Agade and His Successors in Anatolia. *Studi Micenei ed Egeo Anatolici* 42, 133–159.
- Veenhof, K. 2008: The Death and Burial of Ishtar-lamassi in Karum Kanish. In: R.J. van der Spek (ed.), *Studies in Ancient Near Eastern World View and Society Presented to Marten Stol on the Occasion of his 65th Birthday, 10 November 2005, and his Retirement from the Vrije Universiteit Amsterdam*. Bethesda, 97–120.
- von Voigtlander, E.N. 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London.
- Wasserman, N., Zomer, E. 2022: *Akkadian Magic Literature. Old Babylonian and Old Assyrian Incantations: Corpus – Context – Praxis*. Wiesbaden.
- Westenholz, A. 1999: The Old Akkadian Period: History and Culture. In: W. Sallaberger, A. Westenholz (eds.), *Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit*. Freiburg–Göttingen, 17–117.
- Wilcke, C. 1997: Amargirid's Revolte gegen Narām-Su'en. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 87, 11–32.
- Ziegler, N. 2008: Samsi-Addu et ses soldats. In: P. Abrahams, L. Battini (eds.), *Les armées du Proche-Orient ancien (IIIe – Ier mill. av. J.-C.): Actes du colloque international organisé à Lyon les 1er et 2ème décembre 2006, Maison de l'Orient et de la Méditerranée*. Oxford, 49–56.
- Ziegler, N. 2016: Aqba-Hammu et le début du mythe d'Atram-hasis. *Revue d'assyriologie et d'archéologie proche-orientale* 110, 107–126.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les Toponymes paléo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie*. Paris.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2022: *Les Toponymes paléo-babyloniens des régions à l'est du Tigre*. Paris.

Ilya S. Arkhipov,

HSE University,
Moscow, Russia;
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia
E-mail: arkhipoff@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2743-8876

I. С. Архипов,

к. и. н., доцент Национального
исследовательского университета
Высшая школа экономики,
Москва, Россия;
сотрудник научной группы по проекту
«Мотивы и сюжеты древневосточных
письменных памятников
в сравнительно-исторической перспективе»
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Arseniy F. Uspensky,

HSE University,
Moscow, Russia;
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia
E-mail: usp91@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-0461-0716

А. Ф. Успенский

студент Национального
исследовательского университета
Высшая школа экономики,
Москва, Россия;
сотрудник научной группы по проекту
«Мотивы и сюжеты древневосточных
письменных памятников
в сравнительно-исторической перспективе»
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
Research, project no. 21-011-44267

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
КСИА	—	<i>Краткие сообщения института археологии</i> . Москва
КСИИМК	—	<i>Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры</i> . Москва—Ленинград, 1939—1960
ПИФК	—	<i>Проблемы истории, филологии, культуры</i> . Магнитогорск
AbB	—	<i>Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung</i> . Leiden, 1964—
AD	—	Sachs, A., Hunger, H. (eds.), <i>Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia</i> . Vol. I—IV. Wien, 1988—2022
ANw.	—	von Soden, W. <i>Akkadisches Handwörterbuch</i> . Wiesbaden, 1965—1981
ARM	—	<i>Archives Royales de Mari</i> . Paris, 1941—
ATHE	—	Kienast, B., <i>Die altassyrischen Texte des Orientalischen Seminars der Universität Heidelberg und der Sammlung Erlenmeyer</i> . Basel, 1960
BCHP	—	Finkel, I.L., van der Spek, R.J., Pirngruber, R. <i>Babylonian Chronographic Texts from the Hellenistic Period</i> . URL: https://www.livius.org/category/babylonia/
CAD	—	<i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago</i> . Chicago, 1956—2010
CIL	—	<i>Corpus inscriptionum Latinarum</i> . Berolini
DUL	—	Del Olmo Lete, G., Sanmartín, J. <i>A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition</i> . 3 rd revised ed. Leiden, 2015
EDA	—	Kogan, L., Krebernik, M. (eds.), <i>Etymological Dictionary of Akkadian</i> . Berlin—Boston, 2020—
ETCSL	—	<i>Electronic Text Corpus of Sumerian Literature</i> . URL: https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/
FM	—	<i>Florilegium Marianum</i> . Paris
I.Alexandria Troas	—	Ricl, M. (ed.), <i>The Inscriptions of Alexandria Troas</i> . (IGSK, 53). Bonn, 1997
I.Byzance funéraires	—	Firatli, N., Robert, L. (eds.), <i>Les stèles funéraires de Byzance gréco-romaine, avec l'édition et l'index commenté des épitaphes</i> . Paris, 1964
IG	—	<i>Inscriptiones Graecae</i> . Berolini
I.Ilion	—	Frisch, P. (ed.), <i>Die Inschriften von Ilion</i> . (IGSK, 3). Bonn, 1975
I.Kyzikos	—	Schwertheim, E. (ed.), <i>Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung, I. Grabtexte</i> . (IGSK, 18). Bonn, 1980
KUB	—	<i>Keilschrifturkunden aus Boghazköi</i> . Berlin, 1921—
LGPN	—	<i>A Lexicon of Greek Personal Names</i> . Oxford
LGPN-Ling	—	<i>LGPN-Ling. Etymology and Semantics of Ancient Greek Personal Names</i> . URL: https://LGPN-ling.huma-num.fr/
MSCT	—	<i>Manuscripts in the Schøyen Collection, Cuneiform Texts</i> . New York—Bethesda—University Park—Dresden, 2007—
OGIS	—	Dittenberger, W. <i>Orientis Graeci inscriptiones selectae</i> . Vol. I—II. Lipsiae, 1903—1905
OGS	—	Masson, O. <i>Onomastica Graeca selecta</i> . Vol. I—III. Ed. C. Dobias, L. Dubois. Paris—Genève, 1990—2000

PIR	—	<i>Prosopographia Imperii Romani</i> . 2 nd ed. Berlin, 1933–2015
RIMA	—	Grayson, A.K. (ed.), <i>The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods</i> . Vol. I–III. Toronto, 1987–1996
RIME	—	Frayne, D., Edzard, D.E. (eds.), <i>The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods</i> . Vol. I–IV. Toronto–Buffalo–London, 1990–2008
RINAP	—	<i>Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period</i> . URL: http://oracc.museum.upenn.edu/rinap/index.html
SAA	—	<i>State Archives of Assyria</i> . Helsinki, 1987–
SEG	—	<i>Supplementum epigraphicum Graecum</i> . Leiden–Boston
TAM I	—	Kalinla, E. (ed.), <i>Tituli Asiae Minoris</i> . Vol. I. <i>Tituli Lyciae</i> . Vindobonae, 1901
TC	—	<i>Tablettes cappadociennes</i> . Vol. 1–3. Paris, 1920–1937
TIM	—	<i>Texts in the Iraq Museum</i> . Baghdad–Wiesbaden, 1964–

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение Г.М. Бонгард-Левину.....	265
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — Надписи на колонне Гелиодора	266
<i>Журавлев Д.В., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б.</i> (Москва) — Кипрские фигурные сосуды эпохи бронзы из собрания Государственного исторического музея: взгляд внутрь	275
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва/Бордо, Франция) — К вопросу об историческом и этнографическом методе Геродота: Геродот и его источники	300
<i>Лурье П.Б.</i> (Санкт-Петербург) — «Неизвестное письмо» Бактрии: неопубликованные материалы и новые интерпретации	319
<i>Гринцер Н.П.</i> (Москва) — Гораций комментирует Аристофана.....	357
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва/Петрозаводск) — Imperium Romanum “sine fine” и orbis terrarum на Певтингеровой карте мира	371
<i>Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н.</i> (Сенной/Москва) — Средневековая Фанагория: новые открытия	386
<i>Лункина И.В.</i> (Санкт-Петербург) — М.И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 3. Страховские....	400
<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) — Что печаталось в «Вестнике древней истории» в 1939 году: отзывы В.П. Волгина на выпуски журнала и его обсуждение	421

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Апенко М.С., Давыдова О.А., Елисеева Л.Г., Иванова А.В., Коваль С.А., Ляпустина Е.В., Меркин Д.Б., Соломатина Е.И.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина» (Москва, 20–22 декабря 2023 г.)	440
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В., Гирич А.П., Глотова А.П.</i> (Москва) — Амфорные клейма. Проблемы документирования, публикации, информатизации	465
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — D. Rafferty. Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE. Stuttgart, 2019	484
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — M. Marren. Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Evanston, 2022	492

ПРИЛОЖЕНИЕ

Староассирийская легенда о Саргоне. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий <i>И.С. Архипова</i> и <i>А.Ф. Успенского</i> (Москва/Санкт-Петербург)	502
---	-----

CONTENTS

On the 90th Anniversary of G.M. Bongard-Levin	265
<i>A.A. Vigin</i> (Moscow) – Inscriptions on the Pillar of Heliodoros	266
<i>D.V. Zhuravlev, P.V. Guryeva, E.S. Kovalenko, E.Yu. Tereschenko, E.B. Yatsishina</i> (Moscow) – Figured Vessels from Bronze-age Cyprus in the Collection of the State Historical Museum: a Look Inside	275
<i>A.I. Ivantchik</i> (Moscow/Bordeaux, France) – On the Historical and Ethnographic Method of Herodotus: Herodotus and His Sources	300
<i>P.B. Lurje</i> (Saint Petersburg) – “Unknown Script” of Bactria: Unpublished Materials and New Interpretations	319
<i>N.P. Grintser</i> (Moscow) – Horace Commenting on Aristophanes	357
<i>A.V. Podossinov</i> (Moscow/Petrozavodsk) – Imperium Romanum <i>sine fine</i> and <i>orbis terrarum</i> on Peutinger’s Map of the World	371
<i>V.D. Kuznetsov, S.N. Ostapenko</i> (Sennoy/Moscow) – Medieval Phanagoria: New Discoveries.....	386
<i>I.V. Tunkina</i> (Saint Petersburg) – M.I. Rostovtzeff. The Kinship Context. Part 3. The Strakhovskies..	400
<i>M.N. Kirillova</i> (Moscow) – What Was Published in the <i>Journal of Ancient History</i> in 1939: The Review of V.P. Volgin and Its Discussion	421

NEWS AND EVENTS

<i>M.S. Apenko, O.A. Davydova, L.G. Eliseeva, A.V. Ivanova, S.A. Koval, E.V. Lyapustina, D.B. Merkin,</i> <i>E.I. Solomatina</i> (Moscow) – All-Russian Academic Conference “The Historian and the Text: On the 90th Anniversary of G.M. Bongard-Levin” (Moscow, December 20–22, 2023)	440
--	-----

METHODOLOGICAL QUESTIONS

<i>Yu.M. Svoiskiy, S.V. Olkhovskiy, E.V. Romanenko, A.V. Zaytsev, A.P. Girich, A.P. Glotova</i> (Moscow) – Amphora Stamps: Problems of Documentation, Publication, Digitisation	465
--	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow) – D. Rafferty. Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE. Stuttgart, 2019	484
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – M. Marren. Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Evanston, 2022	492

SUPPLEMENT

Old Assyrian Sargon Legend. Introduction, Translation from Akkadian and Commentary by <i>I.S. Arkhipov</i> and <i>A.F. Uspenskiy</i> (Moscow/Saint Petersburg)	502
---	-----